

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (7)
2019

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ
РОССИИ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ
ВРАГА

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ И ЗОЛОТАЯ
ОРДА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ
РОССИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КОРНИ УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (7)
2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГАЕВ Александр Александрович – полковник таможенной службы;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, лауреат Премии Правительства РФ;

КАРПЫЧЕВ Александр Анатольевич – генерал-лейтенант, президент Союза ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, ветеран боевых действий, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Михаил Коршунов
Седьмой Сталинский удар 4

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

А.С. Яковлев.
Пора суровых испытаний 12

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Николай Черкашин
Молитва командира 21

★ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

А.Б. Мартиросян
Сталин и творческая интелли-
генция 35

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

К.К. Звонарев
Русская агентурная разведка до
русско-японской войны 1904-
1905 гг. 54

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

Владимир Стрюков
Легендарный партизан Великой
Отечественной войны 78

★ ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

Юрий Дмитриев
Великие князья и церковные
иерархи 100

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Штрафные батальоны и загра-
дительные отряды 121

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

Анатолий Кошкин
Сполохи войны на Дальнем
Востоке 126

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Н.А. Кирсанов
Как предавали Чехословакию 153

★ КОРНИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

Александр Камчатов
Трубадуры украинского сепара-
тизма 179

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

П. С. Кутахову — 105 лет 196

Михаил Калинин
Снайпер 200

Владимир Корнеев
Воспоминания 201

Владимир Корнеев
Наша история 202

Е. И. Смирнов
Неожиданное назначение... 203

МИХАИЛ КОРШУНОВ

СЕДЬМОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

Целью Седьмого Сталинского удара являлся разгром яскокишиневской группировки немецко-фашистских войск, завершение освобождения Молдавской ССР, вывод Румынии из войны на стороне фашистской Германии, открытие пути для войск Красной Армии в Венгрию и на Балканы.

Методика Ставки Верховного Главнокомандования во главе с И. В. Сталиным на проведение Сталинских ударов, которые последова-

тельно наносили сначала на одном направлении, а затем на другом, полностью себя оправдала. Белорусская (операция «Багратион») и Львовско-Сандомирская операции были уже на завершающем этапе проведения (они завершились 29 августа). Немецко-фашистское руководство спешно латало зияющие дыры в обороне, пытались восстановить рухнувшую оборону фронта, спешно перебрасывало войска из Германии, Западной Европы,

«спокойных участков» Восточного фронта, к 13 августа было снято 12 дивизий из Молдавии.

В Румынии созрел заговор против диктатора Антонеску. В случае начала большого наступления Красной Армии заговорщики планировали принудить диктатора заключить перемирие с СССР, а в случае его отказа — арестовать. Командующий группы армий «Южная Украина» генерал Йоханнес Фриснер, получив данные, что диктатора Антонеску

▲ Малиновский Родион Яковлевич

в любой момент могут свергнуть, направил письмо в Берлин, предложив подчинить себе все войска и военные учреждения Румынии. Однако Гитлер не дал такого разрешения.

Седьмой Сталинский удар — «Яско-Кишиневские Канны» считается одним из самых удачных операций Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

31 июля 1944 года в Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) под руководством Маршала Советского Союза И.В. Сталина прошло совещание о проведении стратегической наступательной операции 2-го и 3-го Украинских фронтов — Яско-Кишиневской операции.

Ставка приняла решение нанести главные удары на флангах немецкой группировки, на двух далеко отстоящих друг от друга участках фронта.

Стратегическая наступательная Яско-Кишиневская операция была проведена войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией в Великой Отечественной войне 20-29 августа 1944 года.

К началу операции войска 2-го Украинского (командующий генерал армии Р.Я. Малиновский) и 3-го Украинского (командующий генерал

▲ Толбухин Федор Иванович

армии Ф.И. Толбухин) фронтов находились на рубеже Красноильск, Пашкани, севернее Ясс, далее по Днестру до Черного моря и занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. В районе Кицкани, южнее Тирасполя, советские войска удерживали важный плацдарм на правом берегу Днестра.

Перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами оборонялась группа армий «Южная Украина» (командующий генерал-полковник Й. Фриснер) в составе 8-й и 6-й немецких, 3-й и 4-й румынских армий и 17-го немецкого отдельного армейского корпуса, общей численностью 900 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, свыше 400 танков и штурмовых орудий. Их поддерживали часть сил 4-го воздушного флота и румынского авиационного корпуса, имевшие 810 самолетов.

Противник, используя гористый рельеф местности и многочисленные реки, создал мощную глубоко эшелонированную (до 80 км) оборону с развитой системой инженерных сооружений. Она включала три, на яском направлении четыре, оборонительных полосы. В глубине были построены, кроме того, оборонительные рубежи по рекам Прут и Серет.

В центре группы армий «Южная Украина» на кишиневском направлении занимала оборону наиболее боеспособная 6-я немецкая армия, а на флангах — в основном румынские войска.

Командование Красной Армии умело использовало выгодную конфигурацию линии фронта и слабое обеспечение флангов группировки противника. По замыслу операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов ударами с севера и востока на двух, далеко отстоящих друг от друга участках (северо-западнее Ясс и южнее Бендер) должны были прорвать оборону противника и, развивая наступление по сходящимся к району Хуши, Васлуй, Фэлчиу направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», а затем в высоких темпах развивать наступление в глубь Румынии.

2-й Украинский фронт наносил главный удар силами 27, 52, 53 и 6-й танковой армий из района северо-западнее Ясс в общем направлении на Васлуй, Фэлчиу, отрезая пути отхода яско-кишиневской группировки противника на запад, вспомогательный удар — силами 7-й гвардейской армии и конно-механизированной группы (КМГ) вдоль реки Серет для обеспечения правого фланга главной группировки.

▲ Ясско-Кишиневская операция

▲ Генерал Й. Фриснер

После окружения яско-кишиневской группировки главными силами 2-го Украинского фронта предстояло наступать в общем направлении на Фокшани, образуя внешний фронт окружения, а войскам левого крыла — создать внутренний фронт окружения и совместно с войсками 3-го Украинского фронта уничтожить окруженную группировку.

3-й Украинский фронт наносил главный удар силами 57-й, 37-й и правого крыла 46-й армий с кичканского плацдарма в направлении Хуши, вспомогательный удар — частью сил 46-й армии во взаимодействии с Дунайской военной флотилией через Днестровский лиман в направлении на Белгород-Днестровский (Аккерман).

Дунайская военная флотилия (командующий контр-адмирал С.Г. Горшков) должна была высадить десанты северо-западнее и южнее Аккермана, а с выходом войск 3-го Украинского фронта к Дунаю содействовать им в форсировании реки и обеспечивать советским кораблям и судам беспрепятственное движение по ней.

После окружения яско-кишиневской группировки противника войскам 3-го Украинского фронта ставилась задача развивать на-

▲ Антонеску и Гитлер

ступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за Прут и Дунай.

Действия сухопутных войск поддерживали 5-я и 17-я воздушные армии

Черноморский флот (командующий адмирал Ф.С. Октябрьский) имел задачу поддерживать огнем войска приморского фланга 3-го Украинского фронта, нарушать прибрежные

морские коммуникации противника, наносить авиационные удары по его военно-морским базам.

Координацию действий фронтов осуществлял представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Для проведения операции привлекались 1, 25 млн. человек, 16 тыс. орудий и минометов, 1 870 танков и САУ и 2 200 боевых самолетов

▲ Октябрьский Филипп Сергеевич

▲ Кравченко Андрей Григорьевич командующий 6 танковой армией

(с учетом авиации флота). В составе советских войск находилась 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Т. Владимиреску. На направлениях главных ударов было сосредоточено 67-72% пехоты, до 61% артиллерии, 85% танков и САУ, почти вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях — в 4-8, в артиллерии — в 6-11, в танках и САУ — в 6 раз. Это обеспечивало им возможность непрерывно наращивать мощь ударов и поддерживать высокие темпы наступления. Плотность артиллерии на участках прорыва достигала 240-280 орудий и минометов на 1 км фронта.

Воинам и местному населению разъяснялась сущность освободительной миссии Красной Армии, в войсках воспитывалась высокая бдительность и наступательный порыв, гуманность по отношению к населению.

Наступление обоих фронтов началось рано утром 20 августа после мощной артиллерийской, а на 3-м Украинском фронте и авиационной

подготовки. Артиллерийский удар был настолько силен, что первая полоса немецкой обороны была полностью уничтожена. Вот как описывает состояние немецкой обороны в своих воспоминаниях один из участников тех боёв:

Когда мы двинулись вперёд, то на глубину примерно десять километров местность была чёрной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступала от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья.

Войска 2-го Украинского фронта в первый же день прорвали оборону противника на всю тактическую глубину и продвинулись на 16 км. В полосе 27-й армии уже в середине дня в прорыв была введена 6-я танковая армия. К исходу дня её соединения

вышли к 3-й оборонительной полосе противника, проходившей по хребту Маре.

В высоком темпе развивалось и наступление 3-го Украинского фронта. 37-я и 46-я армии в течение дня прорвали главную полосу обороны противника и, продвинувшись на глубину 12 км, местами вклинились во 2-ю полосу.

На второй день противник подтянул к району прорыва 2-го Украинского фронта части 12 дивизий, в том числе 2 танковые, и контратаками пытался остановить его наступление. Однако ввод в сражение в полосе 52-й армии 18-го танкового корпуса, а на вспомогательном направлении 7-й гвардейской армии и КМГ генерал-майора С.И. Горшкова сорвали планы противника. К исходу второго дня войска фронта сокрушили оборону противника, преодолев его 3-ю оборонительную полосу, и, продвинувшись до 40 км в глубину, овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумус.

Войска 3-го Украинского фронта в этот день также завершили прорыв обороны противника. Введенные в сражение 7-й и 4-й гвардейский

механизированные корпуса продвинулись до 30 км в глубину и фактически отсекали 6-ю немецкую армию от 3-й румынской армии.

Большую помощь сухопутным войскам оказала авиация фронтов: за два дня 5-я и 17-я воздушные армии совершили около 6 350 самолето-вылетов.

Развивая наступление на внутреннем фронте окружения, 23 августа 18-й танковый корпус 2-го Украинского фронта вышел в район Хуши, а 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса 3-го Украинского фронта — к переправам на реке Прут в районах Леушени и Леово. Оперативное окружение кишиневской группировки противника (18 немецких дивизий) было завершено.

В этот же день войска 46-й армии, форсировавшие накануне во взаимодействии с Дунайской военной флотилией Днестровский лиман, окружили при содействии флотилии 3-ю румынскую армию, которая на следующий день прекратила сопротивление.

23 августа в Румынии началось антифашистское восстание. Бывший

командующий группой армий «Южная Украина» И. Фриснер в своих мемуарах «Проигранные сражения» писал:

«По приказу Гитлера нам следовало теперь начать бомбардировку Бухареста с воздуха, причем главными их объектами становились королевский дворец и правительственный квартал города.

Я приказал своему начальнику штаба генералу Грольману снова попытаться обратить внимание ставки верховного командования на оговорку в коммюнике нового бухарестского правительства, отличавшуюся лояльностью и разрешавшую всем немецким войскам беспрепятственный отход из Румынии. При этом я просил обратить особое внимание на то, что в случае нашей бомбардировки румынской столицы румынские войска неизбежно начнут военные действия против всех немецких войск и тыловых учреждений — госпиталей, складов боеприпасов, складов военного имущества и продовольствия. Чтобы затянуть дело с выполне-

нием приказа о бомбардировках, я отдал 4-му воздушному флоту распоряжение предварительно выяснить существующие для этого предпосылки. Сейчас все сводилось к тому, чтобы выиграть время.

К нашему большому удивлению, мы узнали, что бомбардировки уже начались, начались без ведома и участия главнокомандующего группой армий, без учета той обстановки, в которой немецкие солдаты вели тяжелые бои на румынской территории, без учета положения, в которое попадали, по сути дела, брошенные теперь на произвол судьбы тыловые органы группы армий!

Лишь много позже, находясь в плену, я случайно узнал обстоятельства этого дела. Оказывается, Гитлер после моего телефонного звонка 23 августа сам поднял вопрос о бомбардировках Бухареста вечером того же дня в разговоре с Герингом. Тот немедленно связался по телефону с генералом Герстенбергом, который был одновременно и нашим военно-воздушным атташе в Ру-

▲ Тимошенко Семен Константинович

мынии. В этом разговоре генерал Герстенберг, по-видимому, снова слишком поверхностно охарактеризовал обстановку и потребовал применения пикирующих бомбардировщиков, не задумываясь над последствиями этого шага. Геринг, тоже не задумываясь, отдал приказ. Я же был отодвинут в сторону.

Последствия оказались катастрофическими! Румынские войска получили от своего короля приказ обращаться со всеми немцами, как с врагами, разоружать их и вступать с ними в бой. Изменили свое отношение к нам даже те слои румынской населения, которые до сих пор не одобряли решений своего правительства и относились к нам лояльно. 25 августа

Румыния объявила войну Германии! Так наши недавние союзники превратились в новых врагов. Хаос достиг своего апогея».

23 августа в резиденции короля Михая I после отказа заключить перемирие с Красной Армией кондукэтор («предводитель» — диктатор) Ион Виктор Антонеску был арестован. 31 августа был передан представителям управления военной контрразведки Смерш по 2-му Украинскому фронту. Руководил вывозом из Бухареста в Москву арестованных кондукэтора Антонеску и членов правительства начальник 3-го отдела М.А. Белоусов. В апреле 1946 года бывший диктатор был передан румынскому коммунистическому правительству. 17 мая 1946 года был приговорен румынским судом

в Бухаресте к смертной казни через расстрел как военный преступник. 1 июня в Жилавской тюрьме приговор приведен в исполнение жандармами, а не солдатами, как требовал того Антонеску.

24 августа войска 5-й ударной армии освободили столицу Молдавской ССР Кишинев. Таким образом, на пятый день, как и предусматривалось планом операции, завершился 1-й этап стратегической операции, в ходе которого было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина».

Товарищу СТАЛИНУ.

Сегодняшний день является днем разгрома немецко-румынских войск в БЕССАРАБИИ и на территории РУМЫНИИ, западнее реки ПРУТ.

Первая, основная задача, поставленная Вами 2-му и 3-ему Украинским фронтам — выполнена ими. Немецко-румынские войска — разбиты, их остатки в беспорядке бегут за реку СЕРЕТ.

Главная немецкая, КИШИНЕВСКАЯ группировка — окружена и уничтожается.

Наблюдая искусное руководство войсками в широком масштабе со стороны МАЛИНОВСКОГО и ТОЛБУХИНА, их непреклонную волю в проведении в жизнь Вашего приказа считаю своим долгом: просить Вашего ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении Военного звания «Маршал Советского Союза» генералам армии МАЛИНОВСКОМУ и ТОЛБУХИНУ.

Думаю, что это мероприятие правительства придаст им такую силу, которую не удержат никакие Фокианские ворота.

ТИМОШЕНКО. 24.8. 44 г.
12.30 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3410.
Д. 116. Л. 690-691.

На втором этапе Яско-Кишиневской операции советское командование, выделив 34 дивизии на внутренний фронт для ликвидации окруженной группировки, основные силы 2-го и 3-го Украинских фронтов (более 50 дивизий), в том числе 6-ю танковую армию, использовало для развития наступления на внешнем фронте, в глубь Румынии.

К исходу 27 августа была ликвидирована окруженная группировка противника восточнее реки Прут, а 29 августа — части, которым удалось переправиться через реку Прут юго-западнее Хуши.

В то же время войска 2-го Украинского фронта, развивая успех в сторону Северной Трансильвании и на фокшанском направлении, 27 августа освободили Фокшани, а 29 августа вышли к Плоешти.

Войска 3-го Украинского фронта, наступая на юг по обоим берегам Дуная, отрезали пути отхода разбитым войскам противника к Бухаресту. Дунайская военная флотилия и Черноморский флот, содействуя наступлению сухопутных войск, обеспечивали переправы через Ду-

най, высаживали десанты, наносили удары морской авиацией. К 30 августа были освобождены города Тулча, Галац, Констанца (главная военноморская база Румынии), Сулина и др.

Яско-Кишиневская операция — одна из крупнейших и выдающихся по своему стратегическому и военнополитическому значению операций Красной Армии в Великой Отечественной войне.

Войска Красной Армии за короткий срок полностью разгромили группу армий «Южная Украина», уничтожили 22 немецкие дивизии, разгромили почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. Такое решительное поражение противника привело к краху немецкой обороны на южном крыле советско-германского фронта, изменило всю военно-политическую обстановку на Балканах. Румыния вышла из войны на стороне фашистской Германии и 24 августа объявила ей войну.

Весь южный стратегический фланг фашистской Германии оказался глубоко охваченным войсками Красной Армии.

Потерпели крах планы англо-американских империалистов (наших так

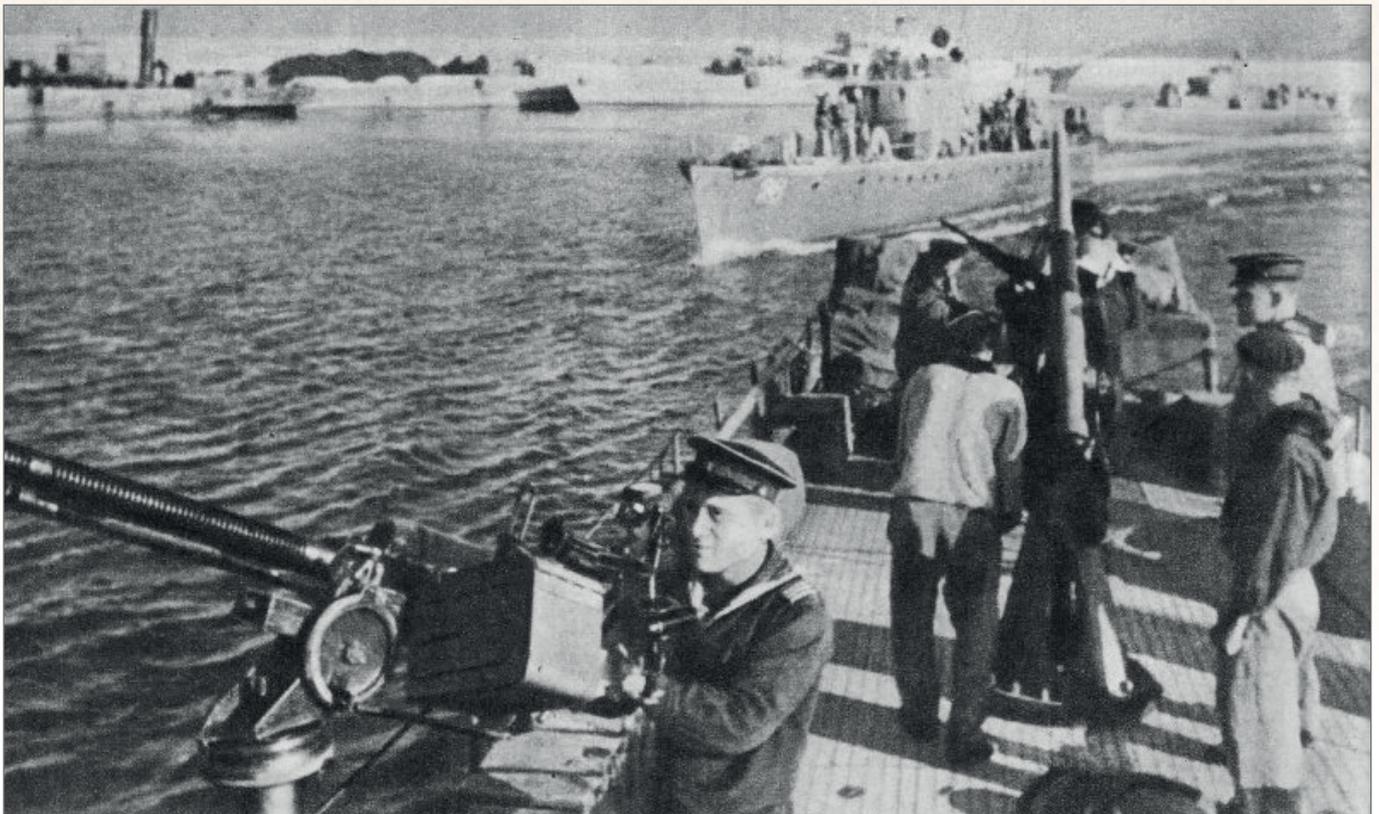
называемых союзников во II мировой войне) оккупировать Румынию и другие Балканские страны.

Яско-Кишиневская операция явилась поучительным примером операции на окружение с одновременным стремительным наступлением на внешнем фронте в условиях сложного горно-лесистого ТВД. Для неё характерно четкое взаимодействие сухопутных войск с флотом и авиацией (совершила 20 тыс. самолето-вылетов). Операция свидетельствовала о дальнейшем росте советского военного искусства и боевого мастерства наших войск.

126 соединениям и частям сухопутных войск и флота за боевые отличия были присвоены почетные наименования Кишиневских, Яских, Измаильских, Фокшанских, Рымникских, Констанцских и др.

В ходе проведения Седьмого Сталинского удара безвозвратные потери противника составили 135 тыс., было взято в плен 208 600 солдат и офицеров.

Наши потери составили 67 130 человек, из них безвозвратных 13 197. ■

А.С. ЯКОВЛЕВ

Советский авиаконструктор, генерал-полковник авиации,
дважды Герой Социалистического Труда

ПОРА СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Втяжелые и беспокойные дни и ночи начала войны мысли невольно обращались к недавнему прошлому. Многие искали ответа на мучительный вопрос: как получилось, что к войне наша авиация оказалась неподготовленной? Ведь все были уверены, что, «если завтра война», враг будет немедленно сломлен и разбит, что наша могучая авиация нанесет по врагу уничтожающий удар. Об этом много говорилось в книгах, кинофильмах, в песнях...

Вспоминается книга Н. Шпанова, изданная перед самой войной, летом

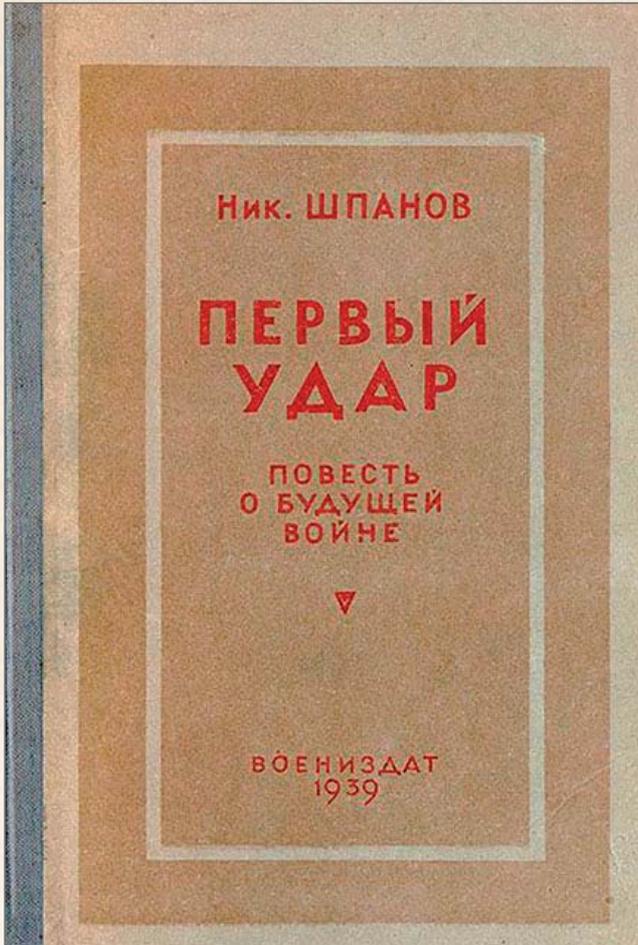
1939 года. Она называлась «Первый удар. Повесть о будущей войне». Книга эта посвящена авиации. Повесть Шпанова рекламировалась как «советская военная фантастика», но она предназначалась отнюдь не для детей. Книгу выпустило Военное издательство Наркомата обороны, и притом не как-нибудь, а в учебной серии «Библиотека командира»! Книга была призвана популяризировать нашу военно-авиационную доктрину.

Не один командир с горечью вспоминал впоследствии о недоброй «фантастике», которой, к сожалению,

пронизывалась наша пропаганда перед войной, сеявшая иллюзии о том, что война, если она произойдет, будет выиграна быстро, малой кровью и на территории противника.

Повесть начинается с описания беседы между офицерами одного из крупных соединений советских Военно-Воздушных Сил. Они полемизируют: что лучше – бомбардировщик или истребитель? Причем чаша весов склоняется в сторону бомбардировщика. Спор явно беспредметный, ибо каждый род авиации имеет свое назначение. Тем не менее он

был типичен для умонастроений некоторых влиятельных деятелей нашей авиации того времени, которые недооценивали значение истребителей. В виде иллюстрации к спору офицеров автор обращается к опыту войны в Испании, где будто бы новейшие немецкие истребители «Мессершмитт» были биты авиацией испанских республиканцев.

«В некоторых боях на каждый республиканский самолет приходилось по три немца. Бывало и больше... Республиканских пять, а их двадцать пять». И все же, по Н. Шпанову, немецко-фашистские самолеты почему-то терпели поражение.

Конечно, это было вредное вранье. Сознательное преуменьшение сил противника порождало лишь зазнайство.

Но главное не в этом.

Описанный в повести курьезный разговор происходит накануне Дня

авиации, а на другой день, 18 августа, – традиционный воздушный парад. Здесь, на глазах у зрителей, устанавливается мировой рекорд высоты. Тут же рекордсмен произносит речь о превосходстве нашей техники и летного искусства:

«Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны... Наша оборона – наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны. И первыми среди первых будут советские летчики!»

Буря оваций потрясает воздух. И вдруг внезапная тишина нависает над аэродромом.

«Гулко, ясно, так что было слышно дыхание диктора, репродукторы разносили над толпой:

– ...Всем, всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцать часов крупные соединения германской авиации перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших воздушных сил. После упорного боя самолеты противника повернули обратно, преследуемые нашими летчиками...»

Так, по Н. Шпанову, могла начаться война.

Далее автор описывает события первого дня войны по часам.

17.00 – германские самолеты пересекли границу СССР.

Через одну минуту – в **17.01** – воздушный бой.

Через 29 минут – последний неприятельский самолет покидает пределы СССР.

Еще четыре минуты – советские истребители прорывают охранение

противника и входят в его расположение, подавляют авиацию ПВО врага и расчищают путь бомбардировщикам и штурмовикам.

17.45–19.00. Германский штабист фиксирует полный срыв удара, подготовленного фашистской авиацией: *«Большевики встретили нас у самой границы... Мы были встречены истребительными частями охранения на глубине от двух до четырех километров... Когда мы подходили к границе, они были уже*

в воздухе и ждали нас... Ни одно крупное соединение бомбардировщиков, посланных для закупорки большевистских аэродромов, не достигло цели...»

Затем описываемое в повести советское авиационное соединение приступает к выполнению боевого задания – нанесению контрудара.

В **19.00** штурмовые части вылетают для атаки аэродромов противника, в **19.20** вылетают 720 скоростных дальних бомбардировщиков и раз-

ведчиков. Цель – бомбежка промышленного района Фюрт-Нюрнберг, где сосредоточены важные самолетостроительные, химические и другие военные заводы.

21.00–22.30. Несмотря на то что советские авиационные колонны удалились уже более чем на тысячу километров от своей границы, они почти не встречают сопротивления. Советские летчики проводят воздушные бои, в результате которых немцы теряют сбитыми или поврежденными 55 процентов истребителей «Мессершмитт», 45 процентов истребителей «Арадо-Удет» и 96,5 процента бомбардировщиков «Хеншель».

24.00–02.00. Советские бомбардировщики громят цель. На авиационном заводе «Дорнье» погашены огни. Немецкие рабочие с нетерпением ожидают момента, когда бомбы будут сброшены на завод, в котором они находятся, и поют «Интернационал». Наши самолеты методически, с поразительной точностью сбрасывают бомбы на объекты. От бомб, брошенных на корпуса химического завода «Фарбениндустри» в Бамберге, загораются склады. Лопаются гигантский газгольдер с отравляющими веществами. Нарывные, слезоточивые, удушающие газы: иприт, люизит, фосген растекаются по берегам Майна. Взлетают на воздух заводы взрывчатых веществ.

03.00. 19 августа. Начальник советских ВВС докладывает главкому: «Советская авиация, оберегая Красную Армию от ударов германской авиации, содействовала продвижению Красной Армии через границу...» Военно-промышленные объекты Фюрт-Нюрнберга «в основном уничтожены»...

Конечно, всякая сильная армия, разрабатывая свою доктрину, исходит из конечной цели – полного разгрома противника. Армия Советского государства в случае вражеской агрессии нацеливается на безусловное сокрушение врага. Советские военные уставы ставили перед авиацией непременную задачу завоевания господства в воздухе и содействия успеху наземных войск в бою и операции.

«Боевой устав истребительной авиации» 1940 года указывал, что истребительная авиация является главным средством борьбы с воздушным противником и имеет своим основным назначением уничтожение его в воздухе и на земле.

«Боевой устав бомбардировочной авиации» предусматривал применение ближней и дальней бомбардировочной авиации для разгрома авиации противника на аэродромах, а также для уничтожения крупных авиационных баз, учебных центров, складов горючего, боеприпасов.

Все это было верно и при благоприятном ходе войны могло принести победу. А при неблагоприятных обстоятельствах? А в случае завоевания противником господства в воздухе? Я хорошо помню атмосферу головокружения от рекордов, когда не допускалась и мысль о каких-то стечениях обстоятельств, могущих привести к неудачному для нас началу войны.

По книге Н. Шпанова наши воздушные силы без особого труда бьют авиацию противника, за какие-

нибудь полчаса вытесняют вражеские самолеты из советского неба, через четыре часа после начала войны, почти не встречая сопротивления, ведут воздушные бои в тысяче километров от нашей границы, наносят поражение немцам, а затем взрывают военно-промышленные объекты. Только таким рисовалось начало войны Н. Шпанову.

А что получилось на самом деле? Я хотел бы и здесь воспользоваться примером из литературы. Позволю себе привести отрывок из романа Симонова «Живые и мертвые», изданного в 1960 году, который, на мой взгляд, с огромной художественной силой гражданской честностью запечатлел подлинную картину того до боли тяжкого положения, в котором очутилась наша авиация летом 1941 года.

Я беру один из эпизодов романа.

Группа наших людей, в их числе несколько солдат, милиционеров, корреспондент фронтовой газеты политрук Синцов, в грузовике едут по прифронтовой дороге и оказываются свидетелями воздушно-го боя.

«Над лесом с медленным густым гулом проплыли шесть громадных ночных четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3. Казалось, они не летели, а ползли по небу. Рядом с ними не было видно ни одного нашего истребителя. Синцов с тревогой подумал о только что шнырявших над дорогой «Мессершмиттах», и ему стало не по себе. Но бомбардировщики спокойно скрылись из виду, и через несколько минут впереди послышались взрывы тяжелых бомб...

– Самолеты! – испуганно крикнул один из красноармейцев.

– Наши, – сказал другой.

Синцов поднял голову. Прямо над дорогой, на сравнительно небольшой высоте, шли обратно три ТБ-3. Наверно, звуки бомбежки, которые слышал Синцов, были результатом их работы; теперь они благополучно возвращались, медленно набирая потолок, но острое предчувствие несчастья, которое охватило Синцова, когда самолеты шли в ту сторону, не покидало его и теперь.

И в самом деле, вдруг откуда-то сверху, из-за редких облаков, вынырнул маленький, быстрый, как оса, «Мессершмитт» и с пугающей скоростью стал догонять бомбардировщика.

Все ехавшие в полуторке молча вцепились в борта, забыв о себе и собственном только что владевшем ими страхе, забыв обо всем на свете, с ужасным ожиданием смотрели в небо. «Мессершмитт» вкось прошел под хвостом заднего, отставшего от двух других бомбардировщика, и бомбардировщик задымился так мгновенно, словно поднесли спичку к лежавшей в печке бумаге. Несколько десятков секунд он продолжал еще идти, снижаясь и все сильнее дымя, потом повис на месте и, прочертив воздух черной полосой дыма, упал на лес.

«Мессершмитт» тонкой стальной полоской сверкнул на солнце, ушел вверх, развернулся

и, визжа, зашел в хвост следующего бомбардировщика. Послышалась короткая трескотня пулеметов. «Мессершмитт» снова взмыл кверху, а второй бомбардировщик полминуты тянул над лесом, все сильнее кренясь на одно крыло, и, перевернувшись, тяжело рухнул на лес вслед за первым.

«Мессершмитт» с визгом описал петлю и по косой линии, сверху вниз, понесся к хвосту третьего, последнего, ушедшего вперед бомбардировщика. И снова повторилось то же самое. Еле слышный издали треск пулеметов, тонкий визг выходящего из пике «Мессершмитта», молчаливо стелющаяся над лесом длинная черная полоса – и далекий грохот взрыва.

– Еще идут! – в ужасе крикнул сержант, прежде чем все опомнились от только увиденного зрелища.

Он стоял в кузове и странно размахивал руками, словно хотел

остановить и спасти от беды показавшуюся сзади над лесом вторую тройку шедших с бомбежки машин.

Потрясенный Синцов смотрел вверх, вцепившись обеими руками в портупею; милиционер сидел рядом с ним, молитвенно сложив руки и сжав пальцы так, что они у него побелели; он умолял летчиков заметить, поскорее заметить эту вьющуюся в небе страшную стальную осу!

Все, кто ехал в грузовике, молили их об этом, но летчики или ничего не замечали, или видели, но ничего не могли сделать. «Мессершмитт» пошел навстречу бомбардировщикам, свечой взмыл в облака и исчез. У Синцова мелькнула надежда, что у немца больше нет патронов.

– Смотри, второй! – хватая руку Синцова и тряся ее изо всей силы, сказал милиционер. – Смотри, второй!

И Синцов увидел, как уже не один, а два «Мессершмитта» вынырнули из облаков и вместе, почти рядом, с невероятной скоростью догнав три тихоходные машины, прошли мимо заднего бомбардировщика. Он задымил, а они, весело взмыв кверху, словно радуясь встрече друг с другом, разминулись в воздухе, поменялись местами и еще раз прошли над бомбардировщиком, сухо треща пулеметами. Он вспыхнул весь сразу и стал падать, разваливаясь на куски еще в воздухе.

А истребители пошли за другими. Две тяжелые машины, стремясь набрать высоту, все еще упрямо тянули и тянули над лесом, удаляясь от гнавшего их след за ними по дороге грузовика с людьми, молчаливо сгрудившимися в едином порыве горя.

Что думали сейчас летчики на этих двух тихоходных ночных машинах, на что они надеялись? Что они могли сделать, кроме того, чтобы вот так тянуть и тянуть над лесом на своей безысходно малой скорости, надеясь только на одно – что враг вдруг зарвется, не рассчитает и сам сунется под их хвостовые пулеметы?

«Почему не выбрасываются на парашютах? – думал Синцов. – А может, у них там вообще нет парашютов?» – мелькнуло у него.

Стук пулеметов на этот раз послышался раньше, чем «Мессершмитты» подошли к бомбардировщику; он пробовал отстреливаться. И вдруг почти вплотную пронесшийся рядом с ним «Мессершмитт», так и не выходя из пике, исчез за стеною леса. Все произошло так мгновенно, что люди на грузовике даже не сразу поняли, что он сбит; потом поняли, закричали от радости и сразу оборвали крик: второй «Мессершмитт» еще раз прошел над бомбардировщиком и зажег его. На этот раз, словно отвечая на мысли Синцова, из бомбардировщика, один за другим, вывалилось несколько комков, один камнем промелькнул вниз,

а над четырьмя другими раскрылись парашюты.

Потерявший своего напарника немец, мстительно потрескивая из пулеметов, стал описывать круги над парашютистами. Он расстреливал висевших над лесом летчиков – с грузовика были слышны его короткие очереди. Немец экономил патроны, а парашютисты спускались над лесом так медленно, что, если бы все ехавшие в грузовике были в состоянии сейчас посмотреть друг на друга, они бы заметили, как их руки де-

лают одинаковое движение: вниз, вниз к земле!

«Мессершмитт», круживший над парашютистами, проводил их до самого леса, низко прошел над деревьями, словно высматривая что-то еще на земле, и исчез.

Шестой, последний, бомбардировщик растаял на горизонте. В небе больше ничего не было, словно вообще никогда не было на свете этих громадных, медленных, беспомощных машин; не было ни машин, ни людей, сидевших в них, ни трескотни пулеметов,

▲ Авиационный завод по производству истребителей Як

ни «Мессершмиттов» не было ничего, было только совершенно пустое небо и несколько черных столбов дыма, в разных местах начинавших расплзаться над лесом.

Синцов стоял в кузове несшегося по шоссе грузовика и плакал от ярости. Он плакал, слизывая языком стекавшие на губы соленые слезы, и не замечал, что все

остальные плачут вместе с ним.

Эти люди плакали от боли, горя, досады».

Константин Симонов не придумал этот эпизод. Он очевидец событий. Что же это было? Где истоки трагедии летних месяцев сорок первого года?

Мучительнее всего было думать, что невероятное напряжение, с которым трудились работники авиацион-

ной промышленности, что вся наша работа оказались впустую.

С каждым днем становилось все яснее: допущены какие-то просчеты. Эти просчеты имели место не только в оценке стратегической обстановки кануна войны. Несколько ошибок, допущенных в 30-х годах, привели к тому положению с авиацией, в котором очутилась страна в июне 1941 года. Вот как рисуются некоторые из них спустя три десятка лет после начала войны.

Одной из ошибок было предпочтение конструированию тяжелых многомоторных машин: сюда направлялись основные материальные средства, усилия конструкторов и ученых. Мы принципиально отрицали итальянскую доктрину Дуэ, основывавшую военное могущество государства на мощной бомбардировочной авиации. Однако в технической политике 30-х годов в какой-то мере у нас нашла отражение тенденция к переоценке роли тяжелых бомбардировщиков.

Постройка все новых и новых образцов гигантских машин несомненно отвлекала внимание и ресурсы от совершенствования самолетов других типов, в том числе истребителей. Между тем господство в воздухе, как это показали «малые войны» 30-х годов и Вторая мировая война, невозможно без сильной количественно и качественно истребительной авиации. А качество наших истребителей к началу войны оставляло желать много лучшего.

На создание таких самолетов-гигантов, как бомбардировщики К-7 конструкции К. А. Калинина и ТБ-4 конструкции А. Н. Туполева затратили много сил и средств, которые целесообразнее было бы направить на более перспективные направления, в том числе на совершенствование истребителей.

Конечно, гигантские машины производили большое впечатление и говорили о возросших возможностях советской авиационной промышленности, о достижениях советской авиационной техники, но с точки зрения военной, как показала жизнь, они оказались неэффективны.

Отрицательной стороной гигантомании и даже рекордов того времени было то, что они создавали шапкозакидательскую атмосферу благодушия и ложное представление о том, что авиация держит границу на замке.

Существенно было также и то, что до конца 30-х годов в нашей стране имелось лишь два мощных конструкторских бюро: одно – по бомбардировочной, другое – по истребительной авиации, и каждое из них являлось монополистом в своей области.

Правда, в тот период существовало еще несколько мелких конструкторских групп, но деятельность большинства из них решающего влияния на развитие отечественной авиации не оказывала. В серийном производстве и на вооружении армии на протяжении всего предвоенного десятилетия находились преимущественно самолеты А. Н. Туполева и Н. Н. Поликарпова. При всех выдающихся качествах этих авиационных деятелей для такой страны, как СССР, наличие только двух конструкторских бюро было недостаточным.

Из небольшого коллектива, занимающегося созданием спортивных самолетов, к 1940 году ОКБ превратилось в предприятие-разработчика современных истребителей для ВВС КА. Уже в мае 1940 года истребитель

И-26 (Як-1) официально запустили в серийное производство.

Какой же материальной частью располагали к 1940 году наши Военно-Воздушные Силы?

Основную мощь ВВС в то время составляли истребители И-15, И-153, И-16, бомбардировщики ТБ-3 и СБ – устаревшие и, как показал опыт Испании, не идущие в сравнение с немецкими самолетами. Не приходится говорить о более древних самолетах, которых в строю находилось еще много.

Перевооружение ВВС на новую материальную часть началось практически с первой половины 1941 года. Но, как уже говорилось, беда заключалась в том, что к началу войны новых самолетов у нас было еще очень мало, а в первые дни войны наша авиация понесла большие потери.

Для миллионов солдат на фронте – пехотинцев, артиллеристов, танкистов, для десятков миллионов мирных жителей советских приграничных городов, подвергавшихся безнаказанным терроризирующим налетам гитлеровской авиации, было непостижимо и непонятно, где же наши летчики, где же наша авиация, о которой в течение пяти-шести лет перед войной так часто и так восторженно писалось в газетах как о самой мощной, многочис-

сленной и передовой? Убедительного ответа на такой вопрос в то время никто дать не мог.

Наши трудности усугубились еще одним обстоятельством: основные авиационные заводы размещались на европейской территории СССР, и притом почти все в пределах от западной границы до линии Волги. Только незначительное число заволжских авиазаводов оказалось вне досягаемости вражеской авиации. И в условиях, когда фронт молил о присылке новых самолетов, выпуск их пришлось почти вовсе прекратить из-за необходимости эвакуировать заводы из европейской части СССР на восток, в Сибирь.

Это было тяжелое для нас время.

В полной мере последствия всего этого, собственно говоря, были нами поняты и осознаны почти через десяток лет после окончания войны.

К числу ошибок начального периода войны малокомпетентные критики относят якобы не использованную Сталиным передышку после заключения пакта о ненападении с гитлеровской Германией.

Но мы видели, с каким напряжением под руководством ЦК партии работники оборонных отраслей промышленности трудились над укреплением военной мощи страны. За короткий срок были созданы новые совершенные образцы боевой

техники: самолеты, танки, орудия. Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно к 12 часам ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов.

Эти факты находятся в глубоком противоречии с бытующими, к сожалению, обывательскими разговорами. Так, например, И.Г. Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» писал: «...Сталин не использовал два года передышки для укрепления обороны – об этом мне говорили военные и дипломаты».

Не знаю, кто именно из военных и дипломатов мог так сказать, Эренбург об этом умалчал, но все, кто в эти годы были причастны к вопросам укрепления обороны, решавшимся в ЦК, говорить этого никак не могли.

Все мы были свидетелями напряженнейшей, титанической работы ЦК партии по укреплению Красной

Армии и оснащению ее современным оружием в 1939–1941 годах. Нам не хватило для подготовки к войне, как неоднократно говорил Сталин в узком кругу, одного-полутора лет. Новое оружие, необходимость которого подсказала война в Испании, в больших количествах стало поступать на фронт лишь в середине 1942 года, то есть спустя год после гитлеровского вторжения.

Только дальновидная политика социалистической индустриализации, осуществленная задолго до германской агрессии, позволила нам, несмотря на тяжелые потери первого года войны, устоять, создать на востоке страны поистине могучую промышленную базу. В трудную для страны пору и в людях, и в технике раскрылись такие резервы, о которых трудно было

даже предполагать. Но эти резервы не появились сами собой. Они были накоплены героическими усилиями миллионов советских людей.

Только благодаря великой духовной и физической силе нашего народа, при всех просчетах и ошибках, страна вышла с честью из отчаянного положения, перенесла все трудности и жертвы и увенчала свою борьбу великой победой.

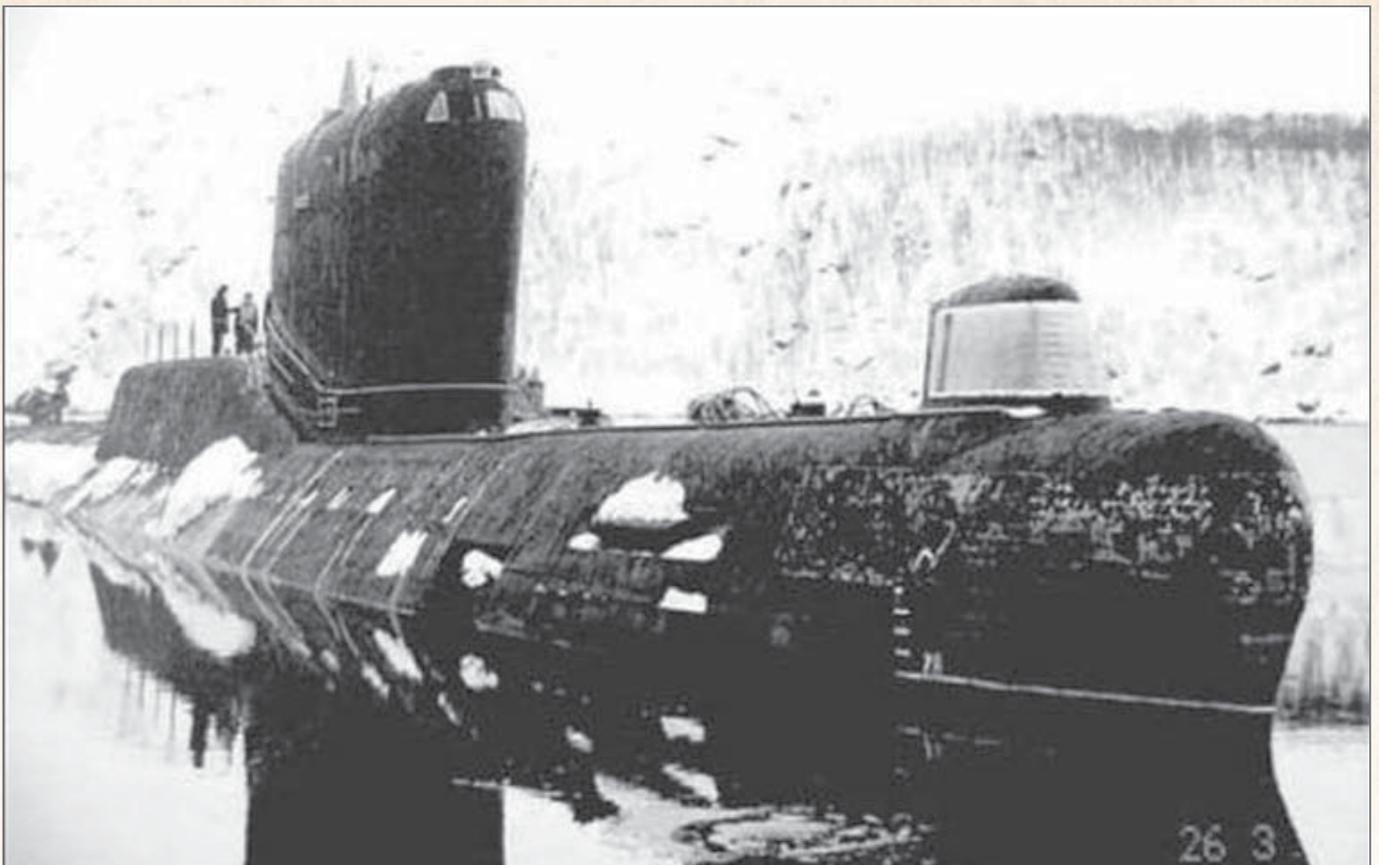
Только сплоченность народа вокруг партии, только огромная сила, обретенная нами за годы строительства новой жизни, смогли спасти нашу Родину. Будь это не новая, социалистическая страна, а старая, дореволюционная Россия, она рухнула бы перед Германией, подобно Польше, Франции и десятку других буржуазных европейских государств. ■

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

Капитан 1 ранга, ветеран подразделений особого риска

МОЛИТВА КОМАНДИРА

▲ К-19

Пущен корабль на воду – сдан Богу на руки.

Русская пословица

Когда подводную лодку спустили на воду, у нее был только тактический номер — К-19. Свое зловещее имя — «Хиросима» — она получила в океане. Впрочем, это не имя, а прозвище. «Хиросимой» ее зовут меж собой подводники атомного флота. Горький юмор...

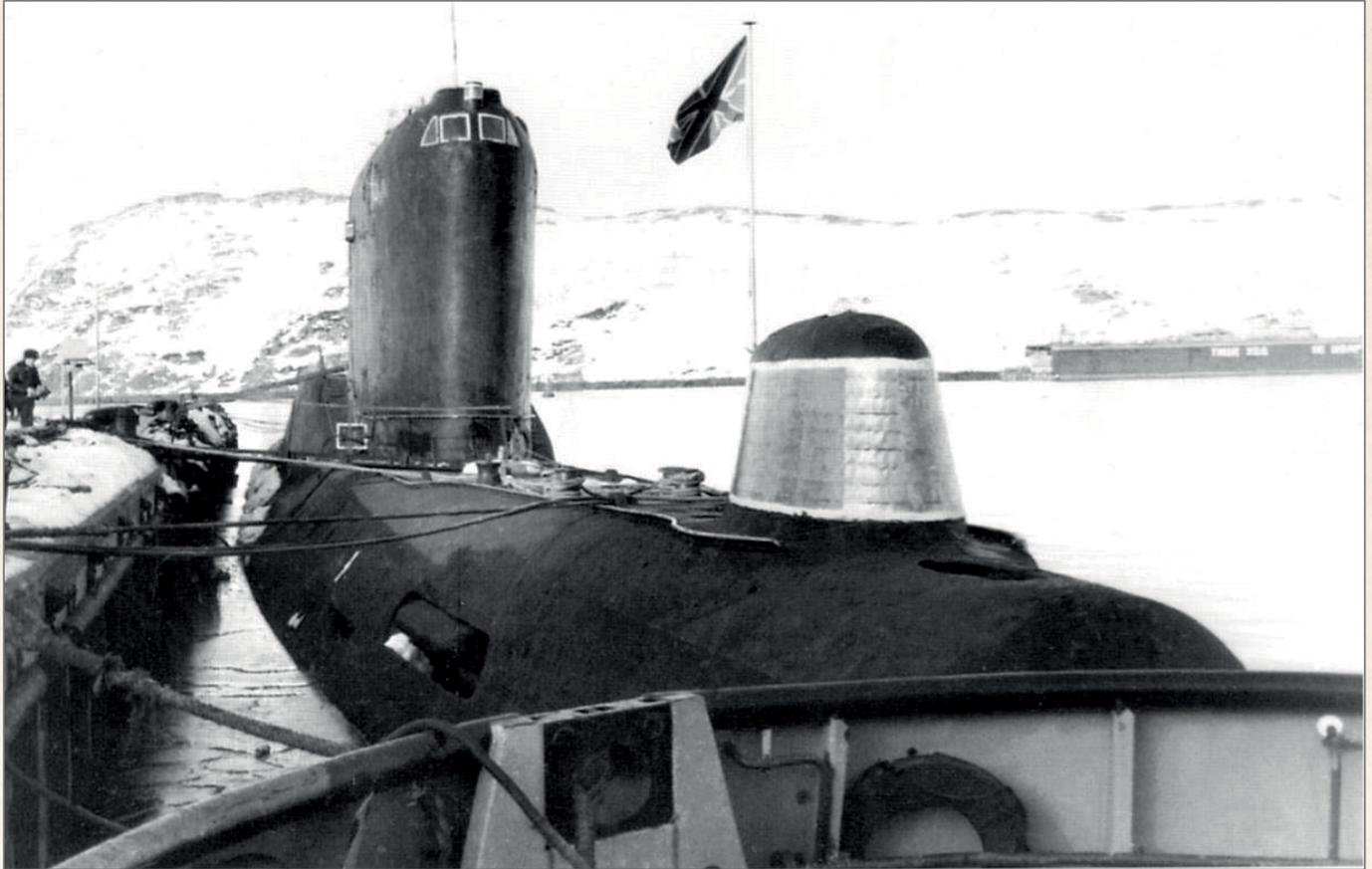
Почему «Хиросима»? Не потому ли, что в своих ракетных боеголовках она несла десятки Хиросим — десятки условных городов, обреченных на ядерное испепеление? Не потому ли, что сама однажды едва не превратилась в ядерный гриб, когда из аварийного реактора чуть не потек расплавленный уран?

Не потому ли, что в девятом отсеке забушевала вдруг гигантская «паяльная лампа», в бешеном пламени которой сгорели и задохнулись десятки моряков?

Она была *первой* советской ракетоносной атомной подводной лодкой. У ее колыбели стояли маститые академики — Александров и Королев, Ковалев и Спасский.

Ее величали первенцем советского стратегического атомного флота, по-

тому что именно она несла в своем чреве три межконтинентальные баллистические ракеты.

Первенец уже в колыбели потребовал человеческих жертв: в феврале 1959 года ночью при оклейке десятого отсека пробковой крошкой произошел взрывообразный пожар, в пламени которого погибли двое рабочих.

Подобно тому, как в древней Ассирии путь кораблю к воде поливали жертвенной кровью рабов, слиповые дорожки К-19 также были обгажены человеческой кровью. Вслед за первыми двумя жертвами атомный молох пожрал жизни шести женщин: они оклеивали резиной цистерны атомарины и задохнулись в ядовитых парах. В декабре 1960-го крышкой ракетной шахты задавило электрика. Затем разбился молодой инженер, свалившись в прорезь между смежными отсеками... Но главные жертвоприношения были впереди. Те, кто выжил, закаменелые советские атеисты, не верящие ни в Бога, ни в черта,

сегодня вполголоса говорят о чем-то заклятии, висевшем над кораблем, и вспоминают, что неспроста не разбилась при спуске традиционная бутылка шампанского.

Пущенная вопреки ритуалу не женской рукой, а рукой инженер-механика Панова, она скользнула по бронзовым лопастям гребного винта. И целехонькой отскочила от обрезиненного борта. Дурная примета!

Каких богов — земных, морских, небесных — разгневали они? Первая кара обрушилась на них 4 июля 1961 года. К-19 шла Датским проливом. У них была странная задача: уйти под ледяной панцирь и там, развернув ракеты в сторону СССР, изображать вражеский атомоход. Завеса дизельных подводных лодок должна была сорвать ракетно-ядерный удар, условный, разумеется, по территории страны. Сейчас это напоминает атаку конников против танка, настолько огромной была разница в тактико-технических воз-

можностях «зверя» и «охотников». Но запомним, дизельные «эски» — среднетоннажные субмарины — намеревались поразить ядерного левиафана своими торпедами...

Капитан-лейтенант В. Погорелов, бывший командир электротехнического дивизиона, вместе с командиром последним покинул борт объятый чудовищной радиацией корабля:

«Я слушал «Лунную сонату» в рубке гидроакустиков. Играла моя жена. Магнитофонную пленку с записью своей игры она прислала из Киева перед походом. Вы улыбнетесь, но сейчас мне все чаще и чаще приходит в голову такая мысль: Киев, «Лунная соната», авария реактора, что-то вроде генеральной репетиции той ядерной катастрофы в Чернобыле, которая продолжается и поныне... Может, все дело в «Лунной сонате»? Для меня все это сплелось в какой-то дьявольский узел...

Но представьте себе: на стометровой глубине, над трехкилометро-

вой бездной несется в кромешной ночи подводный ракетодром. Огибаем айсберги. Конец затянувшегося похода. Нервы на пределе. И тут — нежные бетховенские звуки, да еще из-под пальцев любимой женщины...

Я стою свою «механическую» вахту с четырех утра. Самое противное время: клонит в сон-хоть умри. И командир разрешал нам маленькие вольности: зарядиться музыкой у радистов. Те подлавливали на сеансах связи блюзы и танго из американских ночных дансингов. Благо они были неподалеку.

Всего лишь семь минут слушал я «Лунную сонату. В четыре ноль семь — тревожный доклад с пульта управления атомными реакторами. Юра Ерастов, вахтенный, сообщает: «Падает давление в первом контуре кормового реактора...

Подхвачена компенсирующая решетка... Запущен водяной циркуляционный насос».

С этого и начался наш подводный атомный ад...»

***

Капитан 1 ранга Н.В. Затеев вошел в историю отечественного Военно-Морского Флота, как командир первого атомного подводного ракетносца К-19.

Всякий раз, когда я оказываюсь в безвыходном тупике, я беру себе в пример ситуацию Затеева: на подводной лодке ядерная авария, реактор превратился в атомную бомбу замедленного действия — рванет, не рванет? — по отсекам гуляет незримая смерть — радиация, которая набирает силу час от часу. И никаких надежд на спасение: по закону подлости вышла из строя антенна главного передатчика. До родных берегов тысячи миль, пока дойдешь или дождешься помощи, К-19, плавающая «Хиросима», превратится в корабль-призрак, в атомный «Летучий Голландец». Все вымрут от жестких лучей расщепленного урана.

Но даже если их и спасут, лично его, Затеева, ничего хорошего дома не ждет: лучевая болезнь, следствие особого отдела и, конечно же, трибунал. Командир отвечает за все,

▲ Затеев Николай Владимирович

командир всегда прав перед подчиненными и всегда виноват перед начальством... В общем, куда ни кинь, везде клин. Полный мрак.

Проходит день, проходит ночь... Растет доза накопленных в организме рентгенов-бэров, на корабле вызревает заговор. Кто поручится за хмельных людей (экипажу роздан спирт для снижения облучения), осознавших свою обреченность?

— Когда истек срок всех надежд встретить хоть какой-нибудь корабль, — рассказывал в задумчивой беседе Затеев, — я спустился в свою каюту, достал пистолет... Как просто решить все проблемы, пулю в висок — и ничего нет... И тут я взмолился — Господи, помоги! Это я-то, командир атомохода с партбилетом в кармане! И что же?! Четверти часа не прошло, как сигнальщик докла-

дывает с мостика: вижу цель! Бегом наверх! Без бинокля вижу-характерный черный столбик в волнах. Рубка подводной лодки. Наша! Идет прямо к нам. Услышали наш маломощный аварийный передатчик.

Судьба Затеева хранила... Те искусительные минуты, проведенные в каюте наедине с пистолетом, были переломным пиком в его бедах. Вдруг, как по волшебству, все пошло на лад. Экипаж пересадили на другие корабли, аварийную К-19 отбуксировали в Полярный и отремонтировали. (Она и сейчас еще на плаву, пережив своего командира.) Лучевая болезнь отступила, позволив прожить еще 37 лет, под суд не отдали, а наградили орденом (хотя был достоин быть дважды Героем — за первый вывод уникального

стратегического корабля в забитую айсбергами Атлантику и за спасение людей и подводного крейсера после небывалой на флоте аварии). И жена его дождалась, и карьера не рухнула, напротив, пошла в гору. Службу Затеев завершил в Главном штабе ВМФ.

Может, и в самом деле, услышал Господь исступленную молитву командира, вознесенную с борта охваченной невидимым пламенем атомарины. Ничем иным я не могу объяснить внезапное преобразование его черной судьбины. Воистину, кто в море не ходил, тот Богу не молился. Вот и перед кончиной командир первого в стране атомного подводного ракетноносца позвал в палату священника, соборовавшего его и причастившего к Святым Тайнам.

Конечно же, не так уж безмятежна была вторая половина затеевской жизни. Но из всех невзгод выходил он победителем.

И после смерти ему повезло. Схоронили не где-нибудь, а положили в только что отстроенный благотворителями из Мосэнерго некрополь для экипажа на Кузьминском кладбище. Он лег к своим морякам, которых послал на верную гибель

в роковой час. Такова уж командирская участь — тасовать жизни своих бойцов.

Мемориал погибшим от радиации подводникам выполнен в виде корпуса субмарины, собранный из медных листов почти в натуральную величину. Могила Затеева пришла как раз на второй отсек, где находилась его командирская каюта. В этом есть что-то мистическое: командир прибыл на борт своего загробного корабля.

Он уходил из жизни в адских муках, какие может причинить лишь рак печени. Почти два месяца тело его не принимало никакой пищи. Пил воду со льдом, пытаясь охладить бушующий внутри огонь, точь-в-точь, как охлаждала когда-то аварийная партия перегретый реактор на «Хиросиме». Но и на смертном одре, на госпитальной койке, он вел себя так же, как на мостике корабля. Зная, сколько суток ему отмерено, он отдавал последние распоряжения спокойно и деловито. Его бывшие матросы и офицеры, входя в палату, по-прежнему называли его «товарищ командир».

Электрик 4-го отсека старший матрос Виктор Стрелец, а ныне доктор сельскохозяйственных наук, специалист по лекарственным растениям, принес ему самолично выращенные целебные травы. Увы, болезнь Затеева уже ничем не врачевалась.

Мы все сфотографировались с ним на прощанье, как будто провожали его в бессрочную «автономку».

Его не стало на Успение... Говорят, когда человек отдает душу в светлый праздник, значит, небеса благоволят ему.

Господи, прими душу новопреставленного раба Твоего Николая, и прости ему все вольные и невольные прегрешения, и сопричти с праведниками Твоими, и даруй ему вечную память!

Когда жизнь загоняет меня в угол, я вспоминаю ситуацию Затеева на К-19: взбесившийся реактор, безмолвие эфира, пустыня океана и смертный приговор, вынесенный самому себе с отсрочкой в четверть часа. И явленное ему чудо после молитвы безбожника.

Американцы, потрясенные судьбой российского «атомного капитана», снимают о Затееве и его «Хи-

▲ К-19 в Арктике

▲ К-19 морской поход

росиме» художественный фильм. Мы же только открываем для себя еще одного героя нашего времени — второй половины уходящего века.

В то утро — 4 июля 1961 года — люди всех континентов, начиная новый день, не подозревали, что их судьба решается не в ООН, не в Белом доме США и не в Центральном комитете КПСС в Москве. Она решалась в центральном посту советско-

го атомного подводного ракетносца К-19, который терпел ядерную аварию в Северной Атлантике близ американской базы на острове Ян-Майен. Спасение было не в казуистике международного права, а в решении замысловатой технической задачи: как не допустить расплавления урановых стержней в действующем реакторе, оставшемся вдруг без охлаждающей воды?

Об этой аварии, повлекшей че-

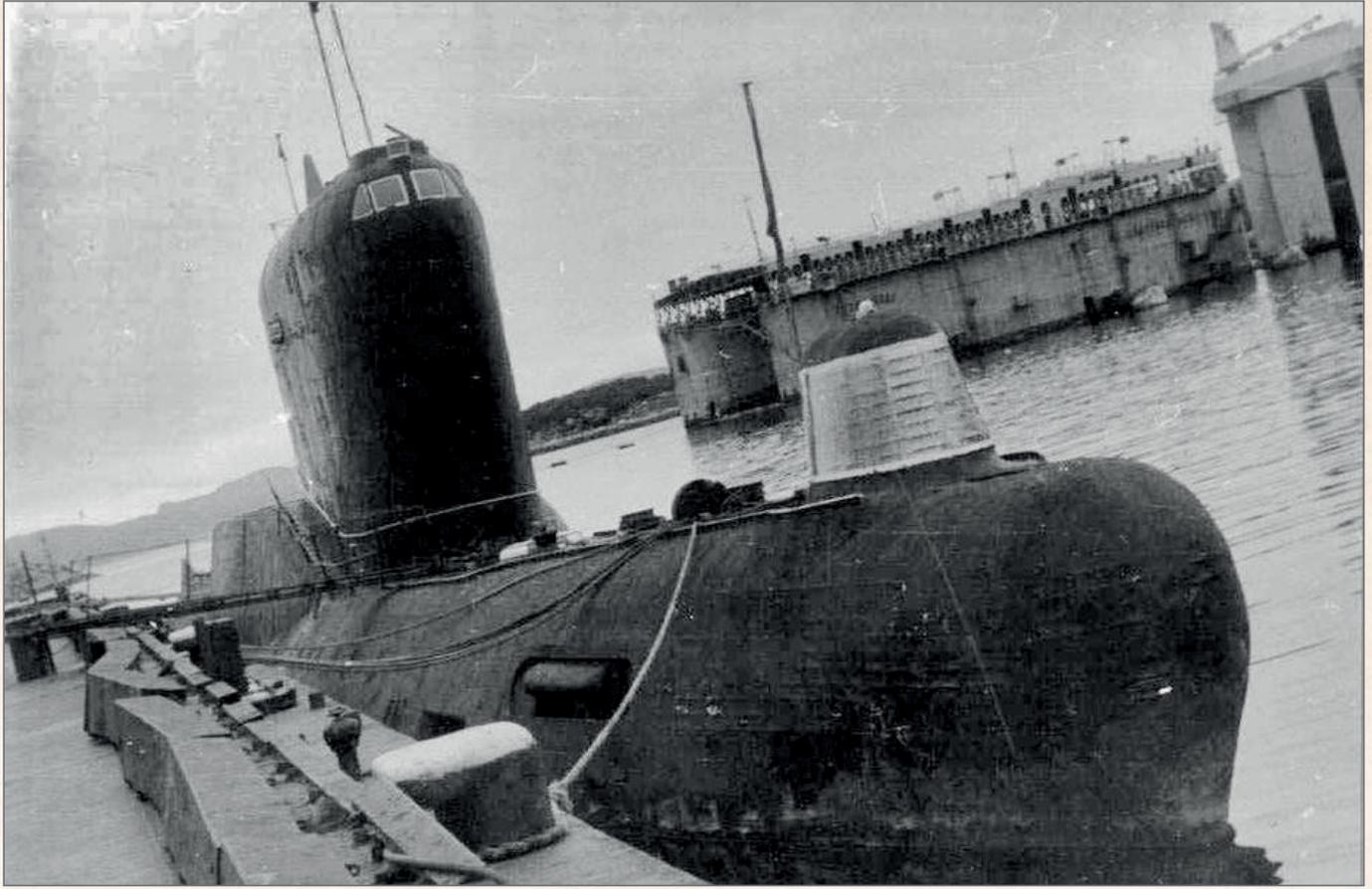
ловеческие жертвы, написаны книги и сняты фильмы, но до сих пор ходит немало толков и пересудов. И вот за перо взялся главный участник тех экстраординарных событий — командир первого советского подводного ракетносца-атомохода капитан 1 ранга в отставке Н.В. Затеев. Он передал автору этих строк свой походный дневник и свои последние записи. Вот они...

1 июня 1961 года меня вызвали в Североморск, в штаб флота. Вошел в кабинет командующего Северным флотом — адмирала Чабаненко. Он ввел меня в курс дела: намечались большие учения по отработке наших противолодочных сил, и моя К-19 должна была изображать вероятного противника, который должен был как можно ближе подойти к территории СССР и нанести из-под воды ракетно-ядерный удар. Для этого лодке предстояло выполнить сложный маневр. Надо было выйти в Северную Атлантику скрытно от противолодочных сил НАТО, занять там район ожидания и по сигналу из Москвы форсировать Датский пролив подо льдами по нулевому меридиану, обогнуть с севера архипелаг Шпицберген, проникнуть незамеченным в Баренцево море и нанести удар практической ракетой по боевому полю в Мешенской губе. На все это давался месяц. На связь выходить только в исключительных случаях, соблюдая полное радиомолчание и прочую скрытность. Боезапас на борту иметь боевой, кроме одной практической ракеты. О готовности к выходу я должен был доложить лично комфлоту.

Для меня почти все было впервые: новый экипаж, новая, государственной важности, задача — показать, на что способен первый советский подводный атомный крейсер-ракетноссец. Космических кораблей было больше, чем таких, как К-19!

По данным метеоразведки Датский пролив был забит паковыми льдами, которые мешали. Осторожно обходим их вокруг за полторы мили. Конечно же, вспомнили злополучный «Титаник». Вот на такую же глы-

▲ К-19 у пирса

бу напоролся злополучный лайнер...

На следующий день — 30 июня — мне стукнуло 35 лет. Старший кок принес в кают-компанию горячие, только что из духовки, пирожные. Я разрешил выдать экипажу двойную суточную норму вина — по 100 граммов. Принимаю поздравления и... радиogramму. Медленно смещаемся на юг, полностью перекрывая проход между Гренландией и Исландией. Но самое неприятное было то, что с Гренландских ледников в то лето начался интенсивный сход айсбергов, толщина которых доходила до километра. Наши же подводные «глаза» — гидроакустическая станция «Арктика» — дальше 10 кабельтовых (около двух километров) ничего не различали.

Помимо навигационных опасностей нас подстерегали многочисленные корабли и самолеты НАТО на всех рубежах, перекрывавших выходы из Баренцева моря на просторы Атлантического океана.

Мы вышли в этот непростой поход в точно назначенное время: в 16.00 18 июня 1961 года. На борту 139 человек. В их числе и два стажера, которые прибыли перед самым отходом: капитан 2 ранга Владимир Першин и его старпом капитан 3 ранга Георгий Кузнецов. Они шли в качестве дублеров командира.

Через четыре часа надводного хода я в последний раз оглядел голубое небо с незаходящим солнцем, задраил верхний рубочный люк и велел погружаться на глубину 160 метров. Так очень буднично начался этот роковой выход в море. Без особых приключений, преодолев несколько противолодочных рубежей НАТО, вышли в западное полушарие планеты. Заняли район ожидания в восточной части северной Атлантики. На запад лучше не ходить — там, по данным метеослужбы, плотное скопление больших айсбергов. К югу от нашего района — оживленная судоходная трасса Европа — Америка.

На очередном сеансе связи всплыл под перископ и осторожно оглядел океан. Погода мрачная, сплошные низкие тучи, но видимость хорошая. Видно даже, как на горизонте маячат плавучие ледяные горы... Решил идти на перископной глубине, благо станция обнаружения работающих радаров молчит, ни кораблей, ни самолетов поблизости нет. Пока есть возможность, хоть одним глазом на мир посмотреть. Подходим поближе к одному из айсбергов. Такую ледяную махину вижу впервые в жизни!

Даю посмотреть на это чудо природы всем, кто приказом должен покинуть район ожидания и следовать по плану.

По курсу — айсберги, айсберги... Даже на двухсотметровой глубине нет никакой гарантии, что не столкнемся с ледяной горой. Учту вахтенных офицеров, как уклоняться от подводных препятствий. И так двое суток...

Ранним утром 4 июля подвсплыли на сеанс связи. Море почти спокойное, зыбь. Горизонт чист. Штурман определил место — невязка минимальная, полторы мили. Погрузились на сто метров. На вахту заступила надежная опытная смена. Все хорошо. На душе спокойно. Перебрался во второй отсек в свою каюту — послушать, как у нас говорят, шумы моря через подушку.

В 4.15 над головой у меня взвыла «Нерпа» — динамик межотсечной трансляции: «Товарищ командир, в правом реакторе давление «ноль»! Уровень в компенсаторах объема — ноль»! Просьба прибыть в центральный пост!» С этих слов и началась наша трагедия...

Первая мысль — это разрыв первого контура! Самое страшное, что могло случиться — случилось! В мгновение ока я влетел в центральный пост. Вахтенный механик командир электротехнического дивизиона Владимир Погорелов быстро перечисляет, что успели сделать:

– Пущены подпиточные насосы,

отключены рессиверные баллоны от компенсаторов объема. Остановлены главные насосы первого контура правого борта... Видимо, разрыв первого контура.

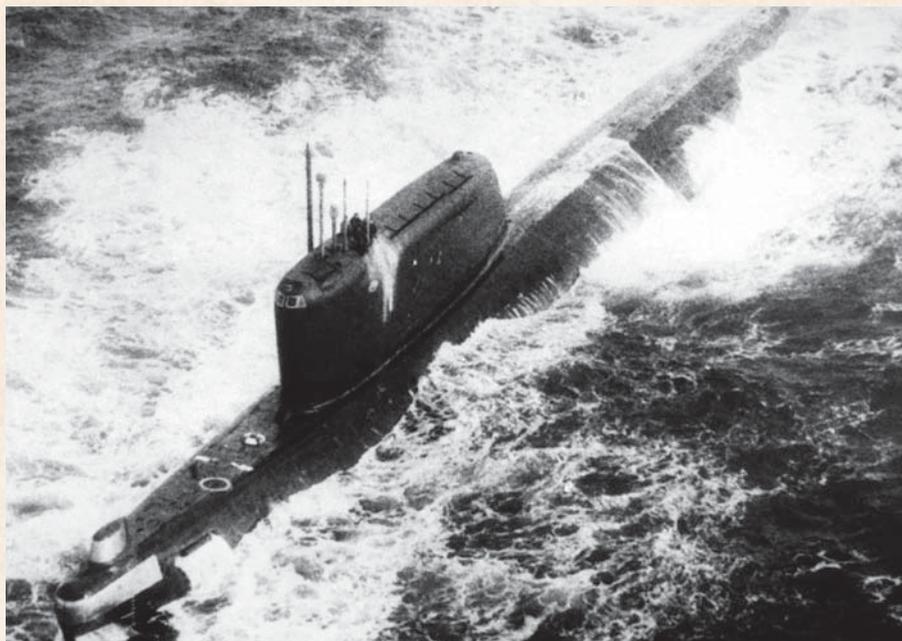
Я вызвал инженера-механика и командира дивизиона движения. Диагноз тот же.

Приказываю объявить радиоактивную опасность, а шестой — реакторный отсек — аварийным. Сам же отправляюсь на пульт управления реактором, чтоб своими глазами убедиться в неотвратимом. Выяснилось — разрыв первого контура произошел в неотключаемой части трубопровода на напорном участке, но где именно — пока неизвестно. Приборы показывали нарастание радиоактивности в шестом отсеке. Но самое страшное — в рабочих каналах реактора резко повышалась температура. При перегреве конструкция обещала нам неминуемый тепловой взрыв. Кто мог гарантировать, что он не окажется инициатором цепной реакции и последующего ядерного апокалипсиса?

Необходимо всплывать. Я доложил экипажу обстановку. Затем ввел в аварийный сигнал наши координаты и приказал радиотелеграфистам передать его в Москву.

Еще один удар! Наше радио не проходит. Залит соленой морской водой изолятор главной антенны «Ива». Мы без связи с берегом. Никто не узнает, что у нас стряслось, никто не поможет... Надежда только на свои силы. Прямо на пульте управления реактором собираю «совет в Филях». С трудом набиваемся в тесную гермовыгородку — отсек в отсеке. Нас девять человек, девять инженеров, девять голов... Должны же что-нибудь придумать... Оптимальный вариант нашел лейтенант-инженер Юрий Филин. Кстати, это его первый офицерский выход в море. Филин предложил подсоединить напорный трубопровод подпиточного насоса к трубопроводу системы воздухоудаления из реактора. Это позволяло подавать охлаждающую воду прямо в активную зону. Блестящая идея!

Но для ее осуществления необходима сварка вблизи пышащего всевозможными жесткими «гаммами», «бетами» и «альфами» реактора. Нужны Александры Матросовы, которые закроют своими телами амбразуры с бьющими из них лучами смерти.

Ко мне подошел командир первого отсека лейтенант Борис Корчилов:

- Разрешите, я пойду!
- Боря, ты знаешь, на что идешь?
- Знаю, товарищ командир...

Знал и я, что этого статного голубоглазого парня ждала в Североморске красавица-невеста. Но... Но температура в реакторе угрожающе росла. На карту были брошены не только наши жизни.

Лейтенант Корчилов ушел в шестой аварийный отсек вместе с обреченными на верную и мучительную смерть главстаршиной Борей Рыжиковым, старшиной 1 статьи Юрой Ордочкиным, старшиной 2 статьи Женей Кашенковым, матросами Семеном Пеньковым, Колей Савкиным, Валерой Харитоновым и Геней Старковым. Посылая этих ребят, этих мальчишек в подводничьих робах в атомное пекло, я не мог не придти к ним, не подбодрить их. Меня вежливо попросили покинуть отсек — радиационная обстановка в нем не допускала пребывания в нем

лишней минуты. Рентгенометры зашкаливали. Когда аварийная группа спустилась в реакторную выгородку, там плясали фиолетовые огоньки ионизированного водорода.

В конце сварочных работ из шестого отсека доложили, что возник пожар с фиолетово-голубым пламенем над крышкой реактора. По команде из центрального поста отсек загерметизировали, пожар потушили. Но пламя вспыхивало еще дважды. Наконец, трубопровод сварили. Я спустился вниз и подошел к переборке шестого отсека. Распахнулась стальная дверь, и из нее с трудом выбрался Борис Корчилов. Он сорвал противогазную маску, и его тут же стошнило бело-желтой пеной. Его отвели в первый отсек, где быстро развернули медицинский пост. Туда же отправили и всех остальных, кто работал возле реактора.

Никто не знал, сколько предельных доз хватанули ребята за это время. Но ясно было одно — все они обречены. Уровень радиации повышался во всех отсеках от часа к часу. Как спасти экипаж и корабль? За всю историю мореплавания ни перед кем еще не вставала подобная задача, ничей горький опыт не мог мне помочь. Каждый час пребывания в радиационном поле приближал нас к той роковой черте, которую

уже перешагнули Корчилов со своей группой. По здравому разумению надо было покидать корабль как можно скорее. Но куда ты денешься с подводной лодки в открытом океане? Впрочем, советчики скоро объявились. Ко мне на мостик поднялись дублер-стажер капитан 2 ранга Першин и мой замполит Шипов. Они потребовали, чтобы я повел корабль к острову Ян-Майен и высадил экипаж на берег. Я ушам своим не поверил. Это походило на сцену из дурного пиратского фильма. Мне обещали бунт, арест... Я не сомневался в своих матросах, никто бы из них не поддержал заговорщиков. Но... По моему приказанию всему личному составу было выдано по сто граммов спирта. Алкоголь снижал жесткое воздействие радиации на организм. Расчет заговорщиков строился на том, что матросы под спиртными парами могут выйти из повиновения и принудить меня идти к чужому берегу. Я еще не знал такого термина, как «радиофобия» (он появится в обиходе после Чернобыля), но прекрасно понимал, что страх перед радиацией, досужие пересуды о том, что она убивает в мужчинах их мужские способности, могут толкнуть слабодушных на крайние шаги.

Поэтому, отправив «советчиков» вниз, я вызвал командира БЧ-РО (ракетного оружия) капитан-лейтенанта Юрия Мухина и в присутствии старпома Енина приказал выбросить за борт все автоматы и пистолеты, кроме пяти «макаровых». Один взял себе, другими вооружились старпом, Мухин и представители штаба флота, посредники на учениях капитаны 2 ранга Василий Архипов и Николай Андреев.

Шла «холодная война», и высадку на остров, где находилась военноморская база вероятного противника, я расценивал как сдачу в плен, как прямую измену Родине, которая вручила нам свой единственный ракетный подводный крейсер.

Я принял решение идти на одном реакторе в тот район, где по плану учений должны были находиться наши дизельные подводные лодки. Полной уверенности в том, что мы их

там встретим, у меня не было. Ведь завесу могли сместить на другие позиции. Я молил Бога, чтобы наш резервный маломощный передатчик хоть кто-нибудь услышал. И нас услышали... К борту подошла советская дизельная подводная лодка С-270 под командованием капитана 3 ранга Жана Свербилова.

Первое, о чем я его прошу — связь! Связь с Москвой. Дали через антенны С-270 шифровку о нашей аварии. Штаб молчал...

Пересаживаем на «эску» самых пострадавших моряков. Передавать носилки с бездвижными телами на них в качку, на волне, с одного руля глубины на другой — смертельный номер. Но все обошлось...

Вскоре подспела еще одна наша подводная лодка — С-159 под командованием капитана 3 ранга Григория Вассера.

...А берег молчал. Время от времени приходили рекомендации кор-

мить переоблученных моряков свежими овощами, фруктами и поить соками. Ни того, ни другого, ни третьего на борту, разумеется, не было.

В 23.00 через рацию Вассера передаю в штаб шифровку с полной информацией о радиационной обстановке на корабле и о своем намерении эвакуировать экипаж на подошедшие подводные лодки. Понимаю, что на языке штабистов это может звучать как «отказ от борьбы за живучесть», как «паническое покидание корабля» и даже «бегство». Поэтому они упорно молчат, видимо, подбирая подходящую формулировку.

3 часа ночи 5 июля. Штаб молчит. На свой страх и риск приказываю своим морякам оставить корабль и перейти на борт С-159. Матросы перепрыгивают на качающуюся рядом лодку по отваленным горизонтальным рулям, выждав, когда «плавники» обеих субмарин на секунду поравняются на волне.

В последний раз обхожу родной корабль. В отсеках остались только шесть человек, которые обеспечивают аварийное освещение и расхолаживание реакторов. Меня сопровождает командир электротехнического дивизиона капитан-лейтенант Погорелов. Мы герметизируем отсеки, проверяем подключение насосов, расхолаживающих реакторов, к аккумуляторной батарее.

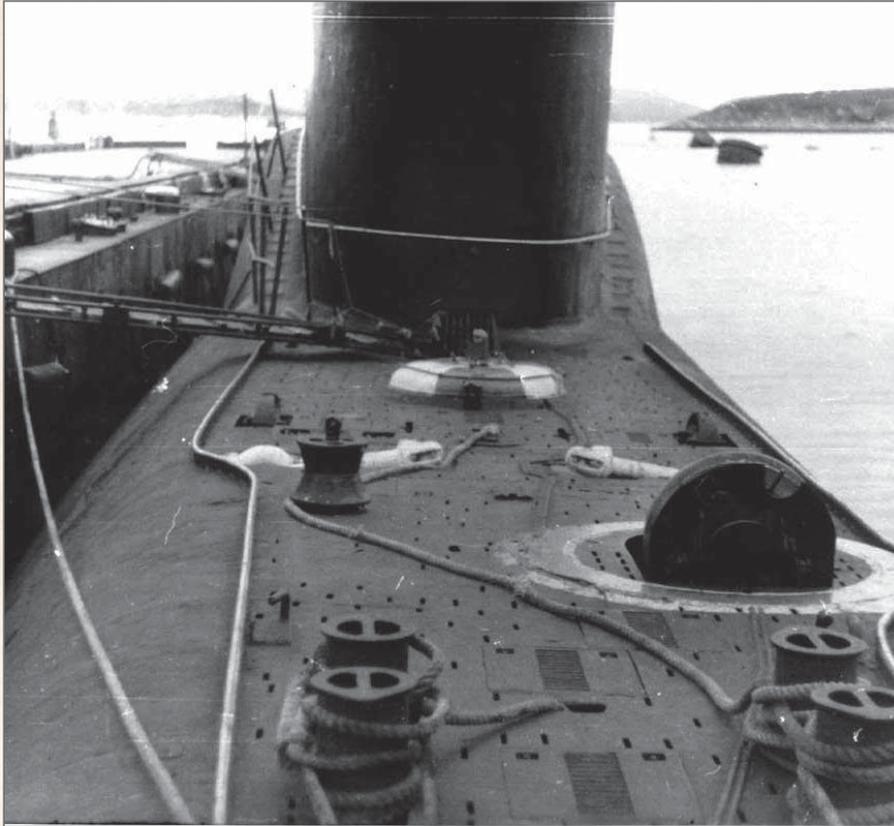
Проходит еще один томительный час. Ответа на мой запрос нет. Мы с Погореловым останавливаем дизель-генератор и последними покидаем борт К-19. Черная туша подводного крейсера покачивается в волнах как пустая железная бочка. Странно и страшно видеть это со стороны.

Передаю последнюю шифровку в штаб: «Экипаж подводной лодки К-19 оставил корабль. Нахожусь на борту подводной лодки С-159». Затем беру вахтенный журнал и делаю запись, от которой меня самого охватывает нервная дрожь:

▲ К-19 в сухом доке

▲ К-19-на стоянке

«Командиру ПЛ С-159. Прошу циркулировать в районе дрейфа К-19. Два торпедных аппарата приготовить к выстрелу боевыми торпедами. В случае подхода к К-19 военно-морских сил НАТО и попытки их проникновения на корабль, буду торпедировать ее сам. Командир АПЛ К-19 капитан 2 ранга Затеев. Время 5.00 5 июля 1961 года».

Притулился где-то во втором отсеке, и стал себя мысленно перепроверять — все ли по уму и по закону? Народ спасен. А корабль? Может, затопить его сразу, не дожидаясь никаких инцидентов? Вспомнил, как погибал линкор «Новороссийск». Там боролись за живучесть корабля до конца, забыв про людей. И линкор не спасли, и экипаж большей частью погиб. И как-то еще оценят мои действия на берегу? Так легко обзвать нас трусами и отдать под суд. Скажут — не пожар и не пробоина, а корабль бросили... Ох, легко же им будет судить нас из теплых кабинетов!

Горестные мои размышления прерывает возглас радиотелеграфиста:

– Товарищ командир, нам радио! «Нам» — это не мне, это Вассеру.

«Командиру ПЛ С-159. К месту аварии следует подводная лодка С-268 под командованием капитан-лейтенанта Г. Нефедова. Сдать ему под охрану К-19. Самому максимальным ходом следовать в базу».

Возвращение

«Эска» Вассера легла на курс возвращения и врубила все дизеля на самый полный. На траверзе мыса Нордкин нас встретил эскадренный миноносец «Бывалый». Им командовал мой одноклассник по морской спецшколе капитан 2 ранга Володя Сахаров. Распрощавшись с командиром С-159, перебираемся на эсминец и сразу же попадаем в руки дозиметристов и химиков.

Нас всех хорошо дезактивировали. Некоторым пришлось смывать «рентгены» и по второму, и по третьему заходу. Старшина, который занимался мной, покровительственно похлопал меня по голому плечу:

– Ну, что, кореш, теперь ДМБ?

– Наверное, ДМБ. — Улыбнулся я. В бане не разберешь где офицер, а где матрос. Переодели нас в белые матросские робы. Наши «фонящие» кители и фланелевки полетели за борт. «Ну вот, — мелькнула невеселая мысль, — сегодня матрос, а завтра — зэк». Как командир, я выделялся среди остальных своих моряков только пистолетом на поясе.

Много лет назад — еще в 1943 году — когда я уезжал из родного Горького (Нижнего Новгорода) поступать в военно-морское училище, мама положила мне в чемодан на счастье иконку Николая Морского. Я хранил ее как талисман, в память о матери, и всегда брал иконку с собой в море. Была она со мной и на К-19, тщательно спрятанная от стороннего глаза. Когда мы перешли на борт С-159, я положил иконку в верхний карман робы и обронил во втором отсеке.

Спохватился лишь на эсминце «Бывалый» перед дезактивацией. Увы, не нашел. Николу Морского обнаружил политработник с «эски». Что было! Начался массированный поиск владельца запретного талисмана и на С-159, и среди членов экипажа К-19. Сколько неумной энергии было на это затрачено! Знали бы сверхбдительные «политработчие», кому принадлежала эта иконка!

Шторм давно стих, лишь плавная зыбь покачивала эсминец, когда мы входили в Кольский залив. Вот и гранитные утесы Екатерининской гавани. «Бывалый» медленно подходит к причальной стенке Полярного. Сжалось сердце: веспричал оцеплен автоматчиками в черных морпеховских беретах. За их спинами сгрудилось все население города. Лица испуганные, притихшие. Так встречали здесь в войну корабли, возвращавшиеся из боя. Санитарные машины подогнали прямо к трапу.

Нас встречали командующий Северным флотом адмирал Чабаненко и начальник медслужбы СФ генерал-майор Цыпичев. Комфлота ни о чем меня не спрашивал, понимая весь трагизм нашего положения. Я же все же решился спросить у него:

– Что теперь со мной будет?
 – Вон стоит начальник особого отдела, спроси у него. — Ответил Чабаненко.

Я повторил свой вопрос капитану 2 ранга Нарушенко. Мы хорошо друга знали, наши каюты на плавбазе «Магомет Гаджиев» разделяла одна переборка.

Тот усмехнулся:

– Все сделали нормально. Ничего не будет...

Вспомнился анекдот про «ничего не будет» — ни академии не будет, ни квартиры, ничего...

Нас быстро погрузили в санитарные машины, отвезли в морской госпиталь, распределили по палатам. Я обошел своих, и первым делом навестил группу лейтенанта Корчилова. То, что я увидел, повергло меня в тихое уныние. Жить ребятам оставалось считанные дни, если не часы. Боже мой, что сделала с ними радиация! Лица побагровели, губы набухли так, что лопались, из-под волос сочилась сукровица, глаза заплыли. Я нагнулся к Корчилову и сказал ему, что их сегодня всех отправят в Москву, в Институт биофизики, где их

непрерывно поднимут на ноги. Услышав мой голос, Борис, еле ворочая распухшим языком, попросил:

– Товарищ командир, откройте мне глаз...

Я приподнял опухшее веко. До гробовой доски не забуду этот пронзительный прощальный взгляд голубого зрачка.

– Пить...

Я взял чайник с соком и приставил носик к губам Корчилова. Тот с трудом сделал несколько глотков. Едва удержавшись, чтобы не расплакаться, я сказал ему: «Прощай, брат!»

Остальные были не лучше.

На стадионе, что рядом с госпиталем, приземлились два вертолета. В них на носилках перенесли переоблученных моряков. Первый взлетел нормально, а второй зацепил лопастью провода и рухнул на самую кромку причала. К счастью, машина не набрала еще большой высоты и ударилась не сильно. Вскоре прилетел еще один вертолет, и всех перегрузили в него. Больше живыми мы их не видели.

К нам же в госпиталь прибыл представитель политического управ-

ления ВМФ контр-адмирал Бабушкин. Вместе с главным врачом он собрал подводников в клубе госпиталя, и оба стали уверять нас, что мы все отделались легким испугом, что никаких опасений наше крепкое здоровье не вызывает, всех до одного вылечат и т. п.

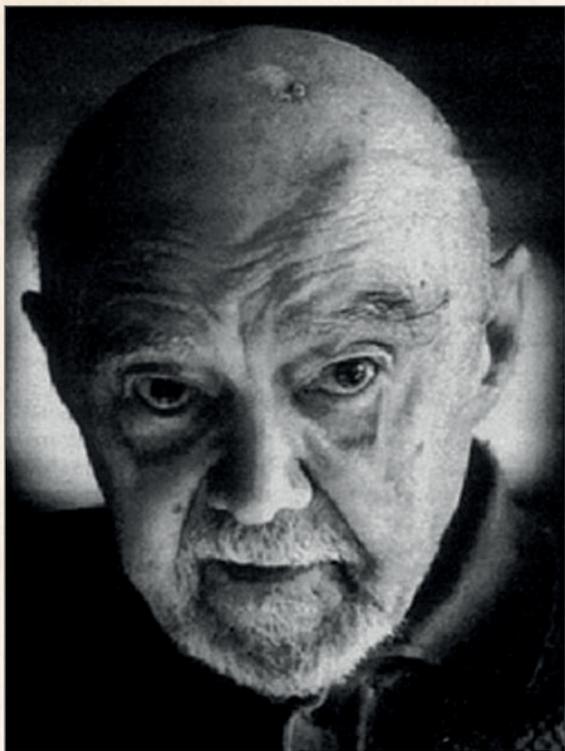
Этот же Бабушкин стал планомерно собирать на меня компромат. Каждый день вызывал на «собеседование» матросов и допытывался у них, как вел себя командир, что говорил, где находился в момент аварии. Очень ему хотелось доказать, что я приказал покинуть корабль без особой на то нужды. Бабушкин допек матросов так, что они заявили: если ретивого политуправленца не уберут, то они набьют ему морду. Я доложил об этом командующему флотом (адмирал Чабаненко каждый день навещал нас в госпитале), и Бабушкин отбыл в одночасье в столицу. Однако теперь за дело взялись более серьезные товарищи — особысты. Я посылал их всех в «одно место».

На другой день после фанфаронского заявления врачей и по-

▲ Академик А.П. Александров

▲ Академик Доллежалъ Н.А.

▲ К-19 в подводном плавании

литработников о пустяковости наших болезней из Москвы пришло сообщение, что 10 июля скончались в один день лейтенант Корчилов, старшина 1 статьи Ордочкин и старшина 2 статьи Кашенков. Кто следующий? Следующим умер матрос Савкин — всего через два дня. Тринадцатого не стало матроса Харитонов. Пятнадцатого отмучался матрос Пеньков. Тогда мы поняли, что обречены все, кто схватил дозу. Дело только во времени — неделей позже, неделей раньше...

С того самого всплытия в Датском проливе — с 4 июля — я ни разу не смог уснуть. Что только не делал, чтобы отключиться, но бессонница стала постоянным моим спутником. А по ночам — солнечным бесконечным полярным ночам — чего только не придет в голову, о чем не передумаешь. Как-то на перекуре спросил старшего лейтенанта Мишу Красичкова:

— Ну что, Михаил, не придется ли нам больничную робу сменить на тюремную?

А что он мог мне ответить?

Не знаю прав я или нет, но о хо-

доках на мостик — Паршине и Шипове — об их предательском поведении докладывать никому не стал. И так на нас всех собак повесили.

Между тем полярники врачи решили отправить нас в Ленинград в Военно-медицинскую академию. Перед отправкой ко мне в палату заглянул буквально на несколько секунд начальник политического управления ВМФ адмирал В. Гришанов. От имени партии, правительства и командования ВМФ он поблагодарил меня за стойкость и мужество во время аварии, пожелал скорейшего выздоровления и...исчез. Ошеломленный его визитом я не сразу понял, что расследование закончилось, и отношение ко мне и моему экипажу изменилось на 180 градусов.

Позже я узнал, что столь благотворным поворотом судьбы я обязан академику А. П. Александрову. Именно он убедил Н. С. Хрущева в том, что наши действия по созданию системы аварийного охлаждения реактора были правильными и самоотверженными, что аварийный корабль мы не бросили, а оставили, грамотно переведя реакторы в нерабочее состо-

яние и подготовив лодку к буксировке.

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1961 года все непосредственные участники ремонтных работ в реакторном отсеке были награждены орденами с формулировкой «За мужество и героизм». Я тоже получил орден Красного Знамени. Но все это было потом. А пока с диагнозом «острая лучевая болезнь» мы ожидали своей участи в палатах ленинградской Военно-медицинской академии.

Как из нас сделали «психов»

В общем-то, на нас советская медицина отработывала тактику лечения лучевой болезни, хотя в Японии был накоплен немалый опыт в этом плане после американской ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Но ввиду засекреченности нашей аварии к японцам, как я понял, не обращались. Лечили нас по двум методикам, которые принципиально различались в вопросе с чего начинать противолучевую терапию: с пересадки костного мозга, а потом

делали полное переливание крови или же наоборот — сначала переливание, а потом пересадка.

Первая методика, предложенная начальником кафедры военно-морской терапии профессором З. Волинским, вернула к жизни на многие годы переоблученных мичмана Ивана Кулакова, старшего лейтенанта Михаила Красичкова и капитана 3 ранга Владимира Енина. Вторая — погубила Юрия Повстьева и Бориса Рыжикова. Казалось бы, положительный опыт военно-морских медиков необходимо было взять на вооружение всей советской медицины.

Но чернобыльская трагедия никак не подтвердила это очевиднейшее мнение. Я не могу понять, почему было так много смертельных исходов в практике врачей, спасавших ликвидаторов последствий ядерной катастрофы. Некоторую ясность внес американский профессор Роберт Гейл. Он заявил, что мы лечили своих страдальцев неправильно, и предложил методику профессора Волинского! Ту самую, которую блестяще отработали на морях К-19. И это при всем притом, что у нас с момента аварии до начала оказания квалифицированной медицинской помощи прошло более трех суток. Тогда как чернобыльцев госпитализировали сразу же после облучения. Неужели ведомственная

разобщенность наших медиков послужила причиной совершенно нелепых жертв?

Так волею судьбы подводники с К-19 оказались между Хиросимой и Чернобылем.

В Военно-медицинской академии к нам отнеслись необыкновенно тепло и заботливо. Впрочем, и пациентами мы были тоже необыкновенными. Правда, сначала нас посадили на скромный солдатский паек на 52 копейки в сутки, но после вмешательства командующего Северным флотом адмирала Чабаненко нас стали кормить по нормам подводников-атомщиков в три рубля 50 копеек.

Все-таки мы все были очень молоды и могли дурачиться, даже несмотря на весь трагизм нашего положения. Врачи постоянно брали у нас на анализы практически все, что может выделять человеческий организм. Иногда мы дружно помогали товарищу наполнять по утрам его посудину. Так медсестра, унося ночной горшок Першина, всегда изумлялась: откуда столько?!

— Да он же ест сколько! Смотрите, какой рот широкий, да и ростом Бог не обидел.

Проявления весьма своеобразного юмора вкупе с молодостью наших тел весьма способствовало выздоровлению.

В конце сентября мы предстали перед военно-врачебной комиссией.

В медицинские книжки нам всем записали весьма странный диагноз — «астенно-вегетативный синдром». Сказали, что это для маскировки «засекреченной» лучевой болезни. Ну, записали и записали. Лишь потом я узнал, что этот синдром связан с нервно-психическими расстройствами. Психов из нас сделали! Дослужались.

Микротрещина

В октябре 1961 года я ненароком угодил на совещание по атомному кораблестроению, которое проводил в Москве первый заместитель главкома адмирал В. А. Касатонов. В старом здании штаба в Большом Козловском собрались весьма представительные лица из главкомата и военно-промышленного комплекса.

Присутствовали и научные светила — академики А. Александров и Н. Доллежалъ. Я чувствовал себя не очень уютно. Многие выступавшие пытались переложить на мой экипаж большую часть вины за аварию с реактором. И снова честь подводников спас академик А. Александров. Он был единственный, кто выступил в защиту нашего экипажа, и после его весомых слов все выпады в наш адрес сразу же прекратились. И еще он отметил, что атомная энергетика входит в жизнь и осваивается

людьми с гораздо меньшим числом жертв, чем другие отрасли техники.

Ничего не сказал — промолчал — сидевший в конференц-зале главный конструктор нашего реактора академик Н. А. Доллежалъ. Свое мнение он высказал позже — в книге «Атомная энергия»: «Следует отметить, что эксплуатацию реакторов первого поколения, особенно в первые годы, осуществлял личный состав, который отличался своей самоотверженностью, однако не обладавший (возможно, не по своей вине) тем, что в современных документах называется «культурой эксплуатации». Не трудно продолжить мысль академика — «и именно поэтому произошел разрыв импульсной трубки первого контура и все печальные последствия аварии».

Слово «культура» означает «возделывание». Но ведь именно мы, подводники-атомщики первого поколения помогли вам, Николай Антонович, возделывать никем еще не паханое поле — корабельную атомную энергетику. Причем знали мы ее не хуже ваших инженеров, так как принимали участие в ее монтаже и испытаниях. У нас хватило «эксплуатационной культуры» даже на то, чтобы в нечеловеческих условиях найти способ создать ту самую систему аварийного охлаждения активной зоны, которую генеральный конструктор Доллежалъ забыл предусмотреть и которую после нашего печального опыта стали ставить на всех последующих реакторах. И за эту вашу недоработку восемь человек из «бескультурного» в эксплуатационном плане экипажа заплатили своими жизнями.

Вы недоумеваете, говоря о Чернобыльской катастрофе: «Зачем понадобилось отключать аварийное охлаждение реактора, что категорически запрещено правилами эксплуатации?!» Но вы не хотите вспоминать, что у нас на К-19 вообще не было системы аварийного охлаждения, которая была создана и смонтирована аварийной партией лейтенанта Корчилова.

И, наконец, самое главное, Николай Антонович, надеюсь, вы не забыли, как во время большого перерыва на совещании в Главном штабе ВМФ академик Александров подозвал вас, адмирала Чабаненко и меня к окну, что по правой стороне коридора, ведущего к конференц-залу, и показал фотографии места разрыва злополучной импульсной трубки. Он же дал нам прочесть заключение Государственной комиссии по расследованию аварии на К-19. Там было черным по белому написано, что разрыв трубки произошел вследствие нарушения технологии сварочных работ при монтаже трубопроводов первого контура.

Технология требовала, чтобы ни одна искра или капля расплавленного электрода не попадали на полированную поверхность трубопроводов, для чего они должны были накрываться асбестовыми ковриками. Однако из-за тесноты рабочих мест этим правилом пренебрегали. Там же, куда падали капли расплавленных спецэлектродов, возникало напряжение поверхностного слоя металла, которое вызывало микротрещины. В них проникали агрессивные хлориды — с парами соленой морской воды, которая всегда скапливается в трюмах. Под большим внутренним давлением (в двести атмосфер) и воздействия высокой температуры микротрещины постепенно превращались в обычные трещины — на всю толщину стенок трубки. Ну, а дальше — дело времени, как в mine замедленного действия. «Мина» взорвалась, точнее, разорвалась в роковую ночь на 5 июля 1961 года.

А что касается «культуры эксплуатации», то ей должна предшествовать культура производства. Это, во-первых. А во-вторых, все наши действия по эксплуатации вашего реактора были отражены в пультовом журнале. Но он таинственным образом исчез из материалов следственной комиссии. Надо полагать, кому-то было очень выгодно, чтобы

он исчез.

Кому?

Отвечу на этот вопрос реальным случаем из флотской жизни. Подчеркиваю — это не байка и не анекдот, а фактическое происшествие, подтвердить которое могут начальник Управления береговых ракетно-артиллерийских войск ВМФ вице-адмирал В. А. Сычев, капитан 2 ранга М. Г. Путинцев и другие офицеры Тихоокеанского флота, которые находились на мостике большого противолодочного корабля во время показательной ракетной стрельбы. Она была приурочена к визиту главы партии и правительства Н. С. Хрущева на Дальний Восток.

Крылатая ракета сошла с направляющих и тут же ухнула в воду — не сработал маршевый двигатель.

Конфуз?

Не тут-то было! Главкомандующий ВМФ СССР адмирал С. Г. Горшков авторитетно заверил Никиту Сергеевича, что дальше ракета пойдет под водой. И глава государства, он же Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами страны, потирая довольно руки, обратился к свите, где было немало генералов от ВПК, с радостным возгласом: «Хорошее оружие создаем, товарищи!»

Никто из товарищей не посмел разуверить генсека в его благостном заблуждении. Такова печальная быль.

Наследственная некомпетентность наших правителей в военных делах давно вошла во флотский фольклор: «Главное, что должен уметь делать адмирал, — самостоятельно найти место в документе, где ему надо расписаться».

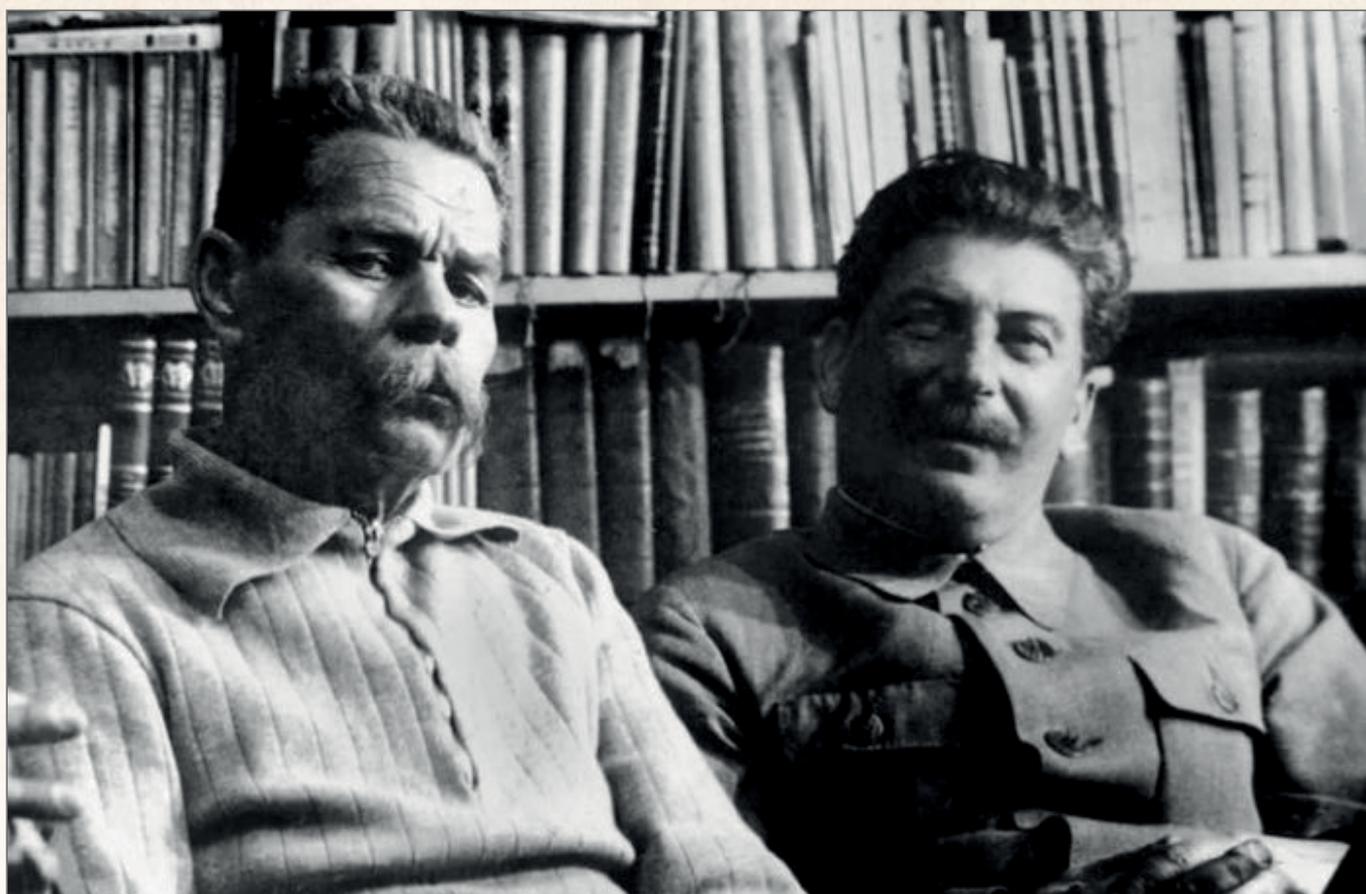
Министр обороны должен уметь самостоятельно расписаться там, где ему покажут. Президент-Главверх обязан раз в четыре года интересоваться — армия какого государства находится в настоящий момент на территории его государства?»

И это не смешно. ■

А. Б. МАРТИРОСЯН

СТАЛИН И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Кто персонально стряпал эти глупые мифы — сказать не представляется возможным. Впрочем, кто изобрел и когда изобрел — не в этом дело. Суть в ином, а именно имели ли место презрение и ненависть Сталина к интеллигенции вообще и, к творческой, в частности, оказывал или не оказывал он помощь интеллигенции и т. д. При ответе на эти вопросы

есть два пути. Либо замучить читателя цитированием всевозможных партийно-правительственных документов, свидетельствующих об особом, нежном, уважительном отношении и постоянной заботе Сталина (и его соратников) к интеллигенции, в том числе и творческой. Либо привести мнение такого представителя творческой интеллигенции, который на себе, но от имени всей советской

творческой интеллигенции сталинского периода испытал подлинное отношение Сталина к интеллигенции и который одновременно являлся бы непререкаемым авторитетом для многих поколений отечественной интеллигенции, да и не только для нее. Откровенно говоря, по душе второй путь. Он не только более объективный и не скучный, но и более привычный для многих читателей. Ведь

Мартirosян Арсен Беникович

(родился в 1950 году) российский писатель, общественный деятель, сотрудник информационного органа Многорегионального Блока Русских Большевиков, член авторского коллектива «Дело Сталина». Автор более 20 монографий о Великой Отечественной войне, И. В. Сталине, разведке, международным отношениям.

в обычной своей жизни мы же очень часто прибегаем к ссылкам на авторитетное мнение того или иного знатока того или иного вопроса. И всем становится все ясно. К тому же и гениальный русский поэт А. С. Пушкин, помнится, говаривал, что *“устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков”*.

Так что не без удовольствия предоставляем слово выдающемуся советскому писателю Константину Михайловичу Симонову. Причем не без умысла следующего содержания. За свою творческую жизнь К. М. Симонов прошел как минимум три этапа в отношении к Сталину. От характерного для 1930-х гг. обожания через разочарование под влиянием XX съезда КПСС до преисполненного мудростью прожитых лет объективного взгляда на минувшее и людей минувшего, в том числе и на Сталина. Именно поэтому предлагаю отрывки из завершающей его жизненный и творческий путь книги *“Глазами человека моего поколения” (М., 1989, с. 124–136, 159–160, 161–168)*.

Тринадцатого мая (1947 г. — А. М.) Фадеев, Горбатов и я были вызваны к шести часам вечера в Кремль к Сталину. Без пяти шесть мы собрались у него в приемной в очень теплый майский день, от накаленного солнцем окна в приемной было даже жарко. Посредине приемной стоял большой

стол с разложенной на нем иностранной прессой — еженедельниками и газетами. Я так волновался, что пил воду.

В три или четыре минуты седьмого в приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и вошли в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись нам навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался, поздравил нас с Фадеевым с приездом, очевидно из Англии, откуда мы не так давно вернулись, пробыв там около месяца в составе нашей парламентской делегации. После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину. Все это, конечно, не столь существенно, но мне хочется запомнить эту встречу во всех подробностях.

Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным тонкая папка, которую он сразу открыл. В ней лежали наши письма по писательским делам. Он вслух прочел заголовок: “В Совет Министров СССР” — и добавил что-то, что я не расслышал, что-то вроде того, что вот получили от вас письмо, давайте поговорим.

Разговор начался с вопроса о гонораре.

— Вот вы ставите вопрос о пересмотре гонораров, — сказал Сталин. — Его уже рассматривали.

— Да, но решили неправильно, — сказал Фадеев и стал объяснять, что в сложившихся при нынешней системе гонораров условиях писатели за свои хорошие книги, которые переиздаются и переиздаются, вскоре перестают что-либо получать. С этого Фадеев перешел к вопросу о несоответствии в оплате малых и массовых тиражей, за которые тоже платят совершенно недостаточно. В заключение Фадеев еще раз повторил, что вопрос о гонорарах был решен неверно.

Вслушав его, Сталин сказал:

— Мы положительно смотрим на пересмотр этого вопроса. Когда мы устанавливали эти гонорары, мы хотели избежать такого явления, при котором писатель напишет одно хорошее произведение, а потом живет на него и ничего не делает. А то написали по хорошему произведению,

▲ Симонова К.М.

▲ Мехлис Л.З.

настроили себе дач и перестали работать. Нам денег не жалко, — добавил он, улыбнувшись, — но надо чтобы этого не было. В литературе установить четыре категории оценок, разряды. Первая категория — за отличное произведение, вторая за хорошее и третья, и четвертая категории, — установить шкалу, как вы думаете?

Мы ответили, что это будет правильно.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — я думаю, что этот вопрос нельзя решить письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать.

Товарищ Жданов, — повернулся он к Жданову, — какое у вас предложение по составу комиссии?

— Я бы вошел в комиссию, — сказал Жданов. Сталин засмеялся, сказал:

— Очень скромное с вашей стороны предложение. Все расхохотались. После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей.

— Зверева, как министра финансов, — сказал Фадеев.

— Ну что же, — сказал Сталин, — он человек опытный. Если вы хотите, — Сталин подчеркнул слово “вы”, — можно включить Зверева. И вот еще кого, — добавил он, — Мехлиса, — добавил и испытующе посмотрел на нас. — Только он всех вас там сразу же разгонит, а?

Все снова рассмеялись.

— Он все же как-никак старый литератор, — сказал Жданов.

Забегу вперед и скажу, что когда впоследствии дважды или трижды собиралась комиссия, созданная в тот день, то Мехлис обманул действительно существовавшие у нас на его счет опасения, связанные с хорошо известной нам жесткостью его характера. По всем гонорарным вопросам он поддержал предложения писателей, а когда финансисты выдвинули проект — начиная с такого-то уровня годового заработка, выше него — взимать с писателей пятьдесят один процент подход-

ного налога, — Мехлис буквально вскипел:

— Надо же все-таки думать, прежде чем предлагать такие вещи. Вы что, хотите обложить литературу как частную торговлю? Или собираетесь рассматривать отдельно взятого писателя как кустаря без мотора? Вы что, собираетесь бороться с писателями, как с частным сектором, во имя какой-то другой формы организации литературы — писания книг не в одиночку, не у себя за столом?

Тирада Мехлиса на этой комиссии была из тех, что хорошо и долго запоминается. Этой желчной тирадой он сразу обрушил всю ту налоговую надстройку, которую предлагалось возвести над литературой. Ни к литературе, ни к писателям, насколько я успел заметить, Мехлис пристрастия не питал, но он был политик и считал литературу частью идеологии, а писателей — советскими служащими, а не кустарями одиночками...

▲ Сталин И.В.

▲ Молотов В.М.

Небольшой комментарий.

Сталин очень чутко относился к вопросу о материальном обеспечении творческой интеллигенции, в том числе, естественно, и писателей. Суть его позиции была очень проста — никогда и ни при каких обстоятельствах творческая интеллигенция не должна быть материально стесненной. И это действительно было так. Во времена Сталина творческая интеллигенция, в частности писатели, получала более чем весомые гонорары за свой труд, за свои произведения. Настолько солидные, что многие спокойно, без какого-либо напряжения покупали себе дачи, автомобили, квартиры, имели возможность содержать домашнюю прислугу. А во время войны ряд писателей вообще на собственные деньги приобретали боевую технику и направляли ее на фронт.

Особое значение солидности материального положения интеллигенции Сталин придавал в тех случаях, когда они по каким-либо делам выезжали за границу как представители Советского Союза. В таких слу-

чаях Сталин поступал так, что никогда впоследствии советская интеллигенция такого отношения не видывала и в помине. Константин Михайлович Симонов как-то рассказывал, что вскоре после войны в составе небольшой делегации советской интеллигенции он побывал в США. Это была первая официальная поездка группы советских творческих деятелей в Америку. Конечно, не обошлось и без традиционных в советское время инструктажей насчет происков врагов и т.п. Но было и главное.

Перед самой поездкой ее участникам неожиданно выдали очень большие суммы в долларах, примерно по 20 тысяч каждому (сейчас это 200 тысяч долларов). Так сказать, на личные расходы. Более того. В противоположность прежним инструкциям всем посоветовали не стесняться себя в расходах, останавливаться в лучших гостиницах, приглашать нужных американцев в рестораны, делать подарки и покупки. Это было личное распоряжение Сталина, который сам занимался подготовкой этой поездки. В основе такого

распоряжения лежали его разговоры с послом СССР в США А.А. Громыко и другими "знающими лицами", у которых Иосиф Виссарионович выспрашивал, сколько должен иметь при себе наличных денег человек, который на 20 дней едет в Америку, чтобы пожить там "с должным размахом". "Знающие люди" назвали сумму в 10 тысяч долларов, но Сталин распорядился увеличить ее вдвое. Более того. Сталин заявил министру финансов СССР А.Г. Звереву, что *"негоже, чтобы наши писатели выглядели бедными родственниками"*. К слову сказать, доллар 1946 года во много раз сильнее современного.

Вот так Сталин относился к интеллигенции. И хочу еще раз подчеркнуть, что никогда более в советские времена такого отношения к интеллигенции не проявлял ни один из преемников Сталина. Люди старшего поколения прекрасно помнят, как при выезде за границу выдавали такие крохи в валюте, что приходилось чемоданы забивать копченой колбасой, рыбными консервами, черным хлебом и кипятыльником, чтобы согреть

себе чай в номере сверхдешевой, гостиницы. Люди сэкономили буквально на всем, прежде всего на собственном здоровье, чтобы купить себе и ближним парочку дешевых сувениров. А уж о походах в заграничные рестораны на собственные деньги и говорить-то не приходилось.

Вы скажете, что таким образом Сталин делал политику?! Да, прежде всего политику. Вы абсолютно правы. Да, это политика, высшая политика на бытовых мелочах. И Сталин был абсолютно прав. Нельзя унижать собственных людей в сравнении с заграничной, тем более представителей творческой интеллигенции. А вот у его преемников никогда не хватало ума понять столь простую вещь. Хотя они тоже вроде бы не огородничеством занимались...

Кстати говоря, Сталин и до войны точно так же относился к выезжавшим за границу представителям СССР, особенно знаковым — в том смысле, что они символизировали достижения СССР. Все, очевидно, не раз и не два видели докумен-

тальные кадры, на которых запечатлен момент прощания экипажа Чкалова перед знаменитым полетом в Америку через Северный полюс. Но, ручаюсь, практически никто не обратил внимания на то, что под мышкой у Байдукова солидный сверток. А ведь в этом свертке, привезенном непосредственно к самолету, находилось **150 тысяч долларов! По нынешним временам это полмиллиона долларов!** От имени партии и правительства Сталин передал эти деньги экипажу, чтобы они хорошо себя чувствовали в Америке, смогли бы что-то купить себе и подарки своим семьям, не говоря уже о том, что одну покупку Сталин оговорил лично — чтобы они купили себе хорошие автомобили. Вот так Сталин относился к советским гражданам, в данном случае к представителям военно-технической интеллигенции, которые решали задачи высшей мировой политики.

Вот и судите теперь сами, как в действительности относился к интеллигенции Сталин.

— Итак, кого же в комиссию? — спросил Сталин. Жданов перечислил всех, кого намеревались включить в комиссию.

— Хорошо, — сказал Сталин. — Теперь второй вопрос: вы просите штат увеличить. Надо будет увеличить им штат.

Жданов возразил, что предлагаемые Союзом писателей штаты все-таки раздуты. Сто двадцать два человека вместо семидесяти.

— У них новый объем работы, — сказал Сталин, надо увеличить им штаты.

Жданов повторил, что проектируемые Союзом штаты нужно все-таки срезать.

Нужно все-таки увеличить, — сказал Сталин. — Есть отрасли новые, где не только увеличивать приходится, но создавать штаты. А есть отрасли, где штаты разбухли, их нужно срезать. Надо увеличить им штаты.

На этом вопрос о штатах закончился.

Следующий вопрос касался писательских жилищных дел. Фадеев стал

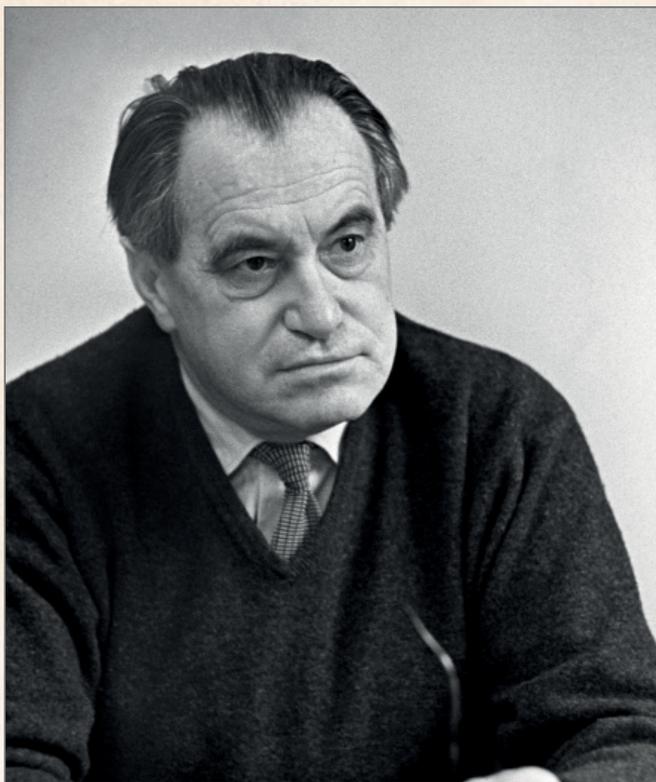

▲ Фадеев А.А.

▲ Жданов А.А.

▲ Катаев А.Н.

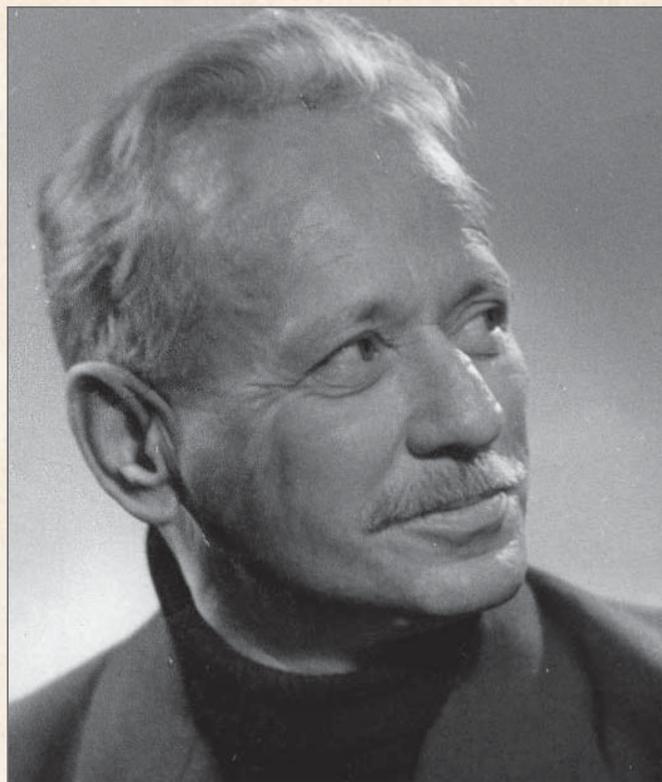
объяснять, как плохо складывается сейчас жилищное положение у писателей и как они нуждаются в этом смысле в помощи, тем более что жилье писателя это, в сущности, его рабочее место.

Сталин внимательно выслушал все объяснения Фадеева и сказал, чтобы в комиссию включили Председателя Моссовета и разобрались с этим вопросом.

Небольшой комментарий.

Сталин и в этом вопросе был чрезвычайно чуток к нуждам интеллигенции. Сейчас уже мало кто знает, что в Москве, например, целые дома предоставлялись представителям творческой интеллигенции. Есть дома, где в основном жили писатели, есть такие, где жили члены Союза композиторов, артисты и т.д. Причем все дома в самых шикарных местах столицы, квартиры огромные, со всеми необходимыми удобствами и т.д.

Ни один из преемников Сталина никогда не решал эти вопросы с таким же размахом, как это делал Иосиф Виссарионович. Подчеркиваю, никто, вплоть до сегодняшнего дня.

▲ Шолохов М.А.

После Сталина интеллигенция вынуждена была на коленях корячиться, чтобы после нескольких лет унижительных прошений добиться хоть какого-то улучшения своих жилищных условий. Ну а сейчас — так и вовсе ее нужды оказались вне поля зрения власти.

Потом, помолчав, спросил:

— Ну, у вас, кажется, все?

До этого момента наша встреча со Сталиным длилась так недолго, что мне вдруг стало страшно жаль: вот сейчас все оборвется, кончится, да, собственно говоря, кончилось.

— Если у вас все, тогда у меня есть к вам вопрос.

Какие темы сейчас разрабатывают писатели?

Фадеев ответил, что для писателей по-прежнему центральной темой остается война, а современная жизнь, в том числе производство, промышленность, пока находит еще куда меньше отражения в литературе, причем когда находит, то чаще всего у писателей-среднячков.

— Правда, — сказал Фадеев, — мы посылали некоторых писателей

в творческие командировки, послали около ста человек, но по большей части это тоже писатели-среднячки.

— А почему не едут крупные писатели? — спросил Сталин. — Не хотят?

— Трудно их раскачать, — сказал Фадеев.

— Не хотят ехать, — сказал Сталин. — А как вы считаете, есть смысл в таких командировках?

Мы ответили, что смысл в командировках есть. Доказывая это, Фадеев сослался на первые пятилетки, на "Гидроцентраль" Шагинян, на "Время вперед!" и на несколько других книг.

— А вот Толстой не ездил в командировки, — сказал Сталин.

Фадеев возразил, что Толстой писал как раз о той среде, в которой он жил, будучи в Ясной Поляне.

— Я считал, что когда серьезный писатель серьезно работает, он сам поедет, если ему нужно, — сказал Сталин. — Как Шолохов, не ездит в командировки? помолчав, спросил он.

— Он все время в командировке, — сказал о Шолохове Фадеев.

— И не хочет оттуда уезжать? — спросил Сталин.

— Нет, — сказал Фадеев, — не хочет переезжать в город.

— Боится города, — сказал Сталин. Наступило молчание. Перед этим, рассказывая о командировках, Фадеев привел несколько примеров того, как трудно посылать в командировки крупных писателей. Среди других упомянул имя Катаева. Очевидно, вспомнив это, Сталин вдруг спросил:

— А что, Катаев, не хочет ездить?

Фадеев ответил, что Катаев работает сейчас над романом, который будет продолжением его книги "Белеет парус одинокий", и что новая работа Катаева тоже связана с Одессой, с коренной темой Катаева.

— Так он над серьезной темой работает? — спросил Сталин.

— Над серьезной, над коренной для него, — подтвердили мы.

Опять наступило молчание.

— А вот есть такая тема, которая очень важна, сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советско-

го патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засран-

цами, — усмехнулся и снова стал серьезным...

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдавливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает, — и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал. — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое

▲ Константин Федин

▲ Маршак С.Я.

▲ Александр Блок

достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничужения у многих наших интеллигентов.

Сталин повернулся к Жданову:
– Дайте документ.

Жданов вынул из папки несколько скрепленных между собой листов с печатным текстом. Сталин перелистал их, в документе было четыре или пять страниц. Перелистав, Сталин поднялся из-за стола и, передав документ Фадееву, сказал:

– Вот, возьмите и прочитайте вслух.

Фадеев начал читать письмо, которое ему передал Сталин. Сталин до этого, в начале беседы, больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов назад и вперед позади его же стула или кресла. Когда Фадеев стал читать письмо, Сталин продолжал ходить, но уже не там, а делая несколько шагов назад и вперед вдоль стола с нашей стороны и поглядывая на нас. Прошло много лет, но я очень точно помню свое, незаписанное тогда ощущение. Чтобы не сидеть спиной к ходившему Сталину, Фадеев инстинктивно по-

▲ Сергей Есенин

луобернулся к нему, продолжая читать письмо, и мы с Горбатовым тоже повернулись. Сталин ходил, слушал, как читает Фадеев, слушал с напряженным выражением лица. Он слушал, с какими интонациями Фадеев читает, он хотел знать, что чувствует Фадеев, читая это письмо, и что испытываем мы, слушая это чтение. Продолжая ходить, бросал на нас взгляды, следя за впечатлением, производимым на нас чтением.

До этого с самого начала встречи я чувствовал себя по-другому, довольно свободно в той атмосфере, которая зависела от Сталина и которую он создал. А тут почувствовал себя напряженно и неудобно. Он так смотрел на нас и так слушал фадеевское чтение, что за этим была какая-то нота опасности — и не вообще, а в частности для нас, сидевших там. Делая пробу, проверял нас — очевидно, на первых людях из этой категории, на одном знаменитом и двух известных писателях, — какое впечатление производит на нас, интеллигентов, коммунистов, но при этом интеллигентов, то, что он про-

диктовал в этом письме о Клюевой и Роскине, тоже о двух интеллигентах. Продиктовал, может быть, или сам написал, вполне возможно. Во всяком случае, это письмо было продиктовано его волей — ничьей другой.

Когда Фадеев дочитал письмо до конца, Сталин, убедившись в том, что прочитанное произвело на нас впечатление, — а действительно так и было, — видимо, счел лишним или ненужным спрашивать наше мнение о прочитанном.

Как свидетельствует моя запись от 14 мая сорок седьмого года, когда письмо было прочитано, Сталин только повторил то, с чего начал:

– Надо уничтожить дух самоуничужения, — и добавил: — Надо на эту тему написать произведение. Роман.

Я сказал, что это скорее тема для пьесы.

Небольшой комментарий.

Речь идет о деле профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина. В предвоенные годы указанные профессора создали противораковый препарат "КР" ("крусцин", французский аналог

▲ Владимир Маяковский

“трипазон”), вопрос об эффективности которого до сих пор вызывает жаркие споры специалистов. По просьбе авторов рукопись их выходящей в Советском Союзе монографии “Биотерапия злокачественных опухолей” (Издательство АМН СССР, М., 1946) академик-секретарь АМН СССР В.В. Парин во время своего визита в США в 1946 году в порядке научной информации передал американским издателям. Когда об этом стало известно в СССР, Сталин расценил этот факт как выдачу важной государственной тайны. По обвинению в шпионаже В.В. Парин был приговорен к 25 годам заключения. Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин, а также снятый со своей должности министр здравоохранения Г.А. Митерев предстали перед “судом чести”. По всей стране была проведена кампания осуждения их поступка. После XX съезда КПСС все они были полностью реабилитированы.

Как расценивать такие действия Сталина? Можно, конечно, с позиции “демократии” и “общечеловеческих ценностей”. В таком случае

получится, что Сталин слишком жестоко обошелся с врачами-исследователями. Но так ли это? Ведь проблема лечения онкологических заболеваний уже в то время являлась одной из ведущих в ряду главных медицинских проблем человечества. И с какой стати, без письменного разрешения АМН СССР, а также иных соответствующих инстанций Советского Союза результаты столь важных исследований и данные о новом противоопухолевом препарате надо было передавать именно за границу, в США?! Уж коли на то пошло, то при публикации этой работы в СССР американцы и сами могли скопировать официально опубликованные в Советском Союзе материалы, и тогда никаких претензий к ученым не было бы и в помине. Потому что приоритет советской науки был бы зафиксирован письменно.

Судя по всему, праведный гнев Сталина вызвали прежде всего два обстоятельства. **Во-первых**, все исследования этих профессоров были осуществлены на бюджетные деньги СССР. Никаких частных исследовательских лавочек, тем более в области медицины, в СССР не существовало в то время. Их работы выполнялись в соответствии с утвержденным планом научно-исследовательских работ АМН СССР И, еще раз обращаю на это внимание, на бюджетные деньги. Соответственно и конечный результат этих исследований должен был принадлежать Советскому Союзу. Ведь и в СССР проблема лечения онкологических больных уже тогда стояла остро. **Во-вторых**, Сталин вполне обоснованно заподозрил, что в США были переданы более подробные результаты исследований этих профессоров. Не говоря уже о том, что его, постоянно заботившегося о каждой советской копейке, но не жалевшего средств для развития советской науки, до глубины души возмутил поступок профессоров, которые на советские деньги провели исследования, а результаты передали в США без патентования своего изобретения. То есть

действительно в ущерб не только себе, но и государству. И реакция Сталина была и по-человечески, и с точки зрения государственных интересов абсолютно справедлива — это было конкретное проявление духа самоуничужения. Добиться выдающегося по тем временам научного успеха, который, кстати говоря, к тому же требовал еще и дальнейшей проверки, и вот так запросто отдать американцам! То есть эти профессора сами себя ни во что не ставили. Потому и такая реакция Иосифа Виссарионовича. И сколько у нас было и есть таких, с позволения сказать, “широко и демократически мыслящих” ученых, которые ни во что, даже на грош, не ставят интересы государства, на средства которого они осуществляют *свои научные исследования!*

— Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, — сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, — отношению простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь сидит, она прививалась очень долго, со времен Петра, и сидит в людях до сих пор.

— Бытие новое, а сознание старое, — сказал Жданов.

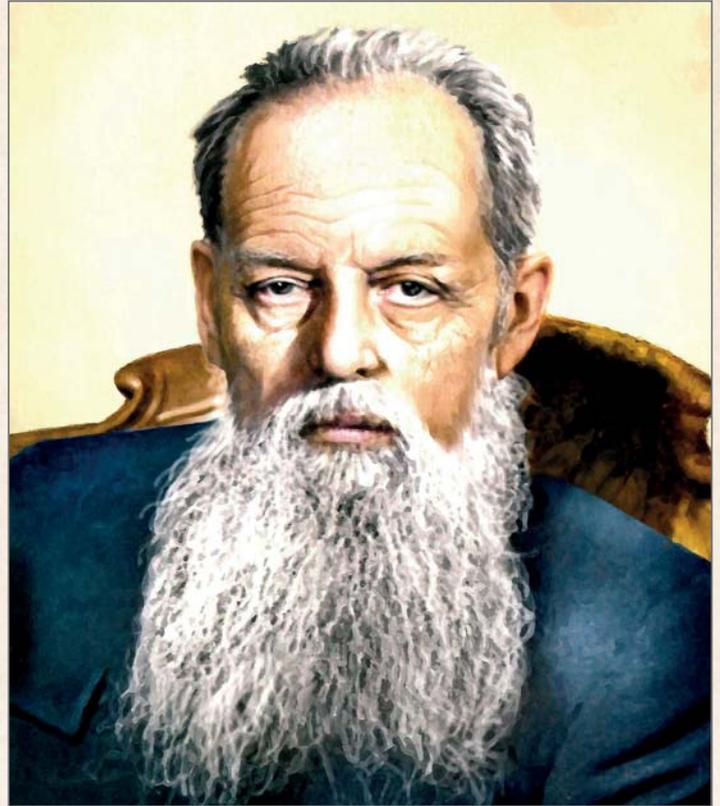
— Сознание, — усмехнулся Сталин. — Оно всегда отстает. Поздно приходит сознание, — и снова вернулся к тому же, о чем уже говорил. — Надо над этой темой работать...

Небольшой комментарий. Разве столь уж неправ был Сталин? У нас ведь и по сию пору безмерное преклонение перед так называемыми цивилизованными странами — любую дрянь, подчеркиваю, именно дрянь копируем с Запада. Изюм в день по всем так называемым демократическим СМИ и даже из уст официальных властей, разливается елей в адрес так называемой цивилизации Запада! Ну, сколько же можно упиваться духом самоуничужения! Чуть ли не каждый раз слышим: “...а вот в цивилизованных странах...” Что, Ее Величество Россия не обладает своей уникальной цивилизацией? Что, подданные Ее Величества России не доказали

▲ Каверин В.А.

▲ Бажов П.П.

всему миру, что способны на уникальные прорывные решения в любой отрасли человеческих знаний, в любой отрасли науки, техники и культуры? Зачем надо столь рьяно унижать себя и свою Великую Родину, преклоняясь перед “цивилизацией” “бигмака”, тампексов, сникерсов, неизлечимо ожиревших идиотов, озабоченных только животным сексом и кариесом, где правит бал туалетная бумага зеленого цвета стоимостью всего в три цента за штуку — доллар. Позволю себе процитировать отрывок из одного стихотворения великого русского поэта Н. А. Некрасова

*“Доллар”:
Грош у новейших господ
Выше стыда и закона.
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Что ни попало — тащат.
“Наш идеал, — говорят,
- Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар”.*

Сколь поразительно точны и метки слова поэта! Сколь точно показана суть духа самоуничужения: “наш идеал — заатлантический брат// Бог его — тоже ведь доллар”!

Когда же, наконец, в России идеалом станет собственно Россия, ее Величайшая и Уникальнейшая Цивилизация, Ее Великие Народы и Ее Могучий, но столь яростно третируемый Его Величество Рубль?

— Мы здесь думаем, — сказал он (то есть Сталин. — А.М.), — что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую “Литературную газету”, чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни, а если понадобится, то и внутренней жизни. Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а “Литературная газета” — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе

и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. “Литературная газета” как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это “Литературную газету”, но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело...

— Вы должны понять, что мы не всегда можем официально высказаться о том, что, о чем хотелось бы сказать, такие случаи бывают в политике, и “Литературная газета” должна нам помогать в этих случаях. И вообще, не должна слишком оглядываться, не должна консультировать свои статьи по международным вопросам с Министерством иностранных дел. Министерство иностранных дел не должно читать эти статьи (Сталин явно подразумевал “предварительно читать”. — А.М.). Министерство

иностранных дел за нимается своими делами, а “Литературная газета” своими делами. Сколько у вас сейчас выпускают экземпляров газеты?

Фадеев ответил, что тираж газеты что-то около пятидесяти тысяч.

— Надо сделать его в десять раз больше. Сколь раз в месяц выпускаете газету?

— Четыре раза, раз в неделю, — ответил Фадеев.

— Надо будет новую “Литературную газету” выпускать два раза в неделю, чтобы ее читали не раз, а два раза в неделю, и в десять раз больше людей. Как ваше мнение, сможете вы в Союзе писателей выпускать такую газету?

Мы ответили, что, наверно, сможем.

— А когда можете начать это дело?

Не помню, кто из нас, может быть даже и я, вспомнив о том, как я впопыхах принимал журнал, ответил, что выпуск такой, совершенно новой газеты потребует, наверно, нескольких месяцев подготовки и ее, очевидно, можно будет начать выпускать где-то с первого сентября, с начала осени.

— Правильно, — сказал Сталин, — подготовка, конечно, нужна. Слишком торопиться не надо. А то, что вам надо для этого, чтобы выпустить такую газету, вы должны попросить, а мы вам должны помочь. И мы еще подумаем, когда вы начнете выпускать газету и справитесь с этим, мы, может быть, предложим вам, чтобы вы создали свое собственное, неофициальное телеграфное агентство для получения неофициальной информации...

Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, молчал, думал, прохаживался. Видимо, вопрос

был продуман им заранее, но какие-то подробности, повороты приходили в голову сейчас, по ходу разговора. Мне, например, показалось, что идея создания телеграфного агентства возникла вдруг и именно здесь после какой-то долгой паузы, во время которой он размышлял над этим, и он высказал ее с удовольствием, был доволен ею...

Закончил свой разговор о “Литературной газете” Сталин тем, что сказал, что, очевидно, нам для новой газеты придется подумать и о новых людях, о новых работниках, о новой редакции, быть может, и о новом редакторе, но обо всем этом предстоит подумать нам самим, это уже наше дело.

Так — не по идее Союза писателей, как это чаще всего принято считать, а по идее Сталина — через несколько месяцев начала выходить совсем другая, чем раньше, “Литературная газета”, правда, без своего официального телеграфного агентства. АПН (знаменитое в советское время Агентство Печати Новости. — А.М.), начальная идея создания которого была высказана тогда, тринадцатого мая 1947 года, было создано через много лет после этого и уже после смерти Сталина”.

Небольшой комментарий.

Разве это презрение к нуждам творческой интеллигенции, если Сталин сам же предлагал создать фактически новый печатный орган?! Ведь именно в таком, сталинском статусе “Литературная газета” и получила всесоюзный авторитет и уважение как в СССР, так и там и за рубежом. Да к тому же миллионные тиражи в советское время. И бездарно потеряла этот статус после 1991 года.

Разве это презрение к интеллигентам, если глава государства открыто предлагает им создать даже специальное телеграфное агентство, которое решало бы задачи творческой интеллигенции? Только годы спустя такое агентство было создано — Агентство печати новости, ныне существующее под вывеской РИА “Новости”! Все ведь сталинское наследие!

Обратите также внимание и на то, как легко, но с уважением к творческой интеллигенции Сталин подошел и в вопросе о свободе слова и печати. Ведь и новая “Литературная газета”, и новое телеграфное агентство должны были, по его замыслу, обладать серьезной независимостью от органов власти и печатать то, что надо по жизни, без прикрас. То есть

▲ Михалков С.В.

▲ Твардовский А.Т.

остро ставить необходимые вопросы, чтобы быстрее их решать, добиваясь улучшения жизни в СССР и его международного имиджа. В постсталинское время никто из его преемников подобными делами не занимался, но АПН было создано на базе его же идей, хотя, конечно, сталинской смелостью в публикациях не обладало. В настоящее время, правда, имеют место попытки копирования гениальных задумок Сталина, только вот отдача от них слишком уж мизерна...

Итак, уважаемые читатели, вы прочитали довольно-таки крупный отрывок из книги К. М. Симонова. И теперь у меня к вам простой вопрос. Положа руку на сердце, сможете ли вы после всего того, что прочли, утверждать, или, по меньшей мере, придерживаться указанных в названии мифов о том, что **Сталин презирал и ненавидел интеллигенцию, особенно творческую, что он не оказывал серьезной поддержки интеллигенции и всячески ее третировал?! Убеден, что у честных людей, а именно они-то и составляют большинство подданных Ее Величества России, ни при**

каких обстоятельствах не повернется язык утверждать такое!

А теперь полюбуйтесь, как интеллигенция вела себя в вопросе о премиях и как Сталин решал вопрос премий. Итак, продолжаем цитировать К. М. Симонова.

1-3 июня 1947 года. Обсуждался фильм "Адмирал Нахимов". Когда Жданов, как председатель комиссии, доложил о присуждении этому фильму первой премии и перечислил всех, кому предполагалось дать премию за фильм, Сталин спросил его, все ли по этому фильму.

— Нет, не все, — сказал Жданов.

— Что?

— Вот есть письмо, товарищ Сталин.

— От кого?

Жданов назвал имя очень известного и очень хорошего актера. Он пишет, сказал Жданов, что будет политически не совсем правильно, если его

не включить в число актеров, премированных по этому фильму, поскольку он играет роль турецкого паши, нашего главного противника, и если ему не дадут премии, то это может выглядеть как неправильная оценка роли нашего противника в фильме, искажение соотношения сил.

Не поручись за точность слов, но примерно так изложил это письмо Жданов. Сталин усмехнулся и, продолжая усмехаться, спросил:

— Хочет получить премию, товарищ Жданов?

— Хочет, товарищ Сталин.

— Очень хочет?

— Очень хочет.

— Очень просит?

— Очень просит.

— Ну, раз так хочет, так просит, надо дать человеку премию, — все еще продолжая усмехаться, сказал Сталин. И, став вдруг серьезным, добавил:

— А вот тот актер, который играл матроса Кошку, не просил премии?

— Не просил, товарищ Сталин.

— Но он тоже хорошо играет, только не просит. Ну человек не просит, а мы дадим и ему, как вы думаете?"

Небольшой комментарий.

Обратите внимание на следующие обстоятельства. **Во-первых**, представителям актерской среды было не занимать нахальства, чтобы требовать премию и себе. Причем под надуманным предлогом. В том, что описал Симонов, чувствуется весь спокойный сталинский сарказм в отношении человеческой алчности до премии у не названного писателем актера. "Хочет? Очень просит? Хочет получить премию? Ну, раз так хочет, так просит, надо дать..."

А ведь роль-то у этого актера была эпизодическая. И, поди ж ты, не постеснялся накатать "телегу" в ЦК и комиссию по премиям, чтобы получить не заслуженное. "Жаба", видите ли, замучила. И едва ли не по принципу "на, подавись" Сталин согласился дать ему премию. Скорее всего, из-за того, что по этому вопросу докладывал Жданов.

Здесь необходимо отметить, что в подобных случаях Сталин вычеркивал таких людей из круга тех лиц, к которым ранее относился с симпатией. Он ни в чем не терпел алчности. И не прибегая к каким-либо иным методам и даже не укоряя в проявлениях алчности, он просто забывал о таком человеке, как о ничемном. В многочисленных писаниях о Сталине не раз встречались такие случаи, как следующий. В своих записях бесед с главным маршалом авиации, создателем советской авиации дальнего действия Александром Евгеньевичем Головановым известный писатель, ныне, к сожалению, покойный Феликс Чуев, с прямой ссылкой на рассказ первого приводит такой пример:

"Есть такие люди, воспринимающие заботу о них по известной поговорке: дают — бери. Одного товарища назначили на весьма ответственный пост, и, естественно, общение со Сталиным стало у него частым. Как-то Сталин поинтересовался, как товарищ живет, не нужно ли ему чего-нибудь, каковы его жилищные условия? Оказывается, ему нужна была квартира. Квартиру он, конечно, получил, а в скором времени Сталин опять его спросил, нет ли в чем-либо нужды. Оказалось, то ли его теща, то ли какая-то родственница тоже хотела бы получить жилплощадь. Такая площадь была получена. В следующий раз товарищ, видя, что отказа ни в чем нет, уже сам поставил вопрос о предоставлении еще кому-то из своих родственников. На этом, собственно, и закончилась его служебная карьера, хотя Сталин и поручил своему помощнику рассмотреть вопрос о возможности

удовлетворения и этой просьбы. Не знаю, получил ли он еще одну квартиру, но в Ставке я его больше не встречал, хотя знал, что службу свою в армии он продолжает.."

Во-вторых, хороши же и отборщики кандидатов на премию, коли даже и не подумали представить на премию актера, игравшего роль народного героя обороны Севастополя в Крымской войне — матроса Кошку. Ведь в свое время его имя гремело точно так же, как в истории Великой Отечественной войны воссияли имена Гастелло, Матросова, Зои Космодемьянской и многих других. Сталин однозначно расценил этот факт как конкретное проявление пренебрежения к простым людям, даже если речь и шла о представленном в кинофильме образе давно уже ушедшего из жизни народного героя. Такого отношения к простым людям, тем более к народным героям, Сталин на дух не переносил. Даже если речь шла всего лишь о кино. И, обратите внимание на записку Симонова, Сталин, став вдруг серьезным, поставил вопрос о награждении актера, игравшего роль матроса Кошки.

В-третьих, в том, что описал Симонов, — весь Сталин. Доскональное знание предмета обсуждения и неподдельно искренняя забота о простом человеке, тем более о народном герое былых сражений.

Кстати говоря, вопрос о премиях целесообразно продолжить, по-прежнему опираясь на записку К. М. Симонова. Относящаяся к 31 марта 1948 г. запись в дневнике К. М. Симонова очень характерна, прежде всего тем, что показывает и предельное внимание Сталина к вопросам литературы и искусства, и его сталинское стремление оказывать максимальную поддержку положительно отличившимся представителям литературы и искусства...

Итак, вновь цитируем: "К Сталину в этот раз были вызваны Фадеев и редакторы толстых журналов —

Панферов, Вишневский, я и Друзин. В ходе обсуждения выдвинутых на премии вещей Сталин заговорил о том, что количество премий — элемент формальный и если появилось достойных премий произведений больше, чем установлено премий, то можно число премий и увеличить. Это и было тут же практически сделано, в том числе за счет введения не существовавших ранее премий третьей степени.

Свою мысль о том, что формальные соображения не должны быть решающими, Сталин несколько раз повторял и потом, в ходе заседания, и вообще в том, как он вел обсуждение, совершенно ясно проявилась тенденция — расширить и круг обсуждавшихся произведений, и круг обсуждаемых авторов, и если окажется достаточное количество заслуживающих внимания вещей, то премировать их пошире. Думаю, что, наверное, в связи с расширением этого круга и были впервые на такое заседание вызваны редакторы всех толстых журналов.

При обсуждении ряда вещей Сталин высказывал свои соображения, имеющие для нас общелитературное

▲ Сурков А.А.

значение. Когда обсуждали “Бурю” Эренбурга, один из присутствовавших (докладывавший от комиссии ЦК по премиям в области литературы и искусства Д. Т. Шепилов. — К. С), объясняя, почему комиссия предложила изменить решение Комитета и дать роману премию не первой, а второй степени, стал говорить о недостатках “Бури”, считая главным недостатком книги то, что французы изображены в ней лучше русских. Сталин возразил:

— А разве это так? Разве французы изображены в романе лучше русских? Верно ли?

Тут он остановился, ожидая, когда выскажутся другие присутствовавшие на заседании. Мнения говоривших, расходясь друг с другом в других пунктах, в большинстве случаев совпали в том, что русские выведены в романе сильно и что, когда изображается заграница, Франция, то там показаны и любовь французских партизан и коммунистов к Советскому Союзу, показана и роль побед Советского Союза и в сознании этих людей, и в их работе, а также в образе Медведя показана активная роль русских советских людей, попавших в условия борьбы с фашистами в рядах французского Сопротивления. Подождав, пока все выскажутся, Сталин, в общем, поддержал эти соображения, сказав:

— Нет, по-моему, тоже неверно было бы сказать, что французы изображены в романе Эренбурга сильнее русских, — потом, помолчав, задумчиво добавил: — Может быть, Эренбург лучше знает Францию, это может быть. У него, конечно, есть недостатки, он пишет неровно, иногда торопится, но “Буря” — большая вещь. А люди, что ж, люди у него показаны средние. Есть писатели, которые не показывают больших людей, показывают средних, рядовых людей. К таким писателям принадлежит Эренбург. — Сталин помолчал и снова добавил: — У него хорошо показано в романе, как люди с недостатками, люди мелкие, порой даже

▲ Илья Эренбург

дурные люди в ходе войны нашли себя, изменились, стали другими. И хорошо, что это показано.

В связи с Эренбургом заговорив о писателях, изображающих рядовых людей, Сталин вспомнил Горького. Вспомнил его вообще и роман “Мать” в частности:

— Вот “Мать” Горького. В ней не изображено ни одного крупного человека, все — рядовые люди.

Еще более подробный разговор, чем о “Буре”, возник, когда стали обсуждать роман Веры Пановой “Кружилиха”. Фадеев, объясняя причины, по которым на Комитете по Сталинским премиям отвели этот первоначально выдвинутый на премию роман, стал говорить о присущем автору объективизме в изображении действующих лиц и о том, что этот объективизм подвергался критике в печати.

Вишневский, защищая роман, долго говорил, что критика просто напросто набросилась на эту вещь,

только и делали, что ругали ее.

— По-моему, и хвалили! — возразил Сталин.

Я читал и положительные статьи.

[(Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял совершенно потрясающую меня осведомленность.) — Прошу обратить особое внимание на эти слова Симонова. Они суть свидетельства того, что Сталин прекрасно разбирался в вопросах литературы. — А. М.]

— Что это — плохо? — возразив Вишневскому, спросил Сталин у Фадеева. — Объективистский подход?

Фадеев сказал, что объективистский подход, по его мнению, это условно плохо.

— А, скажите, — спросил Сталин, — вот “Городок Окуров”, как вы его оцениваете?

Фадеев сказал, что в "Городке Окурове" за всем происходящим там стоит Горький с его субъективными взглядами. И, в общем-то, ясно, кому он отдает свои симпатии и кому — свои антипатии.

— Но, — добавил Фадеев, — мне лично кажется, что в этой вещи слишком многое изображено слишком черными красками и авторская тенденция Горького, его субъективный взгляд не везде достаточно прощупываются.

— Ну, а в "Деле Артамоновых" как? На чьей стороне там Горький? Ясно вам?

Фадеев сказал, что ему ясно, на чьей стороне там Горький. Сталин немножко развел в стороны руки, усмехнулся и полувопросил, обращаясь и ко всем, и ни к кому в особенности:

— Ясно? — и перед тем, как вернуться к обсуждению "Кружилихи", сделал руками неопределенно на смешливый жест, который, как мне показалось, означал: "А мне, например, не так уж ясно, на чьей стороне Горький в "Деле Артамоновых"".

Кто-то из присутствовавших стал критиковать "Кружилиху" за то, как выведен в ней предзавкома Уздечкин.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — Уздечкины у нас еще есть.

Жданов подал реплику, что Уздечкин — один из тех, в ком особенно явен разлад между бытием и сознанием.

— Один из многих и многих, — сказал Сталин.

Вот все критикуют Панову за то, что у людей в ее романе нет единства между личным и общественным, критикуют за этот конфликт. А разве это так просто в жизни решается, так просто сочетается? Бывает, что и не сочетается, — Сталин помолчал и ставя точку в споре о "Кружилихе",

сказал про Панову: — Люди у нее показаны правдиво.

Потом перешли к обсуждению других произведений. Вдруг в ходе этого обсуждения Сталин спросил:

— А вот последние рассказы Полевого — как они, по вашему мнению?

Ему ответили на это, что рассказы Полевого неплохи, но значительно слабее, чем его же "Повесть о настоящем человеке".

— Да, вот послушайте, — сказал Сталин, — что это такое? Почему под этим рассказом стоит "литературная редакция Лукина"? Редакция должна редактировать рукописи авторов... Это ее обязанность.

Зачем специально ставить "литературная редакция Лукина"?

Панферов в ответ на это стал объяснять, что во всех изданиях книжного типа всегда ставится, кто редактор книги. А когда вещь печатается в журнале — кто именно ее редактировал, — обычно не ставится, а если при публикации указывается ее литературный редактор, то это имеет особый смысл, как форма благодарности за большую редакторскую работу.

Сталин не согласился.

— В каждом журнале есть редакция. Если у автора большие недостатки и если он молод, редакция обязана помогать ему, обязана редактировать его произведения. Это и так ее обязанность, — жестко подчеркнул Сталин, — зачем же эти слова "литературная редакция"? Вот, например, в третьем номере "Знамени" напечатано: "Записки Покрышкина при участии Денисова". Тоже литературная редакция Денисова и благодарность за помощь Денисову?

Вишневский стал объяснять Сталину, как родилась эта книга, что Пок-

рышкин хотел рассказать эпизоды из своей жизни, но что книгу от начала и до конца написал полковник Денисов, и они вместе избрали наиболее деликатную форму: Покрышкин благодарит Денисова за помощь.

— Если написал Денисов, — сказал Сталин, — так пусть и будет написано: Денисов о Покрышкине.

После разговора, связанного с рассказами Полевого, зашла речь о книге Василия Смирнова "Сыновья". Фадеев характеризовал ее и объяснил, почему она была отведена на Комитете: в связи с ее не особенно актуальной сейчас тематикой, изображением деревни начала этого века. Сталин сказал задумчиво:

— Да, он хорошо пишет, способный человек, — по том помолчал и добавил полуутвердительно: — Но нужна ли эта книга нам сейчас?

Панферов заговорил о книгах Бабаевского и Семушкина, настаивая на том, что их можно было бы включить в список премированных произведений, сделать исключение, премировав только первые, вышедшие части романов и таким образом поощрив молодых авторов.

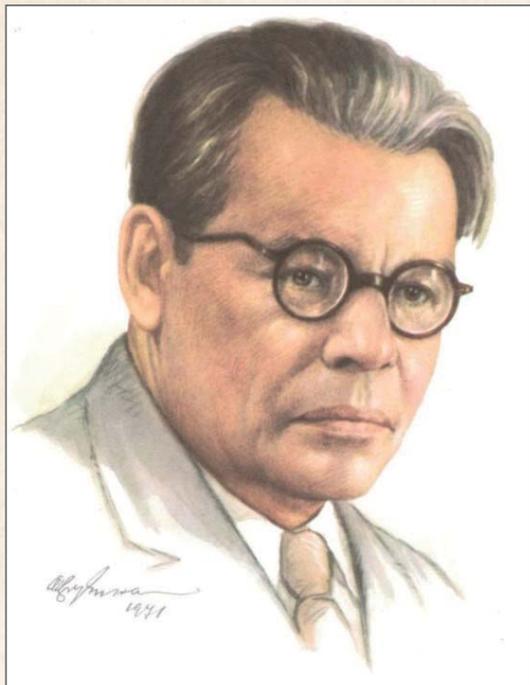
Сталин не согласился.

— Молодой автор, — сказал он. — Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, какая книга — хорошая ли книга? А что же — молодой автор?

Эти его слова не были отрицательной оценкой названных Панферовым книг. Наоборот, об этих книгах он отозвался, в общем, положительно. А его замечание — что значит молодой автор? — носило в данном случае принципиальный характер.

Сталин имел обыкновение — я видел это на нескольких заседаниях, не только на том, о котором сейчас пишу, — брать с собой на заседание небольшую пачку

▲ Исаковский М.В.

книг и журналов. Она лежала слева от него под рукой, что там было, оставалось неизвестным до поры до времени, но пачка эта не только внушала присутствующим интерес, но и вызывала известную тревогу — что там могло быть. А были там вышедшие книгами и напечатанные в журналах литературные произведения, не входившие ни в какие списки, представленные на премию Комитетом. То, о чем шла, точнее, могла пойти речь на заседании в связи с представлениями Комитета по Сталинским премиям, Сталин, как правило, читал. Не могу утверждать, что он всегда все читал. Могу допустить, что он какие-то произведения и не читал, хотя это на моей памяти ни разу прямо не обнаружилось. Все, что во время заседания попадало в поле зрения общего внимания, в том числе все, по поводу чего были расхождения в Союзе писателей, в Комитете, в комиссии ЦК, — давать, не давать премию, перенести с первой степени на вторую или наоборот, — все, что в какой-то мере было спорно и вызывало разногласия, он читал. И я всякий раз, присутствуя на этих заседаниях, убеждался в этом”.

Таков был в реальности Сталин в вопросах взаимоотношений с творческой интеллигенцией. Точно так же чутко и внимательно он относился и к нуждам художников, артистов, композиторов. Точно так же он прекрасно разбирался и в вопросах искусства, кино, музыки. Позвольте в этой связи процитировать еще одного титана советской культуры — выдающего советского (русского) композитора, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Сталинских и Государственных, а также Ленинской премий Тихона Николаевича Хренникова. В сентябре 2006 года он дал

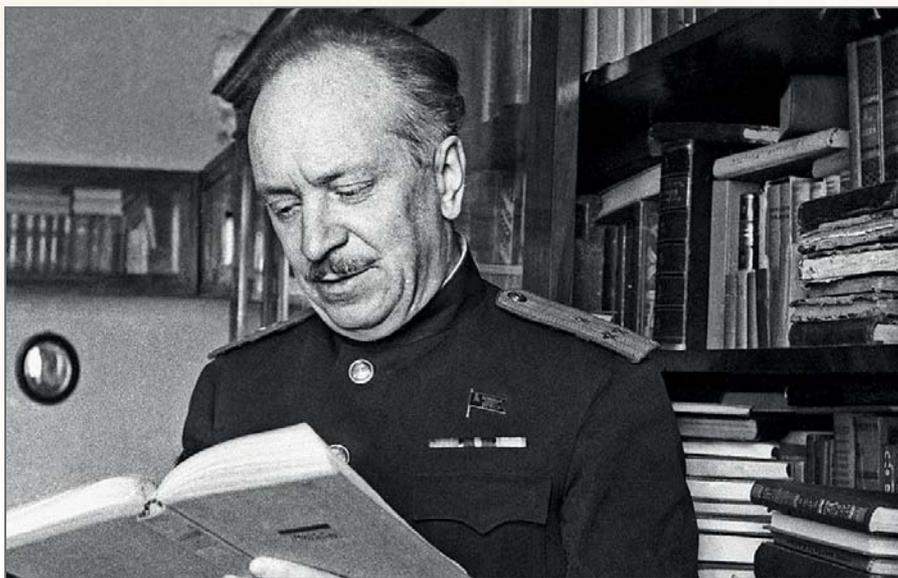
развернутое интервью корреспонденту газеты “Завтра” (№39), содержание которого представляет громадный интерес для более глубокого понимания отношения Сталина к интеллигенции и к культуре. Итак, вот что сказал Т.Н. Хренников (структура интервью сохранена):

“Завтра”. Вы приехали в Москву как раз к началу политического взлета Иосифа Виссарионовича Сталина. И на ваших глазах про-

ходила вся основная политическая карьера Сталина. Наверняка у вас сложилось какое-то мнение о годах его правления о масштабе его личности.

Т.Х. В период моего приезда, в 20-е годы, покровителем культуры был Луначарский (нарком культуры. — А.М.). А Сталин играл эту роль позже. Без сомнения, это величайший человек, который нашу Родину превратил в такое государство, которое стало величайшим в мире. Если взять культуру, не могу не вспомнить, как к нам приезжали из Америки наши коллеги-композиторы, которые признавались, что в Америке нет ничего похожего на ту огромную государственную поддержку, которая есть в СССР.

“Завтра”. Может быть, разница отношения к культуре и соответственно жизнь культуры (в том числе и материальная) сейчас и во времена, о которых вы вспоминали, коренится в разнице культурного уровня руководителей государства, Сталин посещал оперные спектакли, симфонические концерты не протокола ради. А вот Ельцин на моей памяти не посетил такого рода мероприятия ни разу..

▲ Лебедев-Кумач В.И.

Т. Х. Сталин, по-моему, музыке знал лучше, чем кто-либо из нас. [Обратите внимание на это заявление Тихона Николаевича. Сам являющийся выдающимся композитором и знатоком музыки, он все-таки счел правильным сказать именно так, как сказал. А ведь такое признание из уст всемирно признанного музыканта и композитора дорогого стоит! — А. М.]

Он постоянно ходил на спектакли Большого театра и часто водил туда Политбюро — воспитывал, так сказать, своих сотрудников. Он страстно любил слушать Максима Дормидонтовича Хайлова — замечательный был бас. Сталин был на моей опере «В бурю». Поставил ее Владимир Иванович Немирович-Данченко, премьера была в 1939 году. И так, там присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов и им понравилось. Сталин пригласил к себе Немировича-Данченко и меня. Еще раньше предупреждали, чтобы был наготове — но я в тот вечер был в Киеве. Там была премьера той же оперы, дирижировал Рахлин, он никогда не изучал заранее партитуры, и я не мог не быть в Киеве, чтобы хоть верные темпы показать. Но Сталин не обиделся. Во всяком случае, на следующий день в «Правде» напечатали статью, где говорилось, что руководители страны были на премьере оперы «В бурю», и Сталин высказал свою похвалу в отношении спектакля.

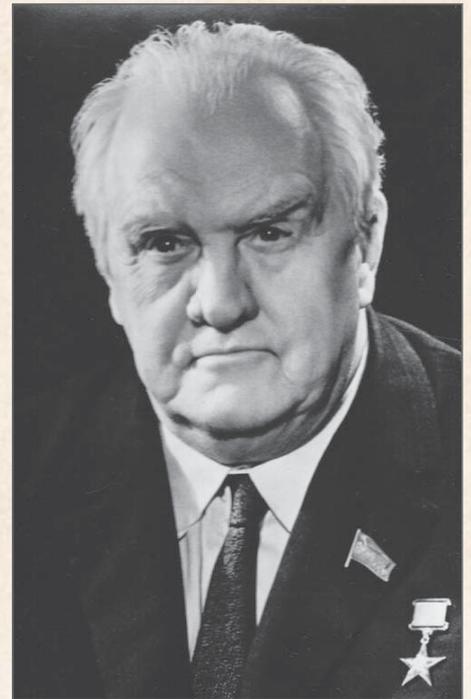
Я со Сталиным встречался четыре раза. Позже, когда был уже известным композитором. Сталин знал мою музыку и хорошо к ней относился, об этом говорит и Шепилов в своих воспоминаниях. Именно Сталин назначил меня Генеральным секретарем Союза композиторов.

...В то же время Сталин назначил меня и руководителем музыкальной секции комитета по Сталинским премиям. Председателем всего комитета был Фадеев, я — его заместителем, потом Фадеева сменил Тихонов, и я стал уже его заместителем. Поэтому, естественно, мне приходилось

беседовать с Иосифом Виссарионовичем. Но какого-либо специального разговора, когда бы меня учили, как нужно поступать, у меня со Сталиным не было.

Меня приглашал Жданов, который был образованнейшим человеком. Это сейчас стали из него делать пугало: якобы он был незнайкой, якобы садился за рояль и показывал великим композиторам, как нужно сочинять. Вообще пишут такую билиберду, что трудно представить, чтобы нормальный грамотный человек мог придумать такую штуку, как сейчас придумывают о советских руководителях, писателях. Что, к примеру, сегодня сделали с Горьким, со всей советской литературой!.. Нам оставили как Евангелие «Мастера и Маргариту». Не спорю — хорошая, талантливая книга. Тем более я был знаком с Булгаковым. Я писал музыку к его пьесе «Дон-Кихот», которая шла в театре Вахтангова. Но нельзя же так все переворачивать с ног на голову — возвышая одних, пусть и справедливо, втаптывая в грязь других!

Небольшой комментарий. Откровенно говоря, если бы не Сталин, Булгаков не стал бы столь известным советским писателем. Сталин был первым, кто реально оценил всю глубину таланта Михаила Афанасьевича и не дал его сожрать архаровцам из Реперткома. Ведь главарь этой полубандитской организации — пресловутый Ф. Ф. Раскольников — едва не пристрелил Булгакова за то, что тот посмел ему возразить. Сталин же пристроил его и в театр, куда Михаила Афанасьевича не хотели брать. Честно говоря, характер у него был, мягко говоря, далеко не сахар. Но Сталин ценил его талант и очень любил его пьесу «Дни Турбиных», которую, как утверждают, смотрел не менее 15–20 раз. И очень даже похоже на то, что именно эта пьеса стала одним из тех невидимых постороннему глазу мощнейших импульсов, приведших Сталина к мысли о необходимости демократизации внутренней жизни СССР, к соци-

▲ Тихонов Н.С.

альному примирению с теми, с кем в Гражданскую войну воевали, к необходимости восстановления офицерских званий в РККА.

Когда говорят о Булгакове, то очень многие не без удовольствия смакуют историю о том, как Сталин, пускай и в мягкой форме, но не рекомендовал ему писать пьесу о батумской стачке 1905 года, а когда писатель не послушался и направился в Грузию для сбора материалов, то его сняли с поезда. Мне трудно сказать, знают ли те, кто в антисталинском духе смакует эту историю, подлинную подоплеку случившегося.

Сталин действительно возглавлял всю организационную работу по подготовке и проведению той стачки. К тому времени он уже обладал колоссальным авторитетом в Закавказье. Однако тогда ему не было известно, что руководители ЦК РСДРП(б), то есть Ленин и К°, взяли деньги для проведения этой стачки непосредственно у представителей знаменитого американского нефтяного короля Рокфеллера. В то время он был на ножах со своими заклятыми конкурентами Нобелями и Ротшиль-

▲ Булгаков М.А.

дами, которые, особенно первые, господствовали на российском нефтяном рынке, являясь практически монополистами в добыче и экспорте бакинской нефти. Им же принадлежал и батумский керосинопровод, по которому на экспорт отправлялось примерно 86 % российского керосина, что составляло около 50 % мирового экспорта. Сталин получал деньги для стачки непосредственно от ЦК и потому не знал об их подлинном происхождении. Узнал лишь много позже, во время допросов основных фигурантов знаменитых процессов 1937–1938 гг. Что же касается организации забастовок против конкурентов с помощью либо профсоюзов, либо радикальных политических партий, то в начале прошлого века это стало фактически обыденной вещью в мире капитала. Таких примеров в истории разных стран можно найти уйму.

И вот надо же было такому случиться, что кто-то надоумил пользовавшегося благосклонностью Сталина Булгакова заинтересоваться темой этой стачки и писатель воспыпал горячим желанием написать

соответствующую пьесу и воспеть Сталина тех лет. Сталин, естественно, быстро узнал и о том, кто конкретно надоумил ничего не понимавшего в политике и тем более в подкованной борьбе троцкистской оппозиции писателя, и, самое главное, зачем надоумили. Это была своего рода попытка римейка истории с произведением Пильняка “Повесть непогашенной луны”, о которой говорилось еще во второй книге настоящего пятитомника. Тогда это произошло с подачи Троцкого и его соратников. И с Булгаковым произошла та же история — некоторые из неразоблаченных троцкистов, оставшиеся на свободе, надоумили ничего не знавшего писателя заинтересоваться этой темой. И если бы он раскопал эту историю и тем более написал бы пьесу, то возник бы повод в очередной раз устроить вакханалию попыток обвинить Сталина в чем-то непотребном, в данном случае в сотрудничестве с американским капиталом и на этой волне в очередной раз попытаться его свергнуть.

Сталин прекрасно понял, кто стоит за кулисами этой проделки, и в самой мягкой форме рекомендовал Булгакову оставить эту тему в покое, потому как в противном случае с ним пришлось бы разбираться на основании положений Уголовного кодекса. Сталин же этого не хотел, так как, подчеркиваю, очень высоко ценил его талант писателя и драматурга. К глубокому сожалению, Булгаков не внял мягким предостережениям Сталина и засобирился в дорогу, в Грузию. И когда Сталин узнал об этом, то с помощью НКВД была организована срочная операция по доставке Булгакову прямо в поезд соответствующей срочной телеграммы с отзывом в Москву. Такая вкратце суть данной истории.

“Завтрак. Сталин в общении был каким: злобным, ожесточенным, равнодушным, холодным или наоборот — сердечным, приветливым?”

Т.Х. Сталин был совершенно нормальный человек. С ним часто спорил Фадеев, мне один раз пришлось поспорить. Фадеев спорил по поводу книги “Даурия” писателя Седых. Мы приехали к Сталину втроем — Фадеев, Симонов, который был руководителем литературной секции, и я — руководитель музыкальной секции. Докладываем всему Политбюро о сложившейся ситуации. Никогда Сталин не вел заседания Политбюро. И в тот день его вел Маленков. Сталин сидел справа и принимал самое активное участие в обсуждении вопросов. Когда Фадеев высказал свое мнение о том, что он против награждения этого произведения Сталинской премией, поскольку там плохо отражена роль партии, Сталин возразил: “Это же литературное произведение, а не публицистика, зачем нужны такие политические подробности, такая точность?”. Возник спор. Фадеев сказал, что он категорически против, что он в то время был на Дальнем Востоке и вместе с Сергеем Лазо делал революцию. Он же был двоюродным братом Лазо, которого сожгли в топке японцы. Сталин обратился к Политбюро: ну что, дадим премию Седых? И вопреки мнению Фадеева эту премию дали.

Или у меня была история. Тогда появился Нечипоренко — потрясающий балалаечник. Я никогда не слышал большего, потрясающего мастерства в этом направлении, чем у Нечипоренко. Он произвел на меня такое впечатление, что я решил во что бы то ни стало выдвинуть его на премию. И выдвинул. Пригласил его, он перед всеми сыграл, все обалдели от его мастерства. Его называли тогда “Ойстрах на балалайке”, потому что он играл тогда весь виртуозный скрипичный репертуар на своем инструменте. Это было совершенно невероятно. На прослушивании присутствовал и председатель комитета. В то время им был Николай Николаевич Беспалов. Он решил лизнуть Сталину одно место и сказал: “Товарищ Сталин, такую премию — за народный инструмент? Ну, как же можно? Мы этим самым

▲ Хренников Т.Н.

снижаем значение такой престижной премии". И Сталин вроде бы согласился... Вижу, что вся моя конструкция рухнет. С присущим мне темпераментом я попросил слова у Сталина и стал говорить, что я вообще удивляюсь выступлению Беспалова, который, по-видимому, не знает историю этого инструмента, что еще в XIX веке Трояновский и Андреев приезжали к Толстому, играли ему, и он плакал и рыдал. Игре на балалайке учат в самых престижных музыкальных вузах. И говорить о том, что это все еще самодельный инструмент, — я такой глупости не могу пережить и протестую категорически. Тогда Сталин говорит коротко: **Дадим.** И дали.

Небольшой комментарий. Обратите внимание на то, что и Т.Н. Хренников в унисон с К.М. Симоновым описывает невероятную свободу обсуждения произведений литературы и искусства у Сталина. Описывает и то, что Сталин детально вникал в различные мнения, подробно выслушивал самые разные точки зрения и только потом предлагал резюме, причем, не навязывая своего мнения. И ведь как уважительно

выслушивал все стороны. Вот вам и "диктатор"!

Вообще в СССР (сталинского периода особенно. — А.М.) музыка, как в классической Древней Греции, была крупнейшим государственным делом. Духовное влияние крупнейших композиторов и исполнителей, формирующее умных и волевых людей, было огромным, в первую очередь через радио.

Небольшой комментарий. Тихон Николаевич сказал истинную правду. Влияние было чрезвычайно огромным. И вовсе не случайно, что в наше время пытаются возобновить такое же влияние, устраивая концерты на телевидении, ставшие известными под названием **"Старые песни о главном"**. Потому как современной музыкой умных и волевых людей не вырастить — вырастить можно только трясущихся в животном экстазе дебилов. Ведь все современные песни построены по принципу "два притопа, три прихлопа", причем что музыка, что слова. Кстати говоря, содержание современных песен и вовсе не выдерживает ника-

кой критики, и не случайно, что оно попало под жесточайший обстрел современных умных юмористов, особенно М.М. Задорнова.

Наш Союз композиторов обладал огромной материальной мощью. Мы в год имели 20 миллионов рублей! По тем временам — это колоссальная сумма. Мы строили дома, давали бесплатно квартиры. Создавали Дома творчества. А фестивали и концерты! При Музфонде существовал специальный отдел музыкальной пропаганды, задачей которого была организация и пропаганда новых произведений. Мы построили свою типографию и свое издательство "Советский композитор". Издавали произведения, в том числе и молодых композиторов. Попробуйте сейчас что-нибудь издать! Только сами, за свои деньги.

Вот так выдающийся советский русский композитор оценивает роль Сталина в искусстве, в частности в развитии музыки.

Конечно, еще очень много можно было бы рассказать об истинном отношении Сталина к интеллигенции. Однако, как представляется, и этого уже вполне достаточно, чтобы понять одну простую истину — мифы на эту тему не имеют под собой реальной почвы. А интеллигенции должно быть стыдно за стряпание и особенно, распространение лжи об отношении Сталина к ней. Никогда более интеллигенция не жила так хорошо, так вольготно, так сытно, так финансово и материально обеспеченно, как при Сталине. Одни только гонорары за художественные произведения были столь высокими, что по сию пору их даже не с чем сравнить!

Таков был подлинный Сталин в отношениях с интеллигенцией! Ну а та по своей привычке — все же не зря дочка Тютчева обозвала ее гнилой интеллигенцией, — предала забвению все, что Сталин сделал для интеллигенции. ■

К.К. ЗВОНАРЕВ

РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ДО РУССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

▲ Полицейские чиновники департамента МВД

В царской России не было почти ни одного ведомства-министерства, которое в том или ином виде не занималось бы зарубежной агентурной разведкой или контрразведкой. Внутри же военного ведомства, несмотря на существование специального органа разведки

в Главном штабе, несколько главных управлений военного министерства вели самостоятельную агентурную разведку по узко специальным, их интересовавшим вопросам.

Министерство иностранных дел имело за рубежом свою платную агентуру и тратило на нее доволь-

но солидные суммы. Эта агентура должна была добывать секретные сведения дипломатического и политического характера. Этой разведкой ведал и руководил в центре департамент политических дел министерства иностранных дел, а за рубежом — дипломатические представители —

Звонарев Константин Кириллович (настоящая фамилия Звайгзне Карл Кришьянович) (21.06.(03.07.), 1892, местечко Швиттенское, ныне Баусского района, Латвия — 25.08.1938). Латыш, из крестьян. Полковник (1936). Окончил вечернее отделение Военной академии им. М. В. Фрунзе (1933). Член РКП(б). С 1908 г. член Социал-демократии Латышского края. Член ВКП(б). На военной службе с октября 1913 г., прошел подготовку в учебной команде 205-го пехотного Шемахинского полка. Участник I мировой войны в составе 52-й пехотной дивизии. Старший унтер-офицер.

В РККА с 1918 г. В период Гражданской войны находился в рядах 16-й стрелковой дивизии Красной Армии; был начальником редакционного отдела Политуправления 15-й армии Западного фронта (1918–1920). С сентября 1920 г. — в Региструпре Полевого штаба РВСР. Заведующий хроникой, начальник отделения прессы Информационного отдела, в оперативном (агентурном) отделе (сентябрь 1920 — январь 1921).

Помощник военного атташе при полпредстве СССР в Литве (1921–1922), военный атташе при полпредстве СССР в Турции (1922–1924). Помощник начальника Разведывательного управления Штаба РККА, начальник 2-го (агентурного отдела) Разведупра (1924–1926).

Апрель 1927 — апрель 1933 г. — в резерве РККА. Заместитель директора военного завода «Вишхимз» в г. Чердыни (1927), заведующий мобилизационным отделом Наркомата почт и телеграфов, Наркомата связи СССР, заместитель инспектора войск связи РККА по совместительству.

Преподаватель, начальник кафедры разведки Военной академии им. М. В. Фрунзе (апрель 1933 — март 1937). Март — ноябрь 1937 г. — в распоряжении Разведупра РККА, временно исполнял должность начальника 8-го отдела Разведывательного управления.

Автор монографий: «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг». Издание IV управления Штаба РККА. — М., 1929; «Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг». Издание IV управления Штаба РККА. — М., 1931.

послы и консулы. Они имели тайных платных агентов для сбора нужных секретных сведений и документов.

В политическом департаменте эти ведения группировались по отдельным вопросам и странам и выпускались отдельными литографированными бюллетенями, рассылавшимися почти всем центральным учреждениям и русским дипломатическим представительствам за границей. Каждое сведение, помещенное в бюллетене, сопровождалось указанием его официального источника (посольства или консульства). Нередко в них помещались без всяких изменений дешифрованные телеграммы послов и консулов.

Иногда такого рода бюллетени рассылались заграничным адресатам

по обычной почте, правда, с надписью: «совершенно секретно, в собственные руки» и в пакетах, запечатанных сургучной печатью. Понятно, что «черные кабинеты» иностранных государств имели полную возможность ознакомиться с содержанием такого рода «совершенно секретных» пакетов...

Так называемыми дипломатическими курьерами в то время пользовались крайне редко в особо важных случаях, да притом и состав этих дипломатических курьеров допускал возможность при помощи определенной суммы денег ознакомиться с содержанием порученной им архисекретной важной почты. До чего плохо обстояло дело в этом отношении, показывает следующий

факт, рассказанный бывшим царским цензором С. Майским. «...Про графа Н. П. Игнатъева в «черном кабинете» сохранилось предание, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои донесения в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые пролежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать адрес не на имя министра иностранных дел, коему письмо предназначалось, а на имя его дворника или истопника, по частному адресу. Вот такие меры предосторожности, пожалуй, действительно спасали его корреспонденцию от перлюстрации.

Прибежал же Игнатъев, по преданию, к таким мерам потому, что, будучи еще русским военным атта-

▲ Игнатьев Н.П.

ше в Лондоне, он получил однажды письмо из Петербурга со следами оттиска почтовых штемпелей, всех на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпеля были положены одни на лицевой, а другие — на клапанной стороне конверта. Оттисками этих штемпелей можно было безусловно доказать, что его письмо было перлюстрировано в Лондоне или на британских островах, и Игнатьев упрекнул великобританского министра иностранных дел в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии.

Министр дал честное слово лорда, что в Англии «черного кабинета» не существует; уличенный же оттисками штемпелей в противном, он, смеясь, заметил: «А что же я, по-вашему, должен был сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно

знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?».

Но и само русское министерство иностранных дел, в свою очередь, при помощи «черного кабинета», подчиненного министру внутренних дел, извлекало много ценных сведений из переписки иностранных послов со своими правительствами. О том, как эта «операция» производилась, рассказывает тот же Майский:

«...Эта корреспонденция получалась в Петербурге и отправлялась за границу в особых постпакетах и была большею частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в «черный кабинет» полностью в своем постпакете. Попадала она туда и тогда,

когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал.

Во-вторых, потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку без малейшего следа вскрытия не представляло никаких затруднений.

В-третьих, потому, что имелись зашифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в «черном кабинете», а в другом, однородном с ним учреждении при министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм.

В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция.

Здесь кстати следует заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельдъегеря, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им помесечно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики, подлинники получаемых писем официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи.

Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих го-

спод ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов своим лакеям, которые их продавали за гроши. Однажды произошел такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собой привести весь новый штат служащих, так как прежний посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу очень ходатайствовал за одного, по его выражению, «незаменимого» человека, своего выездного лакея, то есть именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставляло из посольства все, то было угодно...».

Шифры и коды, однако, приобретались не только при помощи слу-

жащих посольств. Они покупались также в Париже и Брюсселе, где у известных лиц имелась открытая торговля иностранными кодами и цифрами. Приведенная выше довольно длинная выписка подтверждает ту кипучую агентурную деятельность, которую вело царское министерство иностранных дел не только за границей через своих официальных представителей, но и в самой России при помощи «черного кабинета» и специальной агентуры в иностранных посольствах и в других дипломатических учреждениях.

За границей представители министерства иностранных дел пользовались не только специальными тайными агентами, но и всякими встречами и разговорами с разными официальными лицами и общественными деятелями. Например, по словам А. А. Половцева, бывший посол в Японии перед войной 1904 — 1905 гг. Извольский говорил

ему, что он сообщал министерству иностранных дел сведения о японских военных приготовлениях, полученные им от военных агентов иностранных держав, и преимущественно Франции.

Кроме того, необходимо также указать, что ни одно ведомство без ведома и содействия министерства иностранных дел не имело возможности послать своих агентов за границу и более или менее сносно их там маскировать. Хотя и неохотно и не всегда, но министерство иностранных дел эти услуги все же оказывало, взамен чего, согласно существовавшим правилам, послы и прочие представители министерства иностранных дел имели право знакомиться с материалами, добытыми агентами других ведомств. Все это, вместе взятое, ставило министерство иностранных дел в смысле осведомленности в довольно выгодное перед остальными ведомствами положение.

Министерство внутренних дел или, вернее, его департамент полиции также имел за границей свою самостоятельную агентуру. Основной задачей этой агентуры являлось освещение русских революционных организаций и отдельных революционеров и их деятельности за границей.

Страны, в которых русские политические эмигранты чаще всего находили себе убежище, были наводнены агентами департамента полиции. Эти агенты существовали и «работали» почти совершенно открыто и были известны местным властям. Несмотря на такое выгодное положение, департаменту полиции, однако, казалось, что дело можно устроить на еще более прочных и обширных основаниях, если заключить официальное соглашение с некоторыми правительствами о совместной объединенной борьбе с революционным движением. Проекты такого рода соглашения несколько раз предлагались русскими царями Германии, но не встречали сочувствия. Департамент полиции, однако, не унывал и самостоятельно, на свой страх и риск, входил в частные тайные соглашения с германской полицией.

▲ Извольский А.П. — посол России в Японии

▲ Черный кабинет

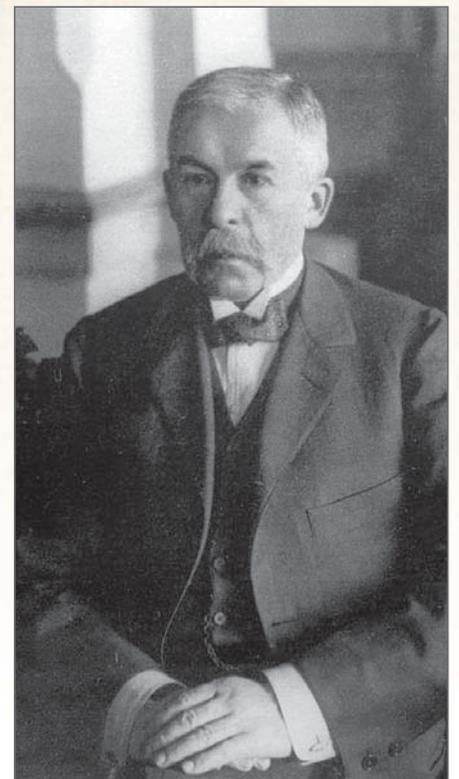
Последняя за плату оказывала услуги русской полиции по преследованию русских политических эмигрантов. Услуги эти оказывались тайком, но все же кое-что из этой области стало общеизвестным. Так, например, инициатива германских социал-демократов в рейхстаге 19 января 1904 г. провести расследование о деятельности русских полицейских шпионов и о содействии им германской полиции, которое дало картину весьма сердечной совместной деятельности германской полиции со шпионами русской полиции. Помимо этой деятельности, департамент полиции до 1911 года руководил и военной контрразведкой. Но, по сравнению с первой, эта часть его деятельности была в загоне. Заграничная агентура в целях военной контрразведки почти не использовалась. Главная ставка делалась департаментом полиции на подкуп сотрудников иностранных посольств и внешнее наблюдение. Результаты военной контрразведывательной деятельности департамента полиции были настолько слабы и стоили так дорого, что после долгих споров в 1911 году Генеральный штаб взял управление военной контрразведкой в свои руки. В ведении министерства внутренних дел, как это было уже указано выше, находился также и «черный кабинет», территориально расположенный в главном почтамте. Как и на что департамент

полиции тратил ассигнованные на эту разнообразную агентурную деятельность средства, показывает хотя бы следующий факт, рассказанный А. В. Богдановичем: «...Галкин тоже говорил, что Черевин и другие дополнили сведения Шишкина насчет безобразий, которые производил Дурново (полиция) в течение пяти лет: посылал своих любовниц агентами тайной полиции в Париж, давал 5 000 рублей на путешествие и, не будучи уверенным, что там они останутся ему верны, отправлял туда же следить за их поведением настоящих сыщиков. А тут думали, что все это делается с целью государственной охраны». Можно было бы привести бесконечное количество аналогичных примеров деятельности департамента полиции.

Министерство двора также вело самостоятельную зарубежную агентурную разведку. Эта агентура занималась главным образом собиранием разных придворных сплетен, выяснением и освещением дрязг, склок, и вообще закулисной интимной жизни иностранных дворов. Мимоходом, в зависимости от наклонностей и способностей главного агента, изредка освещались также вопросы политические, дипломатические и военные. Эта агентура по количеству действовавших в ней лиц не была обширной, но зато она обладала большими возможностями и была снабжена весьма крупными

суммами денег. Руководили этой агентурой специальные доверенные русского царя при дворах иностранных монархов.

Официальное назначение этих высокопоставленных шпионов Вильгельм II определял следующими словами: «Принимая во внимание наши близкие отношения, — писал Вильгельм Николаю Романову, — и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял в мой «*maison militaire*» кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтке?».

▲ Дурново П.Н.

В другом письме (№ 56, от 6 июня 1904 г.) Вильгельм опять пишет Николаю Романову по тому же вопросу: «В качестве военного атташе я выбрал майора графа Ламсдорфа — моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер.

Таким образом, ты можешь доверить ему какие угодно поручения, запрос, письмо и т. д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее

сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий посольств и т. д.».

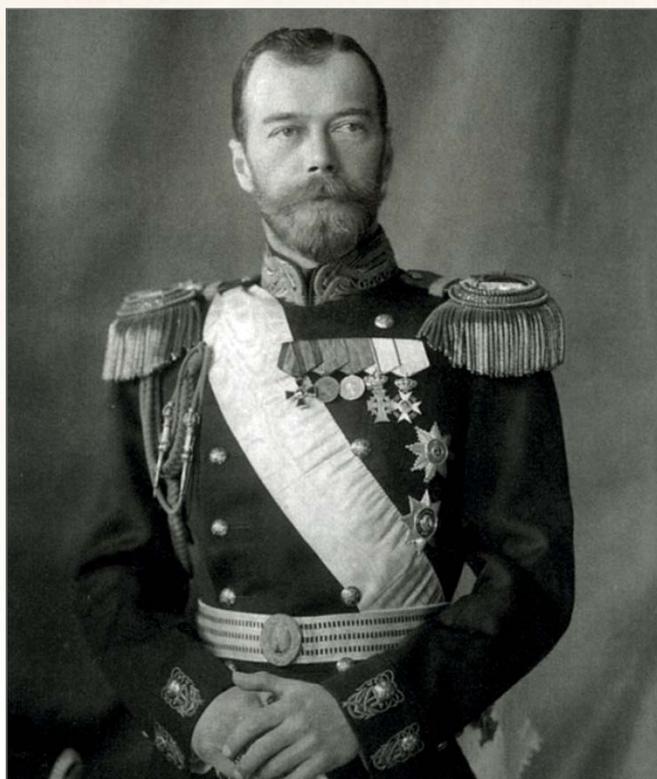
Эти личные адъютанты с такими скромными официальными задачами имели поручения весьма секретного характера, как это видно хотя бы из дневника Татищева, бывшего до войны 1914 — 1918 гг. представителем Николая Романова при Вильгельме. Разница в исполнении этих поручений шпионами обычного типа и личными адъютантами заключалась в том, что последние прямым подкупом для получения нужных им сведений пользовались в виде исключения и крайне редко. Они предпочитали оплачивать своих вольных и невольных агентов дорогими подарками, выклянчивать для них ордена и т. д. Но главным излюбленным способом собирания сведений были кутежи, обеды, интимные чаепития, балы, и т. п. Понятно, что все это стоило громадных сумм денег и допускало возможность самых беззастенчивых злоупотреблений со стороны этих царских доверенных. Но этим тогда не смущались, лишь бы побольше

пикантных и интимных сплетен давал такой агент из жизни двора, к которому он был приставлен.

Министерства финансов, торговли и промышленности также имели самостоятельные зарубежные агентуры. Интересовались они главным образом секретными сведениями финансового, коммерческого и экономического характера. Эти данные добывались официальными агентами указанных ведомств, находившимися при заграничных посольствах. Сбор сведений они производили, главным образом, из официальных и неофициальных периодических и других специальных изданий, посредством банков, коммерческих и промышленных предприятий и т. д. Для этих целей они старались использовать услуги отечественных коммерсантов и финансистов, имевших дела с заграничными коммерческими предприятиями и банками. Однако, насколько можно судить по имеющимся данным, эти агентуры были довольно слабы, и, как только представлялась необходимость добыть более или менее

▲ Вильгельм II

▲ Николай II

▲ Мейендорф П. К.

важные и секретные сведения, все министерства обращались за содействием к министерствам военному или иностранных дел.

Так, например, еще в июне 1839 года командир корпуса горных инженеров обратился к послу в Берлине П. К. Мейендорфу с письмом, в котором писал, что «царь поручил министерству финансов (пути сообщения в то время находились в ведении министерства финансов — К. З.) наблюдать за ходом и успехом устройства железных дорог в других странах и для того собирать благовременно все по сей части, сведения». От Мейендорфа требовались сведения о железных дорогах Пруссии.

Разведывательная деятельность различных ведомств объединена не была. Каждое из них работало на свой страх и риск, ничего не зная о том, что делается и что добывается другим ведомством. Все ведомства, ведшие зарубежную разведку, волей-неволей вынуждены были иметь постоянный односторонний контакт с министерством иностранных дел по поводу отправки того или иного

сотрудника за границу, поддержания с ним связи и т. д. Ввиду того, что сотрудники всех остальных ведомств за границей официально в порядке общей службы подчинялись послу, они вынуждены были показывать или даже давать копии своих донесений и докладов последнему.

Министерство иностранных дел прекрасно учитывало эти обстоятельства и старалось использовать их в своих чисто ведомственных интересах. Больше того, при малейшем отказе исполнить какой-либо каприз министерства иностранных дел оно вставляло палки в колеса разведывательной деятельности такого «смелого» ведомства. Особенно сильно в этом отношении страдало ведомство военное. Единственно с кем у министерства иностранных дел существовало трогательное единение и согласие — это с департаментом полиции министерства внутренних дел. К этому имелось много разнообразных причин, но главными из них были следующие:

1. В руках министерства внутренних дел находился «черный кабинет»,

дававший министерству иностранных дел много ценнейших документов из дипломатической почты иностранных государств.

2. При желании департамент полиции мог сильно препятствовать министерству иностранных дел при выдаче сотрудникам последнего свидетельств о благонадежности, необходимых для выезда за границу, как это проделывалось неоднократно с офицерами, посылавшимися за границу военным ведомством.

3. Министерство иностранных дел для поддержания своих акций за границей было крайне заинтересовано в успешной борьбе с революционным движением внутри России. «Козлом отпущения» для всех капризов министерства иностранных дел являлось военное ведомство, не сумевшее себя поставить на должную высоту. Оно и шага не могло сделать без того, чтобы не встретиться, в том или ином виде, с противодействием министерства иностранных дел. Этот антагонизм дошел до того, что в июне 1892 года по приказанию царя понадобилось созвать специальное совещание, состоявшее из министров: военного, иностранных и внутренних дел. Предметом обсуждения на совещании явился вопрос «О своевременном приведении русской армии на военное положение в случае разрыва с нашими западными соседями». Протокол совещания был утвержден царем.

В результате этого совещания военное министерство получило следующее задание: «чтобы при объявлении нам войны не быть застигнутыми врасплох, получать из Германии и Австро-Венгрии возможно точные сведения о всех военных приготовлениях от наших миссий, консульств и других агентов». Для этой цели на военного министра было возложено:

1. Принятие мер к ознакомлению наших консулов в Германии и Австро-Венгрии с техникой приведения их вооруженных сил на военное положение.

2. Содержание тайных военных агентов при консулах, пребывающих в наиболее важных в военно-политическом отношении пунктах.

Казалось бы, что постановления этого совещания, утвержденные царем, являлись как бы законом для царских чиновников и подлежали немедленному проведению в жизнь. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Вначале военное министерство принялось весьма горячо за создание агентурной сети в пограничных районах соседних государств. Позднее, натолкнувшись на пассивное, а нередко и активное, и даже открытое сопротивление министерства иностранных дел, всякого рода формальности и канцелярщину, военное министерство охладело и, в конце концов, махнуло рукой на постановления совещания и на надпись царя «быть по сему». Министерство иностранных дел в течение 12 лет почти регулярно через каждые два-три года запрашивало военное министерство: «что сделано военным ведомством для проведения в жизнь постановлений совещания 1892 года»?

Каждый такой вопрос неизменно сопровождался критикой слабых мероприятий и нерешительности военного ведомства и сообщением, что «министерство иностранных дел слагает с себя ответственность за возможные последствия от неисполнения высочайшей воли».

В первое время военное ведомство аккуратно отвечало на эти запросы министерства иностранных дел, не подозревая, видимо, их истинного смысла и цели. Но позднее, когда оно поняло, что министерство иностранных дел, с одной стороны, своими запросами как бы показывает свою громадную заинтересованность в хорошей постановке военной разведки, а с другой стороны, всеми силами тормозит налаживание этого дела, оно перестало отвечать.

Приведенная выдержка из постановлений указанного совещания показывает также, что военная разведка была поставлена настолько слабо и военное ведомство было настолько

беспомощно, что потребовалось обсуждение вопросов военной разведки в компании министров иностранных и внутренних дел.

Весьма характерный пример из области взаимоотношений министерств военного и иностранных дел приводит в своем дневнике А. А. Половцев. «...Завтракает у нас посланник в Копенгагене Извольский. Рассказывает главные черты своего пребывания посланником в Японии. У него на глазах создавались армия и флот, предназначавшиеся для войны с Россией. О таковых приготовлениях Извольский писал министру иностранных дел Ламздорфу, который не обращал на его донесения внимания, полагая, что это составляет обязанность военного агента, а между тем военным агентом был Ванновский, попавший на эту должность исключительно потому, что он был племянником военного министра. Ванновский ничего не сообщал Извольскому на том основании, что военные приготовления не касаются дипломата, так что Извольскому приходилось собирать эти сведения от военных агентов иностранных государств, преимущественно французского».

Аналогичных примеров имеется бесконечное количество. Они дают убийственную характеристику обоим этим ведомств, не сумевших подняться выше мелких дрызг и склок ради общего дела.

Во исполнение постановлений совещания 1892 года министерство иностранных дел решило провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Предпринять некоторые новые назначения пограничных консулов.
2. Поручить своей 1-й экспедиции снабдить всех пограничных консулов в Пруссии и Австрии однообразным шифром для сношений с Веной, генерал-губернаторами Варшавы, Вильно и Киева, а также для сношений между собою.
3. Предложить посланникам в Дании и Швеции, а также послу в Лондоне подыскать доверенных лиц, которым консулы могли бы адресовать вышеупомянутые телеграммы.
4. Поручить 1-й экспедиции составить словарь условного языка для открытых телеграмм.
5. Поручить генеральному консулу в Данциге барону Врангелю главный надзор за единством в дейст-

▲ Секретное письмо

▲ Ламсдорф В.Н. министр иностранных дел России

▲ Остен-Сакен Д.Е.

виях прочих консулов в Пруссии.

6. Снабдить последнего особым шифром для сношений с Варшавой и Вильно. В декабре 1895 года посол в Берлине Остен-Сакен сообщил министру иностранных дел, что из всех указанных выше преднамерений министерства иностранных дел отчасти исполнены лишь первые три пункта, и то не вполне. Так, например, вице-консул в Торне не назначен, несмотря на всю важность этого пункта. Во всей Познанской области, населенной поляками и имеющей с Россией общую границу на сотни верст, не имеется ни одного русского агента. Из трех русских миссий в Германии только один граф Муравьев ответил Остен-Сакену, что требуемая «личность для передачи депеш им отыскана». Последние же три пункта оставались неисполненными. Генеральный консул барон Врангель никаких письменных приказаний и инструкций «о главном надзоре за единством

действий консулов» не получал и даже не знал, «чего он может требовать от них, ему ни в чем не подчиненных, а тем более от военных агентов в Кенигсберге или будущего — в Торне».

Особого шифра для сношений с генерал-губернаторами Варшавы и Вильно Врангель также не получал.

Далее Остен-Сакен указывал, что выбор кандидатов на пограничные консульские посты в Мемеле, Кенигсберге, Торне и Бреславле, а в особенности в Данциге, должен производиться, ввиду трудности и ответственности возлагаемых на них поручений, крайне осмотрительно. При выборе этих лиц такт, знания, опытность и безукоризненное прошлое, по мнению Сакена, «будут играть важную роль». Он отметил, что прусское правительство зорко следит за русскими пограничными агентами, понимая их значение, и поэтому «мы должны быть вдвойне осторожны в выборе». Но это исполнялось министерством иностранных дел далеко не всегда.

Как на пример неудачного подбора консулов Сакен указал на двух бывших консулов — Платона в Бреславле и Эбергарда в Мемеле.

Кроме того, он указывал на желательность выбора консулов на пограничные пункты преимущественно из среды бывших военных, поступающих на службу в министерство иностранных дел. Остен-Сакен считал, что всем пограничным консулам необходимо назначить штатных секретарей или вице-консулов из числа русских чиновников, ибо «присутствие и службу в их канцеляриях прусско-подданных я считаю неуместными и опасными. Нельзя забывать, что к пограничным консулам беспрепятственно командуются с секретными поручениями чиновники и офицеры разных ведомств и что в делопроизводстве находится масса дел самого доверительного характера.

Кроме того, в этих консульствах хранятся шифры трех министерств: военного, внутренних и иностранных дел... Ни Германия, ни Франция этого не допускают в своих кон-

сульствах. Так, например, в Данциге и Кенигсберге выяснилось, что эти лица состояли на содержании прусской полиции. Эти же иностранцы должны заменять наших пограничных консулов во время их служебных разъездов, отпусков, болезни и принимать секретные депеши и разных чиновников и офицеров, командированных в Пруссию...». Эти выдержки из доклада Остен-Сакена показывают, как мало было сделано министерствами иностранных и военных дел для организации военно-политической разведки на Западе.

Министерство иностранных дел ответило Остен-Сакену, что оно с благодарностью принимает высказанные им мысли, и на этом успокоилось. Через девять лет, а именно 13 мая 1904 г., министр иностранных дел писал Остен-Сакену следующее: «...Имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой сообщить мне самым доверительным образом ваш отзыв по ниже следующим вопросам:

1. Снабжены ли наши консулы в пограничных местностях инструкцией от Главного штаба и необходимыми сведениями о современной организации и расположении германской армии в приграничных провинциях?
2. Имеют ли означенные консулы шифр для сношений непосредственно с Главным штабом и воинским начальством русских пограничных округов?
3. Приисканы ли те частные лица, через которых предполагалось сообщением передавать от консулов Главному штабу сведения чрезвычайной важности, и выработан ли словарь условного языка для сношений этих частных лиц?
4. Организован ли и как контроль посольства над означенной деятельностью консулов? В том случае, если осуществление указанных мероприятий встретило какие-либо затруднения и по каким-либо соображениям не было еще приведено в исполнение в той или другой части, я просил бы ваше сиятельство сообщить мне, равным образом,

ваше мнение, признаете ли вы ныне современным возбуждение вопроса о пересмотре условий, выработанных совещанием 1892 года, системы собирания военно-политических сведений, поскольку дело относится к подведомственным вам консулам, или полагаете, что современная организация нашей военной агентуры в Германии в достаточной степени обеспечивает собирание предусмотренных совещанием 1892 года данных...».

На это письмо министра иностранных дел Остен-Сакен ответил (21 мая 1904 г.), что возложить требуемые обязанности на пограничные консульства без предварительной реорганизации их состава было бы делом, по меньшей мере, рискованным, так как обязанности эти носят специальный и доверительный характер и требуют специальных, тщательно выбранных агентов, обладающих, кроме военных познаний, утонченным тактом, испытанностью и добросовестностью.

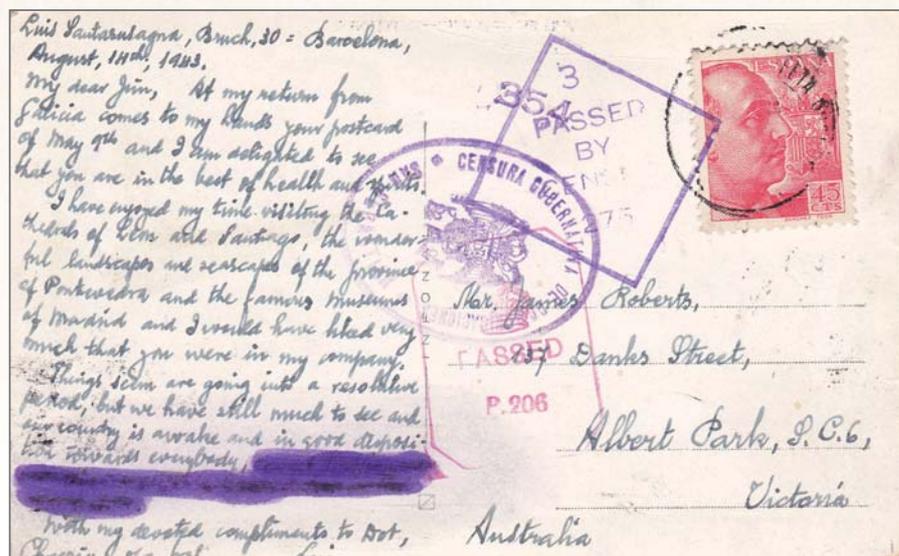
Применение выработанного секретным совещанием 1892 года проекта, по словам Остен-Сакена, не состоялось и никаких дальнейших предписаний для осуществления этого проекта получено не было.

Далее Остен-Сакен писал: «Не считая себя компетентным в во-

енном деле, я затрудняюсь ответить на предложенный мне вами вопрос, насколько современная организация нашей военной агентуры достаточно обеспечивает собирание предусмотренных совещанием 1892 года данных. Скажу только, что при строго добросовестном отношении к своему долгу прусской администрации добывание секретных сведений представляется для наших военных агентов весьма трудным и рискованным делом. К тому же надзор за последними ведется весьма тщательный. Не берусь судить о результате их деятельности, который более известен Главному штабу.

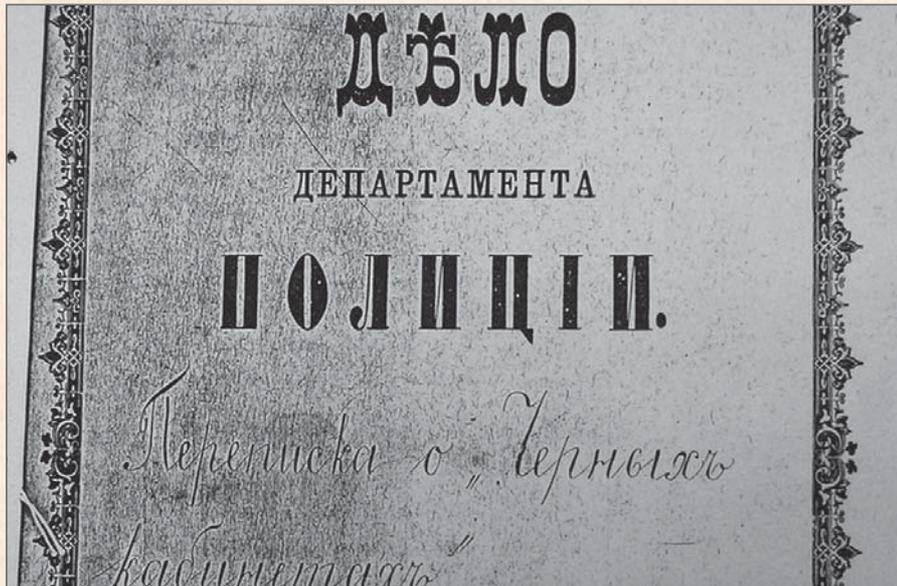
Что же касается до современности пересмотра условий совещания 1892 года, то оно, казалось бы, было в настоящее время нежелательным. Вряд ли новое устройство собирания сведений военно-политического характера ускользнуло бы от внимания здешнего правительства, что могло бы вызвать весьма нежелательные и даже опасные для нас последствия. Возбуждение подозрения германского правительства против нас ослабило бы добрососедские отношения его к настоящим затруднениям на Дальнем Востоке...».

На этом вопрос о создании агентурной сети на Западе, согласно постановлению совещания 1892 года, и закончился. Как видим, дело впе-

▲ Открытое письмо

▲ Полицейское дело

ред не подвинулось и все осталось по-старому, то есть никакой агентурной сети создано не было...

Военное ведомство имело специальный орган по ведению военной агентурной разведки в иностранных государствах. Название и подчиненность этого органа менялись соответственно реорганизациям военного ведомства. Например, в 1812 году агентурной разведкой ведал «военно-ученый комитет», непосредственно подчиненный военному министру. В 1815 году этот «комитет» перешел в непосредственное подчинение начальника вновь созданного Главного штаба. При реорганизации центрального военного аппарата в 1903 году «военно-ученый комитет» был упразднен и вместо него создано 7-е отделение (статистика иностранных государств) 1-го военно-статистического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Согласно приказу по военному ведомству № 133 от 11 апреля 1903 г., 7-е отделение состояло из:

- начальника отделения (полковник генштаба) — 1;
- столоначальников (штаб-офицеры генштаба) — 8;
- их помощников (обер-офицеры или подполковники генштаба) — 8.

Всего, таким образом, было 17 офицеров генштаба, к которым нужно еще добавить писарей, военных чиновников и прикомандированных офицеров. Задачи «отделения по военной статистике иностранных государств» в том же приказе (§ 13, п. 2) определены следующим образом:

«Сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам. Переписка по военно-агентурной части. Командирование офицеров с научными целями. Рассмотрение изобретений по военной части». Как видим, здесь полное смешение добывающих (оперативных) и обрабатывающих функций в одном органе, даже без выделения хотя бы небольшого оперативного аппарата. Понятно, что такая структура крайне вредно связывалась на работе, вносила в дело путаницу и работа хороших результатов давать не могла. Эти негативные последствия проявились вскоре после выхода указанного приказа и были учтены 7-м отделением. Один из сотрудников этого отделения — капитан Никольский — представил доклад начальству, в котором указывал, что «с первых же дней действий новой организации выяснилась необходимость иметь начальнику военно-статистического отдела, в непосредственном ведении,

особое делопроизводство по личному составу военных агентов, вместе со всеми делами по негласной агентуре и денежным суммам».

Из дальнейшего доклада капитана Никольского выяснилось, что особое делопроизводство, не предусмотренное штатами, было создано «домашним способом», посредством возложения этих обязанностей на двух офицеров из числа 17 штатных сотрудников 7-го отделения. Таким образом, явочным домашним порядком был создан оперативный орган, непосредственно ведавший официальными и тайными военными агентами. Он ведал их назначением, вел их учет, кое-когда давал задания, высылал им деньги, получал от них отчеты, донесения и доклады, вел с ними переписку, то есть являлся исполнительным органом начальника военно-статистического отдела. Таким образом, разделение функций произошло. Но оно ударило в другую крайность и вылилось в уродливые формы — полной обособленности между добывающим и обрабатывающим органами.

Настолько ненормальной была эта обособленность, говорит тот факт, что начальник обрабатывающего органа Михельсон вынужден был писать, что «вопрос о военной агентуре чрезвычайно важен и сложен, но в 7-м отделении нет многих данных по этому вопросу, так как все сношения с агентами и даже посылка инструкций им для разведки делалась всегда помимо 7-го отделения». Другими словами, даже задания вырабатывало особое делопроизводство без ведома и участия обрабатывающего органа — 7-го отделения. Бичом особого делопроизводства военно-статистического отдела была весьма частая, ненормальная смена личного состава. Так, за время с 1 мая 1903 г. по 1 марта 1905 г. в особом делопроизводстве переменялось 6 офицеров, то есть весь его состав переменялся три раза. Капитан Никольский объяснял это явление тяжелым материальным положением и полным недостатком получаемого содержания, принуждавшими офицеров искать

заработка на стороне, что «сильно вредило успеху всего дела». «При невозможности иметь частную работу, — по словам Никольского, — офицер уходит из Петербурга; невозможность же эта обуславливается частью тем обстоятельством, что занятия, по необходимости, в особом делопроизводстве оканчиваются позднее, нежели во многих других отделениях Главного штаба. Частые перемены в личном составе делопроизводства крайне нежелательны, так как без надобности посвящают большое число лиц в организацию негласной разведки...».

Местными органами военно-статистического отдела по сбору сведений об иностранных армиях являлись:

1. Официальные военные агенты (атташе).
2. Негласные военные агенты при консульствах, миссиях и посольствах.
3. Офицеры, командировавшиеся за границу под тем или иным благовидным предлогом.
4. Отчетные отделения штабов во-

енных округов (номинально, ибо они не были подчинены военно-статистическому отделу).

Здесь, однако, необходимо говорить, что помимо 7-го отделения и его местных органов, указанных выше, военной разведкой совершенно самостоятельно и независимо занимались также и некоторые другие центральные управления и отделы военного министерства, как, например, искусственное отделение главного инженерного управления, главное артиллерийское управление, главный крепостной комитет, главный морской штаб и т. д.

Никакой координации и объединения разведывательной деятельности этих учреждений не было. Одно учреждение не знало, что делается, что имеется в другом учреждении и что им предпринимается. Сплошь и рядом одна и та же работа проводилась разными управлениями военного министерства. Так, например, разведчик главного инженерного управления получил сведения о постройке в 1896 году двух фортов в одной из германских крепостей.

Разведчики штаба Варшавского военного округа обнаружили эти же форты в 1904 году. Штаб округа, как о чем-то новом, сообщил эти сведения Главному штабу, получившему их уже раньше из Главного инженерного управления, тоже случайным путем. Или следующий пример. Штаб Варшавского военного округа, произведя разведку военных железнодорожных платформ в пограничной полосе Германии, сделал из их расположения свои выводы для отчетной работы. То же самое сделал и штаб Виленского округа. Когда же потом в 7-м отделении свели данные (без выводов) обоих округов, то обнаружили несоответствия, и все потому, что между штабами не было контакта и обмена сведениями.

Очень часто несогласованность в работе разведки вредила делу и приводила к расшифрованию разведывательной работы. Так, например, случилось в отношении русской разведки в Галиции. Галиция была отведена для разведки штабу Московского военного округа, так как именно там должна была развер-

▲ Главный штаб

▲ Чернышев А.И.

▲ Куропаткин А.Н.

нуться в случае войны формируемая им полевая армия. Но тот же район входил в сферу разведки штабов Киевского и Одесского военных округов, 7-го отделения Главного штаба и главного инженерного управления, в результате чего в этом районе скопилось много разведчиков, главным образом офицеров Генштаба, приезжавших под разными предлогами на рекогносцировки этой местности. Понятно, что это не могло не привлечь внимания австрийской контрразведки, в результате чего провал следовал за провалом... В таком положении центральный орган агентурной разведки находился вплоть до новой реорганизации центрального аппарата военного ведомства, последовавшей после русско-японской войны.

После узаконения в 1864 году института военных агентов (атташе) в первое время считалось, что они должны все необходимые сведения добывать только совершенно легальным путем, не прибегая к подкупу, то

есть шпионажу. Но история этого вопроса показывает, что изредка все же попадались среди военных агентов люди, решавшиеся ради пользы дела рисковать карьерой и развивавшие работу по разведке шире тех легальных рамок, в какие их желало поставить так называемое международное право. Так, известно, что еще задолго до официального признания института военных агентов, а именно в 1809 году, русский полковник Чернышев, состоявший неофициальным военным агентом при Наполеоне, занимался шпионажем в довольно широком масштабе и доставлял России сведения о самых тайных замыслах Наполеона.

Последний это знал, но, не желая преждевременно раскрывать свои карты, лишь в 1812 году под благовидным предлогом (отвоз письма русскому царю) отправил Чернышева в Россию. Но среди военных агентов России очень редко появлялись «Чернышевы», которые на свой страх

и риск, а в большинстве случаев, особенно в первое время, и на свои собственные средства взялись бы создавать агентурную сеть. Почти до самого начала русско-японской войны Россия не поручала своим официальным военным агентам сбора сведений тайным образом, а если бы даже такое требование и было предъявлено, то навряд ли из этого вышло что-либо положительное. Объясняется это подбором людей, назначавшихся на должности военных агентов России за границей исключительно из среды аристократов и придворных, служивших в гвардии. В военные агенты в то время можно было попасть лишь по высокой и солидной протекции. Одни фамилии военных агентов России в конце 90-х годов весьма красноречиво говорят об этом. Вот для примера несколько из них: флигель-адъютант полковник князь Витгенштейн — в Париже; генерал-майор барон Торнау — в Вене; генерал-

адъютант граф Адельберг III — в Берлине и т.д.

Понятно, что аристократам было не до разведки, к ней они способны не были. Они умели блестяще вести себя в обществе, ухаживать за дамами, выпивать, танцевать на великосветских и придворных балах и, самое большее, купить и выслать в военное ведомство один-другой вышедший из печати литературный труд об армии той страны, в которой они находились. Эти офицеры являлись сливками русского офицерского корпуса не по своим знаниям военного дела и способностям к сбору нужных сведений и к изучению армий соседей, а по своему социальному положению. Поэтому даже самые лучшие из них не могли дать ничего ценного своему Главному штабу об иностранных армиях. По словам полковника М. Грулева, лишь в 1908 году впервые было введено обязательное командирование капитанов гвардии в офицерскую стрелковую школу. До того времени «для офицеров гвардии наука считалась предметом совершенно излишним». Чтобы выйти из такого нелепого положения, когда в страну назначался свыше военный агент, способный описывать только парады, балы и т.п., к некоторым из них в более крупных странах прикреплялись по одному-два молодых офицера, но тоже обязательно из гвардейских полков. Обычно они рано или поздно заражались настроениями своих шефов и шли по их стопам.

Поэтому не удивительно, если Россия накануне русско-японской войны имела военным агентом в Японии протеже военного министра Куропаткина полковника Ванновского, который не стеснялся утверждать, что «при всяком значительном усилии японских солдат, у них делается болезнь — опухоль языка».

Характерно, что даже по возвращении в Россию Ванновский считал возможным писать в своем докладе, что «японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустойства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно

чуждых ее народной культуре оснований, усвоенных с чисто японской слепой аккуратностью и почти исключительно по форме, а отнюдь не по существу, как, впрочем, это замечается и во всех прочих отраслях современной японской жизни. Вот почему, если, с одной стороны, японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой — это вовсе не настоящая европейская армия, создавшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам.

Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав. И это, конечно, в том случае, если страна выдержит тот внутренний разлад, который происходит от слишком быстрого наплыва чуждых ее культуре исторической жизни идей...».

Эта оценка японской армии, видимо, весьма понравилась Куропаткину и он на этом докладе Ванновского написал: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый».

Еще более «суровый и уничтожающий» отзыв о японской армии дал генерал Иванов — начальник штаба 1-го Сибирского корпуса, присутствовавший в 1901 году на маневрах японской армии.

Как пишет в своих мемуарах А. А. Поливанов, дело, в конце концов, дошло до того, что помимо Ванновского для изучения японской армии был командирован полковник Генштаба Адабаш. Но он, однако, ограничился лишь тем, что вошел в контакт с французским военным агентом и пользовался исключительно его сведениями. Весьма характерный пример того, какие требования предъявлялись офицерам, командированным за границу, передает А. В. Богданович: «...Тобизен говорил,

что когда царь решил послать эскадру во Францию, он приказал дать себе список контр-адмиралов, которые хорошо говорят по-французски и которые хуже. Список говорящих похуже царь снова вернул, чтобы написано было, кто говорит по-французски хуже всех. Оказалось — Авелан. Он и был послан, чтобы меньше там болтал...».

Понятно, что при таком подборе лиц для разведывательной работы за рубежом от них нельзя было ожидать ничего путного.

С другой стороны, большим тормозом являлись также постоянные столкновения военных агентов с послами. Последние никак не могли помириться с полуавтономным положением военных агентов. В инструкции военным агентам, утвержденной военным министром 16 декабря 1880 г., взаимоотношения между военным агентом и послом определялись следующим образом:

«В официальных своих сношениях они (военные агенты — К. З.) должны строго следовать указаниям дипломатических наших представителей,

▲ Татищев И.Л.

▲ Шувалов П.А.

▲ Поливанов А.А.

к которым должны обращаться также в случае всяких недоразумений и до сведения коих обязаны доводить как общие результаты своей деятельности, так в особенности все данные, имеющие политический характер».

Но этого для министерства иностранных дел было мало. В 1900 году оно подняло вопрос о полном и непосредственном подчинении военных агентов послам, мотивируя это требование тем, что послы в большинстве случаев являются сведущими в военных вопросах. Военное министерство на это не пошло, и в результате дальнейшего спора в силе осталось прежнее положение.

Здесь кстати будет привести один пример, характеризующий осведомленность послов в военных вопросах:

«19 января 1891 г. обедал у нас Церпицкий, командир Выборгского полка имени императора германского Вильгельма. Рассказывал, что в Берлине граф Шувалов собрал всех русских офицеров, там находящихся, чтобы узнать их мнение о герман-

ской армии и предложил им всем дать письменные ответы, дав на эту работу час времени. Сам он тоже написал. Когда были прочитаны эти ответы, которые очень высоко ставили германскую армию во всех отношениях, Шувалов сознался, что он, как отставший от военного дела, не понимал дела, так что признавал германскую армию хорошей, но не столь блестящей, как сейчас увидел из прочитанных отзывов, что, значит, он вводил правительство свое в заблуждение, не придавая в своих отчетах этой армии никакого значения...».

Средства на секретные расходы военным агентам также отпускались крайне своеобразно. Самая большая сумма была 3 000 рублей в год. Эта сумма, предназначенная на секретные расходы, отпускалась в безотчетное распоряжение военного агента и в расходовании ее он ни перед кем не отчитывался.

Официальную военную литературу, карты и т.п. военные агенты не имели права закупать без особого в каждом отдельном случае раз-

решения Главного штаба. На такого рода покупки отпускались особые суммы. О каждой вышедшей военной книге военный агент обязан был давать свой отзыв-рецензию и лишь после этого он получал предложение ее приобрести. Как военные агенты ухитрялись давать отзывы о книгах, не покупая их, остается секретом русского Главного штаба...

Несмотря, однако, на такую своеобразную постановку дела, при которой военные агенты о порученной их наблюдению иностранной армии знали чрезвычайно мало, они все же при составлении описания этой армии имели чуть ли не решающее слово. Технически это проделывалось следующим образом. Обзор в двух экземплярах с широкими свободными полями составлялся кем-либо из офицеров центрального органа разведки. После этого один экземпляр обзора отсылался соответствующему военному агенту, который должен был его отредактировать и внести свои поправки. Таким образом, получалась весьма своеобразная картина: человек, видевший только внешний лоск

и блеск армии, имевший только то, что ему считали нужным дать и показать официальные учреждения, должен был давать оценку обзору этой армии, составленному в некоторой своей части на основании секретных документов, абсолютно этому военному агенту неизвестных и нередко противоречивших полученным им официально материалам.

Таким образом, ясно, что ценность русских военных агентов в деле разведки и изучения иностранных армий в большинстве случаев была равна нулю. Русское военное ведомство в то время еще совершенно не умело использовать этот институт для изучения иностранных армий и боевой мощи своих соседей.

Такое положение сохранилось в неприкосновенности вплоть до русско-японской войны.

Еще до узаконения института военных агентов в 1864 году почти все крупные государства, особенно перед задуманной войной, старались тайком включить в состав своих посольств по несколько офицеров для освещения военных вопросов. Россия в этом отношении не отставала от других государств.

Известно, что еще в 1810 году, готовясь к предстоящей войне, Барклай-де-Толли просил русских посланников в Пруссии, Австрии, Франции, Швеции и Саксонии собирать сведения «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выходах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям...»

Для облегчения этой задачи посланников военный министр признал нужным иметь при значительных миссиях офицеров, которые бы, «если и не исключительно, то в особенности бы занимались наблюдениями по части военной во всех отношениях». С этой целью уже находились: Брозин — в Касселе, Рен-

ни — в Берлине, полковник Тейльфон-Сераскирхен — в Вене, майор Прендель — в Дрездене, поручик Граббе — в Мюнхене. Большинство из этих офицеров находилось при указанных миссиях под видом гражданских чиновников и служащих министерства иностранных дел.

С конца же XIX и начала XX веков параллельно институту официальных военных агентов строился институт тайных военных агентов, главным образом, на следующих принципах: в какое-либо пограничное консульство под видом консула, вице-консула или секретаря консульства направлялся рядовой, не именитый, офицер генерального штаба. В большинстве случаев ему поручался сбор нужных сведений посредством личного наблюдения, разговоров с нужными людьми и т.д., в исключительных же случаях допускался подкуп нужных

лиц, покупка секретных документов и сведений. Таким образом, эти офицеры являлись как бы организаторами и руководителями агентурной сети в отведенном им районе.

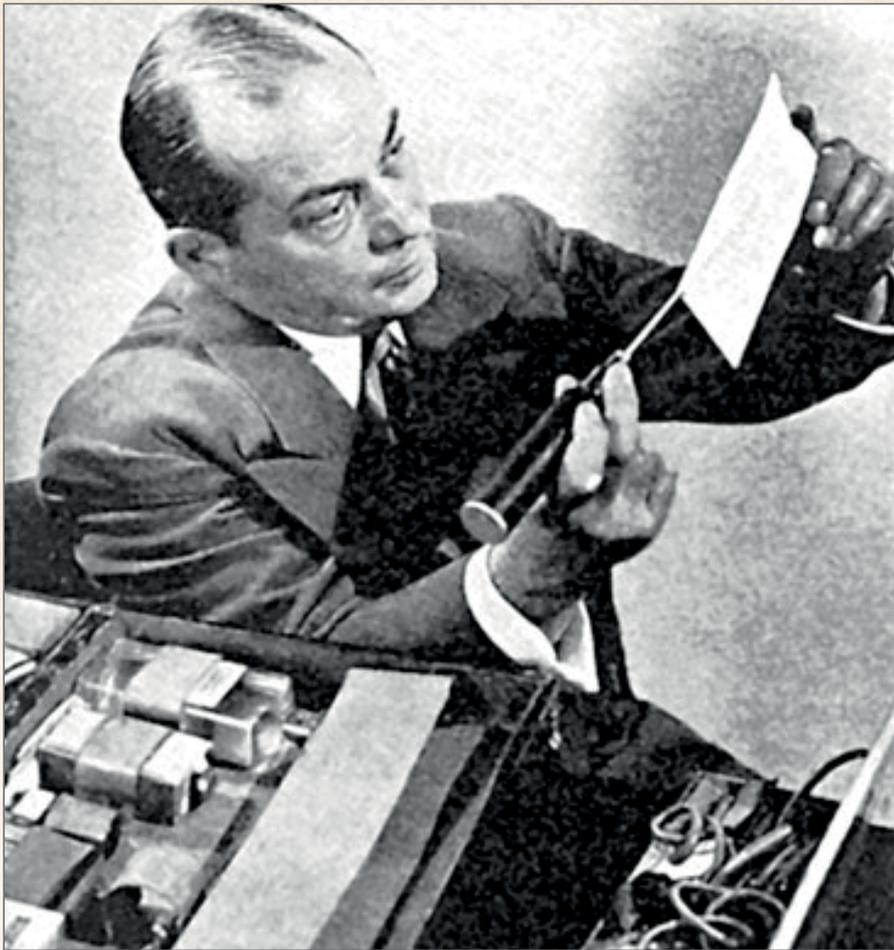
Вся сеть тайных военных агентов, которую имело особое делопроизводство на Западе, состояла из нескольких консулов (в Данциге, Черновицах, Бродах) и нескольких служащих консульств — в Кенигсберге, Будапеште и пр. Но направление этих офицеров в пункты их деятельности было сопряжено с неслыханными формальностями и канцелярской волокитой, заключавшимися в следующем.

Особое делопроизводство отменяло кандидата на пост тайного военного агента. Об этом представлялся доклад начальнику Главного штаба. Последний представлял этот доклад в перефразированном виде

▲ Барклай де Толли

▲ Перлюстрация

военному министру. Военный министр запрашивал согласие министра иностранных дел, который обычно такие вопросы не решал в Петербурге, а запрашивал мнение соответствующего посла. Если же речь шла о назначении офицера вице-консулом или секретарем консульства, то посол запрашивал об этом также и мнение консула. Ответы всех этих инстанций шли обратно по той же бюрократической лестнице в своем первоначальном порядке.

Когда, наконец, военный министр получал благоприятный для выдвигаемого кандидата ответ, он испрашивал «высочайшего соизволения». После получения этого «высочайшего соизволения» офицеру предлагалось подавать по команде на высочайшее имя прошение об отставке. Наконец, отставка получена. Офицер подает прошение на имя министра иностранных дел о зачислении его

на службу по этому министерству. В последнем он числится в «резерве чинов» от двух до пяти месяцев для «ознакомления со своими новыми обязанностями» и «убеждения всех, его знающих, в том, что он серьезно решил порвать с военной службой и пойти по дипломатической служебной лестнице».

И лишь после прохождения всех этих мытарств и получения согласия того правительства, куда офицер назначался, он мог отправиться к месту новой службы. С первого взгляда может показаться, что вся эта длинная процедура, тянувшаяся месяцами, а иногда и годами, преследовалась с целью самым тщательным образом замаскировать предстоящую тайную деятельность офицера. Эта цель, однако, не достигалась, и вся процедура имела совершенно обратные последствия. Дело в том, что во всех этих бесчисленных докладах и пись-

мах, с пометками «совершенно секретно», «доверительно» и т.д., совершенно открыто писалось о секретном назначении офицеров. Такого рода письма на имя послов, консулов и ответы, запечатанные сургучными печатями и имеющие соответствующие надписи, обычно посылались простой почтой. Понятно, что в «черных кабинетах» эти письма подвергались соответствующей обработке, и не успевал еще офицер прибыть к месту новой службы, как контрразведка той страны, куда он должен был ехать, уже до мельчайших подробностей знала о его секретных поручениях и истинном его назначении.

Посол в Берлине граф Шувалов находил такого рода маскировку тайных военных агентов шитой белыми нитками еще и по следующим соображениям, о которых он писал министру иностранных дел 9 февраля 1893 г.:

«...Я смею полагать, что раз на офицеров возложена будет ответственная и сложная обязанность, то необходимо было бы для пользы самого дела поставить этих офицеров в такое положение, которое обеспечило бы их по мере возможности от подозрения германским правительством истинной цели их пребывания в пограничных местностях и рода их занятий.

До сих пор большинство наших консулов имеет при себе в качестве секретарей лиц вольнонаемных, занятых, так сказать, черной работой, отчего и звание это в Германии считается равносильным канцелярским писарям.

Теперь же, если эти должности неожиданно займут люди, принадлежащие к высшим классам общества, с выдающимся образованием и положением, то не изволите ли ваше пр-во допустить, что у местных властей явится невольное подозрение об истинной причине появления подобных консульских секретарей в пограничных с Россией местностях. Раз же подозрение здешней полиции, зорко следящей за всеми русскими, будет возбуждено, то за нашими негласными агентами будет учрежден такой бдительный надзор,

что всякая деятельность их будет парализована. Хорошо еще, если дело ограничится этим, ибо в противном случае, при малейшей неосторожности со стороны нового секретаря консульства, мы рискуем иметь целый ряд самых прискорбных столкновений с опасностью испортить наши соседские отношения...».

В этом отношении у Шувалова имеется несколько благоразумных мыслей, заслуживающих внимания. Но в последнем указании о «порче соседских отношений» сказывается совершенно открыто точка зрения министерства иностранных дел, вечно мечтавшего лишь о «соседских отношениях» в ущерб всему остальному.

Видя, что ни официальные, ни тайные военные агенты ничего существенного по военной разведке не дают, Главный штаб начал практиковать в весьма широком масштабе командировки молодых офицеров генерального штаба в соседние страны, под тем или иным благовидным предлогом. Но этим делом занимался не только Главный штаб в лице своего Особого делопроизводства. Офицеров командировали за границу все, кому только было не лень, почти все главные управления военного министерства, морского ведомства и штабы военных округов. Нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров, командруемых различными управлениями. Полученными в результате этих командировок сведениями указанные управления обменивались лишь иногда, и то, как мы уже указывали выше, совершенно случайно.

Командировки офицеров производились под самыми разными предлогами — под видом лечения, отпуска, поездки на охоту, на маневры, к родным в гости, под видом путешествия, усовершенствования в иностранных языках и т. д. Командировались они также под ширмой коммерсантов, ученых, учащихся и т. д. Но все это делалось без определенного плана и системы, без соблюдения должной конспирации, без распределения между разными управлениями районов обследования и задач. В результате получалось,

что в одном, более интересном районе такого рода разведчиков скопилось громадное количество, в то время как в других не было ни одного. Даже отчетные отделения штабов военных округов, которые тоже весьма широко практиковали такого рода командировки, не согласовывали их с Главным штабом и даже предварительно об этом ему не сообщали. Лишь по окончании такой командировки некоторые (далеко не все) отчетные отделения представляли в Главный штаб копии отчетов по этим командировкам. В результате такого хаоса получалось, что контрразведка без большого труда рас-

крывала этих разведчиков, командированных под ложными предлогами, арестовывала, а командированных под благовидными предлогами ставила в такие условия, что при всем желании большинству из них ничего сделать не удавалось. Арестованных таким образом офицеров обычно судили и после вынесения приговора обменивали на таких же своих неудачников. Нередко в обмене осужденных за шпионаж принимали участие даже цари.

В общем можно сказать, что приемы разведки стоили весьма дорого в смысле денежных средств и людских потерь. Так, например, перед

▲ Николай II и Георг IV английский

▲ Перлюстрация в черном кабинете

русско-японской войной командующий войсками Приамурского округа пробовал отправлять в Японию в отпуск на 2–3 месяца по несколько офицеров, выдавая им небольшую — в размере 300–400 рублей — денежную поддержку и требуя от них представления «какого-нибудь отчета о том, что они видели и слышали». Первые же «отчеты» убедили в совершенной бесплодности этой меры. И это понятно, ибо что мог видеть, слышать и понимать в иностранной армии юный поручик без всякой соответствующей подготовки и при полном незнании иностранных языков?

Следующая выписка из письма (от 10 июля 1895 г.) Вильгельма на имя Николая Романова также дает представление о том, как производилась такого рода разведка и чем она иногда кончалась: «...Случилось одно происшествие, о котором, мне кажется, я должен сообщить тебе, так как я уверен, что произошло

оно без ведома Алексея, а став известным среди нашего офицерства, оно произвело очень неприятное впечатление. На борт «Грозящего» — судно, на котором я пригласил адмирала Скрыдлова и его капитанов пройти канал (речь идет о торжестве открытия Кильского канала. — К. З.), тайным образом были приняты два инженерных офицера, о присутствии которых ничего не было заявлено нашим властям. Старшим был полковник Бубнов. Офицеры эти вместе с лейтенантом, специалистом этого дела, имевшим большой фотографический аппарат, все время делали снимки с наших фортов и батарей, заметки и рисунки, и наконец, когда Скрыдлов заметил, что мой морской атташе был очень удивлен, увидя на судне совершенно незнакомых людей, они были ему представлены как два управляющих водными работами и водными путями. В Киле поведение Бубнова сделалось настолько подо-

зрительным, что полиция и жандармы стали за ним следить. Он ходил переодетым в штатское платье и шатался вокруг укреплений, что иностранцам строжайше воспрещается.

Я полагаю, что не совсем красиво, будучи приглашенным в качестве гостя и присутствуя на празднике в чужой стране, открывшей вам гостеприимно двери и пустившей вас в свою военную гавань, злоупотреблять гостеприимством, шпиона у своего друга, да еще надевая при этом личину. Последствием этого будет то, что к русским военным судам будут относиться с большим недоверием и создастся тягостное настроение, о котором я очень сожалею и которое я надеюсь преодолеть...».

При штабах Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Кавказского, Туркестанского военных округов и Приамурского и Заамурского округов пограничной стражи суще-

ствовали так называемые отчетные отделения, занимавшиеся разведкой. Официальный штат этих отделений был крайне ограничен. Точно определенного района разведки им не отводилось, а лишь указывалось, что такой-то округ в случае войны должен сформировать такую-то полевую армию, которая займет участок примерно там-то. Вот этот примерный участок округа и старались осветить и изучить.

Так, например, разведывательный аппарат Петербургского военного округа освещал Скандинавские страны, аппарат Виленского округа — Германию, Варшавский округ — Австро-Венгрию и Германию, Киевский и Московский округа — Австро-Венгрию, Одесский округ — Австро-Венгрию, Румынию и Турцию и т. д. Подобно тому, как в центральном органе разведки Главного штаба не было определенного, точного и ясного представления о том, как организовать и вести разведку и какие конкретные задачи ей ставить, так и штабы военных округов этими вопросами не задавались.

Кое-что делали, кое-кого посылали и кое-какие сведения получали. Приемы и способы разведки практиковались те же, что и в Главном штабе. Лишь изредка, случайно, по своей собственной инициативе, на свой страх и риск, кто-либо из офицеров разведывательной службы штаба того или иного округа предпринимал какой-либо самостоятельный шаг по добыче секретных сведений и документов.

Штабы военных округов в своей разведывательной работе пользовались всякими возможностями. Они имели своих постоянных тайных агентов из среды иностранных подданных, командировали на рекогносцировки под тем или иным предлогом офицеров Генштаба, организовывали кражи документов посредством подкупа солдат соседей, опрашивали дезертиров армий соседей, купцов, возвращавшихся с полевых работ рабочих и т. д. Но все это носило случайный характер.

Пристраивать руководителей агентуры штабов западных округов

к консульствам или другим официальным русским учреждениям за границей можно было лишь с высочайшего разрешения в каждом отдельном случае.

До 1903 года штабы военных округов не имели также права непосредственно сноситься с официальными военными агентами. В ноябре 1903 года было утверждено новое «Положение о письмоводстве в военном ведомстве», в котором вопрос о непосредственном сношении штабов военных округов с официальными военными агентами был изложен в следующей редакции:

«Когда войскам встречается необходимость в содействии наших военных агентов за границей, то с просьбами об этом следует обращаться

в окружные штабы, начальники которых, в зависимости от содержания вопроса, сносятся с военными агентами или сами непосредственно, или через Главный штаб».

Но, несмотря на это «Положение», Особое делопроизводство все время старалось препятствовать непосредственным сношениям с военными агентами не только войсковых частей, но и штабов военных округов, настаивая, чтобы все сношения происходили лишь через Особое делопроизводство.

Довольно полную картину результатов разведывательной работы штабов военных округов дает следующая ведомость за 1903—1904 гг., составленная в Главном штабе в марте 1905 года:

▲ Трепов Ф.Ф.

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
В рублях				
1. Виленского	4000	4000	Представлялись результаты тайной разведки и рекогносцировок. Получены были в конце 1903 г. очень ценные рекогносцировки линии Мазурских озер, сделанные полк. Володченко и капитанами Гиссером и Пневским. Из них сделаны выборки и подлинные возвращены в штаб округа. Осенью 1904 года штаб округа предполагал сделать разведку в окрестностях Кенигсберга.	1. Ведомость австр. боевого распорядка. 2. Сведения о формировании батальонов запаса, нижних чинов (австр.). 3. О подготовке галицийск. ж. дор. мостов к немедленному взрыву в случае наступления русских войск в пределы Австро-Венгрии
2. Варшавского	7000	7000	Были представлены в 1902 году рекогносцировки линии Вислы полк. Широкова и Лаврентьева и подполк. Монькевица. С 1908 года новых сведений не поступило. Недавно поступило в штаб предложение купить сведения с Кульме. Разрешено было израсходовать около 5 800 руб., но документов еще ни-каких не получено. Получено: 1. Директива для охранения австрийских телегр. и телеф. линий в случае военной опасности. 2. Общая часть мобилизационной инструкции для австр. ландвера. 3. Указания для мобилизации германских корпусов на случай войны с Россией.	То же самое
3. Киевского	7000	7000	1. Указания и расчеты по прикрытию мобилизации и сосредоточения австро-венгерской армии в Восточной Галиции. 2. Указания для общей мобилизации в округе XI корпуса (Львов). 3. Мобилизационный план 8-й дивизии кавалер. (Станиславов). 4. Секретные печатные мобилизационные инструкции и наставления. 5. Секретный ключ для шифрования. 6. Девять рекогносцировок дорог в Восточной Галиции общим протяжением 128 верст.	То же самое
4. Одесского	4000	4000	За 1903 и 1904 гг. было представлено только одно донесение, заключающее в себе сведения, добытые чинами пограничной стражи, о возведении румынами укреплений в Тульче.	То же самое
5. Московского	5000	5000	Ничего не представлено.	-
6. Кавказского	56540	56540	Периодически представляются в Главный штаб сведения о положении дел в Азиатской с Кавказом IV корпусного округа, что отчасти объясняется армянскими волнениями.	-

Штабы округов	Отпущено денег		Представлено округами	Сообщено округам
	В 1904 г.	В 1905 г.		
В рублях				
			В течение 1904 г. в VII отделение Главного штаба всего поступило 22 таких донесения, не считая отдельных телеграфных сообщений о наиболее выдающихся фактах; важнейшие донесения постоянных агентов, находящихся в Малой Азии, а также специально командированных туда лиц, полностью представлялись в Главный штаб в копиях. Вместе с тем штаб округа доставляет в Главный штаб издаваемые им военно-статистические труды и картографические материалы.	
7. Туркестанского	4500	4500	Представлялись ежемесячно рапорта со сведениями о сопредельных с округом странах. Эти рапорта представляют собою сводку сведений, полученных штабом округа от: 1. Штаба 2-го корпуса. 2. Н-ка Керкинского гарнизона. 3. Н-ка Термезского гарнизона. 4. Н-ка Памирского отряда. 5. Нашего консула в Бомбее (иногда). 6. Политического агента в Бухаре (иногда). 7. Офицера Генштаба в Кашгаре. 8. Офицера генштаба в Кульдже. Кроме случайных инстанций (5 и 6) остальные представляют свои сведения в штаб округа два раза в месяц. Сведения получают от постоянных и случайных разведчиков, купцов, беглецов, бродяг и пр. Специально подготовленных разведчиков, вроде пундитов, а тем более разведчиков образованных — нет.	Отдельные, отрывочные сведения из донесений военного агента в Лондоне, могущие представлять интерес для штаба округа
8. Закаспийской области	4500	4500	Вошло в состав сведений, представляемых штабом Туркестанского военного округа.	-
9. Приамурского	1200	-	Ничего не представлено.	Посланы все издания Воен.-статист. отд. о Японии, Китае и Корее.
10. Квантунской области	3000	-	Ничего не представлено.	То же самое

Как видим, хотя ничего особо существенного по разведке штабы военных округов и не давали, все же они дали больше, чем непосредственная агентура Главного штаба. Судя по сводке Главного штаба, лучше всех как будто бы работал штаб Киевского военного округа, давший несколько ценных мобилизационных документов австрийской армии. Однако весь вопрос в том, являлись ли эти документы подлинными или подложными, дезинформационными?

Со слов Сухомлинова нам известно, как разведчики штаба Киевского военного округа

попались на следующую удочку австрийской контрразведки. Недалеко от русской границы, в Злочеве был расположен штаб австрийской кавалерийской бригады, развертывавшейся в военное время в дивизию. Бригада ушла в лагерный сбор из Злочева, оставив для охраны штабного имущества лишь караульную команду, в которой находилось много славян. Караул перепился «замертво», а в это время несгораемый шкаф, в котором хранились секретные документы, был взломан, и дело по мобилизации похищено русскими разведчиками.

По словам Сухомлинова, «особенно ценны были, между прочим, маршруты следования австрийских подрывных частей для разрушения наших железных дорог. Конечные пункты оказались избранными очень удачно, несомненно по рекогносцировкам опытных австрийских разведчиков.

Материал этот давал возможность значительно пополнить и частично исправить сборники сведений о неприятельской армии. Когда я об этом подробно докладывал, Драгомиров (командовавший Киевским военным округом, а Сухомлинов в то время

был его начальником штаба. — К. З.) мне сказал:

— Ну, вот видишь, разве это не лучше того осетра, которого ты собирался ловить на Урале? Ну, вот что, братишка, забирай это все и вези в Петербург Сахарову, утри им там нос и пусть увидят, как в Киве умеют работать...».

Это ликование Драгомирова и посылка начальника штаба в Петербург показывает, как редки были такого рода секретные документы в жизни русского военного ведомства. Как в штабе Киевского военного округа, так и в Главном штабе все были так обрадованы этой добычей, что никому даже в голову не приходило поинтересоваться, подлинные ли это документы. Обстановка их добычи была настолько реальна и правдоподобна, что ни у кого никаких сомнений не вызывала.

Уже после войны 1914 — 1918 гг. мы случайно узнали от одного из участников с австрийской стороны в этой комбинации, что австрийская контрразведка подготовила все содержимое несгораемого шкафа из дезинформационных документов и незаметно помогла русским разведчикам устроить нападение на этот шкаф, с целью создать большую правдоподобность этого нападения, чтобы русские поверили похищенным документам. Как видим, расчеты австрийцев вполне оправдались.

До русско-японской войны Главному штабу отпускалось на ведение разведки по 113 650 рублей золотом в год по статье сметы военного ведомства, носившей название «на известное его императорскому величеству употребление», и 149 420 рублей золотом по интендантской смете на содержание официальных военных агентов, их путевые, телеграфные, почтовые, канцелярские и пр. расходы. Сумма (113 650 рублей), отпускавшаяся на ведение агентурной разведки, распределялась следующим образом:

▲ Сухомлинов В.А.

.....	.....56890 руб.
Штабам остальных военных округов.....	.....5100 "
Консулу в Бомбее.....	.....1200 "
На содержание военной голубятни в Дании.....	.....3000 "
На приобретение случайных сведений.....	.....1560 "

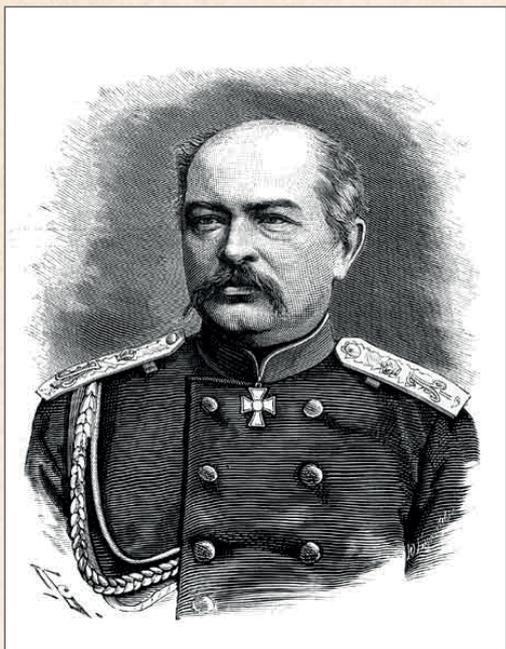
Помимо этих сумм, штаб Туркестанского военного округа получал ежегодно на разведку по интендантской смете еще 20 000 рублей.

Казалось бы, что суммы эти были до того мизерными, что их никак не могло хватить на расходы по агентурной разведке. На самом же деле была совершенно иная картина. Почти во всех округах получались остат-

ки, несмотря даже на то, что деньги расходовались иногда не по своему прямому назначению (бывали расходы на содержание часовен, покупку венков для умерших архимандритов и пр.).

Такова в общих чертах была постановка, организация и работа разведки и результаты этой работы до начала русско-японской

▲ Драгомиров М.И.

войны. С такой разведкой русская армия выступила на войну с Японией. Русская армия не знала Японии,

не знала ее армии. Больше того, она имела о ней совершенно ложное, извращенное представление. Только благодаря ложным и бравурным донесениям официальных и тайных агентов русской разведки и могла зародиться уверенность в легкости победы над японцами, в том, что «шапками их закидаем». Виновным в этом был русский Главный штаб. Он не позаботился об упорядочении дела разведки, о сборе верных сведений, не позаботился также о создании разведки на театре военных действий.

Можно смело оказать, что до русско-японской войны Россия военной разведки в Японии не имела, в других же странах эта разведка также была крайне слабой. То, что было, нельзя назвать разведкой. Это был какой-то хаос, какая-то неразбериха. Военное ведомство старалось

свалить вину на министерство иностранных дел; наоборот, министерство иностранных дел ссылалось на военное ведомство. В результате никто ничего достоверно не знал. Пользовались слухами и случайными сведениями случайных сомнительных источников, но о своем противнике не имели даже приблизительно верных данных. Такая беззаботность тем более поразительна, что последняя русско-турецкая война уже дала почувствовать результаты отсутствия хорошо поставленной агентурной разведки. Заблуждение, в которое русские были введены имевшимися до этой войны сведениями о турецкой армии, имело одинаково печальные последствия на обоих театрах военных действий. Как на Балканском полуострове, так и на Кавказе, русские встретили сверх ожидания сильнеешего противника и поплатились тяжелыми разочарованиями за неточность сведений, которые они имели от своей разведки. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАРТИЗАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

На Украине в Ровно и Львове действовал легендарный советский разведчик, удачливый «ликвидатор» Николай Иванович Кузнецов из специального разведывательного партизанского отряда «Победители» под командованием полковника Д. Н. Медведева.

В огромной когорте героев советской эпохи выдающийся бесстрашный разведчик и боевой диверсант Н. И. Кузнецов занимает особое место.

Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов — оперативные псевдонимы и клички «Кулик», «Ученый», «Колонист», «Рудольф Шмидт», «Грачев», «Пух», «Пауль Зиберт», вошел в историю тайных операций как профессионал сыска, как удачливый разведчик и хладнокровный террорист. Ему давалось почти всё.

Перед заброской в тыл врага Н. И. Кузнецов в письме к брату писал:

«Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны.

Я и хочу откровенно сказать тебе, что мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь

▲ Могила Н.И. Кузнецова во Львове

за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасём Отечество.

Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, матери с благодарностью будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячей любимой Отчизны. Нас будут чтить освобождённые народы Европы. Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью?

Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдём, но уничтожим дракона! Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить — это наш лозунг. За пролитые моря крови невинных детей и стариков — мечь фашистским людоедам. Беспощадная мечь!».

Какая великая сила и непоколебимая вера в свою правоту, в победу над ненавистными захватчиками!

Фредерик Жолио Кюри, французский физик-атомщик, нобелевский лауреат, участник Движения Сопротивления в годы II мировой войны, писал: «Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний ответил: Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста, уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество».

Крестьянский сын с прусской внешностью, прекрасно владевший немецким языком. Это... была артистическая натура. Родился Кузнецов на Урале в зажиточной семье ремесленника в 1911 году. Обладал исключительной способностью к языкам, немецкий язык он знал со школы, но наилучшими учителя-

ми были немцы, оставшиеся на Урале после русского плена в I мировую войну. Затем совершенствовал немецкий, общаясь с немецкими инженерами, налаживающими технологию и технику на уральских заводах.

Начальник Кузнецова на заводе с тревогой задавал ему вопрос: «Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не подцепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось».

— Не беспокойтесь, — ответил Кузнецов, — я же не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Отношения с Германией у нас не самые приятные. Дело может дойти и до войны. Большой войны. Знание немецкого языка пригодится. Я молод, и воевать мне придется.-

Кузнецов обладал поразительными лингвистическими способ-

ностями, знал эсперанто, польский, за несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык, свободно владел семью диалектами немецкого языка, умел говорить, в случае необходимости, по-русски с немецким акцентом.

В 1930 году после завершения учебы в лесотехническом техникуме Кузнецова направили в Кудымкар (Коми-Пермяцкий автономный округ), а там определили ему должность лесоустроителя — место работы — тайга. Было исхожено и изъезжено очень много километров при вычислении лесных запасов. В летние ночи и в северную стужу очень часто ему приходилось ночевать у костра. Для тайги Кузнецов стал своим, а вот для людей «своим» он стал не для всех. «Комсомолец, из прогрессивных», часто нападали на него местные бандиты из кулачья. Отбивался. Положенный по должности, как лесоустроителю, револьвер

спас его от расправы. Местный чекист, расследовавший это дело, обратил внимание на решительного молодого лесоустроителя. В ОГПУ лучше разбирались в людях, чем в комсомольских комитетах. Чекисты той поры прекрасно знали цену доносам и демагогическим изобличениям. Дело в том, что Кудымкарский край был богат не только лесами, но и ссыльными поселениями. Эсеры и меньшевики, пройдя следственными коридорами ОГПУ, оседали на Севере. Окружная служба безопасности обязана знать «направление мыслей у ссыльных». Для местных чекистов девятнадцатилетний Кузнецов стал находкой. Ему предложили сотрудничать с ОГПУ. Не принять предложения он, активный комсомолец и патриот, просто не мог, и он принял предложение.

«Я, нижеподписавшийся гр-н Кузнецов Николай Иванович, даю настоящую подписку Коми-Пер-

мяцкому окр. отд. ОГПУ в том, что я добровольно обязуюсь сообщать о всех замеченных мной ненормальных случаях политического и также экономического характера. Явно направленных действий к подрыву устоев сов. власти, от кого бы они не исходили. О работе моей и связи с органами ОГПУ и данной мной подписке обязуюсь никому не говорить, в том числе своим родственникам. В случае нарушения своей подписки подлежу строгой ответственности во внесудебном порядке по линии ОГПУ. 10 июня 32 г.»

И ни один «правдолюб» нынешнего разлива ни сегодня, ни завтра не вправе упрекнуть его за это.

Кузнецов получил кличку — агент «Кулик». У «Кулика» со ссыльными сложились доверительные отношения. Все их суждения, дискуссии, дразги и ссоры скоро становились известны чекистам.

▲ Н. И. Кузнецов — лесовод

▲ «Кулик» — Н. И. Кузнецов

▲ Л.Ф. Райхман

▲ М.И. Журавлев

В 1934 году Кузнецов провел глубокую разведку настроений у населения Юрлинского района, который незадолго до того потрясли крестьянские восстания. Там, где остались осиные гнезда контрреволюции освоивший язык коми, выявил Кузнецов. Работал он под «кулака в бегах», под «учителя-эсера». ОГПУ-шники вооружили его информацией об арестованных зачинщиках, сподвижником которых он и выступал в своей сыскной экспедиции.

В рапорте агент «Кулик» отметил: *«В беседе со случайными собеседниками я вел себя как лицо, агитирующее крестьянство на вооруженную борьбу с Сов. властью. Для того чтобы с тем или иным кулаком беседовать и получить от него откровенные сведения, нач. Окр. Отд. тов. Тэнис меня инструктировал: осторожно выяснить классовое лицо собеседника, и если он кулак, и настроен а/со-*

ветски, то нужно за период беседы вычерпать из него всё, что он знает. Для этого не нужно стесняться в к. (контрреволюционных. прим. авт.) выражениях».

В мае 1935 года Кузнецов зачислен расцеховщиком в бюро технического контроля конструкторского отдела завода Уралмаш. Здесь иная ответственность, иные люди рядом, иные отношения. Всё сложнее и серьезнее.

Свердловское управление НКВД считает его ценным агентом. Его оперативный псевдоним «Ученый», и он «разматывает» специалистов на предмет вредительства и связей с иностранными разведками. Главная задача у него — контакты с немецкими инженерами, приехавшими по контракту на Уралмаш. В его характеристике чекистский начальник напишет: *«...Находчив и сообразителен, обладает исключительной*

способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

Кузнецов скоро приобрел авторитет среди антисоветски настроенных «спецов» и немецких инженеров. Объем заданий становится таким, что пришлось уйти из конструкторского отдела завода. Оперативная работа оказалась заманчивей. После Уралмашзавода Кузнецов больше нигде не работал, ни Свердловске, ни в Москве, выполнял с февраля 1936 года специальные задания — он спецагент, агент — «маршрутник», его оперативная зона — различные области Советского Союза.

После окончания курсов руководящих кадров НКВД (где лекции читал начальник отделения контрразведки Л. Ф. Райхман), назначенный наркомом НКВД Коми АССР М. И. Журавлев обязан был навести

▲ Ильин Виктор Николаевич

▲ П.А. Судоплатов

▲ О.В. Лепешинская

порядок в заготовках леса на Северном Урале и прилегавших территориях. Дела этого Журавлев не знал. Ему нужен был помощник, квалифицированный специалист лесного хозяйства. В поле его зрения попал Николай Кузнецов. Журавлев успешно выполнил приказ Москвы и справедливо полагал, что в какой-то степени обязан этим Кузнецову. Журавлева поразило тот факт, что лесовод свободно владел языком коми. Журавлев за время их сотрудничества обнаружил в Кузнецове разнообразные способности.

Журавлев связался с ответственным работником из Главного управления контрразведки Л. Ф. Райхманом и настоятельно рекомендовал взять в Москву негласного сотрудника. — Честный, умный, волевой, инициативный, энергичный, с поразительными лингвистическими способностями.

Испытывая острую нехватку кадров, Райхман согласился. — Присылайте. Жил Леонид Федорович на улице Горького, рядом с Белорусским вокзалом. В те годы квартиры руководителей спецслужб использовались как конспиративные.

Когда прибывший в Москву Кузнецов, позвонил по телефону на кварти-

ру Райхману и представился, Райхман сказал в трубку: «товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки». В это время у него находился нелегал из Германии.

Несколько минут общения на общие темы с Кузнецовым... и нелегал, прикрыв рукой трубку, удивленно произнес — истинный берлинец. Откуда?

Новичком в оперативных делах Кузнецов не был. Кадровые сотрудники, которым довелось с ним работать, постарались передать ему необходимые навыки конспирации, работы с агентурой и т.п. «Колонист» талантлив от природы, знания впитывал как губка влагу, учился жадно, быстро рос как профессионал».

В Москве Кузнецов в отделе контрразведки центрального аппарата НКВД под началом капитана госбезопасности В. С. Рясного занимается «проникновением в зарубежные посольства». План Райхмана — Рясного был прост. Чем увлекались иностранные дипломаты в Москве в конце 30-х годов? Бизнесом на антиквариате, золоте, часах, фотоаппаратах и модных вещах. Другим увлечением были театры и женщины. В этих областях должен

был работать Кузнецов, там искать встречи, завязывать знакомства. Он становится завсегдаемым московских театров и торговых мест. Ольга Лепешинская, известная прима-балерина Большого театра, жена заместителя начальника контрразведывательного отдела НКВД Л. Ф. Райхмана, давала ему уроки обхождения с дамским полом, вводила в мир театральных женщин, в мир женских страстей и тайн, женских капризов и интересов. В 2003 году, ознакомившись с вышедшей из печати книгой П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль» О. В. Лепешинская заметила: «Да, это было. Кузнецов был привлекательный мужчина, но, обладая мужской привлекательностью, он обладал и умом. И Райхман хорошо использовал эти качества его. Леонид Федорович Райхман — был интеллектуально одаренным человеком и хорошим контрразведчиком. Это он придумал такую контрразведывательную операцию с Кузнецовым».

Начальника 3-го отдела секретно-политического управления НКВД комиссара госбезопасности В. Н. Ильина в отчетах и донесениях Кузнецова поразила способность агента из деталей составить картину явления, определить настроения в театральной среде.

Решение Ильина было следующим — этот человек, безусловно, находка. Он должен работать по заданиям секретно-политического управления.

В политическом сыске, считал Ильин, важно определить ту социально-профессиональную группу, которая концентрирует информацию и ускоряет её, через которую наиболее интенсивно бегут информационные волны. В СССР в 30-е годы наиболее информационно насыщенная и раскованная группа, в контакте с которой находили вдохновение партийные вожди, наркомы, военные, наши и иностранные дипломаты, была богема: писатели, поэты, музыканты, актеры.

Как опытный человекоевед Ильин с первой встречи отметил способности Кузнецова. Они поняли друг друга весьма скоро. Их взгляды на сущность творческой интеллигенции, на методы работы среди нее рождали хитроумные ходы.

Партийная, военная, творческая элита и женщины. Симпатия и страсть. А на Лубянке в казенных папках наслаивалась информация

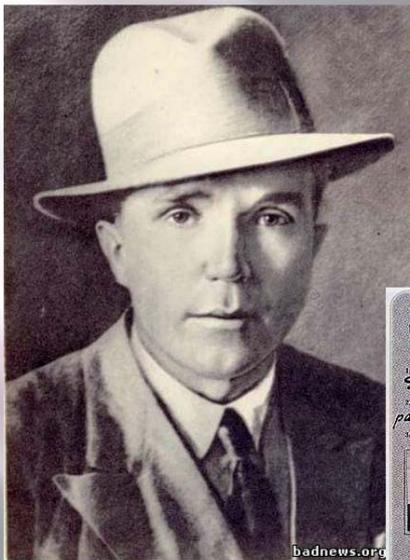
▲ Кузнецов Н.И. и секретарь посольства Словакии Крно – агент немецкой разведки, 1940 г., конспиративная встреча, оперативная съемка

из интеллигентных компаний, от политиков и генералов. Кто устоит перед соблазном поделиться сомнениями и переживаниями в минуту теплой расслабленности вслед за наслаждением от новой незнакомки, одарившей физическим и духовным очарованием? Сильные люди

хотя бы на несколько часов бросались в этот омут, вспоминая о нем всю оставшуюся жизнь, даже если она сужалась до тюремной камеры или лагерного барака. Кузнецов был своим в этом вертепе страстей, откровений и интриг.

У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного, молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах “Метрополь” и “Националь”, а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возмож-

Московская легенда:

□ «Шмидт» - один из псевдонимов Николая Ивановича - в переводе с немецкого - Кузнецов. Под этим именем разведчик жил и успешно работал в Москве до начала подготовки к работе в тылу врага в августе 1942 года.

▲ Рудольф Шмидт - Н.И. Кузнецов

▲ Д.Н. Медведев

ность предупреждать о том, когда собираются приехать дикпурьеры и когда можно будет оперативным работникам, размещенным в этих отелях и снабженными необходимым фотооборудованием, быстро перенести документы.

Началась Великая Отечественная война. Кузнецов под прикрытием «антисоветского» немца, прожившего долгие годы в Москве и «имевшего проблемы» с режимом, входил в число тех 100 человек, которых определили для специальных акций возмездия в отношении членов гитлеровского руководства. Но этой сотне лучших агентов, как и всей отлаженной подпольной сети, так и не пришлось показать себя в деле. Немецко-фашистские полчища были разгромлены под Москвой.

Поздней осенью 1941 года Кузнецов был заброшен с разведывательным заданием в тыл 9-й немецкой армии, действовавшей против обороняющихся войск Калининского фронта. Кузнецов успешно справился с заданием.

▲ В.Н. Меркулов

Созданное в январе 1942 года 4-е Управление НКВД (партизанские и разведывательно-диверсионные операции в ближнем и дальнем тылу противника) развивало новую, перспективную форму действий во вражеском тылу с использованием небольших, специально подготовленных опергрупп, возглавляемых профессиональными разведчиками. Одни группы специализировались на диверсиях на коммуникациях противника, другие на сборе военной информации. В состав некоторых групп предполагалось включить индивидуально подготовленных, законспирированных разведчиков, способных проникнуть в среду оккупантов. Среди них были немецкие, австрийские, испанские политэмигранты, имевшие конспиративный опыт, были и советские граждане разных национальностей.

П. А. Судоплатов, начальник 4-го управления, искал повсюду подготовленных людей, которые могли бы действовать в качестве разведчиков. Обращался во все отделы и подразделения НКВД. Райхман и Ильин передают Кузнецова в распоряже-

ние Судоплатова, но формально он продолжал числиться за негласным штатом управления контрразведки.

Весной 1942 года Кузнецов был включен в особый разведывательный отряд НКВД, который должен был заниматься сбором информации в тылу немцев, на Западной Украине.

Зачисление «Колониста» в состав опергруппы «Победители», под командованием капитана госбезопасности Д. Н. Медведева было произведено по приказу первого заместителя наркома НКВД В. Н. Меркулова. Таков был уровень назначения спецагентов ранга Кузнецова.

Началась специальная подготовка. В подготовку Пауля Зиберта входило нахождение в советском плену среди немецких пленных офицеров в Красногорском лагере военнопленных. В специфической среде пленных Кузнецов прижился на удивление легко и естественно. Никто его ни в чем до конца и не заподозрил.

Для себя Кузнецов сделал вывод. Никто из немецких офицеров не сдался в плен добровольно. Поражение под Москвой все они от лейтенанта до полковника, воспринимали как временную неудачу, от которой в ходе современной войны не застрахован ни один военачальник. В лагерном бараке поддерживалась армейская дисциплина и образцовый порядок, соблюдалось старшинство в чинах. С таким врагом борьба будет долгой, трудной, кровопролитной.

В 1942 году Кузнецов был заброшен в район Ровно. Из воспоминаний летчиков 102 авиаполка 1 авиатранспортной дивизии АДД. «Вылеты были не очень-то частыми, но все с добавлением слова «специальное». А судя по тому, как эти полеты обставлялись, можно было сделать выводы о важности тех, кто вечером поднимался на борт самолета, а в полночь, доставленный экипажем к месту сброса, исчезал в темном проеме двери. Десантников подвозили на автобусе. Перед вылетом к самолету подъезжали легковые машины. Это приезжали проводить пассажиров генералы и офицеры НКВД, какие-то штатские, руководство соединения и полка. Затем в полетах на специальные задания наступило затишье.

...8 июня 1942 года с утра приказано готовиться к полету. В 70 км на восток от Овруча есть железнодорожная станция Толстый Лес. Вот туда надо доставить группу. Она всего из двух человек: мужчина лет пятидесяти и девушка лет восемнадцати. Провожających и сопровождающих на этот раз не было. Было ровно 21.00. В 00.45 на сигнальные костры, расположенные на открытой поляне в 5 км от станции Толстый Лес, с высоты 400 метров за борт ушел мужчина, за ним, через 5 секунд женщина, а во вторую дверь, в то же время, Буланов и Качуркин сбросили два грузовых мешка. Через 6 часов 48 минут сели на своем аэродроме.

На следующие сутки снова полет в ту же точку. Пересекли благополучно линию фронта. В 00.50 были над целью, которая обозначалась двумя кострами и подсвечивалась фонарем зеленого цвета. С высоты 400 метров начали сброс. Люди уходили друг за другом с интервалом 7-10 секунд. В ночь на 13 июня в район станции Толстый Лес было доставлено еще 12 человек. Полет в третий раз на одну и ту же точку привел экипаж к выводу: идет заброска какого-то важного отряда. Через двое суток в ночь на 15 июня в район Овруча пошли уже два ПС-84. Сброс произвели удачно. Все 24 парашютиста приземлились в заданной точке.

20 июня в 21.13 командир корабля старший лейтенант Владимирцев оторвал машину от взлетно-посадочной полосы. В районе Калуги облачность стала десятибалльной. В таких условиях летели до Речицы. Земля открылась только на высоте 600 метров. Сбросив парашютистов, взяли курс на восток. Сели на своем аэродроме в 03.57.

Эти 12 парашютистов были: Д. Н. Медведев, С. И. Кримкер, М. А. Фортус, А. А. Лукин, В. З. Белясников, Л. В. Шерстнева, Х. Гросс, П. Гонсалес, Ф. Артунио, Х. Флорезакс, Ф. Перес, М. Сесилио.

В ночь на 23 июня самолет вновь стартовал на ту же точку и вновь десантировал 12 человек. После этого в работе полка на отряд Медведева наступил более чем двухмесячный перерыв. За это время экипаж Владимирцева продолжал выполнять задания НКВД. В ночь на 6 июля он вылетел, имея на борту 6 человек и 750 кг груза, в район озера Моховое-Туровня (15 км юго-восточнее Полоцка). На маршруте к цели самолет был атакован двумя Ме-110 и подбит. Один снаряд разорвался прямо в ногах у штурмана. Пробина — голову можно просунуть. Орехов получил тяжелое ранение. Пришлось возвращаться, не выполнив задания.

Штурман надолго вышел из строя. В экипаже его заменил Н. С. Пономаренко. В двадцатых числах августа И. Н. Владимирцев заболел. И тут срочная заявка от НКВД. Вместо больного Владимирцева, был назначен командиром корабля Б. И. Тацкий. Никогда до этого Наркомат внутренних дел так дотошно не вникал в детали подготовки к полету, как в этот раз. По всем признакам чувствовалось, что предстоит забросить в тыл очень важную группу разведчиков.

Их было одиннадцать. Все мужчины. Они стояли под крылом самолета молодые и здоровые, перебрасываясь между собой короткими фразами. Никто из них ничем особым не выделялся. Провожать приехали двое в штатском. Одного называли генералом. Перед вылетом перекурили. В 19.40 надели парашюты. В 19.45 поднялись по лесенке в салон самолета. Расселись. Занял свои рабочие места и экипаж: командир корабля Борис Иванович Тацкий, штурман Андрей Сергеевич Пономаренко, радист Григорий Алексеевич Буланов, бортомеханик Федор Ефимович Ващенко и стрелок Николай Алексеевич Качуркин...

▲ Н.В. Грачев - Н.И. Кузнецов

**«КОМАНДУЮЩЕМУ АДД ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ АВИАЦИИ
ГОЛОВАНОВУ.**

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Соединение Нестерцева. 26 августа 1942 года. 7.00. Карта 500 000. В ночь на 26 августа 1942 года произведен один самолето-вылет по специальному заданию НКВД. Боевой налет 8 часов 30 минут. Летчик Таций (штурман Пономаренко) в 20.00 25 августа вылетел на выброску 11 человек парашютистов и 100 кг груза в район Коростеня. В 00.22 26 августа курсом 120 градусов с высоты 200 м группой в обе двери через 20 секунд по сигналу с земли (семь костров прямоугольной формы) выбросили 11 человек парашютистов и 100 кг груза на пересечение дорог 5 км юго-западнее станции Борове, что 105 км западнее Коростеня.

Раскрытие парашютов и спуск происходили нормально. В районе цели стрельбы и каких-либо движений не замечено. При полете к цели, в районе Алсуфьево — Сеца самолет подвергся обстрелу крупнокалиберной ЗА до трех точек. В 21.45 на высоте 3 500 м два раза атаковывался звеном истребителей Ме-110. Маневром по высоте экипаж ушел от атак. Экипаж невредим, за исключением — в воздухе в 22.00 заболел бортрадист Буланов (головные боли, резы в животе, рвота)».

Фамилии парашютистов: Н. В. Грачев, И. Я. Соколов, Н. Т. Приходько, Н. А. Гнидюк, Б. И. Сухенко, А. Д. Середенко, П. Х. Голубь, А. К. Яцук-Павлеев, Г. М. Волков, В. М. Скворцов, Сидоренко (инициалы не установлены).

26 августа 1942 года экипажем 102-го авиаполка 1-й авиатранспортной дивизии АДД на самолете № 1842401 с подмосковного аэродрома Подлипки в отряд Д. Н. Медведева был переброшен Николай Васильевич Грачев (Н. И. Кузнецов). Этим полетом была завершена переброска личного состава спецотряда «Победители».

В спецотряде появился Кузнецов в форме немецкого офицера интендантской службы. По легенде, Кузнецов якобы находился в отпуске по ранению, и ему поручено организовать доставку продовольствия и теплой одежды для его дивизии, расположенной под Ленинградом. Он выдавал себя за немца, несколько лет прожившего в Прибалтике, где и был мобилизован. По его словам, в Германию он возвратился только в 1940 году в качестве репатрианта. Шла война, перемещение

людей было весьма интенсивным, Абверу или гестапо понадобилось бы много времени для проверки его личности. Документы для его работы в немецком тылу были изготовлены австрийцем Миллером и его учеником Громушкиным. В подготовке Н. И. Кузнецова к операциям в тылу немцев активно участвовал оперативный работник П. А. Окунь. П. А. Судоплатов провел с Кузнецовым многие часы, готовя к будущим заданиям. Вспоминал о нем как о человеке редкого таланта оставаться спокойным при выполнении боевых заданий, реалистичном и разумном в своих действиях.

В Ровно Н. И. Кузнецовым были ликвидированы оберфюрер СС, Верховный судья Украины А. Функ, министерский советник финансов Г. Гель, гитлеровский палач А. Винтер. Кузнецов осуществил дерзкое похищение командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена, взятого в собственной резиденции на Мельничной улице вместе с документами особой секретности. Накануне этого события фон Эльген успел отправить в Германию очередные 20 чемоданов-рундуков с награблен-

ным на Украине добром. Тогда же он хвастал перед своим окружением, что уничтожит всех партизан в радиусе 100 км от Ровно, и что будет беседовать с Медведевым в партизанском лагере.

Когда схватили генерала и вталкивали в машину, он заорал: «На помощь!» К машине подбежали четверо немецких офицеров, оказавшихся в тот момент у генеральского особняка. — «Что здесь происходит?!» — закричал один из них. Кузнецов среагировал мгновенно. — «Я офицер полевой полиции. Мы только что задержали русского террориста в нашей форме». И сунул под нос кричавшему гауптману номерной металлический жетон сотрудника полевой жандармерии. Немцы успокоились. Кузнецов проверил у них документы, одному офицеру как свидетелю предложил поехать с ним, остальных отпустил.

До мельчайших деталей продумывал Кузнецов пути отхода с места операции. Каждый раз выстраивал ложный след для гестапо. В случае с Гелем им стал бумажник, якобы случайно выпавший из кармана террориста. Бумажник принадлежал видному эмиссару украинских националистов, закончивший жизнь в отряде Медведева. В бумажник вложили золотые монеты и срочное письмо со словами: «Батько не сомневайся, что задание будет тобой выполнено в самое ближайшее время. Эта акция послужит сигналом для дальнейших действий против швабов». Расчет оказался верным. Гестапо схватило 38 известных деятелей ОУН(б) и расстреляло их, как те ни клялись в верности фюреру.

Кузнецов обладал редким самообладанием и находчивостью. Командование спецотряда решило направить в Ровно радистку для надежной и скорой передачи данных добытых Кузнецовым в Центр. Он сам должен был обеспечить перемещение радистки из леса в город. Оборудовали бричку, на дно которой уложили рацию, батареи питания, взрыв-

▲ Пауль Зиберт - Н.И. Кузнецов

▲ Эрих Кох

чатку, автоматы. Накрыли всё сеном, а сверху положили рогожу. Ехали втроем — радистка Валентина Осмолова, Кузнецов в немецкой форме и Николай Приходько в форме немецкого солдата, который правил лошадью. Когда переезжали мост через реку (дело было в декабре) лошадь была неподкованная и её внезапно понесло, она упала. Бричка перевернулась, Кузнецова и радистку выбросило на мост, а следом вылетели рация, батареи питания, оружие. Всё это на глазах у охранявших мост немецких солдат. Прежде чем солдаты что-то сообразили, Кузнецов выхватил пистолет, навел на Валентину, крепко выругался и рявкнул на постовых: «Чего глазееете разявы?! Это русская партизанка! Быстро поднимите лошадь!» В этой драматически-кризисной обстановке импровизация Кузнецова точно сработала, магически подействовала на психологию немецких солдат.

Наместник фюрера гаулейтер Украини Э. Кох, напуганный размахом партизанского движения, предпочитал в Ровно часто не показываться и отсиживаться в Восточной Пруссии, где чувствовал себя в относительной безопасности.

В отсутствие Коха на первые роли выдвинулся его главный заместитель по всем вопросам — регирунгспрезидент (глава администрации) Пауль Даргель. Его ненавидели местные жители больше, чем самого Коха, поскольку именно Даргель подписывал почти все приказы, постановления и распоряжения, за нарушение которых чаще всего следовало одно наказание — смертная казнь через расстрел, а иногда, для большего устрашения, через публичное повешение. То была не пустая угроза. Казни по всей Украине совершались повсеместно и каждодневно. В самом Ровно и его тогдашних предместьях

за период оккупации гитлеровцы расстреляли 102 000 советских граждан — много больше, чем тогда в городе насчитывалось жителей.

Под непосредственным руководством Д. Н. Медведева Н. И. Кузнецов составил план ликвидации Даргеля, очень детальный и достаточно реалистичный.

Разведчики за несколько недель тщательного наблюдения смогли хорошо изучить распорядок дня и привычки правящего президента. Даргель жил на той же улице — Шлосштрассе (она же Санаторная), где располагался и рейхскомиссариат.

Как правило, Даргель ездил по городу с большой скоростью в длинном черном «опеле-адмирале», но обедать домой ходил всегда пешком, и ровно в 13.30. Его прогулка сопровождалась определенным

▲ Лукин А.А. нач. разведки спецотряда Медведева

▲ Струтинский Н.В. 1999 г.

ритуалом. Вначале на улице появлялась охрана: жандармский фельдфебель и сотрудник СД в штатском. Охранники внимательно и придирчиво проглядывали улицу, выверяя, нет ли на ней подозрительных лиц. Следом за Даргелем — в двух шагах — всегда шествовал его адъютант, майор с ярко-красной кожаной папкой в руке. Такой приметы Кузнецову было вполне достаточно, к тому же он однажды видел Даргеля (весной, когда тот выступал на митинге по случаю дня рождения Гитлера, заменяя отсутствующего Коха) и был уверен, что сумеет опознать его.

Кузнецов понимал, что ждать выхода Даргеля непосредственно на Шлоссштрассе слишком рискованно, поэтому он поставил машину в переулке с таким расчетом, чтобы видеть ворота рейхскомиссариата (РКУ). Предварительная информация оказалась точной: около половины второго весь путь от рейхскомисса-

риата до особняка осмотрели охранники, а ровно в 13.30 (ни минутой раньше, ни минутой позже) из ворот РКУ вышел подтянутый сухощавый военный чиновник со смуглым надменным лицом. За ним вышагивал высокий майор с ярко-красным портфелем под мышкой.

Гитлеровцы успели сделать лишь несколько десятков шагов, как их нагнал светло-коричневый «опель». На какую-то секунду автомобиль притормозил, из него выскочил пехотный офицер. Военный не успел даже удивиться. В руке офицера блеснул ствол пистолета. Негромко хлопнули четыре выстрела. Качнувшись, рухнул на тротуар военный со смуглым лицом. Выронив красный портфель, упал рядом его адъютант.

И тут же пехотный офицер впрыгнул в машину, на ходу захлопнул дверцу, и «опель» рванул, быстро набирая скорость.

Кузнецов и его спутники немедленно вернулись в отряд. Через несколько дней связные доставили в отряд номер ровенской газеты «Вольный». Крупным шрифтом в ней было напечатано следующее сообщение:

«В понедельник 20 сентября, в 13 часов 30 минут, на улице Шлосс в Ровно были убиты выстрелами сзади руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт Винтер. Те, кто дал убийце поручение, действовали по политическим мотивам».

Оказывается в жизни бывают и такие удивительные совпадения. Как стало известно позднее, министерский советник Г. Гель за несколько дней до покушения прибыл в Ровно из Берлина и на первых порах по приглашению Даргеля поселился в его особняке на Шлоссштрассе.

Сам Даргель в этот день по какой-то серьезной причине задержался в рейхскомиссариате, но Гель вышел из РКУ в его обычное время.

Руководство партизанским формированием «Победители» было вполне удовлетворено результатом покушения. Во-первых, сам акт возмездия прошел безукоризненно — значит, план операции был разработан правильно. Во-вторых, доктор Г. Гель был фигурой достаточно важной, если и уступавшей положению правящего президента Даргеля, то не намного.

8 октября 1943 года Н.И. Кузнецов вместе с Николаем Струтинским подстерег Пауля Даргеля, когда тот выходил из своего дома, и выстрелил в него несколько раз из той же машины, перекрашенной в зеленый цвет. Правящему президенту удивительно везло — он и на сей раз остался невредимым. Более того, разглядел нападавшего обер-лейтенанта германской армии с Железным крестом на груди.

Как и в первый раз, Кузнецов и Струтинский, хотя и с трудом, сумели уйти от погони.

Оберегая своего самого ценного разведчика, командование не хотело, чтобы он в третий раз сделал попытку совершить покушение. Кузнецову и так слишком везло — ему дважды удалось беспрепятственно скрыться от преследователей. Всегда так не будет, считало командование, просто не может быть по теории вероятности. Но Кузнецов продолжал настаивать на своем и настоял...

20 октября Пауль Зиберт совершил третье покушение на заместителя Коха. Оно было точной копией первого. Кузнецов психологически верно рассчитал, что немцы никак не будут ждать нового нападения на том же месте и не предпримут там дополнительных мер охраны. Так и оказалось.

В том же гараже гибетскомиссара был взят другой автомобиль — зеленый «адлер», вместо знака РКУ

▲ Н.И. Кузнецов в партизанском отряде

на нем установили отличительный знак и номер вермахта. Кроме марки и цвета машины Кузнецов сменил и оружие: вместо пистолета он для надежности применил гранату, на которую для усиления действия был надет дополнительный стальной чехол с насечками.

И снова — технически операция прошла отлично. Снова Кузнецов и Струтинский ушли от преследователей. И снова невероятная досадная случайность... В двух шагах от ног Даргеля граната ударилась о бровку тротуара и отскочила так, что взрыв пошел в сторону, в стену дома. Ручкой гранаты был наповал убит какой-то подполковник, стояв-

ший на противоположной стороне улицы. А Даргель снова остался жив, хотя и был контужен взрывной волной.

10 ноября Н.И. Кузнецов, Н. Струтинский, Альберт Глас и Иван Корицкий в 18 часов у выезда с улицы Легионов совершили налет на машину Курта Кнута — заместителя Коха. Перед этим разведчики выяснили, что Кнут в этот вечер поедет в одно учреждение оккупантов именно по данной улице. Н.И. Кузнецов метнул противотанковую гранату. Автомобиль Кнута врезался в забор, передняя его часть развалилась. Затем разведчики буквально изрешетили то, что осталось от машины,

▲ Ян Каминский соратник Н.И. Кузнецова фото 1939 г.

автоматными очередями. Шофер был убит, но и этому заместителю Коха тоже невероятно повезло. Взрывом его бросило на пол, так что осколки и пули прошли выше него. Кнут отделался контузией и легким ранением.

Но другой высокопоставленный чиновник А. Функ от расплаты не ушел. Функ, как и гаулейтер Украины Кох, был одним из любимцев Гитлера, осыпавшего его высокими чинами и званиями. В одно и то же время оберфюрер СС Функ являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области, главным судьей СА группы «Остланд», председателем «национал-социалистического союза старшин» и т.д. и т.п.

Верховный суд занимал трехэтажное здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, другой — на Парадную площадь. Третья сторона здания выходила на тихую и малолюдную Школьную улицу.

В мемуарах заместитель командира по разведке специального партизанского отряда «Победители» А.А. Лукин писал: «Быть может, убить Функа было легче где-нибудь в другом месте и в другое время, но командо-

вание решило это сделать именно в здании суда».

Разведчики знали, что Функ, немец аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской Анчака на Немецкой улице, почти напротив суда. Затем около девяти часов он пересекал улицу и входил в здание суда.

В 8 часов 20 минут утра 16 ноября на Школьной улице, не доехав до суда метров пятьдесят, остановился серый легковой автомобиль «адлер» (с новым номером), из него вышли два гитлеровских офицера — это были Кузнецов и Каминский.

Солдат-шофер (Николай Струтинский), остался в машине, и, казалось, задремал. Офицеры перешли площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прогуливаться по тротуару, Каминский занял позицию, откуда было удобно наблюдать за окном парикмахерской.

В это время на улице было уже многолюдно, Кузнецов и Каминский то и дело отвечали на приветствия офицеров, сами приветствовали.

В 8.30 к главному входу суда подъехал грузовик с двумя десятками эсэсовцев.

Струтинский нащупал под сидением автомат и насторожился, полагая, что это неожиданное осложнение сорвет операцию. Но Кузнецов и Каминский продолжали, как, ни в чем не бывало, спокойно прохаживаться на своих постах.

В 8.40 на мгновение откинулась занавеска в окне парикмахерской — это Анчак подал знак, что через несколько минут он закончит бритье. И сразу же Каминский сдвинул фуражку на затылок — это уже был сигнал Кузнецову.

В 8.45 занавеска откинулась совсем. Каминский приподнял фуражку, Кузнецов взглянул на часы и неторопливо направился к дверям суда, Струтинский завел мотор.

Из дверей парикмахерской вышел Функ и пошел навстречу возмездно. Кузнецов хорошо изучил расположение всех коридоров и комнат в здании суда. Он знал все ходы и выходы, в том числе и малоприметный на Школьную улицу. В тот момент ему требовалось единственное — войти в дверь одному и быстро стать прямо за дверью, не столкнувшись ни с кем из сотрудников. Но и это было учтено: Кузнецов превосходно понимал, что сотрудники суда займут свои рабочие места раньше, на несколько минут, чем прошествует в свой кабинет на втором этаже главный судья.

Кузнецов остановился за дверью. Справа послышались шаги: кто-то шел по коридору к двери. Шаги приблизились и удалились уже на лестнице. Разведчик вскинул вальтер и почти в упор трижды выстрелил в Функа. Потом быстро, но без суеты вышел на Школьную улицу.

Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером «адлере», но не обратили на него никакого внимания. Выстрелов ведь они не слышали.

Труп Функа обнаружили только через 2-3 минуты. На втором этаже здания суда настезь распахнулось окно, и площадь огласил чей-то истерический крик:

– Президент убит! Президент убит!

Поднялась тревога. Эсэсовцы устремились в погоню. В нескольких кварталах от площади они настигли серый «адлер», в котором сидел какой-то майор. Его вытащили из машины, избили до полусмерти и отравили в гестапо.

Это удачное совпадение дало Кузнецову те самые драгоценные минуты, которые позволили ему и Струтинскому бесследно раствориться. Благополучно ушел с площади и Ян Каминский.

Существенный вклад в разведывательно-диверсионные операции в тылу противника внес партизанский разведывательный отряд под командованием полковника Медведева. Ему первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат своих людей с целью подготовки и нападения на американское советское посольство в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция "Большой тройки". Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло предотвратить акции в Тегеране против "Большой тройки".

Кузнецов (кодовое имя "Пух") лично ликвидировал нескольких губернаторов немецкой администрации в Галиции. Эти акты возмездия организаторам террора против советских людей были совершены им с беспримерной храбростью среди бела дня на улицах Ровно и Львова. Одетый в немецкую военную форму, он смело подходил к противнику, объявлял о вынесенном смертном приговоре и стрелял в упор. Каждая тщательно подготовленная акция такого рода страховалась боевой группой поддержки.

Н. И. Кузнецов и его оперативные руководители долго искали варианты

уничтожения Коха. И остановились на варианте, где Кузнецов, как немецкий офицер, ходатайствует перед имперским комиссаром на Украине Кохом о разрешении жениться на девушке, наполовину немке, у которой отца зверски убили советские партизаны за сотрудничество с немецкими властями. Письмо-заявление об этом, благодаря разным связям Кузнецова среди немецких офицеров и чиновников, попало к Коху. Имперский комиссар согласился принять заслуженного фронтовика, обер-лейтенанта Пауля Зиберта и его «невесту». Было решено, что на этой встрече Кузнецов застрелит

Коху. Разумеется, что вряд ли после этого и Кузнецов, и его «невеста» Валентина Довгер выберутся живыми из особняка рейхскомиссара. По сути — это был акт самопожертвования, продуманный и психологически принятый к тому времени Кузнецовым и Валентиной.

Но Кузнецов на аудиенции с Кохом не выстрелил в него. Почему? На этот вопрос ответил Кузнецов в своем рапорте командованию после визита к Коху.

«...на фэзтоне с Валеи, Шмидтом и собакой Коха подъехали к рейхскомиссариату, вошли в вахтциммер, где было около двадцати жандар-

▲ Пух — Н. И. Кузнецов

▲ Колонист — Н. И. Кузнецов

▲ Федотов Петр Васильевич

мов... и взяли пропуск к Коху. Жандарм у ворот пропустил нас во двор дворца Коха. Прошли мимо второго жандарма, нас во дворе встретил адъютант. Он провел меня и Валю в нижний этаж дворца, где в приемной встретила нас одна дама и один приближенный Коха... В приемной нас попросили обождать, доложили о нашем приходе на второй этаж и попросили подняться. Мы оказались в квартире Коха. Здесь нас встретил адъютант или личный секретарь Коха, который попросил сесть и начал расспрашивать о цели приезда, после этого он ушел в кабинет Коха и вернулся с тремя высокопоставленными телохранителями Коха... Они отрекомендовались, осмотрев нас, и попросили Валю в кабинет. Я остался ждать. Один ушел с Валею, двое остались, молча глядя на меня. Так прошло около трех минут. Валя вышла, и позвали меня.

У меня в кармане на боевом взводе со снятым предохранителем лежал «вальтер» со спецпатронами, в кобуре ещё один пистолет. В коридорчике пе-

ред кабинетом меня встретила черная ищейка, за мной шел один из приближенных. Войдя в кабинет, я увидел Коха и перед ним двое, которые сели между мной и Кохом, третий стоял за моей спиной, за креслом черная собака. Беседа продолжалась около 30-40 минут. Всё время охранники... смотрели на мои руки. Кох руки мне не подал, приветствовал издали поднятием руки, расстояние было метров пять. Между мной и Кохом сидели двое. И за моим креслом сидел ещё один. Никакой по этому возможности не было опустить руку в карман. Я был в летнем мундире, и гранаты со мной не было.

Кох очень придирчиво ругал меня за то, что я решился просить за девушку не немецкой крови. Кох сказал: «Как вы можете ручаться за неё, у нас было много случаев, доказывающих, что нельзя ни за кого ручаться сегодня». Кох спросил меня, где я служил, в каких боях участвовал, в каком полку, давно ли я знаю девушку, откуда она, почему я о ней не навел пред-

варительные справки в гестапо, где мои родные, в каких городах бывал, где работает мой отец, где мать, специальность, религия. Кох заявил мне, что если за каждую девушку, у которой убит отец, придут просить, то нам некого будет посылать в Германию.

В заключение он спросил меня, как и почему украинцы режут поляков, по моему мнению, кто хуже, поляки или русские, как уничтожить сопротивление поляков и русских одновременно, какого мнения наши офицеры и солдаты о подготовке наступления на Востоке... После подробного расспроса о боях на Востоке, Кох взял карандаш и написал на заявлении Вали: «С получением работы в Ровно согласен. Кох». Заявление Вали он передал мне и предупредил об ответственности в случае, если Валя окажется шпионкой. Снова приветствия, и я удалился, окруженный охранниками... записали моё имя и адрес полевой почты, выпустили меня через другие двери, поздравляли много, даже генерал один пожал руку, затем мы обошли дворец,

поблагодарили адъютанта за услуги... мы вышли, сдали пропуска и уехали в город».

После этого рапорта нашлись люди, обвинившие Кузнецова в трусости, несостоятельности. Понять их можно, если представить их карьерные желания. Находясь на партизанской базе, в тылу и на линии огня, среди фашистов позиции не равнозначные.

Прошло много лет и Л. Ф. Райхман высказал свое мнение. «После неудавшегося покушения на Коха в Центре относительно Кузнецова возникли некоторые сомнения. Кое-кто сгоряча из-за вполне понятного разочарования потребовал чуть ли не ареста Кузнецова, обвиняя его в трусости, а то и в предательстве. П. А. Судоплатов прислал ко мне Л. И. Сташко (своего заместителя), чтобы обстоятельно поговорить о «Колонисте», которого я знал куда лучше, чем они. В своё время после убийства Кирова я много разговаривал со знаменитой Марией Спиридоновой (лидер партии левых эсеров, известная террористка, возглавившая мятеж левых эсеров против большевиков в июле 1918 года), меня интересовала психология человека, идущего на теракт (разумеется, речь идет о нормальном человеке, а не о полубезумном религиозном фанатике). После разговора с нею я пришел к выводу, что этот человек должен иметь хоть один процент надежды на успех. У Кузнецова никаких шансов на успех при тех обстоятельствах не было. Всё это я и объяснил Сташко и ещё раз поручился за Кузнецова».

Кузнецов не убил Коха потому, что это была бы верная смерть для него и его спутницы при невыполненном задании. Пустое самопожертвование. У овчарки, дышавшей за спиной, реакция выше. Шанса не было.

Но Кузнецов от Коха получил исключительно важную информацию — на Востоке под Курском в ближайшее время планируется проведение крупного наступления немцев.

По заданию Ставки Верховного Главнокомандования информация Кузнецова о подготовке немцами стратегической наступательной операции в районе Курска была перепроверена и подтверждена.

9 февраля 1944 года гауптман Зиберт Пауль застрелил вице-губернатора Галиции Бауэра и доктора Шнайдера. 12 февраля «пежо» Зиберта был остановлен постом фельджандармерии у села Куровицы в 18 километрах от Львова по дороге на восток. К тому времени гауптмана искало гестапо и полевая полиция — им была дана ориентировка на террориста в немецкой форме. За ним охотились и украинские националисты, которые не могли простить ему гибель своих главарей, расстрелянных гестаповцами — историю с бумажником они не забыли. Майор фельджандармерии потребовал у Зиберта разрешение на выезд из города. Такого, разумеется, у него быть не могло. Скоротечное боестолкновение. Разведчики прорвались, но через 800 метров поврежденную пулями машину пришлось бросить.

Завершилась карьера немецкого гауптмана Пауля Зиберта. Документы «проржавели» и кроме полного провала принести ему уже ничего не могли. Срезав погоны с формы одежды, разведчики ушли в лес. Кузнецов решил идти на место встречи с разведгруппой для связи с ним у села Боратин, определенном Медведевым. Разведчики находились в центре осинового гнезда бандеровских банд.

Проплутав несколько суток в лесу, Кузнецов, Каминский и водитель Белов набрели на группу самообороны львовских евреев (две землянки вырытые в лесном овраге). Старший группы рассказал Кузнецову, что в селе Ганычев скрываются два советских партизана, тяжело больные сыпным тифом. Кузнецов попросил проводить его к ним. Это были разведчики из группы Крутикова — Василий Дроздов («Щег») и Федор Приступа («Утсов»), направленной во Львов. Им Кузнецов рассказал о своих действиях во Львове. В полу бредовом состоянии, больные сыпняком плохо запомнили рассказ Кузнецова.

Кузнецов написал отчет о последней проделанной разведывательной и диверсионной работе. Подписался псевдонимом «Пух», известным только Центру. На конверте написал, чтобы его передали генералу «Ф». Возникает вопрос — почему? Дело в том, что

Кузнецов по-прежнему считал своим руководителем начальника 2-го Главного контрразведывательного управления П. В. Федотова.

Еврейские самооборонцы дали Кузнецову проводника, который знал местность. Проводник был убит бандеровцами на обратном пути.

5 марта 1944 года бандеровский референт-осведомитель сообщил в полицию безопасности, что 2 марта в лесу близ Белогородки в районе Вербы (Волынь) подразделение УПА встретилось с тремя неизвестными в немецкой форме. Произошло боестолкновение.

Шеф СС на Украине группенфюрер Плютцман направляет немецкую боевую группу для проверки. Эсесовцы Плютцмана проверили нахождение трупов советских разведчиков и выяснили все обстоятельства их гибели.

Личности разведчиков были установлены по найденным документам у погибших.

Согласно данным начальника разведки спецотряда «Победители» А. А. Лукина группа Кузнецова погибла в бою с бандеровцами. Кузнецов, Каминский и Белов натолкнулись на группу бандеровцев, переодетых в форму красноармейцев, и только в последний момент поняли роковую ошибку.

После доклада наркому НКГБ В. Н. Меркулову П. А. Судоплатов сделал на первой странице документа распоряжение:

«ТОВАРИЩУ ЗУБОВУ.

1. Наркому доложено, что всех троих следует считать погибшими.

2. «Колониста» представить к званию Героя Сов. Союза, «Кантора» и «Ила» к ордену Отечественной войны I степени.

Судоплатов

12 октября 1944 г.».

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову было

присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов были награждены орденами Отечественной войны I степени.

Поскольку Н.И. Кузнецов не был женат, награду принял его брат.

***

После освобождения советской территории от немецко-фашистских захватчиков первым, кто занялся расследованием обстоятельств гибели Н.И. Кузнецова, был партизан разведчик Василий Петрович Дроздов (Щег), тот, кого Кузнецов видел больным сыпным тифом в отряде еврейской самообороны в феврале 1944 года. В опросе местных жителей, Дроздов, кажется вплотную, приблизился к раскрытию картины гибели «Зиберта».

Слухи об активности партизана разведчика быстро дошли до бандеровцев, которые имели прекрасную сеть осведомителей. Весной 1945 года, в Боратине, в доме активного помощника УПА Ивана Маловского, он был убит с необычайной даже для того времени жестокостью.

Ему отрезали уши, выкололи глаза, вырвали кузнечными клещами

зубы, переломали руки и добили двухпудовым жерновом.

Тело В.П. Дроздова на лошадей крестьянина Михаила Возного бандеровцы вывезли в урочище Хлевище в Гудоровом лесу и закопали в старом окопе, близ могилы Кузнецова.

В сентябре 1959 года, в рамках расследования уголовного дела по обвинению бывшего бандеровца Юлиана Данильчука, старший следователь управления КГБ по Львовской области постановил эксгумировать останки В.П. Дроздова на месте, указанном самим Возным.

Бандеровцы карали и своих сообщников, чтобы держать всех в страхе. Что касается самого Ивана Маловского и его сына Петра, то они на допросе у следователя, рассказали, как был убит Дроздов, и сами были задушены «цуркой» (удавкой), а их трупы были сброшены в двадцатиметровый колодец в местности с названием Лысая гора.

Струтинский сразу же после войны работал во Львовском УНКВД. Он тоже занимался расследованием гибели Н.И. Кузнецова. Он, бывшие партизаны разведчики, коллеги по КГБ опросили сотни жителей, изучили массу уголовных и розыск-

ных дел относительно членов ОУН и УПА, пешком прошли предполагаемый маршрут группы Кузнецова к линии фронта.

Кузнецов пошел к линии фронта с Яном Каминским и Иваном Беловым. Однако, по словам свидетеля Степана Голубовича, в Боратин, в его дом пришли только двое. Белов не вошел в дом. Бандеровцы сняли кинжалом, его, стоявшего на посту у дома.

Показания Голубовича: «... В начале марта 1944 года в доме находились, кроме меня и жены, моя мать — Голубович Мокрина Адамовна (умерла в 1950 году), сын Дмитрий, 14 лет, и дочь 5 лет (впоследствии умерла). В доме свет не горел. Ночью этого же числа, примерно около 12 часов ночи, когда я и жена еще не спали, залаяла собака. Жена, поднявшись с койки, вышла во двор. Возвратившись в дом, сообщила, что из леса к дому идут люди.

После этого она стала наблюдать в окно, а затем сообщила мне, что к двери подходят немцы. Неизвестные, подойдя к дому, стали стучать. Вначале в дверь, потом — в окно. Жена спросила,

▲ Дом, в котором погиб Н.И. Кузнецов

▲ Дроздов Василий Петрович — Щег

▲ Место эксгумации тела Н.И. Кузнецова

что делать. Я дал согласие открыть им двери. Когда неизвестные в немецкой форме вошли в дом, жена зажгла свет. Мать поднялась и села в углу около печки, а неизвестные, подойдя ко мне, спросили, нет ли в селе большевиков или участников УПА? Спрашивал один из них на немецком языке. Я ответил, что ни тех, ни других нет. Затем они попросили закрыть окна. После этого они попросили поесть. Жена дала им хлеб и сало и, кажется, молоко. Я тогда обратил внимание на то, как это два немца могли пойти ночью через лес, если они боялись его пройти днем...

Один из них был выше среднего роста, в возрасте 30-35 лет, лицо белое, волос русый, можно сказать, несколько рыжеватый, бороду бреет, имел узенькие усы. Его внешность была типична для немца. Других примет не помню. Разговор со мной вел в большинстве он. Второй был ниже его, несколько худощавого сложения, лицо черноватое, волос черный, усы и бороду бреет.

... Сев за стол и сняв пилотки, неизвестные стали кушать, автоматы держали при себе. Примерно через полчаса (причем собака все время лаяла), как пришли ко мне неизвестные, в комнату вошел вооруженный участник УПА с винтовкой и отличительным знаком на шапке "Трезуб", кличка которого, как мне стало известно позднее, была Махно. Махно, не приветствуя меня, сразу подошел к столу и подал неизвестным руку, не говоря с ними ни слова. Они также молчали. Затем подошел ко мне, сел на койку и спросил меня, что за люди. Я ответил, что не знаю, и через каких-то минут пять в квартиру начали заходить другие участники УПА, которых вошло человек восемь, а может быть, и больше.

Кто-то из участников УПА дал команду выйти из дома гражданским, т.е. нам, хозяевам, но второй крикнул: не нужно, — и из хаты никого не выпустили. Затем опять кто-то из участников УПА по-немецки дал команду неизвестным "Руки вверх!"

Неизвестный высокого роста поднялся из-за стола и, держа автомат в левой руке, правой махал перед лицом и, как я помню, говорил им, чтобы не стреляли.

Оружие участников УПА было направлено на неизвестных, один из которых продолжал сидеть за столом. "Руки вверх!" давалась команда раза три, но неизвестные руки так и не подняли.

Высокий немец продолжал разговор: как я понял, спрашивал, не украинская ли это полиция. Кто-то из них ответил, что они — УПА, а немцы ответили, что это не по закону...

... Я увидел, что участники УПА опустили оружие, кто-то из них подошел к немцам и предложил все-таки отдать автоматы, и тогда немец высокого роста отдал его, а вслед за ним отдал и второй. На столе начали крошить табак, участники УПА и неизвестные стали закуривать. Прошло уже минут тридцать, как неизвестные встретились

то спросил у второго, лежавшего раненым на полу. Он ему ответил, что "не знаю", после чего неизвестный низкого роста, выбив оконную раму, выпрыгнул из окна дома с портфелем.

Взрывом гранаты были ранены моя жена легко в ногу и мать — легко в голову.

В отношении неизвестного низкого роста, бежавшего через окно, то я слышал минут пять сильную стрельбу из винтовок в той стороне, куда он бежал. Какова его судьба, мне не известно.

После этого я убежал с ребенком к своему соседу, а утром, когда вернулся домой, то увидел неизвестного мертвым во дворе около ограды, лежавшим лицом вниз в одном белье».

При допросах других свидетелей, было установлено, что ворвавшаяся в дом группа бандеровцев разрушила партизан. Некоторое время под охраной они ждали главаря бандеровцев, сотника Черногору. Он и опознал в «немце» исполнителя громких терактов против гитлеровских бонз. И тут Кузнецов взорвал гранату в комнате, заполненной бандеровцами УПА... Каминский успел выпрыгнуть в окно, бросился бежать, но пуля настигла его. Раненого добились штыком.

Кузнецов и его боевой товарищ Ян Каминский попали в ситуацию безвыходную. Николай Иванович вроде бы стал искать зажигалку, что-то сказал спутнику, тот рухнул на пол, Кузнецов вырвал боевую чеку, раздался взрыв гранаты. Он пошел на смерть, уложил бандеровцев, а его спутник, воспользовавшись суматохой, схватил портфель, в котором хранился отчет "Пуха", выбил оконную раму и выпрыгнул в темь ночи. Увы, судя по тому, что секретный документ оказался в руках сначала главарей УПА, а затем был передан ими немцам, боевой друг Кузнецова уйти от бандитов не смог.

Кузнецову при взрыве собственной гранаты оторвало кисть правой руки, и были "нанесены тяжкие ранения в область лобовой части

с участниками УПА. Причем неизвестный высокого роста первый попросил закурить. Неизвестный высокого роста, свернув самокрутку, стал прикуривать от лампы и затушил ее, но в углу около печки слабо горела вторая лампа. Я попросил жену подать лампу на стол.

В это время я заметил, что неизвестный высокого роста заметно стал нервничать, что было замечено участниками УПА, которые стали интересоваться у него, в чем дело... Неизвестный, как я понял, искал зажигалку.

Но тут же я увидел, что все участники УПА бросились от неизвестного в сторону выходных дверей, но так как они открывались внутрь комнаты, то они не открыли ее в спешке, и тут же я услышал сильный взрыв гранаты и даже увидел сноп пламени от нее. Второй неизвестный перед взрывом гранаты лег на пол под койку. После взрыва я взял малолетнюю дочь и стал около печки, жена выскочила из хаты вместе с участниками УПА, которые сломали дверь, сняв ее с петель. Неизвестный низкого роста что-

головы, груди и живота, отчего он вскоре и скончался».

Тела погрузили на конную повозку соседа Голубовича Спиридо-на Громьяка, вывезли за село и, раскопав снег, положили останки возле старого ручья, засыпав хворостом.

Через неделю в село вошли немцы и во время отрывки окопов наткнулись на человеческую руку, торчащую из-под земли. Немецкий офицер, увидев труп в форме военнослужащего вермахта, пришел в ярость, и приказал сжечь «бандитское село».

Местные жители, испугавшись расправы, указали на дом Григория Росоловского в соседнем селе Черныцы, где находились на излечении четверо бандеровцев, посеченных осколками гранаты Кузнецова: «Черногора», «Скиба», «Серый» и еще один бандит, участник задержания советского разведчика.

Выздоровев от ран, Черногора и два бандита уехали из дома Росоловского. В доме остался только «Серый». Немцы его закололи штыками, убили бандеровскую санитарку Стефанию Колодинскую.

Узнать имена участников захвата группы Кузнецова помогли показания бывшего главы гестапо дистрикта «Галичина» гауптштурмфюрера СС Краузе. 9 мая 1945 года он попал в плен, и под вымышленным именем Германа Рудаки содержался в лагере для военнопленных. Был разоблачен только в 1948 году, доставлен к месту совершения военных преступлений во Львов, и, спасая свою шкуру, дал обширные показания. Главарей бандформирования УПА «Ореха» и «Черногору» захватили чекисты в начале 1950-х годов, сотник «Темный», окруженный оперативно-розыскной группой МГБ, перерезал себе горло.

Николай Струтинский, ведя поиск, нашел в архивном уголовном деле воспоминания осужденного бандеровца, некоего Петра Куманца, по прозвищу «Скиба». Куманец был этапирован из сибирской исправительно-трудовой колонии во Львов. Выяснилось, что это был именно тот бандеровец, раненый осколком гранаты 9 марта 1944 года.

При отступлении из Лемберга (Львова) дело по розыску «Зиберта», штандартенфюрер Витиска распорядился не уничтожать.

В архивах немецкой тайной государственной полиции после Победы нашли телеграмму-молнию, направленную начальнику VI управления РСХА (гестапо) группенфюреру СС Генриху Мюллеру, подписанную начальником полиции безопасности и СД «Галичины» доктором Витиской 2 апреля 1944 года.

Сообщалось, что посредник от ОУН в переговорах с немцами проинформировал: в марте что одним из повстанческих подразделений на Волыни были задержаны «три советских агента», которые имели при себе фальшивые немецкие документы, карты, газету с некрологом на смерть доктора Бауэра и Шнайде-ра, а также... отчет одного из агентов, который действовал под именем Пауля Зиберта.

Речь идет, докладывали гестаповцы, о советском разведчике, который осуществил отчаянные нападения на генералов и чиновников рейха (перечислялись совершенные Кузнецовым покушения). Также речь шла о том, что все, безусловно, указывает на захват повстанцами именно этого неуловимого агента-ликвидатора.

Также сообщалось, что от группы Прюцмана поступила информация — «Пауль Зиберт» и два его сообщника были найдены убитыми на Волыни.

Отряды и группы бандформирований УПА, действовавшие в прифронтовой полосе, тесно сотрудничали с немецкими оккупационными войсками, но для обеспечения большей лояльности политических бандитов, служба безопасности СД держала в заложниках родственников главарей бандформирований УПА. В марте 1944 года такими заложниками были близкие родственники одного из главарей УПА — Лебеда.

После гибели Н. И. Кузнецова и его группы бандеровцы затеяли с немцами игру, предложив им обменять якобы живого разведчика Зиберта на родственников Лебеда. Затем, не дождавшись ответа от нем-

цев, бандеровцы, якобы расстреляли плененных разведчиков, а взамен предложили документы — отчет «Пуха» о проведенных им акциях. Бандеровцы опасались показать точное место гибели разведчиков. Ведь при проверке сразу же вскрылся обман бандитов — Зиберт не был взят в плен и расстрелян, как заявляли бандеровцы, он подорвал себя гранатой.

Место, где немцы перезахоронили тела неизвестных в немецкой форме, поисковой группе показали местные жители. 16 сентября 1959 года в урочище Кутыкы прибыли для проведения эксгумации сотрудники львовского УКГБ М. Рубцов, Дзюба, Н.Струтинский, помощник областного прокурора И. Колесников, судебный эксперт В. Зеленгуров и свидетели — жители Боратино В. и Н. Громьяк. До сумерек 17 сентября останки были найдены. Встал вопрос их идентификации на предмет принадлежности Н. И. Кузнецову.

25 сентября 1959 года во Львовском городском судебно-медицинском морге провели исследование эксгумированных костей, составили протокол. Оказалось, что костные останки (103 фрагмента) принадлежат мужчине 33-35 лет, ростом 175,4 см, смерть которого наступила около 15 лет назад.

Имеющиеся значительные механические повреждения лицевого отдела черепа, ключицы, костей грудины, кисть правой руки отсутствует вовсе. «Согласно характера и расположения повреждений, травма могла быть вызвана металлическими осколками гранаты, разорвавшейся впереди вблизи тела пострадавшего».

В Ленинград в Институт этнографии АН СССР выдающемуся ученому, известному антропологу, археологу и скульптору М. М. Герасимову, разработавшему оригинальную методику восстановления прижизненной внешности человека по костям черепа путем сложных расчетов толщины и конфигурации мягких тканей в зависимости от рельефа и других особенностей черепа был передан изуродованный взрывом череп. М. М. Герасимов в свое время

▲ Академик Герасимов с восстановленным черепом Пуха — Н. И. Кузнецова

выполнил пластические реконструкции образов Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тамерлана, Улугбека, Ивана Грозного, Ф. Ф. Ушакова и др.

Реставратор Т. Сурнина тщательно склеила из фрагментов черепную коробку, фотограф Исторического музея М. Успенский изготовил фотографии нужных ракурсов. Негативы фотографий черепа и прижизненной фотографии Кузнецова с прочерченными известными антропологу линиями совместили. «Сомнений не осталось, портрет и череп принадлежат одному человеку» — заявил М. М. Герасимов.

Следует отметить, что материалы эксгумации и идентификации останков Н. И. Кузнецова долгое время служили учебно-методическим пособием «Эксгумация трупа» на кафедре судебной медицины Львовского медицинского института, а потом оказались в одном из учебных кабинетов Высших курсов КГБ СССР в Киеве.

Николай Струтинский добился перезахоронения останков легендарного разведчика партизана Николая Ивановича Кузнецова во Львове на Холме Славы, где покоятся русские солдаты I мировой войны и воины Красной Армии, павшие в годы Великой Отечественной войны.

Тяжело переживала гибель Кузнецова его помощница Лидия Ли-

совская. После освобождения Ровно разведчица эмоций своих не скрывала. Часто повторяла, что знает о деятельности действовавшего в Ровно подполья такое, что могут полететь большие головы.

Вскоре группы партизан из Ровно пригласили в Киев. Все поехали туда на поезде, а Лисовскую с двоюродной сестрой тоже партизанкой Марией Микотой отправили почему-то на грузовике. 26 октября 1944 года в дороге около села Каменка их убили бандеровцы. Но кто сообщил бандитам о том, что две женщины партизанки будут ехать именно в этом грузовике? Откуда узнали дату, маршрут? Убийц тогда не нашли. Хотя под подозрение попали многие, но никто не понес наказания.

Струтинский твердо был уверен, что Н. И. Кузнецов был предан своими. Подозрения пали на руководителей городского партийного подполья и людей к ним приближенным. На этом настаивали Струтинский и группа ветеранов — партизан отряда «Победители». Усилиями Струтинского и ветеранов партизан были собраны четыре тома компрометирующих материалов.

Из чего следовало, что к весне 1944 года из всего подполья на Ровенщине осталась только группа Новака, все остальные были ликвидированы фашистами. Что со-

бой представляла «группа» Новака на фабрике? Это была лжеподпольная группа. Почти все рабочие на фабрике считали Новака провокатором и агентом СД, но боялись об этом кому-либо сообщить. А вскоре они, почти все, были арестованы и ликвидированы или отправлены на работы в Германию.

Генеральной прокуратурой СССР было проведено тщательное расследование, многое указывало на то, что западно-украинские руководители подполья причастны к гибели Н. И. Кузнецова. У СД появились установочные данные на Кузнецова, и один из подозреваемых Новак Т. Ф., «известный партиец», который в 1965 году был даже удостоен звания Героя Советского Союза.

После этого присвоения звания Героя в ЦК КПСС хлынул поток возмущенных писем ветеранов партизан. Хо́да этому делу не дали. И в этом нет ничего удивительного.

В 1945-1946 годах были ликвидированы банды ОУН — УПА на уровне куреней, кошей и сотен. А вот службу безопасности («беспеку») этих жесточайших кровавых палачей смершевцам и чекистам добить не дали. Когда в 1946 году они вышли на уровень надрайонного руководства, следы потянулись в ЦК Украины во главе с Хрущевым.

В 1946 году была свернута работа по борьбе с ОУН в Ровенской и Львовской областях. Были ликвидированы отделы СБ, ОКР Смерш, ББ (борьба с бандитизмом). Были сняты с должности генерал Трубников, начальник Ровенского УНКВД и генерал Асмолов, начальник Львовского УНКВД. Из Киева во Львов по указанию Хрущева перевели генерала Рясного, сочувствовавшего националистам. В результате увеличилось националистические выступления и политический бандитизм.

После смерти Сталина по амнистии, проведенной Хрущевым, вышли на свободу все активные участники УПА-ОУН, все вернулись на родину — на Украину. Василий Кук, последний главнокомандующий УПА, выйдя на свободу, был принят на работу в Киеве в архив партии.

В 1950-1960 годах началось тихое скрытное восстановление ОУН. Начали они с выдвижения своих людей на партийные и хозяйственные посты, стали принимать в комсомол, тех, кто был в «сотнях отважных юношей и девушек», с дальнейшим карьерным ростом политреферентов ОУН. А тех, кто мешал, запугивали, шантажируя жизнью близких, или устраняли под видом несчастного случая или бытовой ссоры.

В ОУН вся молодежь делилась на три возрастные группы 10-12 лет, 13-15 лет и 16-18 лет. У всех этих половозрастных групп были свои задачи. Самые младшие использовались как наблюдатели, разведчики и связные, более старшие — как диверсанты, террористы.

«Сотня отважных девушек» — самые настоящие садистки. На наших пленных солдатах они отработывали практические занятия по наложению шин на сломанные конечности, ломая им руки и ноги, разрезали тело для изучения полевой хирургии и способов сшивания ран.

В «сотне отважных юношей» при отделе особого назначения начинал свою «трудовую деятельность» в качестве разведчика будущий президент Украины Леонид Кравчук.

В дальнейшем активный информатор и лазутчик оуновской службы безопасности, так называемой «беспеки», стал членом ЦК КПСС, вторым, а затем первым секретарем ЦК КП Украины. Этот член иудиной троицы, подписал в Беловежье соглашение о прекращении существования СССР. Именно этот изменник перевертыш, махровый националист являлся основным инициатором распада СССР, в чем он сам признался в 2016 году, заявив, что «украинский народ являлся могильщиком СССР».

После Великой Отечественной войны Герою Советского Союза Н. И. Кузнецову во Львове был поставлен памятник. С распадом Советского Союза «самостийники» Западной Украины (бандеровское отребье) потребовали снести памятник «гэрою москалю». Местечковые необандеровские чинуши заявили: «Этот москаль был заслан в наш край для

убийств тыловых немецких офицеров и распространения провокационных слухов... за что были расстреляны тысячи наших героев нации».

Антинародное ельцинское руководство РФ проигнорировало сложившуюся ситуацию. Патриотическая общественность Урала организовала вывоз памятника. Памятник Н. И. Кузнецову установили в городе Телица Свердловской области.

На Украине, кроме Н. И. Кузнецова исполнителями смертных приговоров над целым рядом главарей фашистской администрации были ликвидаторы отрядов Е. И. Мирковского, В. А. Карасева, Н. А. Прокопюка и связанные с ними подпольщики.

1 мая 1943 года в помещении районной комендатуры в Овруче во-

шла группа немецких офицеров. Неожиданно для захваченных врасплох эсэсовцев офицеры приказали им сложить оружие. Затем был зачитан и приведен в исполнение приговор над убийцей и садистом фон Армином. Исполнителями акции были разведчики из специального отряда «Ходоки» Е. И. Мирковского — Н. Крамской, К. Анисимов, А. Мешков, С. Полищук, М. Карапузов, В. Шамякин. После выполнения задания вся группа вернулась на партизанскую базу.

Акты физического устранения представителей вражеской администрации на оккупированных гитлеровцами территориях СССР считались боевыми операциями, которые планировались и согласовывались в Центре. ■

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ И ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ

▲ Иван Калита приглашает митрополита Петра в Москву

Во второй четверти XIV века, в период княжения Ивана I Даниловича, известного под кличкой — Калита (кожаный мешок с деньгами) была заложена основа могущества Москвы, ставшей организатором освободительной борьбы против монголо-татарского ига. Ко второй половине XIV века русская земля начала постепенно оправляться от страшного разорения, нанесенного монголо-татарским игом, в стране начался подъем хозяйст-

венной деятельности. Постепенно складывались предпосылки для усиления борьбы против монголо-татарского ига. В 1378 году на реке Вожа татары потерпели первое поражение в открытом бою с русской ратью, возглавленной великим князем владимирским и московским Дмитрием Ивановичем, получившим в дальнейшем почетное наименование — Донской. Видя, какую угрозу представляет существованию самого монголо-татарского ига, золотоор-

дынский темник Мамай сумел собрать для нового похода на Москву крупные силы.

Иван I Данилович Калита с 1325 года был удельным князем московским, с 1328 по 1340 годы — великим князем владимирским. Он младший из пятерых сыновей удельного князя московского Даниила Александровича. До гибели в Орде в 1325 году старшего брата Юрия Даниловича, наследовавшего в 1303 году московский стол, Иван

I Данилович Калита особой роли в жизни Московского княжества не играл, выполняя лишь отдельные поручения брата, ведшего непримиримую борьбу с Тверью за великий стол. Когда в 1304 году Юрий отправился в Орду для решения спора с великим князем владимирским и тверским Михаилом Ярославичем, он оставил «блюсти» Москву младшего брата.

В отсутствие своего князя тверские бояре захватили в Костроме другого брата Юрия — Бориса Даниловича и собирались отобрать у Москвы Переяславль-Залесский, но Иван I Данилович Калита сво-

временно узнал об этом и разбил тверскую рать на подходе к Переяславлю. В 1320 году он участвовал в походе Юрия, тогда уже великого князя владимирского на великого князя рязанского Ивана Ярославича и в том же году уехал в Орду, где пробыл больше года, приложив немало усилий для дискредитации тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи, владевшего ярлыком на великое княжение. Тем не менее, великим князем остался Дмитрий. В 1322 году Иван I Данилович Калита вернулся с ханским посланцем Ахмылом, прибывшим на Русь, чтобы вызвать Юрия в Орду для отчета о своей

деятельности (воровство во взимании ордынского выхода, как доказал хану Дмитрий). Однако, ограничившись тем, что «много пакости сотвори по Низовской земле», и разграбив Ярославль, Ахмыл ушел назад в Орду. После того, как хан Узбек в 1326 году казнил Дмитрия Грозные Очи, Иван I Данилович Калита отправился в Сарай за великокняжеским ярлыком, которым владел тверской князь Александр Михайлович.

В 1326 году Калита убедил митрополита Петра перебраться на жительство из Владимира-на-Клязьме в Москву, что тот и сделал, заложив в Московском Кремле на месте деревянного каменный соборный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, что послужило важным шагом в превращении Москвы не только в политический, но и религиозный центр Северо-Восточной Руси.

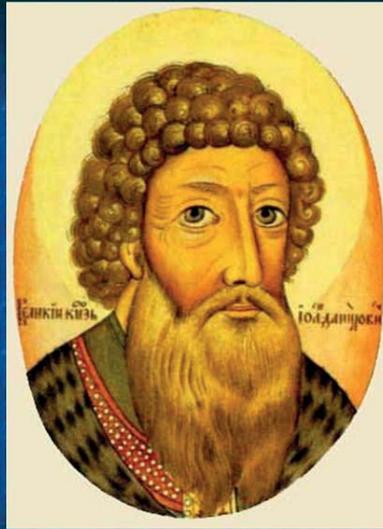
О митрополите всея Руси Петре следует сказать особо. Родился он на Волыни. В детстве поступил в монастырь, где научился писать иконы и отличался подвижничеством. Позже основал монастырь на реке Рата и был его игуменом. Около 1306 года Петр был послан галицким князем Юрием Львовичем в Константинополь к патриарху Афанасию на поставление в митрополиты Юго-Западной Руси. В это время туда же прибыл из Северо-Восточной Руси игумен Геронтий, которого великий князь владимирский Михаил Ярославич собирался поставить на митрополию во Владимире-на-Клязьме, которая пустовала после смерти митрополита Максима. Однако патриарх Афанасий решил дело по своему: он упразднил Юго-Западную митрополию, но рукоположил в 1308 году в митрополиты «всея Руси» не Геронтия, а Петра. Однако князь Михаил Ярославич враждебно встретил не угодного ему митрополита и начал упорную борьбу за сведение Петра с митрополичьей кафедры.

С помощью епископа Тверского Андрея великий князь обратился к патриарху с тяжкими обвинениями (видимо, в симонии — распростра-

Митрополит Пётр

Иван Калита

ненная в период средневековья покупка и продажа церковных должностей). Для разбирательства «дела» Петра из Константинополя прибыла церковная комиссия, которая собрала в 1311 году в Переяславле-Залесском съезд-собор светских и духовных владык. Ожесточенные споры противников и сторонников Петра на соборе временами готовы были перерасти в драку, но, в конце концов, Петр был оправдан. В память об этом событии в Переяславле-Залесском рядом с древним собором, в котором, видимо, проходил суд над Петром, в 1585 году по указу царя Федора Ивановича была сооружена каменная шатровая церковь во имя святого Петра-митрополита.

Великий князь Михаил Ярославич и епископ Андрей, однако, не сложили оружия и еще не один раз безуспешно посылали к патриарху своих представителей с новыми обвинениями митрополита.

Суровый, как ветхозаветные пророки, Петр и от остального духовенства требовал монашеского аскетизма и самоотречения. Он впервые ввел запрет на совершение службы овдовевшими приходскими священниками, поставив перед ними альтернативу: перейти в разряд иеромо-

нахов (священников-монахов) либо вообще быть отрешенными от службы. Поскольку татаро-монгольские ханы освободили духовенство от податей и повинностей в пользу Золотой Орды, резко возросло число лиц, желавших стать священниками. Это было выгодно и епископам, чьи доходы от сумм за поставление в сан увеличивались. Однако очень большое число священников вело к увеличению количества домовых церквей, а значит, к падению значения приходского храма и престижа приходского духовенства, к усилению его зависимости от мирян. Это стало очень беспокоить митрополита, и он принял столь необычное решение.

Перспектива ухода в монашество должна была отпугнуть наиболее приверженную мирским соблазнам часть духовенства и тем самым сократить общую численность священников. Вместе с тем эта мера имела целью повысить моральный уровень приходского духовенства, ввести в его быт элементы монашеского уклада. Вдовы попы, принявшие монашество, как правило, не уходили в монастыри, а оставались жить при церкви, исполняя обязанности исповедников, что должно было служить гарантией их добродетельного поведения, поскольку в Древней Руси ши-

роко бытовало мнение, что таинство исповеди должен совершать не просто священник, а иеромонах.

Религиозно-политический деятель Петр, решительный и смелый не боялся открытых столкновений со светскими властями. Летопись сообщает, например, что «после Крещения (6 января) Петр митрополит пришел в Брянск. В то время пришел и князь Василий (Александрович) с войском и с татарами на князя Святослава (Мстиславича). И сказал ему митрополит: «Сын мой, поделись с ним вотчиной или сбеги». Князь же Святослав не послушал митрополита, надеясь на мужество свое и на своих многочисленных воинов. Брянцы сначала пошли за Святославом, но потом, во время боя, выдали его и бросили стяги. А он со своими приближенными долго еще сражался. И в том бою он был убит. Было это второго апреля. Петр же митрополит, затворившись в церкви, спасся».

Будучи злопамятным, Петр не простил тем, кто выступал против него в Переяславле-Залесском. Уже в 1311 году он отказал в благословении сыну Михаила Ярославича — Дмитрию Грозные Очи, в результате чего был сорван большой поход тверской рати во главе с Дмитрием против московского князя Юрия Даниловича; свел с ростовской кафедры епископа Симеона и поставил в епископы своего сторонника — ярославского игумена Прохора. В 1312 году из-за Петра оставил кафедру сарайский епископ Измаил, а в 1315 году вынужден был уйти в монастырь тверской владыка Андрей.

Однако источники не упоминают о сближении Петра и с московскими князьями в 1315-1325 годах, то есть в период особенно ожесточенной борьбы за великий стол между Москвой и Тверью. Проводя в эти годы подчеркнуто независимую политику, как по отношению к великокняжеской власти, так и по отношению к Москве или Великому Новгороду, Петр придерживался требований, предъявлявшихся патриархом к русскому митрополиту. Но когда на великом столе оказался Дмитрий Грозные Очи (1322-1325 годы), Петр начал искать сближения с Москвой,

поскольку новый великий князь был горяч и скор на расправу. Опасаясь гонений со стороны молодого Дмитрия Грозные Очи, горевшего желанием отомстить всем недругам казненного в Орде отца, Петр прекратил свои обычные разъезды по Руси и перебрался под защиту московских стен. Там митрополит «в пику» тверским князьям поощряет Ивана Даниловича Калиту на постройку каменного Успенского собора и завещает похоронить себя в этом храме, на возведение которого не жалеет митрополичьей казны. Тогда же Петр объявляет своим преемником некоего архимандрита Феодора, вероятно, ставленника московских князей.

В 1325 году Петр именно в Москве поставил в архиепископы Новгородские Моисея, а в начале 1326 года митрополит был на похоронах московского князя Юрия Даниловича, убитого Дмитрием Грозные Очи в ставке хана Узбека.

Отдавая должное личному мужеству и решительности Петра трудно отыскать в его действиях глубокое понимание интересов страны, готовность оказать содействие великокняжеской власти, являвшейся единственной силой, способной вывести Русь из политического кризиса. Главным мотивом деятельности Петра была забота о престиже своего сана. Его личная вражда с Михаилом Ярославичем и его сыновьями противоречила идее единения русских земель под эгидой великого князя владимирского, носителем которой в начале XIV века были тверские князья, в то время как московские князья в тот период выступали всего лишь марионетками золотоордынского хана, правительство которого, руководствуясь политикой «разделяй и властвуй», всячески препятствовало развитию центростремительных тенденций в Северо-Восточной Руси.

Однако Петру были чужды симпатии и к московским князьям, и он никогда не был «другом Москвы». Он постоянно лавировал, стараясь соблюдать выжидательную позицию, но тут же наносил удар, если кто-либо из князей проявлял в отношении его враждебные действия.

Источники не случайно умалчивают о каких-либо земельных пожалованиях Петру, в том числе и со стороны московских князей. Его единственное приобретение, город Алексин, был куплен митрополитом на собственные средства у тарусских князей.

Осенью 1326 года митрополит Петр заболел, а во второй половине декабря умер и 21 числа этого месяца был похоронен в недостроенном

московском Успенском соборе. Отпевание совершил случайно оказавшийся по церковным делам в Москве епископ Луцкий Феодосий. Сразу же после кнчины Петра Иван Калита занялся подготовкой канонизации усопшего митрополита. В начале 1327 года во Владимире на съезде светских и духовных феодалов было принято решение о местном, в масштабах Северо-Восточной Руси, почитания Петра как святого, что

поднимало значение Москвы, которая получала своего первого святого. Константинополь же лишь в 1339 году согласился признать святость митрополита. Петр являлся автором нескольких поучений и посланий, а также икон, которых написал довольно большое количество.

После убийства в Твери баскака Чол-хана, Иван I Данилович Калита снова отправился в Орду и привел на Русь огромное татарское войско с пятью темниками. В союзе с суздальским князем Александром Васильевичем он взял Тверь, Кашин и опустошил тверскую Новоторжскую волость. Александр Михайлович с братьями бежал из Твери, как только узнал, что Узбек отправил на Тверь карательный отряд. Иван Калита после разгрома Тверского княжества стал вести себя уже как великий князь и даже направил в Новгород Великий своих заместников, а в 1328 году, уже

в который раз, снова поехал к Узбеку, прихватив с собой брата бежавшего Александра — Константина, согласившегося стать его вассалом. Узбек, однако, приказал ему доставить и Александра, скрывавшегося в Пскове. Иван Калита в сопровождении многих русских князей прибыл в конце марта 1329 года в Новгород, чтобы оттуда влиять на псковичей, отказавшихся выдать опального князя. Войско во главе с Иваном Калитой двинулось из Новгорода на Псков и остановилось в Опоках, чтобы дать возможность Пскову одуматься и выполнить волю хана и желание московского князя. В конце концов Ивану Калите удалось уговорить митрополита Феогноста наложить на Псков отлучение от церкви, если он не выдаст беглеца. Александру пришлось бежать в Литву, а Иван Калита заключил с псковичами мир «по старине, по отчине и по дедине».

После разгрома Твери великое княжение было разделено между Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем, причем Владимир и Нижний Новгород отошли к Александру. После смерти Александра в 1331 (или 1332) году великий стол полностью переходит к Ивану Калите. В 1331 году Калита вновь едет в Орду с тверским князем Константином Михайловичем. Частые поездки в Орду истощили великокняжескую казну и, вернувшись из последней поездки к Узбеку, Иван Калита потребовал от Новгорода возврата (возможно, в счет старого долга) так называемого «закамского» (зауральского) серебра. Новгородцы промедлили, и Калита отобрал у них Торжок и Бежецк. В начале 1333 года он вместе со всеми суздальскими и рязанскими князьями снова пришел в Торжок, вывел своих заместников из Новгорода и начал разорять новгородские земли. Напрасно послы Новгорода просили Калиту занять новгородский стол. Он даже слушать их не стал и уехал. Новое посольство прибыло к Ивану Калите в Переяславль-Залесский и безуспешно предлагало ему 500 рублей за отнятые у Новгорода волости. Лишь после возвращения из Орды Калита принял послов, а затем сам поехал в феврале 1335 года в Новгород. Такая перемена может быть объяснена вмешательством митрополита Феогноста, к которому за время отсутствия Калиты обращался за помощью Новгород. По другой версии, Иван Калита, узнав, что в Пскове сел на княжение вернувшийся из Литвы Александр Михайлович, стремился заручиться поддержкой Новгорода в борьбе против него. Покинув Новгород, Калита узнал в Торжке, что литовцы напали на Новоторжскую волость, и немедленно послал в Литву сильную рать, которая сожгла несколько литовских городков.

В 1336 году Иван Калита снова ездил в Орду, а уже в следующем году опять поссорился с Новгородом и послал войско за Волок на Двину брать дань с новгородских владений. Однако на этот раз новгородцы сумели их отстоять.

В 1338 году Александр Михайлович, прощенный Узбек, вернулся на тверское княжение. Почувствовав угрозу с этой стороны, с также видя, что среди других удельных князей нарастает недовольство его вмешательством в их суверенные права (в Ростове, например, московский боярин Василий Кочева беззастенчиво обирал жителей города; зять Калиты, ярославский князь Василий Давыдович Грозный, вообще стал его противником, за которым великий князь устроил настоящую охоту и т. д.), Иван Калита в 1339 году отправил в Новгород своего младшего сына Андрея, а сам, вместе со старшими сыновьями Семеном Гордым и Иваном Красным, поехал в Орду.

Не жалея казны, Калита добился, чтобы Узбек созвал всех русских князей в Орду. Видимо, там он собирался им показать, насколько хан благоволит к нему и не потерпит никакого сопротивления, каким бы то ни было намерениям своего фаворита. Там же, вероятно, Калита добился, чтобы всю дань с русских земель Орде собирали в Москву, а уж он затем сам отвозил бы ее в Сарай. По возвращении Ивана Калиты из Орды Новгород прислал ему татарский (ордынский) выход, но великий князь потребовал дополнительного «запроса царева, что у него царь запрошал». Новгородцы отказали, мотивируя это тем, что «того не бывало от начала миру». Калиту, однако, в тот момент больше заботили дела в Орде. Осенью того же года он снова отправил в Сарай своих сыновей — Семена Гордого, Ивана Красного и Андрея, а в конце октября там были казнены тверской князь Александр Михайлович и его сын Федор. Теперь в Твери остались только послушные Калите князья — Константин и Василий Михайловичи.

После гибели Александра Михайловича Иван Калита приказал снять колокол с главного тверского храма (во имя святого Спаса) и отправить его в Москву, что должно было символизировать подчинение Твери Москве. Дети Александра, содержащиеся в Сарае, были отпущены на родину «с любовью». Теперь, ког-

да все его враги были либо уничтожены, либо запуганы, Калита снова обратился к новгородским делам, но в 1340 году вновь вынужден ехать в Орду, поскольку хан потребовал, чтобы все северорусские князья шли с его войском против смоленского князя Ивана Александровича, отказавшегося давать татарам дань. Иван Калита умер в том же году. Он был дважды женат: первый раз на некоей Елене, от брака с которой оставил троих сыновей, упомянутых выше, и Даниила, а также четырех дочерей: Феотинию, Марию, Евдоксию и Феодосию; второй раз — на некоей Ульяне, от брака с которой оставил дочь.

Влияние Ивана I Даниловича Калиты распространилось на ряд земель Северо-Восточной Руси (новгородская земля, Ростов, Углич, Галич, Белоозеро и др.). Он собрал большие богатства (отсюда его прозвище «Калита» — денежная сумка), которые использовал для земельных покупок в других княжествах и землях. Фигура Ивана Калиты была неоднозначной: при нем Москва возвысилась над Тверью ценой пресмыкательства перед «царем» (ханом), доносов и повышения дани («запрос царев», который Калита обещал хану в качестве платы за устранение соперника).

Деятельность этого великого князя, опиравшегося на различные слои феодалов, способствовала тому, что «... была заложена основа могущества Москвы» и начался хозяйственный подъем русских земель вокруг нее. Летописи писали, с одной стороны, что «наста насилание много, сиречь княжение великое московское досталось князю великому Ивану Даниловичу», но, с другой стороны, промосковски настроенные летописцы отмечали (вопреки действительному положению дел), что «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и пересташа татарове воевати Русскую землю». Кроме того, они сообщали, что Иван Калита «исправи землю русскую от татей».

Калита, по характеристике, данной ему историками XIX века, был, видимо, властолюбив не менее своего старшего брата Юрия, но более сдержаннее и осторожнее шел к намеченной власти, умел пользоваться обстоятельствами, избирал средства, хотя и медленно, но верно ведущие к цели, и достиг первенства среди других русских князей, упрочив его за своим родом. После смерти Ивана Калиты великокняжеский престол почти постоянно переходил к его прямым потомкам.

▲ Псковский кремль

▲ князь Семен Иванович Гордый

***

Семен Иванович Гордый, старший из четверых сыновей великого князя владимирского и московского Ивана Калиты родился в 1316 году в Москве. Вскоре после смерти отца весной 1341 года отправился вместе с братьями — Иваном Красным и Андреем — в Орду, где должен был решаться вопрос о преемнике скончавшегося великого князя. Летом московские князья и их соперники — тверской князь Константин Михайлович, суздальский князь Константин Васильевич, ярославский князь Василий Давыдович и «прочии князи Русин» были уже в Орде, а «тое же осени выиде из Орды на великое княжение князь Семен Иванович» и «все князи Рускиа под руце его даны». 1 октября того же года Семен Иванович Гордый «седе на столе в Владимери». Новый великий князь вступил на престол при благоприятных условиях. Московское княжество, победив Тверь в тяжелой борь-

бе за великий стол, стало занимать первенствующее положение среди княжений Северо-Восточной Руси, а довольно выгодное географическое положение гарантировало Москве быстрый прирост населения. Умело поставленное частное великокняжеское хозяйство обеспечивало возрастающее благосостояние княжества.

Иван Калита сделал все для того, чтобы установить весьма дружеские отношения Москвы с Ордой. Всецело проникнутый традициями своих предшественников, Семен Иванович Гордый как нельзя лучше отвечал духу своего времени. Умудренный практической деятельностью отца и сам уже обладая достаточным опытом в делах правления, он имел все данные, чтобы с успехом продолжить дело первых московских князей-собирателей, деятельность которых, представляет из себя вполне законченное целое, участие в котором каждого отдельного московского князя является звеном, прочно скре-

пленным с последующим и предыдущим звеньями.

Наиболее важными и сложными делами для Семена Ивановича Гордого были: поддержание прежних отношений с Ордой, укрепление своего влияния в крупных и мелких княжествах Северо-Восточной Руси и Новгороде Великом. По духовным грамотам, написанным отцом еще в 1328 году, он получил лишь 26 городов и селений, а его братья — 44. Москва была отдана в общее владение всем троем братьям. Несмотря на то, что завещание Калиты придавало всем троем равное значение в самом Московском княжестве, Семен Иванович Гордый на самом деле имел перед ними исключительное положение. Договариваясь «у отня гроба» (видимо, в 1341 году) о распределении между собой доходов по отдельным статьям хозяйства и условливаясь относительно владения своими волостями, братья целовали крест в том, чтобы Семену Ивановичу Гордому «иметь во отцево место», иметь общих друзей и врагов, ни с кем без общего согласия «не канчивать» никаких договоров.

Сущность этого соглашения сводилась к отстаиванию младшими братьями своих частно-владельческих прав; великокняжеские же права всецело признавались младшими братьями за старшим. За все время великого княжения Семена Ивановича Гордого братья жили достаточно дружно, постоянно действуя по воле старшего брата. Вторым обстоятельством, придававшим Семену Ивановичу Гордому большое значение в глазах русских удельных князей, было умелое обращение его с ханами. Еще при жизни отца у него завязались добрые отношения с ханскими приближенными в Орде. Так, в 1339 году он два раза ездил к Узбеку по делу великого князя тверского Александра Михайловича: летом ходил туда с отцом, а осенью с братьями. Поручение отца Семен Иванович Гордый выполнил и обратил на себя внимание в Орде: его с братьями отпустили с пожеланием.

Как уже было сказано выше, после смерти отца Семен Иванович Гор-

дый снова пошел в Орду — на этот раз добывать великое княжение. В 1342 году в Орде произошли большие перемены после смерти хана Узбека его сын Джанибек умертвил почти всех своих братьев и «седе на царстве». Летом того же года в 4-й раз «князь великий Семен Иванович поиде в орду к поганому царю Чанибеку». Несмотря на суровый нрав нового хана, Семен Иванович Гордый благополучно вернулся на Русь, хотя отстоять митрополита Феогноста ему и не удалось. В 1344 году он в очередной раз оказался в Орде, где в это время находились почти все русские князья. В 1347-1348 году Семен Иванович Гордый в 6-й раз ходил к Джанибеку и на этот раз окончательно поладил с ханом, поскольку был отпущен с пожеланием. Поэтому, когда в 1349 году Семен Иванович оказался на грани войны с великим князем литовским Ольгердом, и последний обратился к Джанибеку с просьбой рассудить их, хан принял сторону великого князя московского. Последнюю свою 7-ю по счету поездку в Сарай-Берке Семен Иванович совершил в 1351 году. Разумеется, богатые поминки облегчили ему задачу поддержания благожелательного к нему отношения в Орде, но ум и дипломатическая ловкость великого князя играли при этом далеко не последнюю роль.

В начале его великого княжения неважные отношения у Семена Ивановича сложились с Новгородом Великим. Еще у Ивана Калиты в 1340 году с новгородцами вышло большое «розмирье». Семен Иванович находился после кончины отца в Орде, когда новгородские «молодцы» повоевали Белозерскую волость — «куплю» Калиты. Став великим князем всея Руси, Семен Иванович, прежде всего, напомнил новгородцам их вины перед своим отцом. Он послал своих бояр и тиунов в Торжок «дани брати, и начаша сильно деяти». Новоторжцы обратились за помощью в Новгород, и новгородские бояре, с отрядом ратников прибыв в Торжок, перехватили московских наместников и вместе с их семьями побросали в темницу.

Из Новгорода к великому князю был отправлен посол со словами: «Еще, господине, на столе в Новгороде еси не сел, уже бояре твои силно деют». Прошел месяц со времени насилия над великокняжескими наместниками, а о помощи из Новгорода не было ни слуху, ни духу. Новоторжцы начали волноваться, крича своим боярам: «Пошто призывали есте новгородцев, а они князей поимали, а нам в том гибнути?» Чернь бросилась на боярские дворы, ограбила их и боярские села опустошила. На вече был убит боярин Семен Внучек, новгородцев вытолкали из города, а великокняжеских наместников освободили. Новгородские бояре бежали в Новгород, «только душою кто успел».

Между тем Семен Иванович готовился к походу на Новгород. Великий князь предварительно собрал в Москве всех князей «мыслити о деле земском», велел зачитать им вины новгородские, доказывал князьям, что Русь будет сильна лишь при единой крепкой власти, и призывал их «быти за один». Зимой 1341-1342 года Семен Иванович выступил на новгородцев «со своею ратью и со всею низовскою землею... Новгородцы же почаша копити всю волость Новгородскую в город, а к великому князю Семену Ивановичу послаша с челобитьем владыку Ва-

силия и Авраама тысяцкого со иными бояры; и даст им мир по старым грамотам, и крест целоваша и даша великому князю Семену Ивановичу черный бор по всем волостям Новгородским да тысящу рублев на Новоторжцев; и посла князь великий Семен наместники своя в Новгород». Ссора с новгородцами закончилась и более за все время княжения Семена Ивановича не повторялась. Зимой 1346-1347 года он, по приглашению новгородцев, три недели пробыл в Новгороде.

В 1347 году у новгородцев произошло столкновение со шведским королем Маннусом. Новгородцы звали великого князя оборонять свою отчину, но тот в это время готовился к поездке в Орду, смог лишь ответить, что «рад аз ехати, но зашли ми дела царевы», и отправил на помощь Новгороду своего брата — Ивана Красного. С удельными князьями Семен Иванович жил вполне мирно. Его слушали, старались с ним не ссориться и даже обращались к нему как к судье в случае междоусобиц. В упоминавшемся уже походе на Новгород по призыву великого князя принимали участие суздальские, ростовские, ярославские и прочие князья Низовской земли.

Низ (иначе Низовская земля) — название, которое в XII-XIV веках

▲ Великий Новгород

применялось, преимущественно новгородцами, к областям, лежащим в бассейне Волги, ниже устья реки Молога, к юго-востоку от собственно новгородской территории, то есть к областям, входившим в состав Ростово-Суздальской земли. Название «Низ», или «Низовская земля» сохранилось за этой территорией и тогда, когда в процессе дробления она распалась на отдельные княжества. В этих княжествах низом называли земли, лежащие ниже других по течению Волги. Основанный в 1221 году новый город у впадения Оки в Волгу получил название Новгорода Нижнего. С территориальным ростом Русского государства Низом, Низовской землей или Понизовьем стали именоваться Поволжье ниже Нижнего Новгорода.

Что касается низовских городов, то это название, встречающееся в письменных источниках (преимущественно новгородских), древнерусских городов, которые были расположены в бассейне Верхней и Средней Волги и ее притоков. К низовским городам в XII-XV веках относились Суздаль, Ростов, Владимир, Нижний Новгород, Городец, Радилов, Муром и др.

В Тверском княжестве в середине XIV века происходила усобица: великий князь тверской Константин Ми-

хайлович силой захватил бояр и слуг холмского князя Всеволода Александровича, который, не в силах бороться с великим князем, ушел в Москву под защиту Семена Ивановича Гордого. В остальном же отношения между Тверью и Москвой были на тот момент вполне дружественными, к тому же и скрепленные двумя браками: в 1347 году сам Семен Иванович Гордый женился на дочери тверского князя Александра Михайловича Марии, а в 1349 году дочь Семена Ивановича Гордого Василиса вышла замуж за удельного кашинского князя Михаила Васильевича. Однако поступок Семена Ивановича с дочерью дорогобужского князя Федора Святославича Евпраксией показывает, насколько самовольно великий князь мог обходиться с незначительными удельными князьями.

По сообщению Русского Временника, «лето 6853 (1345 год) князь великий Симеон Иванович женился у князя Федора Смоленского, поя дочь его Евпраксею. И жил с нею два года. И не има чад, и отосла ее, даде ея за князе Федора Краснаго, и преступи закон божий, женися у князя Александра Тверскаго, и занеже сам бе неплоден, и от тоя не бысть ему чад, не восхоте бо соблюдением закона Божия и малостынею умолити Бога, но престу-

плением закона восхоте получить желонное: сего ради и не получи, тоию грех себе приобрете». «Родословная князней и дворян российских и выезжих» дополняет этот рассказ следующими словами: «И как князь великий Семион Иванович Гордый женился у князя Федора Святославича, и князь великий его перезвал к себе, и дал ему вотчину Волок совсем, и великую княгиню на свадьбе испортили, ляжет с великим князем, а она ему покажется мертвец, и князь великий великую княгиню отослал к отцу ея на Волок, а велел ея дати замуж, и князь Федор Святославич дал дочь свою замуж за князя Федора за Краснаго за большого Фоминского».

Единственное столкновение с князьями, о котором упоминали летописи, не указывая, впрочем, на причину, было у великого князя со Смоленском, которое произошло в 1351 году: Семен Иванович Гордый с братьями и многими князьями во главе большой рати дошли уже до реки Угра, когда к великому князю прибыли смоленские послы, «он же, стояв на Угри осмь дней, и своя послы посла в Смоленск, и, взя мир, возвратился к Москве».

При Семене Ивановиче Гордом (в 1350 году) впервые произошло «размирье» Москвы с Литвой, в ре-

зультате которого Ольгерд посылал в Орду своего брата Кориата, чтобы упросить хана рассудить Ольгерда с Семеном Ивановичем Гордым. Джанибек тогда встал на сторону Москвы. В следующем году Ольгерд прислал к великому князю послов, «прося мира и живота братии своей, князем литовским: Кориату и Михаилу и всей дружине их». Семен Иванович Гордый в знак примирения отпустил литовцев. Мир с Литвой был закреплен брачными союзами: Ольгерд испросил у великого князя разрешения жениться на дочери тверского князя Александра Михайловича Ульяне (Юлиании). Великий князь, посоветовавшись с митрополитом, дал свое согласие на этот брак. В том же году брат Ольгерда — волинский князь Любарт Гедиминович — женился на родственнице Семена Ивановича Гордого — дочери ростовского князя Константина Васильевича Агафье. Дружественные отношения с Литвой были подтверждены и в 1351 году, когда великий князь шел с большим войском на Смоленск. В пути, на реке Протва, между Вереей и Боровском, его встретили послы Ольгерда. Поднеся богатые дары, они просили москвичей о мире; «он же (Семен Иванович), не оставя слова Ольгерда, мир взял».

Церковные дела так же сильно занимали великого князя. В начале 50-х годов XIV века в Галиче была основана особая митрополия с подчинением ей всех епархий Юго-Западной Руси. Тем самым нарушалось единство Русской православной церкви. Семен Иванович Гордый и митрополит Феогност в 1346 году обратились к константинопольскому патриарху с просьбой не допустить нежелательного для Руси нововведения. В августе 1347 года византийский император издал так называемую Золотую буллу (грамоту), которой упразднил новую русскую митрополию. В этой грамоте император, между прочим, указал, что сделал это по просьбе великого князя всея Руси, а также ради «добродетельной и благоугодной жизни» митрополита Феогноста.

Единство митрополии было в значительной степени единственной

еще связью раздробленной Руси, поэтому Семен Иванович Гордый и Феогност так горячо выступили против отдельной Волинской епархии. В конце 1352 года великий князь отправил в Константинополь от своего имени и от имени Феогноста послов с просьбой назначить на московскую кафедру в случае смерти Феогноста епископа Владимирского Алексея. Ответы императора и патриарха не застали уже в живых ни Семена

Ивановича Гордого, ни митрополита.

В 50-е годы XIV страшная болезнь, известная под именем черной смерти, унесла в могилу большую часть населения Западной и Центральной Европы, не обойдя стороной Русь, опустошив многие ее города и селения. От моровой язвы, так называли на Руси эту эпидемию, пострадало множество простого люда, крупных и мелких феодалов, как светских, так и духовных. Великокняжеская семья

▲ Феогност

также понесла существенные потери: «В лето 6861 (1353 год), марта в 1, преставися преосвященный Феогност митрополит всея Руси... А на той же недели преставишася два сына великого князя Семена: Иоанн да Семен. Тое же весны, апреля в 27, преставися великий князь Семен Иванович, и положен бысть в церкви святого Архангела Михаила на Москве». В 1508 году прах Семена Ивановича Гордого был перенесен с места своего упокоения в новый храм Архангела Михаила, заложенный еще Иваном III Васильевичем.

Заразная болезнь, именуемая на Руси моровой язвой, похожая на тиф. Ее редко кто переносил. Люди гибли очень быстро: от 1 до 7 дней. В Средние века считалась таким же бедствием, как война, пожар или чума. Русские летописи и европейские хроники пестрят сообщениями об эпидемиях моровой язвы; в Ветхом завете (Исход, 9:1-7) также упоминалось о страданиях людей и животных от моровой язвы.

Семен Иванович Гордый был трижды женат: первый раз в 1333 году на великой литовской княжне Айгусте Гедиминовне (в православном крещении Анастасии), от брака с которой имел двоих сыновей — Василия и Константина, а также дочь Василису. Второй раз после смерти Анастасии в 1345 году женился на упоминавшейся уже Евпраксии Федоровне, но через два года развелся с нею. Третий раз Семен Гордый в 1347 году вступил в брак с тверской княжной Марией Александровной, от которой имел четырех сыновей: Михаила, Ивана, Семена и Даниила. Все сыновья Семена Ивановича Гордого умерли во младенчестве.

Почти все исследователи сходятся в оценке Семена Ивановича Гордого на том, что он являлся видной личностью среди первых московских князей-собирателей. Он умело продолжал дело, начатое его предшественниками, являясь зарождавшимся типом того московского государя, который окончательно сложился в XVI веке. Своими личными склонностями Семен Иванович Гордый напоминал отца: он любил церковное благолепие,

строил храмы, лил колокола, украшал церкви и монастыри; крайне дорожил святынями православной церкви.

В жизни Московского государства в правления Ивана Даниловича Калиты, Семена Ивановича Гордого и других московских князей-собирателей исключительно важную роль играла Русская Православная церковь. Ее влияние на жизнь русского общества хорошо просматривается в деятельности митрополита Феогноста. Грек по происхождению после умершего митрополита Петра русского иерарха, занял митрополичью кафедру. Московскому князю Ивану I Даниловичу Калите хотелось иметь в преемниках архимандрита Феодора, тем не менее патриарх, опасавшийся в этом случае ослабления своих позиций на Руси, рукоположил в Константинополе в 1328 году Феогноста. «того же лета прииде на Русь митрополит Гречин именем Феогност». Феогност привез с собой на Русь требник на греческом языке, с которого Иван Калита велел сделать перевод на церковно-славянский, исправленный самим Феогностом, о чем свидетельствовала собственноручная его подпись на переводе.

Держа сторону великого князя в его борьбе с Тверью, Феогност в 1329 году поехал в Новгород Великий и объявил оттуда анафему псковичам, принявшим к себе опального тверского князя Александра Михайловича. Эта духовная казнь, до того времени неслыханная на Руси, устранила граждан Пскова. Видя такое дело, князь Александр Михайлович великодушно отказался от помощи псковичей и ушел в Литву. Тогда Феогност простил жителей Пскова и дал им свое благословение.

В марте 1330 года Феогност провёл в Костроме поместный собор северо-восточных епископов. На котором, в частности разбирались тяжба рязанского и сарайского владык о Червленом Яре (обширной, заселенной в основном русским населением области Поля, располагавшейся к югу от границ Рязанского княжества), а вскоре после этого «митрополит Феогност... иде в Вельньскую землю»: из Новгорода он отправил-

ся сначала в Псков, затем в Полоцк, посетил Смоленск, Чернигов, Владимир-Волынский, Перемышль, Галич, Слуцк, Холм, Туров и другие города Юго-Западной Руси.

Тем временем старое стремление Пскова получить церковную самостоятельность усилилось: псковичи выбрали себе в епископы некоего Арсения и послали его для посвящения к митрополиту. Во Владимир-Волынский к нему прибыли новгородские послы с избранным ими в архиепископы Василием, «и постави митрополит Феогност Василья Новгороду Великому архиепископом в церкви святыя Богородица месяца августа 25». В то же самое время к митрополиту от Александра Михайловича из Пскова и от великого князя литовского Гедимина и других литовских князей прибыли послы и привезли с собой упомянутого Арсения, чтобы Феогност рукоположил его в псковские епископы. Но митрополит отказал ему в этом, и «Арсении жи со Псовичи поиде от митрополита посрамлен из Вольньское земли, а владыка Василей поиде от митрополита месяца сентября 1 и иде на Киев, бояся Литвы, и еха вборзе. Митрополит же Феогност посла за владыкою со грамотою слугу своего, река: «отпустил на вас князь 300 Литвы, а велел поимати вас». Они же убежаша от того и приидоша под Чернигов, и ту научением дьяволим пригнася Федор князь Киевський со баскакы в 50 человек розбоем, а Новгородци устерегоша их и стаща, доспев острог противу себе, и мало кровопролитья не учинилося промежи ими, но даша Новгородци окуп с себя,,,». В 1333 году Феогност «прииде на Москву, быв во Цесариграде и во Орде». 28 сентября он освятил в Кремле построенную Иваном Калитой соборную церковь во имя Архангела Михаила.

Феогносту удалось закрыть открытые было литовскую и галицкую митрополии, но последняя в 1337-1338 годах вновь была открыта и существовала до 1347 года. В 1336 году тверской князь Александр Михайлович принял «от Феогноста митрополита и от всех святителей русских

благословение и молитвы». Возвращение изгнанника в лоно церкви послужило прелюдией к его политическому «воскрешению». Вскоре Александр Михайлович поехал в Орду, где хан вернул ему его «отчину» — Тверское княжество. Возвращение Александра Михайловича на стол тверского княжества было несомненным поражением для великого князя Ивана Калиты. Косвенным виновником этого поражения Иван Калита мог вполне справедливо считать Феогноста.

При Феогносте влияние всероссийских митрополитов на заднепровские и литовские епархии начало ослабевать. Так, за год до его кончины, в результате активного вмешательства Гедимины в дела Русской православной церкви, один болгарский митрополит посвятил в литовские митрополиты некоего Феодорита, первого совершенно не зависимого от митрополита всея Руси.

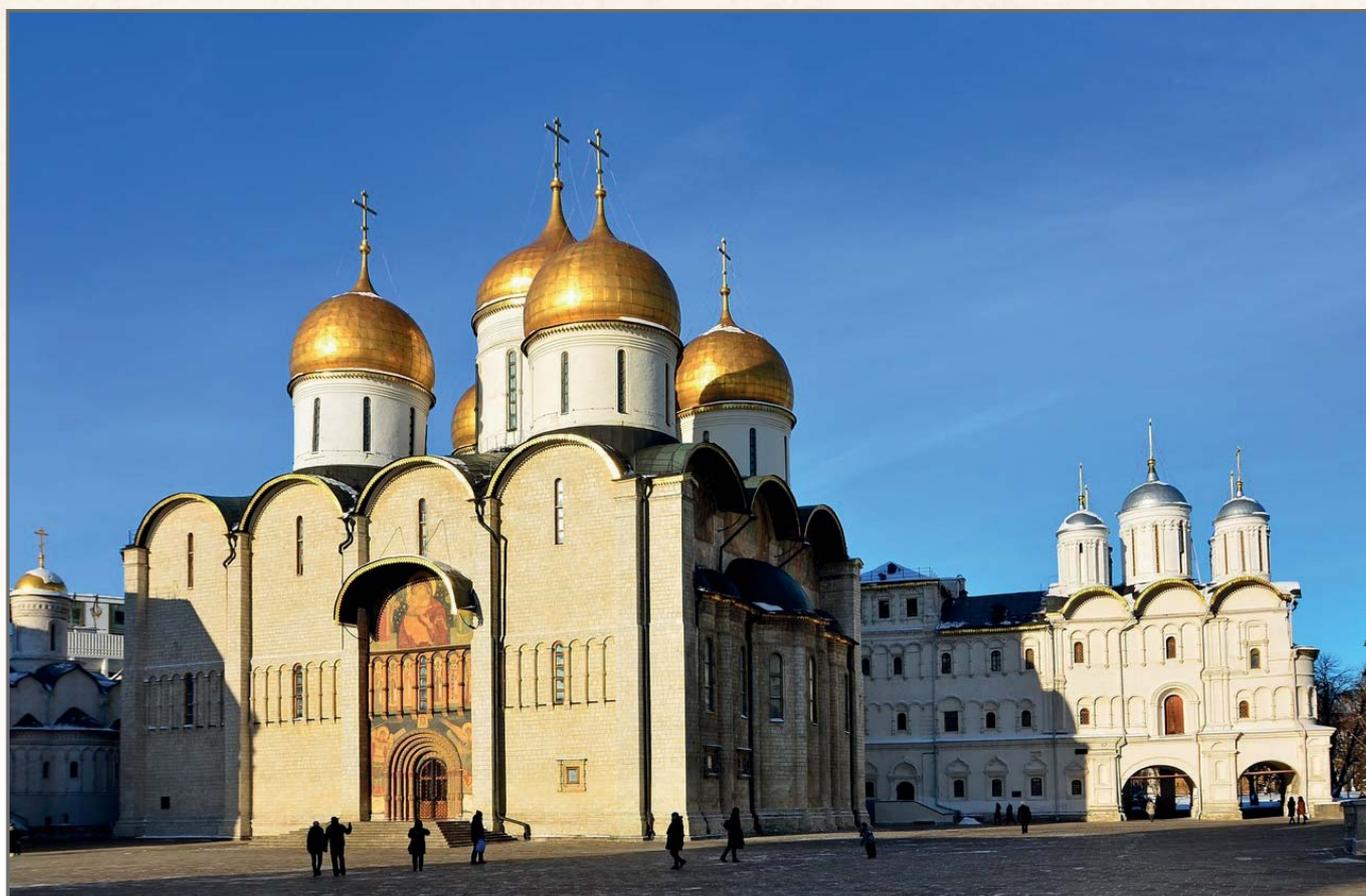
В 1339 году по представлению Феогноста патриарх Иоанн Калека утвердил причисление митрополита Петра к лику святых. В 1340 году «месяца декамврия в 6 убиша Брянци князя Глеба Святославича, вышедши из церкви святого Николы; бе же в то время во Дьбряньске и митрополит Феогност и не възможе уняти их».

После того как в 1341 году великий князь владимирский и московский Семен Иванович Гордый вынудил новгородцев собрать ему «черный бор», в этот северный город направился и Феогност: «...в Новгород поиде митрополит Феогност со многими людьми. И тяжек бысть приход его владыце и монастырем кормом и дары».

Подобно своим предшественникам, Феогност предпринимал поездки по своей митрополии. В Орду Феогност ездил дважды. Во вторую поездку (1342 год) с ним там случились большие неприятности. Кто-то сказал хану Джанибеку, только что

севшему на престол в Сарай-Берке, что митрополит собирает большой доход с духовенства и что у него много денег. Хан потребовал у митрополита платежа со всего духовенства. Феогност перенес в Орде всяческие испытания, пытки и истязания, раздарил до 600 рублей разным влиятельным сановникам: «Тое же зимы в великое говенье на середохрестной неделе пресвященный митрополит Феогност прииде из Орды на Москву, много же и пострада в Орде, обадиша бо его к царю и емше мучиша его, а ркуще: «давай дань полетнюю». Он же в то не влася и положи посула 600 рублей». Однако летописи, мягко говоря, несколько лукавят, сообщая, что Феогносту удалось сохранить за церковью все ее прежние привилегии.

В 1342 году духовенство лишилось ряда льгот: свободы от даней, от постоя в церквах и монастырях. Имело место стеснение независимости церковного суда. Поводом

▲ Успенский собор

для этих действий Орды послужили жалобы русских князей и, вероятно, самого Семена Ивановича Гордого на непомерное обогащение митрополичьего дома. О постоянных конфликтах между великокняжеской властью и церковью свидетельствует и то, что в сентябре 1347 года ханша Тайдула — вероятно, по требованию митрополита — вручила великому князю грамоту, в которой светским властям воспрещалось вмешиваться в область церковной юрисдикции. В свете этих событий становится вполне естественным и запрет митрополита на третий брак Семена Ивановича Гордого — своего рода месть за непочтительность по отношению к «дому святой богородицы». Дело в том, что в связи с этим браком между митрополитом и великим князем произошел резкий конфликт, о чем под 1347 годом Воскресенская летопись, например, сообщает следующее: «А женился князь великий Семен, утаився митрополита Феогнаста, митрополит же не благослови его и церкви затвори».

Брак Семена Ивановича Гордого с дочерью казненного в Орде Александра Михайловича Марией имел большое политическое значение и должен был послужить укреплению московско-тверского единства с целью совместной борьбы против усиления Литвы. Формально-догматический подход митрополита ставил под угрозу далеко идущие политические планы московского князя. Лишь ценой щедрой «милостыни» Семен Иванович Гордый сумел получить от патриарха разрешение на этот брак.

В 1351 году Феогност восстановил епископа Даниила на суздальской кафедре, «отлучен бобе некия ради вины и тогда прият дрении свои сан». 6 декабря 1352 года «Феогност постави наместника своего Алексия в епископы Володимерю, а по своем животе благослови его на митрополю; и послаша о нем послы своя в Царьгород к патрарху, князь велики посла своего Дементья Давыдовича да Юрья Воробьева, а митрополит Артемья Коробьина да Михаила Гречина, яко да не поставит

иногу митрополита на Русь, кроме сего Алексия епископа, еже и бысть по прошению их».

Феогност умер в 1353 году, видимо от моровой язвы, свирепствовавшей тогда в Московском государстве. «Марта в 11 преставился пресвященный Феогност митрополит всея Руси, великий наставник, и положиша и в церкви святя Богородица на Москве (в Успенском соборе Кремля) в храме поклонения честных вериг апостола Петра, близ гроба чудотворца Петра об едину стену. Быша же на положеньи его епископи. Алексии Володимерьский, Афонасии Велькийи и Коломеньски Афонасии же». Позже Феогност канонизирован Русской православной церковью. Память ему читается в день кончины.

При Феогносте выработались неписанные, но вполне определенные нормы великокняжеско-митрополичьих отношений в условиях, когда великое княжение оставалось в руках представителей одного княжеского дома. Отношения Феогноста с московскими великими князьями стали своего рода образцом для последующих митрополитов, выходцев из Византии — Киприана и Фотия. Освящая деятельность московских князей своим пребыванием в их столице, способствуя в некоторых случаях разработке и распространению религиозно-политических идей, обосновывавших первенство Москвы в русских землях, Феогност в то же время всячески избегал открытого вмешательства в междукняжеские отношения, а подчас и прямо выступал против линии московских князей.

Характерной чертой великокняжеско-митрополичьих отношений при Феогносте была полная свобода действий митрополита, право иметь прямые, самостоятельные контакты с Ордой, литовскими князьями и различными русскими политическими центрами. Ко времени Феогноста относятся первые определенные указания на приобретение митрополичьим домом земельных владений в Московском и других уездах.

Стремясь к увеличению доходов митрополии, Феогност окончательно ликвидировал самостоятельную

Владимирскую епархию, включив значительную часть ее прежней территории в состав собственной митрополичьей епархии. Лишь столкнувшись с резкими протестами влиятельных суздальских князей, желавших иметь собственного иерарха, митрополит вынужден был создать из части бывших владений владимирского епископа новую Суздальскую епархию.

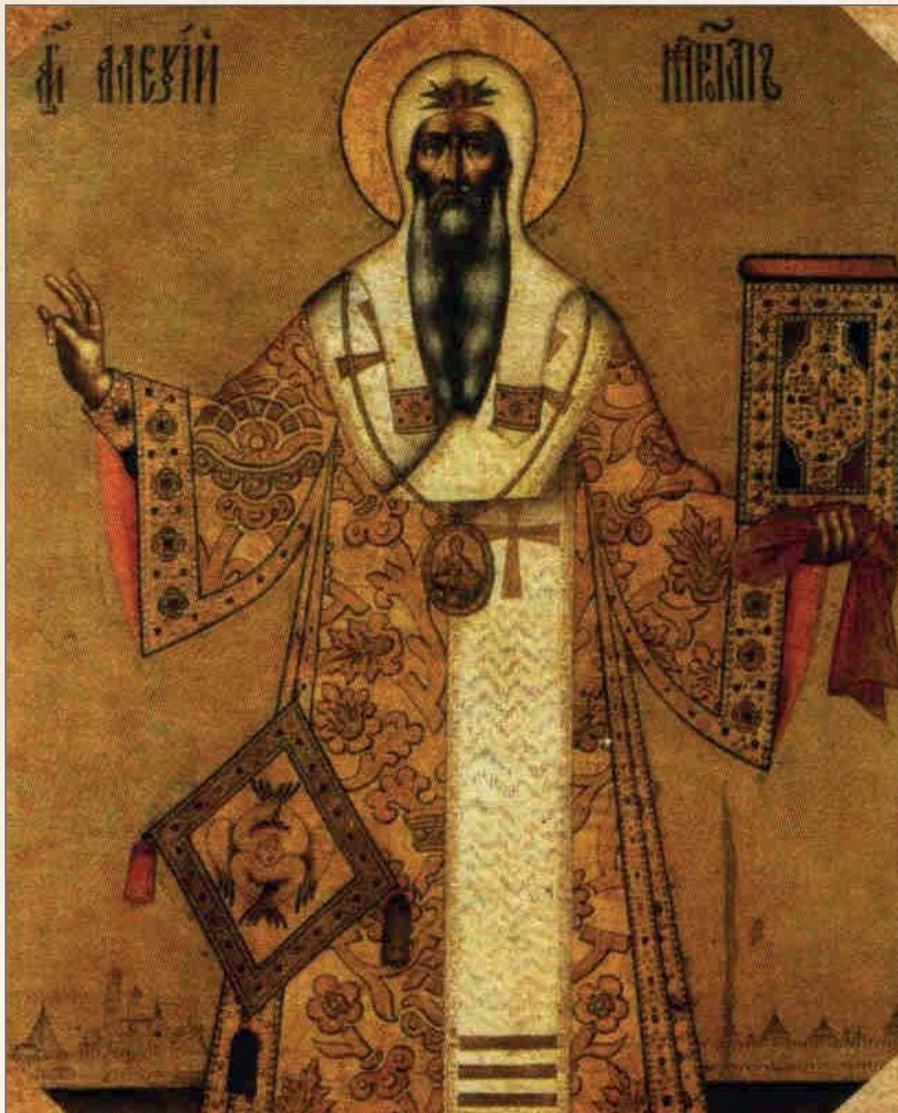
Следуя примеру митрополита, без стеснения захватывали друг у друга целые волости и епископы. Помимо чисто материального вознаграждения митрополичья кафедра требовала от московских князей права полного контроля за всеми сторонами духовной жизни московских земель. И здесь Иван Калита и его сыновья шли навстречу пожеланиям митрополита. При крайней скудости данных о духовной жизни московских земель в этот период можно все же заметить одну особенность — глубокое проникновение церковной идеологии и обрядности в жизнь московского княжеского дома.

Последовательно отстаивая интересы константинопольского патриарха на Руси, Феогност не мог мириться с любыми тенденциями, направленными на укрепление самостоятельной русской церкви. О существовании таких тенденций в период правления Ивана Даниловича Калиты свидетельствует, в частности, известная запись в Сийском Евангелии. Наиболее распространенной формой проявления антивизантийских, «русофильских», настроений в церковной жизни было стремление наиболее патриотически настроенных представителей феодальных верхов увеличить число русских святых в месяцеслове. Со своей стороны константинопольский патриарх весьма неохотно шел на признание новых русских святых, хорошо понимая политическую подоплеку этой тенденции.

***

В 1354 году митрополитом Киевским и всея Руси становится Алексей, сын московского боярина Федора Акинфовича Бяконта. Родился он

незаурядного политика, обладая, кроме властолюбия, такими чертами характера, как решительность, смелость, умение привлекать к себе людей.

В 1355 году по настоянию великого князя литовского Ольгерда учреждена литовская митрополия с центром в Новогрудке (Новгородке-Волынской). В 1355 году по настоянию литовского митрополита Романа патриарх вызвал Алексея в Константинополь для окончательного раздела русской митрополии. В результате долгих споров и взаимных обвинений Алексей сохранил титул «митрополита Киевского и всея Руси», а Роман стал митрополитом Малой Руси.. без Киева. Он отказался подчиняться решению патриарха и провозгласил себя митрополитом Киевским. В 1358 году Алексей прибыл в Киев, полагая всё же, что находится под защитой патриарха. Однако Ольгерд «изымал» митрополита обманом, заключил под стражу, отнял у него многоценную утварь, «полонил его спутников, может быть, и убил бы его, если бы он, при содействии некоторых, не ушел тайно и таким образом не избежал опасности».

Алексей вернулся в Москву из плена лишь через 2 года. К этому времени Иван II Красный умер, и на престоле оказался его 9-летний сын Дмитрий. Ярлык на великое княжение перешел от Москвы в Нижний Новгород. Алексей, только что вернувшийся из плена, не стал оспаривать право суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича Старшего на великокняжеский стол, но сохранил верность московскому великокняжескому дому, заняв выжидательную позицию.

После очередного переворота в Орде, в 1362 году московские послы ездили к хану Амурату с «великими дарами» и добились, чтобы ханские послы привезли великокняжеский ярлык 12-летнему московскому князю Дмитрию Ивановичу. Москва тотчас же послала рать во Владимир, которая согнала Дмитрия Старшего с престола.

Алексей во время малолетства Дмитрия Ивановича фактически

около 1293 года, был крестником будущего великого князя владимирского и московского Ивана I Даниловича Калиты и получил при крещении имя Елевхий (Алферий). Прожив при московском дворе 20 лет, он принял пострижение в 1304 году под именем Алексей и обосновался в московском Богоявленском монастыре за Торгом в Китай-городе, неподалеку от Кремля. Монастырю покровительствовали многие знатные московские вельможи. Иноки обители из бояр сохраняли тесные связи с московским княжеским двором и всегда были на виду.

Алексей выделялся среди братии не только знатностью, но и незаурядными способностями Митрополит Феогност удостоил его своим расположением и в 1340 году назначил своим заместителем во Владими-

ре. Весной 1353 года Феогност скончался. Незадолго до своей кончины он посвятил Алексея в сан епископа владимирского. Алексей выехал в Орду.

В 1354 году ханша Тайдула, которую Алексей вылечил от глазной болезни, выдала ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь. Летом того же года патриарх Филофей поставил на Московскую митрополию Алексея, получив послание от великого князя владимирского и московского Ивана II Ивановича Красного с просьбой об этом. Послание было подкреплено солидным денежным взносом.

Алексей встал во главе Русской православной церкви в трудные времена, он уже в первые годы своего митрополичества проявил качества

▲ Дмитрий Донской

руководил Московским княжеством. Использовал авторитет церкви, предотвращая княжеские усобицы в Нижнем Новгороде, сурово наказывал иерархов, неподчинявшихся его воле. В 1361 году ездил в Тверь для постановления епископа Василия. Через 3 года он крестил там дочь Ольгерда. В 1367 году, когда Дмитрий Иванович вмешался в усобицу в Тверском княжестве, епископ Василий выступил против него, приняв сторону противника Москвы, великого князя тверского Михаила Александровича. Алексей тотчас же послал в Тверь митрополитских приставов, которые привезли

мятежного епископа «на суд митрополита». Суд был не скорый, и Василию «бышет истома и протор велик»

Создавая антилитовскую коалицию, Дмитрий Иванович решил с помощью митрополита оказать давление на Тверь. По словам тверского летописца, Дмитрий и Алексей позвали Михаила «на Москву по целованию, любовию, а съдумав на него совет зол», то есть пригласили на мирные переговоры, но задумали зло — великого князя, тверских бояр «всех поймаша и разно разведоша, и быша вси в няты и держаша их в истоме». Вскоре, правда, Михаи-

ла и всю его свиту отпустили, боясь гнева Орды. Результатом действий Дмитрия и митрополита Московского явились 2 похода Ольгерда на Москву и разорение Московской округи. В 1370 году в Москву с предложением мира прибыли литовские послы. Алексей и московские бояре «взяша» мир с литовцами и сосватали дочь Ольгерда за удельного князя серпуховского Владимира Андреевича.

В 1370 году константинопольский патриарх Филофей подтвердил постановление «чтобы литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита Киевского». Вскоре после этого патриарх обратился с обширным посланием к митрополиту Алексею и русским князьям. Он полностью одобрил деятельность Алексея и советовал ему и впредь обращаться в Константинополь. Филофей убеждал всех русских князей оказывать почтение и послушание митрополиту Алексею. Особую грамоту патриарх направил русским князьям, помогавшим литовцам и отлученным за это от церкви. Алексею Филофей подтвердил законность действий Алексея и заявил, что проклятые им князья лишь тогда получают патриаршее прощение, когда примут участие в войне с язычниками.

Митрополит Алексей добился триумфа, но ненадолго. Ольгерд отправил Филофею ответное послание, в котором излагал свой взгляд на литовско-русскую войну, обвиняя Москву в захвате якобы литовских земель. В 1371 году в Константинополь прибыл старец Феодосий, привезший грамоту от тверского князя Михаила и епископа Василия, в которой были изложены жалобы на митрополита Алексея и требование суда.

Жалобы Твери и Литвы привели к тому, что Алексей получил от патриарха приглашение приехать на суд в Константинополь самому или прислать своих бояр. В своем новом послании к Алексею и русским князьям Филофей в 1372 году просил не доводить дело до суда, а примириться с Михаилом и Ольгердом.

В 1374 году Алексей вместе с посланником патриарха болгаринном

иеромонахом Киприаном посетил Тверь. Миротворческая миссия способствовала сближению Москвы и Твери, ему удалось на время примирить Алексея с православными князьями в Литве, ранее отлученными им от церкви. Алексей поставил во время своего визита в Тверь епископом Евфимия, игумена местного Никольского монастыря. Вскоре Алексей поехал с Киприаном в Переяславль-Залесский на княжеский съезд.

В 1375 году возникшая после двух княжеских съездов коалиция русских земель обрушила всю свою мощь на Тверь, в результате чего тверской князь Михаил признал себя «младшим братом» московского князя и отказался от ярлыка на великое княжение. Однако мир, навязанный таким образом Твери, мало что значил и был ненадежен. Миссия Киприана провалилась, и он, в конце концов, встал на сторону Литвы и Твери, обвиняя в своей неудаче Алексея, так как тот якобы вместо того, чтобы, используя свой авторитет, помирить Москву и Тверь, благословил поход на Михаила.

В декабре того же года, по просьбе Ольгерда, Филофей провозгласил Киприана митрополитом Киевским и Литовским. А для того, чтобы сохранить единство русской митрополии, патриарх и собор в Константинополе постановили, что после смерти Алексея Киприан возглавит всю Русскую православную церковь. Однако Дмитрий Иванович и его правительство отказались признать решение патриарха о поставлении в Киеве митрополита и в противовес ему выдвинули своего кандидата — священника Митяя.

Алексей вначале противился этой кандидатуре в свои преемники, но после долгих уговоров великого князя сдался и, следуя приказу Дмитрия, направил посла к новому патриарху Макарию с просьбой утвердить своим преемником не Киприана, а Митяя. Не дождавшись ответа из Константинополя Алексей в 1378 году 12 февраля скончался «и положен бысть на Москве в созданней от него церкви в архагеле

Михаиле, еже есть чудо его иже в Хонехе, в общем монастыре». Канонизирован Русской православной церковью. Его мощи, обретенные 20 мая 1439 года, хранились в созданном им Чудовом монастыре. В 1485 году они были перенесены в специально созданную церковь во имя святителя и в 1533 году положены в серебряную раку, устроенную великого князя Василием III Ивановичем. Память ему читается в день кончины, в день обретения мощей и 5 октября, вместе со святителями Петром московским и Ионой. Последнее празднование установлено по повелению царя Федора Ивановича и патриарха Иова.

***

Дмитрий Иванович, узнав от доброхотов из Орды, своих сторожей в Поле в конце июня 1380 года о движении огромной массы татар к русским границам, обратился с призывом к владетельным и удельным князьям за помощью и назначил сборные пункты для войск в Москве, Серпухове и Коломне. Собранные русские отряды и полки численностью до 70 тысяч человек отличались однородностью по своему этническому составу: основное ядро составляли москвичи (главным образом «небывальцы», то есть молодые люди из ремесленников и крестьян, не привычных к ратному труду), в него входили воины земель, при-

▲ Пересвет

знававших власть московского князя, а также малороссийские и белорусские отряды. Предстояло обучить большую массу народа воинской науке, вооружить современным оружием, что и было сделано под руководством знаменитых и опытных воевод: князя Д. М. Волынского-Боброка, Т. В. Вельяминова, князей Дмитрия и Владимира Всеволожей, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей (братьев великого литовского князя Ягайло — союзника Мамаю) и других. В походе не участвовали войска Новгородской, Тверской, Нижегородской, Рязанской и Смоленской земель.

В 1380 году, согласно преданию, после получения известия от своих разведчиков, высланных далеко в Поле, что Мамай со всей Ордой идет на Москву, Дмитрий Иванович с двоюродным братом — серпуховско-боровским князем Владимиром

Андреевичем (Храбрым) и боярами отправились помолиться Живоначальной Троице, в храм Сергея Радонежского, и принять его благословение. Преподобный, не только благословил великого князя на предстоящую битву с сильным и жестоким врагом, но и предсказал за трапезой гибель татар, а Дмитрию — помощь небесных сил, милость и славу. Кроме того, Сергей Радонежский отпустил с ним двоих иноков-богатырей — Александра Пересвета и Родиона Ослябю, дав каждому из них схиму с нашитым крестом, чтобы в бою возложить ее на шлем.

Александр Пересвет герой Куликовской битвы, инок Симонова монастыря в Москве, до пострижения — брянский (по другим сведениям, любечский) боярин. Профессиональный воин, он и в монастыре продолжал совершенствовать свое

воинское мастерство, участвуя в отражении от московских рубежей набегов татарской конницы, литовцев и враждебных Москве воинских отрядов других русских княжеств. Летописцы подчеркивали его воинское искусство и физическую силу: «Сей Пересвет, когда в миру был, славный богатырь был, великую силу и крепость имел, величеством же и шириною всех превзошел и умел был к воинскому делу и наряду!» — сообщает, например, Никоновская летопись.

8 сентября 1380 года, видимо, в числе многих поединщиков по всему Куликовому полю Пересвет начал битву единоборством с татарским богатырем Темир-мурзой (Челубеем). По летописи, они сшиблись с такой силой, что оба пали мертвыми. Похоронен в московской церкви Рождества в Старом Симонове мо-

настыре. К XVIII веку осталась лишь Рождественская церковь, где во второй половине XVIII века под колокольней были найдены гробы героев Куликовской битвы — Александра Пересвета и Родиона Осляби.

Родион (Роман) Ослябя русский витязь, участник Куликовской битвы, монах московского Симонова монастыря, до пострижения — боярин. Вместе с Александром Пересветом сопровождал великого князя московского Дмитрия Ивановича на Куликово поле. Мужественно и самоотверженно сражался, остался жив и вернулся в свою обитель. В 1398 году ездил в Константинополь с посольством, возглавлявшимся митрополитом Пименом, которое великий князь Василий I Дмитриевич направил для оказания помощи Византии, только что пережившей опустошительные набеги турок. От Рязани до верховьев Дона послы двигались на лодьях, поставленных

на колеса, а далее плыли по Дону до Азовского моря. Ослябя похоронен в родной обители рядом с Пересветом.

Провожая великого князя из обители, Сергей Радонежский еще раз сказал ему: «Господь Бог будет тебе помощник и защитник; Он победит и низложит твоих супостатов и прославит тебя».

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович) — преподобный. Родился в 1315 году в семье боярина Кирилла и его жены Марии близ Ростова Великого. На 7-м году жизни Варфоломея отдали учиться грамоте. Однажды отец послал его в поле на поиски потерявшейся лошади, и вскоре отрок заметил незнакомого старца, который стоял под дубом и усердно молился. Варфоломей подошел к нему за благословием. Старец помолился и дал отроку часть просфоры, сказав при этом, что отныне ему дается от Бога раз-

ум к учению. Уже в доме родителей, Варфоломей в присутствии старца и родителей стал на память читать Псалтырь. Благословив ещё раз отрока, и предсказав ему за добродетельное житьё, великую будущность, старец вдруг исчез, и все присутствующие поняли, что их чудесно посетил Божий ангел.

Когда Варфоломею минуло 13 лет, его семья, страдая от татарских разорений и от княжеских междоусобиц, перебралась в Московское княжество и получила земли неподалеку от маленького города Радонеж. Здесь Варфоломей пожелал постричься, он с детства уже был строжайшим иноком. Родители были не против, но поскольку старшие братья — Стефан и Петр уже были женатыми и имели свои семьи, они попросили Варфоломея отказаться от своего намерения и поддержать старость родителей своим трудом, пока они не окончат свои дни. Вар-

▲ Сергий Радонежский

▲ Сергей Радонежский, икона

фоломей исполнил их желание и после смерти родителей порвал с мирской жизнью.

В дремучем лесу, окружавшем Радонеж, была выстроена деревянная церковь и освящена по благословению митрополита Феогноста во имя святой Троицы. В этом лесу к Варфоломею вскоре ненадолго пришел игумен-старец по имени Митрофан и постриг под именем Сергия. Несколько лет Сергей провел совершенно один в лесных дебрях, проводя время в молитвах. Страшные видения постоянно осаждали по ночам молодого подвижника

и вместе с воем и ревом хищных зверей, бродивших вокруг кельи, делали его жизнь особенно безотрадней. Но инок Сергей, горячо призывая на помощь Бога, терпеливо сносил эти испытания.

Несмотря на полное уединение, слава о подвигах смиренного отшельника постепенно распространялась, и к нему стали обращаться с настойчивыми просьбами — позволить остаться рядом с ним. Сергей никому не отказывал, предупреждая их о великих трудностях предстоящей жизни. Оставались самые выносливые, таким образом было положено

начало его монастырю —Троице-Сергиеву.

Сергий Радонежский ввел в обители строгий общежительный устав по примеру древних апостольских общин, когда у всех собравшихся верующих «было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее».

Сергий Радонежский не только сам работал наравне с другими, но, по крайней мере, за двоих, так как был от природы очень сильным человеком и не стыдился никакой работы, трудясь то поваром, то плотником, то закройщиком и швецом, то скорняжником или сапожником. Однако с особой радостью он выпекал просфоры, причем сам готовил муку для них (толок и молот зерно ручной мельницей), катал свечи и варил кутью. Постепенно слава, как о новой обители, так и о её игумене, достигла Москвы.

Влияние Сергия Радонежского на всю Русскую землю было огромно. Неустанно подвизаясь в молитве и посте и в заботах о своей обители, он в тоже время являлся истинным духовным отцом всех русских людей, а его монастырь — преемником древней Киево-Печерской лавры как в деле укрепления православия в народе, так и насаждения его среди язычников. Сергей Радонежский всегда привлекался высшей политической и духовной властью Московской Руси для решения, как политических, так и церковных проблем.

Так, в 1364 году, когда нижегородско-суздальский князь Дмитрий Константинович Старший попросил великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) рассудить его с братом — Борисом Константиновичем, который получил в Орде ярлык на нижегородское княжение и не хотел отдать его Дмитрию Старшему, московский князь прислал Борису сказать, чтобы тот немедленно оставил Нижний Новгород. Однако Борис упорствовал, и тогда митрополит Алексей вызвал Сергия Радонежского из его уединенной обители и направил к Борису с предложением приехать в Москву; если же он

ослушается, то приказать закрыть все храмы в Нижнем Новгороде и прекратить богослужения. Борис не внял увещаниям Сергия Радонежского и отказался ехать в Москву. Тогда преподобный закрыл все церкви в Нижнем, а Дмитрий Иванович двинул из Москвы сильную рать. Это, наконец, подействовало, и Борис уступил княжение брату.

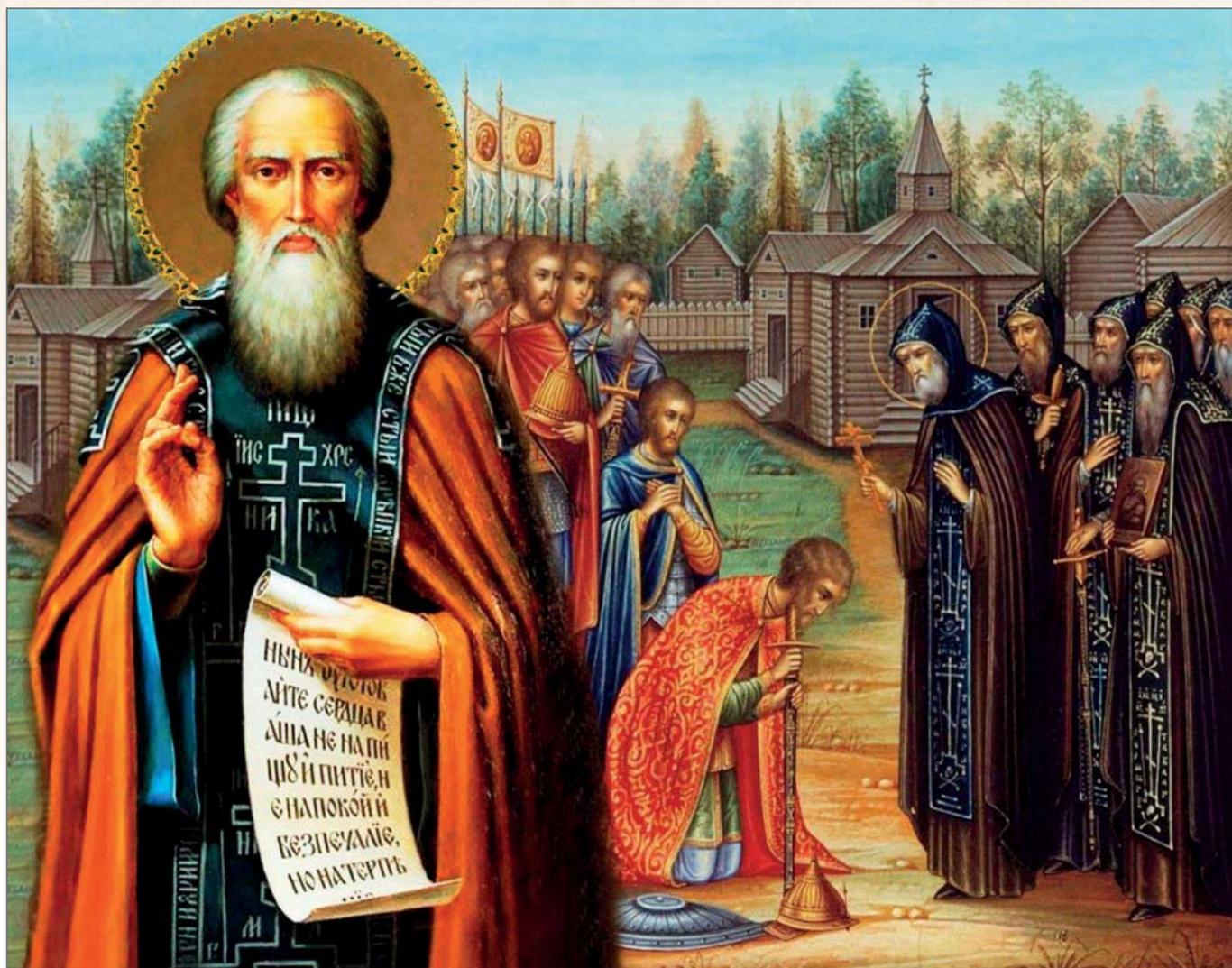
Принятие общежительного устава и его последующее распространение при поддержке великокняжеской власти, русскими митрополитами и константинопольскими патриархами на другие монастыри Северо-Восточной Руси явилось важной церковной реформой, способствовавшей превращению монастырей в крупные феодальные корпорации.

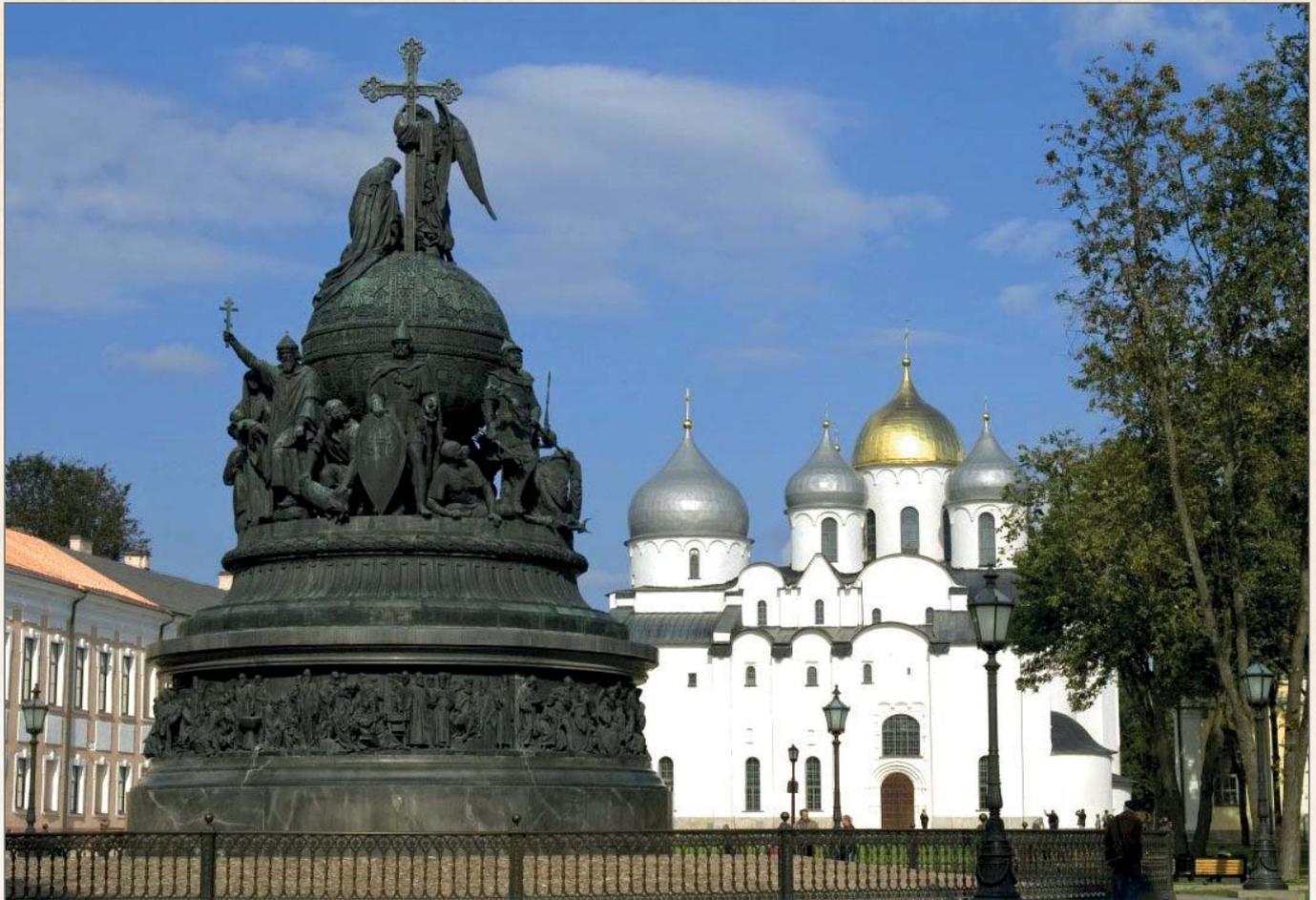
Моральный авторитет Сергия Радонежского, тесные связи с семьей

Дмитрия Ивановича Донского (Сергий Радонежский был крестным отцом его сыновей — Юрия и Петра), виднейшими боярами и высшими церковными иерархами позволяли Сергию Радонежскому активно влиять на церковные и политические дела своего времени. Он всемерно поддерживал политику московских князей в их борьбе за объединение русских земель, часто исполнял роль арбитра в спорах великих и удельных князей. В 1385 году преподобный улаживал конфликт великого князя московского с великим князем рязанским Олегом Ивановичем. Он долго беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви и, конечно, о великой задаче всех русских людей и князей — собраться воедино под знаменами Москвы. Тихими и кроткими речами старец

произвел на сурового рязанского князя необыкновенное впечатление, и Олег (разумеется, понимая всю бесперспективность дальнейшего противостояния с Москвой) решил на заключение со своим давним противником — великим московским князем — вечного мира. Между Рязанью и Москвой в 1386 году был подписан мирный договор о границах, скрепленный браком сына Олега и дочери Дмитрия, причем великий рязанский князь признал себя младшим братом великого московского князя.

Внутриполитическая обстановка, отношения между великокняжеской властью и церковью были в конце 70-х — начале 90-х годов XIV века весьма сложными. Мощный подъем общенародной освободительной борьбы с монголо-татарами сопро-

▲ Памятник «Тысячелетие России»

вождался успехами в деле централизации. Ответом на эти успехи была активизация всякого рода антимосковских тенденций. Со смертью в 1378 году Алексея митрополитской кафедры надолго потеряла свое политическое значение. «Смута на митрополии», продолжавшаяся до 1390 года, резко усилила политическое значение Сергия Радонежского. Преподобный пережил Дмитрия Донского всего на три года, 25 сентября 1392 года его не стало. На отпевание ревнителя православия собралось несметное количество народа. По своему смирению, преподобный приказал положить свое тело на общем кладбище, но митрополит, по просьбе братии, распорядился похоронить его в церкви, справа от алтаря. Мощи преподобного Сергия Радонежского были обретены 5 июля

1422 года, в княжение Юрия Дмитриевича (крестника преподобного); они были положены в серебряную раку в соборном храме Троице-Сергиевой лавры. Канонизирован Русской православной церковью в том же году. Память Сергия Радонежского читается 5 июля и 25 сентября.

В то время на всем обширном пространстве нашего Отечества, наверное, не нашлось бы человека, который бы не знал о преподобном Сергии Радонежском. Из Троице-Сергиева монастыря вышла целая плеяда учеников преподобного, разошедшаяся до самых далеких окраин Северо-Восточной Руси: здесь они устраивали в пустынных местностях свои кельи, привлекали строгим подвижничеством учеников, образуя по примеру обители Сергия Радонеж-

ского общежительные монастыри, вокруг которых селились крестьяне, расчищавшие леса и создававшие, таким образом, новые поселения, превращавшиеся спустя короткое время в города.

Среди наиболее известных последователей и учеников преподобного были: преподобный Никон Радонежский, блаженный Роман Киржачский, преподобный Антонин, блаженные Федор и Павел Борисоглебские, преподобный Федор, преподобный Мефодий Яхромский, преподобный Афанасий, преподобный Савва Сторожевский, преподобный Авраамий, преподобные Кирилл и Ферапонт Белозерские, преподобный Стефан Махрицкий, преподобный Дмитрий Прилуцкий, святитель Дионисий, преподобный Стефан Пермский и др. ■

ШТРАФНЫЕ ЧАСТИ И ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ

Штрафные части и заградительные отряды были созданы в Красной Армии в период Великой Отечественной войны приказом №227 Народного Комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г., который определял комплекс мер, направленных на решительное укрепление порядка и дисциплины в войсках в период их вынужденного отступления летом 1942 г. под натиском превосходящих сил вермахта.

Приказ носил чрезвычайный характер, поскольку обстановка на южном крыле советско-германского фронта сложилась к тому вре-

мени катастрофическая. Противник, прорвав оборону Красной Армии на юго-восточном направлении, быстрыми темпами продвигался к Сталинграду и на Кавказ. Его надо было во чтобы то ни стало остановить, а затем перейти в контрнаступление. Поэтому приказ №227 был пронизан от начала до конца главным требованием — «Ни шагу назад!»

Выдержки из положений приказа: «...После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик... У нас нет уже

теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв... Мы должны остановить, а затем разгромить и отбросить врага, чего бы это нам ни стоило... Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток...

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтоб они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа вышестоящего командования.

Таков призыв Родины».

В приказной части говорилось: «Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления якобы не будет вреда...;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (на 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...»

И далее: «Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный

совет фронта для придания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

В приказе было сказано о том, что первыми прибегли к созданию штрафных частей немцы зимой 1942 г. под Москвой.

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам.

Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи.

Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи.

Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен.

Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует».

В соответствии с Положением о штрафных частях, которое было утверждено 2 сентября 1942 г. право направлять своих подчиненных в штрафные батальоны получили командиры дивизий и отдельных бригад, а в штрафные роты — командиры полков. Срок пребывания там устанавливался от 1 до 3 месяцев.

На такие же сроки в штрафные части направляли бойцов и командиров, осужденных с применением отсрочки исполнения приговора, военные трибуналы.

Перед отправкой военнослужащих в штрафные подразделения у них изымались государственные награды на период пребывания в штрафниках и передавались на хранение в отделы кадров армии или фронта.

Независимо от того, лишился ли военнослужащий воинского звания (по суду) или нет — все получали одно и то же новое звание — штрафной рядовой.

Старшими и младшими командирами и политработниками в штрафные подразделения назначались обычные кадровые военнослужащие, наиболее подходящие для этой роли. При этом постоянный командный состав для штрафных частей и подразделений специально не готовился.

При необходимости штрафники могли приказом по части назначать-

ся на должности младших командиров с присвоением звания ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Согласно положению о штрафных батальонах и ротах действующей армии, командир и военный комиссар батальона пользовались по отношению к штрафникам властью командира и комиссара дивизии.

Командир и комиссар отдельной армейской штрафной роты пользовались властью командира и комиссара полка.

За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафной части имел право и был обязан применять все меры воздействия вплоть до расстрела на месте. Однако право унижать или оскорблять подчиненных им никто никогда не давал.

Всему постоянному составу штрафных частей сроки выслуги в званиях

по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращались наполовину. Кроме того, каждый месяц службы в постоянном составе штрафной части засчитывался при назначении пенсии за шесть месяцев.

Поскольку штрафным частям поручались наиболее сложные боевые задачи, потери как постоянного, так и переменного составов были высокими. К примеру, среднемесячные потери переменного состава за 1944 г. составили 10 506 человек, постоянного 3 685 человек.

Штрафные части Красной Армии существовали юридически с сентября 1942 по май 1945 г. Согласно архивным отчетно-статистическим документам численность их переменного состава (штрафников) ежегодно составляла:

- 1942 г. - 24 993
- 1943 — 177 694

- 1944 — 143 457
- 1945 — 81 766

Таким образом, за всю войну в штрафные батальоны и роты было направлено 427 910 человек.

Если взять для анализа 1944 г., когда все фронты вели наступательные операции, количество штрафных частей и численность их переменного состава характеризовались следующими показателями:

- общее количество штрафных батальонов во всех фронтах Красной Армии колебалось от 15 (в январе) до 8 (в мае), а среднемесячное их число в этом году равнялось 11, при этом среднемесячная численность штрафников в одном батальоне составляла около 226 человек;
- общее количество штрафных рот во всех армиях колебалось от 199 (в апреле) до 391 (в сентябре), а среднемесячное число рот со-

ставляло — 243, при этом среднемесячная численность штрафников в одной роте составляла 102 человека;

- общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных частей за год (нарастающим итогом) составили 170 298 человек постоянного состава и штрафников;
- среднемесячные потери постоянного и переменного личного состава всех штрафных частей за год составили 14 191 человек, или 52% от среднемесячной их численности (27 326 человек). Это в 3-6 раз больше, чем общие среднемесячные потери личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.

Что же касается заградительных отрядов, о которых из-за отсутствия достоверной информации, распространялось представителями пятой колонны и зарубежными фальсификаторами военной истории (как и о штрафных частях) много сяких домыслов и небылиц (гнали войска под дулами пулеметов в наступление, расстреливали отступавшие части и т.д.), то никому из исследователей пока еще не удалось найти в архивах ни одного факта, который подтверждал бы, что заградительные отряды стреляли по своим войскам. Не приводятся такие случаи и в воспоминаниях фронтовиков. «Да, были заградительные отряды, — читаем мы в записках Героя Советского Союза генерала армии П.Н. Лященко. — Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере, на нашем участке

фронта. Уже после войны я запрашивал архивные документы на этот счет. Таких документов не нашлось». И далее П.Н. Лященко поясняет: «Заградительные отряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеских десантов, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были, наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты».

В связи с изменением в лучшую сторону для Красной Армии после 1943 г. общей обстановки на фронтах полностью отпала также необходимость в дальнейшем существовании заградительных отрядов. Поэтому все они к 20 ноября 1944 г. (в соответствии с приказом НКО СССР №0349 от 29 октября 1944 г.) были расформированы. ■

АНАТОЛИЙ КОШКИН

СПОЛОХИ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

«Восемь углов под одной крышей»

После окончания Первой мировой войны и победы пролетарской революции в России среди азиатских народов активизировалось национально-освободительное движение. Это препятствовало осуществлению замыслов Японии по вытеснению из Восточной Азии и бассейна Тихого океана европейских государств, не давало возможности занять их место и создать здесь японскую колониальную империю.

Ослабленная вооруженной интервенцией и Гражданской войной молодая Советская Республика была занята восстановлением разрушенной экономики и в 20-е годы не рассматривалась Японией как серьезный противник, способный реально противостоять японской экспансии на Азиатский материк. Однако японские стратеги не могли не учитывать, что *«в будущем Советский Союз во весь голос заявит о себе»*. Поэтому ставилась задача *«принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза»*.

Японские правящие круги были недовольны Вашингтонским договором, подписанным в феврале 1922 г. с западными державами, ограничивавшим японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана. В японской прессе открыто заявлялось: *«Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»*.

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руковод-

Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, академик, профессор РАН. Член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны. Политолог-востоковед, автор научных и публицистических работ по истории Второй мировой войны, российско-японских и других международных отношений. С 1993 года профессор Восточного университета. Старший эксперт Центра стратегических разработок. Участник международных встреч, форумов, конференций и симпозиумов (СССР, Россия, Япония, США, КНР, Вьетнам, Кипр).

Основные монографии и книги А. А. Кошкина: «Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг.»; «Кто нарушил пакт о нейтралитете» (на японском языке); «Русские Курилы. История и современность» (в соавторстве); «Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век»; «Борьба великих держав. Советско-японская война» (на японском языке); «Мировые войны XX века» (в соавторстве) и др.

ства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления экспансии Японии — северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США, политика которых могла реально воспрепятствовать установлению японского господства в Китае и других восточноазиатских странах. При этом подготовка к будущему военному противостоянию СССР возлагалась в основном на сухопутные войска. Против США и Великобритании же должен был действовать главным образом военно-морской флот империи.

Если война против США в те годы рассматривалась как теоретическая возможность и планировалась лишь в общих чертах, то планы будущей войны с СССР с самого начала приобрели вполне зримые очертания. При этом речь шла о сражениях не на территории Маньчжурии и Кореи, как в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., а на территории Советского Союза, причем преследовались весьма решительные цели.

В 1923 г. японский генеральный штаб армии разработал план будущей войны против СССР, которым предусматривалось **«разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной**

Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский».

Однако осуществить подобный план в 20-е годы не представлялось возможным. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Рассчитывавшие в ходе интервенции на легкую победу над революционной Россией японские генералы, по признанию историков, **«на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями».** Наиболее здравомыслящие политики и представители деловых кругов Японии предлагали воздержаться от агрессивных действий против СССР, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений правительство СССР может пойти на серьезные уступки Японии. В частности, нормализация отношений с СССР рассматривалась в Токио как важное средство «нейтрализации» Советского Союза на период японской экспансии в Китае. Идея «нейтрализации» СССР, недопущения его противодействия японской экспансии в Восточной Азии легла в осно-

ву японской стратегии и дипломатии в межвоенный период.

Политика вооруженных захватов приобретала все большее число сторонников в Японии по мере углубления экономического кризиса конца 20-х годов. Японские правящие круги стали еще более активно искать способы решения внутренних проблем на путях внешней экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил генерал Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии.

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 годов.

Еще в годы японской интервенции против Советской России на Дальнем Востоке правительством Японии ставилась задача **«внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государствен-**

▲ Начальная подготовка в японской школе

ную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону». Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов «восточной конференции» заместитель министра иностранных дел Японии Мори, который призна-

вал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь». «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии».

Вскоре после завершения работы «восточной конференции» 25 июля 1927 г. премьер-министр Танака вручил императору Хирохито меморандум, в котором были сформулированы стратегические цели японского государства. Этот секретный документ при всей его прагматичности и конкретности во многом имел идеологический характер, ибо базировался на идеях «хакко ити у» и «кодо».

Понятие «хакко ити у», дословно «восемь углов под одной крышей»,

было заимствовано из японской древней императорской хроники «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составление которой было завершено в 720 г. В рукописи это высказывание приписывалось мифическому императору Дзимму, который, по преданию, вступил на престол в 660 г. до н. э. В своем первоначальном значении понятие «хакко ити у» означало всеобщий принцип гуманности, который, как предполагалось, в конце концов распространится на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром. Осуществить принцип «хакко ити у» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» — «кодо».

В период незавершенной буржуазной революции 1868 г. император Мэйдзи, восстановивший императорскую власть в стране, официально провозгласил эти два принципа в своем рескрипте от 1871 г. В то время они воспринимались как призыв к сплочению и патриотизму японского народа. Однако в 20–30-х

годах XX в. японские милитаристские круги использовали эти принципы для обоснования идеи территориальной экспансии, придали им смысл идеологического постулата политики завоевания чужих территорий. Как указывалось в документах Токийского военного трибунала для японских военных преступников, «понятия «хакко ити у» и «кодо» в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы». Именно на эти символы ссылался генерал Танака в своем меморандуме, когда писал о том, что представленный японскому монарху план завоевания японского господства в мире «завещан нам императором Мэйдзи».

В преамбуле меморандума указывалось: *«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия,*

а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

...Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией является лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте».

Главными препятствиями на пути осуществления этой экспансионистской программы в меморандуме были названы США и СССР. Именно на вооруженную борьбу с ними нацеливалась японская империя.

В отношении США в меморандуме говорилось: *«...В интересах самозащиты и ради защиты дру-*

гих Японии не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая направляет на нас Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне».

Тем самым в японской военной доктрине и стратегии формировалось так называемое «южное направление экспансии», предусматривавшее будущее вооруженное столкновение с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в борьбе за обладание странами Восточной и Юго-Восточной Азии и стран южных морей. При этом важно иметь в виду, что подготовка к такому столкновению определялась как одна из задач империи.

▲ Военная подготовка японок

тору мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирин, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию».

Однако в обозримом будущем японские политики и военные круги стремились избежать обострения отношений с Россией. Об этом, в частности, свидетельствовало установление в 1925 г. между двумя государствами дипломатических отношений. Более того, японскими планами предусматривалось даже использовать СССР для овладения Японией Китаем. В меморандуме Танаки было записано:

*«...Но для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. Одновременно мы должны **тайно блокироваться с красной Россией** (подчеркнуто нами. — А. К.), воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.*

Целью политики восстановления японо-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй*, и приглашения Иоффе** было, главным образом, использование России для обуздания Китая».

* С. Гото — видный японский политический деятель, в 20-е годы — мэр Токио.

** А. А. Иоффе — руководитель советской дипломатической миссии в Китае в 1922–1923 гг., участник переговоров об установлении советско-японских дипломатических отношений.

Но в стратегической программе экспансии Японии важное место отводилось также и будущему, как указывалось в меморандуме, «неминуемому конфликту с красной Россией». Ставилась задача устранить любое влияние СССР в Китае и Монголии. Осуществить это предусматривалось под надуманным предлогом недопущения «продвижения красной России на юг» — в Маньчжурию и Монголию. Понимая, что СССР едва ли согласится с доминированием Японии в Азии и существованием постоянной угрозы на дальневосточных и южных границах своего государства, составители меморандума прогнозировали будущую войну с Советским Союзом. В документе говорилось:

«... К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддерживать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию. Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

...Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, ко-

Другими словами, японское правительство и военное командование замыслили «нейтрализовать» СССР на период овладения Маньчжурией, а затем всем Китаем. В возможность осуществления этого намерения в Токио верили, усматривая в активных миролюбивых шагах советского правительства проявление слабости СССР.

Незадолго до «восточной конференции» и вручения императору Японии «меморандума Танаки», в мае 1927 г. советское правительство официально обратилось к японскому правительству с предложением заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что *«в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»*.

На принятие этого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия

по поводу дальнейшей политики империи в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян. До укрепления Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать развертыванию экспансии Японии в Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информировав Москву о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А. А. Трояновский писал: *«В военных кругах бродают мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»*. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить

перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что *«для этого не пришло еще время»*.

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически была не подготовлена к серьезной войне против СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что *«Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья»*. Учитывалось также, что к началу 30-х годов в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому в соответствии с меморандумом Танаки на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии,

отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение провинцию Китая.

Приступая к очередному этапу «собираения» чужих земель под японскую «крышу» (к этому времени колониями империи уже являлись Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения в Тихом океане), японское правительство тщательно выбирало момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире экономическим кризисом. В Токио учитывалось, что занятые внутренними задачами выхода из кризиса западные колониальные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Учитывалось также, что для Советского Союза было крайне важно обеспечить мирные условия для восстановления страны. Поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

Оккупация японской армией осенью 1931 г. Маньчжурии оказала важное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно, осуждая японскую агрессию, активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не сви-

детельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзава, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что **«сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики».**

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: **«Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий**

от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии». И это было действительно так. В начале 30-х годов реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако, было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что **«еще не созрел момент для заключения договора о ненападении».** В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение

«не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем».

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал.

Вопрос о войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда *«будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха».* Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР *«Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны».* Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба армии Нагата указывал, что для войны против СССР *«необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии».* Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предусматривалось возобновление переговоров с СССР о заключении договора о ненападении.

Главный смысл предложений сторонников подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство присутствовавших на совещании не приняло этой точки

зрения и проголосовало за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который определялся как *«противник номер один».*

Определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником оставались США и Великобритания. Однако это не означало, что империя считала себя готовой в обозримом будущем сразиться с этими крупными державами в Восточной Азии и на Тихом океане. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с США и Великобританией. При этом расчет делался на то, чтобы подтолкнуть правительства западных держав к продолжению политики «умиротворения» Японии. Основанием для такого расчета была позиция США и Великобритании по захвату Японией Маньчжурии. Тогда, в 1931 г., Японии удалось убедить западные державы в том, что оккупация Северо-Восточного Китая была необходима для создания «барьера на пути коммунизма».

Целям демонстрации непримиримости Японии с «красной Россией» служил и отказ заключить с СССР до-

говор о ненападении. В значительной степени такая политика принесла успех. Лидеры США, Великобритании и Франции, уверовав в антикоммунистические цели японского правительства, рассматривали оккупацию Маньчжурии в первую очередь как полицейскую акцию в борьбе против национально-освободительного движения китайского народа. Президент США Гувер говорил своим приближенным: *«Если бы японцы прямо нам заявили: «Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунистический Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае», мы не могли бы выдвинуть возражений».* Ограничиваясь ни к чему не обязывающими заявлениями о «непризнании» японских действий в Китае, западные державы фактически способствовали превращению Маньчжурии в японскую колонию.

Для того чтобы и дальше стимулировать политику «умиротворения» западных держав, японские власти провоцировали на советско-маньчжурской границе различного рода инциденты и конфликты, создавали впечатление неизбежности скорой японо-советской войны. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепартамент: *«Один из помощников военного атташе сказал мне, что*

действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР».

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. 31 декабря 1931 г. министру иностранных дел К. Ёсидзава во время его пребывания в Москве было заявлено, что *«заключение пакта о ненападении имело бы большое международное значение, что такой пакт был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям».*

Однако японцам такая ситуация и такие спекуляции были выгодны. Искусственно нагнетаемая опасность вооруженного столкновения с Японией должна была удерживать Советский Союз от какого-либо вмешательства в маньчжурские события. А напряженность на маньчжурско-советской границе обеспечивала подобное невмешательство с юга, со стороны ожидавших японо-советскую войну США, Великобритании и Франции. В Вашингтоне, Лондоне и Париже с удовлетворением воспринимали сообщения о концентрации на дальневосточных границах Советского Союза крупной группировки японских войск. Только с января по август 1932 г. численность размещенной на границе с СССР японской Квантунской армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в три раза.

В этих условиях, несмотря на отказ Японии заключить с СССР договор о ненападении, советское правительство продолжало дипломатические усилия в этом направлении. Одновременно советская дипломатия предпринимала активные шаги для восстановления и развития отно-

он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Дж. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что *«японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь».*

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): *«Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»*

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии с СССР. Еще за несколько месяцев до интервенции в Китай японское правитель-

во официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации Маньчжурии является обретение плацдарма для войны с СССР. Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая японское правительство 19 ноября 1931 г. демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Советском Союзе «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что *«Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих*

шений с Китаем. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами, разорванных в 1929 г. по вине китайских милитаристов. Этот акт являлся для китайского народа определенной политической поддержкой в его борьбе против японских оккупантов.

Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать столкновение с СССР явилось сделанное в июне 1933 г. предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). При этом было принято во внимание, что японцы сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Однако предпринимавшиеся советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией, фактическая политика нейтралитета в отношении японских агрессивных действий в Маньчжурии наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать мирные отношения с северным соседом. Напротив, японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало СССР принимать меры к укреплению обороноспособности страны на Дальнем Востоке. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением территориальной целостности и безопасности своего государства. Япония же

вступила на путь реализации принципа «хакко ити у», то есть создания насильственным путем обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: *«Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».* Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае, дальнейшему обострению японо-советских отношений.

▲ Великая китайская стена 1937

Агрессия в Китае: война и политика

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой «гарнизонной армии в Китае». Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

В середине 30-х годов японский генеральный штаб армии приступил к планированию операции по овладению Северным Китаем. В 1935 г. один из таких планов предусматривал сформировать специальную армию, которая включала бы японскую «гарнизонную» армию в Китае, одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава сухопутных сил в метрополии и Корее, которые должны были овладеть Пекином и Тяньцзинем.

В августе 1936 г. японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран южных морей. Политические цели империи были сформулированы в документе «*Основные принципы государственной политики*», в котором провозглашалось превращение Японии «*номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии*». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, где говорилось, что «*в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений...*» Это полностью отвечало целям и задачам, изложенным в меморандуме Танаки.

Хотя в этих документах отмечалось, что желательно по возможно-

▲ Японские артиллеристы ведут огонь из 150-мм гаубицы Тип 38 во время боев за китайский город

сти добиться целей «мирными средствами», в Японии сознавали, что дальнейшая экспансия на Азиатский континент может вызвать сопротивление великих держав. В связи с этим было принято решение об активизации подготовки к войне на двух направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. В пересмотренном в 1936 г. «Курсе на оборону империи», а также в документе «Программа использования вооруженных сил» главными потенциальными противниками Японии определялись США и СССР, следующими по важности — Китай и Великобритания.

В Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому в планах Японии на овладение Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи. Разработанный в 1936–1937 гг. генеральным штабом армии план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны

были действовать пять, а в Южном Китае — одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца.

Оккупация всего Китая означала серьезное нарушение интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок имел важное значение для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 34 процента. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они уже достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 процента.

Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, которая, как известно, начала экспансию на Азиатский материк гораздо раньше других стран. Она имела здесь большие капиталовложения в железнодорожном транспорте, морских перевозках, связи, банковском деле. К 1936 г. инвестиции Великобритании в Китае составляли 1 141 млн долларов. Широкое проникновение в китайскую экономику привело в 30-е годы к углублению как экономического, так и политического сотрудничества Великобритании с Китаем.

Как уже отмечалось, в Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 30-х годов в Японии была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса

обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии Хирота заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма». В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на Азиатский континент, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии в Китае.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивающая невмешательство в войну этих держав. Военно-морское министерство и главный морской штаб (гунрэйбу), 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной си-

туацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». США предлагалось «обратить самое серьезное внимание на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости».

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Нельзя сказать, чтобы в США не видели опасностей своим позициям в Китае, которые повлечет за собой расширение японской агрессии. Посол Дж. Грю телеграфировал 14 июля 1937 г. в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией». Тем не менее правительство США счита-

▲ Самураи

ло, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует переписка американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Дж. Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: *«Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Джонсона. — А. К.), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта».*

Посол рекомендовал правительству США *«избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы».* При этом подчеркивалась необходимость *«предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией».* Грю считал, что политика «умиротворения» будет оценена японцами, которые *«не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы».*

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госсекретарь США дал положительную оценку точки зрения Грю. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала боевых действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: *«Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие*

обязательств...» Не делая различия между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая *«к сдержанности в интересах мира во всем мире».* Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США *«желают избежать малейшего вмешательства».*

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия своих уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: *«Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае».* Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М. М. Славуцкому: *«Мы точно осведомлены о том, что*

Япония, перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого, делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании».

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав — Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел А. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским прави-

тельством». Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Чемберлен рассуждал: *«Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь соглашения с Японией?»*

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основным смысл его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии лишь приведут к повышению роли военных в японской политике, а значит, усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция,

также ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции Дельбос в беседе с послом США в Париже Буллитом заявил, что, «по его мнению, японское наступление в конечном итоге направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу) для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дельбос рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами.

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая — Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы

США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Японцы, по существу, игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший «независимость» и «целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-

нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются...

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки».

Планируя войну в Китае, японские лидеры весьма опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запре-

щать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели жизненно важное значение для Японии. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики».

Профессор О. Б. Рахманин в своем недавнем труде отмечает: «Со стороны США фактическое пособничество Японии выразилось в проведении так называемой политики «нейтралитета»... В первую очередь от этого пострадал Китай».

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию как «инцидент». В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать

лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

В свою очередь монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в 2–3 раза. При этом, если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 процент, экспорт военных материалов на тот же период возрос на 124 процента. Военные материалы составляли 58,5 процента от общего экспорта США в Японию. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим «мирным» годом в следующих размерах: по железу и стальному лому — в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним — в 2,5 раза, металлообрабатывающим станкам — в 3,5 раза, сырой нефти — в 2,5 раза, бензину — в 1,5 раза, меди — в 2,4 раза, свинцу — в 1,1 раза, чугуну и стали — в 16,3 раза.

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Швеленбаха, который говорил: **«Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль».**

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой ро-

сло число сторонников объявления экономического бойкота Японии. Учитывая это, а также стремясь ограничить японское наступление на интересы США, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению Японии. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплён какими-либо существенными действиями. В речи заявлялось о стремлении американского правительства оставаться вне войны. *«Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)»*, — подчеркнул президент.

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу — Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д. В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений».

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора о ненападении. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим включение Китая в «антикоминтерновский блок».

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединённые силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г.

▲ Японцы в Нанкине

▲ Нанкинская резня

министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо (у моста Марко Поло близ Пекина. — А.К.) в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня, так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться». Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то, что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение.

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов. В наиболее трудный начальный период японо-

отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США Хелла, состояла в том, что «вопрос о ме-

тодах давления на Японию не входит в задачу данной конференции».

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время брюссельской конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугатать Токио». Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

Цели халхингольской авантюры

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский

китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха.

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70% поступило из США. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией». По китайским подсчетам, от американского оружия погибали 54 из каждых 100 мирных жителей Китая.

При таком положении крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз».

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124. Информировав посла СССР в Японии о серьезности скла-

дывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что *«линия японской военной политики в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»*.

Однако японское правительство опасалось открытия еще одного фронта. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального штаба о возможности японо-советского столкновения представитель японского генштаба армии генерал Хомма отвечал, что подготовка к войне на севере ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет».

Цели и задачи войны Японии против СССР были первоначально изложены в разработанном в августе 1936 г. генеральным штабом армии документе «*Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза*». В случае начала большой войны с СССР в нем предусматривалось на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Усури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства». Оперативный план 1937 г. предусматривал наступление с трех направлений — восточного, северного и западного. Важнейшей задачей объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью».

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны госу-

дарства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом

японские лидеры не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае».

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны

Efforts for Preserving the Truth of Anti-Japanese War, PO Box 2666, Cupertino, CA 95015

2-5

на Тихом океане» отмечают: *«Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии».*

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устроить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени нападения диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии».

15 июля 1938 г. японский посол в СССР М. Сигэмицу по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военнослужащими границы и предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-ки-

тайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение».

10 августа советские войска нанесли неожиданный и мощный удар. Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии срочно отправил начальнику штаба корейской армии телеграмму, в которой просил **«немедленно начать дипломатические переговоры»**, заявляя, что японская армия уже **«продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться»**. В пользу такого решения было и то, что, следуя приказу из Москвы, части Особой Дальневосточной армии не стали развивать наступление в глубь Маньчжурии, демонстрируя стремление избежать расширения конфликта.

В Москве было известно, что японская провокация в районе озе-

ра Хасан преследовала в первую очередь цель «устроить СССР», и что японцы в данный момент к большой войне с Советским Союзом не готовы. 3 августа 1938 г. резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге передал в Москву: «... Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь».

Поэтому когда через посольство в Москве японское правительство запросило прекращения боевых действий, соглашаясь на восстановление нарушенной границы, советское правительство сочло целесообразным ответить положительно.

Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери составили 20 процентов». Большие потери понесли и советские войска — 400 убитыми и 2700 ранеными.

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились целей провокации — продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосред-

ственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — советская активная помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Обострение советско-японских отношений было использовано японской стороной на переговорах с Великобританией с целью побудить английское правительство не создавать Японии «затруднений» в Китае. 20 августа посол Великобритании Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало согласие на такое сотрудничество.

Осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с Великобританией, добываясь от нее признания захваченных ими территорий Китая. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения. В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои интересы, не желало усиления Япо-

нии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет направлена против Советского Союза. Поэтому японские лидеры продолжали убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши.

В сентябре 1938 г. японский премьер-министр Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как подтверждение японских планов войны против СССР.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. И снова его поддержал Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях против японской агрессии. Великобритания же, окончательно ступив на путь «умиротворения», открыто искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября Крейги писал в Лондон: *«Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов*

и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области».

Не оставляли надежд на отвлечение внимания Японии в сторону Советского Союза и в США, где хасанские события были восприняты как прелюдия дальнейшего обострения советско-японских отношений.

14 августа влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: *«Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами».*

Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана. Японцы весьма умело использовали заинтересованность западных держав в обострении советско-японских отношений, всячески ее подогревая. В то же время под прикрытием демонстрации готовности к вооруженному столкновению с СССР они продолжали шаг за шагом захватывать территорию Китая.

22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября — Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября 1938 г. японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Тем самым была создана угроза вытеснения Великобритании из Китая. Однако англичане, опасаясь раздражать японцев, не предпринимали никаких шагов по содействию Китаю в его сопротивлении интервентам. В день падения Кантона китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил своему советскому коллеге М. М. Майскому, что *«англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны*

китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало японское правительство в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого империализма» на японский.

3 ноября было опубликовано «Заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского. — А. К.) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи

и о своей решимости провести его в жизнь».

В «Заявлении...» выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» использовалась прежняя антикоммунистическая, а по существу антисоветская, риторика. Империалистическая агрессия в Азии вновь прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма».

Не приходится говорить, что это «Заявление...» было результатом Мюнхенского соглашения. Именно после проявления Великобританией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане и вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства

от американского принципа «открытых дверей» в Китае.

Лишь после этого в Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу, что политика уступок Японии требует корректировки, и на зондаж Японии о заключении нового японо-американского торгового договора в декабре 1938 г. США одновременно с Великобританией предоставили Китаю незначительные займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии».

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами, а также с США, в Токио поставили цель расстроить

операции. Действительно, планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР».

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже говорилось, первая и главная причина состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях.

Вторая причина. Предстоящие события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхин-

совместные контрмеры западных держав достигли договоренностей с Великобританией. Основанием этого служила позиция Чемберлена, который в ноябре 1938 г. заявил о желании «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем. — А. К.) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»

Для того чтобы английское правительство было сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти предприняли блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. Япония сочла также необходимым и своевременным воздействовать на политику Великобритании путем очередного усиления конфронтации с СССР, международное положение которого к этому времени ухудшилось по вине западных держав из-за провала политики коллективной безопасности в Европе. В Токио рассчитывали, что у оставшегося один на один с агрессивными государствами мира Советского Союза в обстановке опасности германского нападения не будет достаточно военных сил в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией

СССР будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово идти даже на риск большой войны с СССР.

После поражения японской армии в советском Приморье, в районе озера Хасан, японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Операция № 8», предусматривавший нанесение удара по СССР через МНР в направлении озера Байкал, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской военщиной крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) внимание обычно уделяется в основном военным целям этой

гольских событий была сделана следующая запись: *«Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»*¹.

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита-Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику».

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...» Заключенное 22 июля 1939 г., в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

Третье. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США

Хориноути убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

И хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последней роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла никакого ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 году. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

И четвертая причина: резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям

Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместно с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам».

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о су-

▲ Тройственный пакт

▲ Халхин-Гол, 1939

ществовавших в Германии *«сомнения относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению „нового порядка“ в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».*

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать

на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента».

Хотя в официальной японской историографии до сих пор утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле –августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе,

это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот „инцидент“.

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР».

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии». Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать

Красную Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются». Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армией без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан». В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил об увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных

ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г.К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались советским командованием столкновения с японцами, Г.К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отработовал наркому о прибытии. К. Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

– Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

– Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

Думаю, — продолжал нарком, — это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуются, принять на себя командование войсками?

– *Готов вылететь сию же минуту».*

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне–июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Г. К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения была завершена, и японская авантюра закончилась полным крахом. Всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско — германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге так характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка прави-

тельства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривосточный кризис.

Рамзай».

О том же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело

и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу А. С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу».

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио–Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

События на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку. Militarистская Япония, не отказываясь от планов войны против СССР, в то же время готовилась к захвату колониальных владений западных держав на Тихом океане, к оккупации всей Восточной Азии. Выбор ею будет сделан в 1941 г. ■

Н. А. КИРСАНОВ

КАК ПРЕДАВАЛИ ЧЕХОСЛОВАКИЮ

▲ Дележ Европы

Не прошло и двух месяцев после аншлюса Австрии, как Гитлер заявил о территориальных притязаниях к Чехословацкой Республике. Пока притязания ограничивались Судетской областью. Планы относительно Чехословакии созрели у Гитлера не после аншлюса, как обычно утверждается, а значительно раньше, о чем свидетельствует его

выступление на совещании в имперской канцелярии 5 ноября 1937 года в присутствии узкого круга генералов. Фюрер тогда сказал: «...*С большой вероятностью можно утверждать: Англия, а предположительно также и Франция уже потихоньку списали Чехию со счетов и удовольствуются тем, что этот вопрос однажды будет решен Германией*»,

Чехословакия занимала выгодное военно-стратегическое положение в центре Европы. После аншлюса Австрии земли Третьего рейха окружали ее с севера, запада и юга. Присоединение Судетской области и расчленение Чехословакии обеспечивали бы Германии занятие решающих стратегических позиций для будущей войны и положение гегемона в Центральной Европе.

▲ Аншлюс Австрии

Как и в аншлюсе Австрии, Гитлер разыграл национальный вопрос и с Чехословакией. Более благовидного предложения для иностранного вмешательства во внутренние дела независимой республики не могло быть. Поводом послужило «невыносимое» положение судетских немцев, о чем рассказывали средства информации, подведомственные Йозефу Геббельсу. Несколько лет нацистская пропаганда не жалела красок, живописуя миру притеснения судетских немцев, ждавших спасения.

Для военно-политического «урегулирования чехословацкой проблемы» Гитлер рассчитал два этапа. На первом его притязания касались только Судет — области, населенной в основном этническими немцами, пребывавшими под сильным воздействием нацистской пропаганды. Из них были организованы отряды самообороны, готовые к выступлению по сигналу из Берлина. На втором этапе предусматривался полный захват Чехословакии, ликвидация государственной самостоятельности республики. Курс этот мог осуществляться, как и в случае с Австрией, только при поддержке или молчаливом поощрении правящих кругов Англии, Франции и США. Они полагали: захват Чехословакии обеспечит Германии достаточную военно-эко-

номическую способность для «экспансии на Восток», для войны против Советского Союза.

Чехословацкая Республика (ЧСР) была провозглашена 14 ноября 1918 года вслед за распадом Австро-Венгерской империи, потерпевшей поражение в Первой мировой войне. Новому государству досталось около 80 процентов австро-венгерской промышленности, в том числе такие огромные оружейные предприятия, как заводы «Шкода», а также известный концерн по производству обуви Томаша Бати. По ряду показателей и достигнутому уровню жизни ЧСР во второй половине 1920-х годов смогла войти в десятку самых развитых стран.

Удельный вес Чехословакии на мировом рынке по продаже оружия и боеприпасов составлял 40 процентов. Десять ее крупных оборонных заводов, как отмечал Людвик Свобода, будущий президент Чехословакии, могли поставлять ежемесячно 1600 станковых и 3000 ручных пулеметов, 130 тысяч винтовок, 7 тысяч гранатометов, 200 орудий, сотни танков и самолетов. В сентябре 1938 года Чехословакия располагала оружием и снаряжением, достаточным для 50 дивизий. По оценке У. Черчилля, в то время одни только чехословацкие заводы «Шкода» —

второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года выпустил почти столько же продукции, сколько выпустили все английские военные заводы за то же время».

Дестабилизация международного положения Чехословацкой Республики началась, когда во власть в Германии вступил Гитлер. В провокации такого рода нацисты активно вовлекали немецкое население сопредельных государств, имевшее статус национального меньшинства. Этому служил национальный экстремизм, культивируемый среди фольксдойче — этнических немцев, проживавших вне Германии.

Страны «западной демократии» попустительствовали экспансионистской политике Германии, прикрывавшейся демократическим лозунгом право наций на самоопределение вплоть до отделения от государства, в котором они проживали. Первый урок такого «самоопределения» Гитлер преподал в марте 1938 года в Австрии, осуществив ее аншлюс (захват).

Захват Чехословакии занимал важное место в планах немецкого фюрера. Обладание ее военным потенциалом обеспечивало Германии значительное военное преимущество над многими странами Европы.

При разделе Австро-Венгрии северо-западная граница Чехословакии прошла по традиционной границе королевства Богемия (1526–1918), входившего в состав Габсбургской империи. Молодой республике достались четыре «независимые немецкие провинции». На основе права наций на самоопределение они объявили себя составной частью Австрии. Но правительство ЧСР быстро пресекло попытки отторжения этих территорий. К декабрю 1918 года их заняли чешские войска. Так возник «немецкий вопрос».

Споры при образовании ЧСР вызвал и вопрос о Тешине, важном экономическом регионе. Его большая часть в конце 1918 года оказалась под польской администрацией. В январе Предоставление автоно-

мии национальным меньшинствам считалось опасным прецедентом. Чешские политики строили ЧСР как унитарное, централизованное государство. Такому государству, как они понимали эту проблему, легче преодолевать послевоенные трудности и трения в отношениях с соседними странами.

На положении в стране и состоянии народного хозяйства отдельных регионов негативно сказывались значительные диспропорции в уровне их развития и длительное вхождение в состав различных экономических организмов, например, Австрии и Венгрии, недоступность прежних внутренних рынков сбыта, оказавшихся в других государствах, несбалансированность мирового хозяйства после войны.

Авторами конституции Чехословацкой Республики, принятой в феврале 1920 года, были в основном чешские деятели. Конституция определяла ЧСР как демократическую республику. Ее высшим законодательным органом был двухпалатный парламент. Избираемый парламентом президент наделялся большими полномочиями. Он назначал правительство, мог отправить его в отставку, распустить парламент, являлся Верховным главнокомандующим вооруженных сил.

Национальным меньшинствам конституция предоставила широкие права. Она практически обеспечила им культурную автономию. А там, где национальные меньшинства составляли 20 процентов населения, на двух языках велось делопроизводство. Демократизация затронула все сферы общественной жизни. В стране был 8-часовой рабочий день, действовала система пособий по безработице, повышался уровень зарплаты, снижались цены на товары первой необходимости.

Хотя прежняя система национального угнетения была ликвидирована, однако национальные противоречия не только сохранились, но и обострялись в связи с изменениями в статусе немцев и венгров, оказавшихся в положении национальных меньшинств. Это создавало

питательную основу для деятелей националистической ориентации, стремившихся к дестабилизации положения в стране. В то же время чехи и словаки были далеки от интеграции в единую «чехословацкую» нацию.

В стране насчитывалось более двух десятков политических партий. Ни одна из них никогда не имела парламентского большинства, и правящая коалиция формировалась по результатам парламентских выборов из нескольких партий. Опозиция действовала в рамках парламентской демократии.

Важным шагом в строительстве Чехословацкой Республики как демократического государства и разрешении национальных противоречий была децентрализация системы административного управления. Введенная еще в 1927 году, она предусматривала управление страной по «землям», кои представлялись в виде таких административно-территориальных единиц, как Чехия,

Моравия и Силезия, Словакия, Подкарпатская Русь.

Мировой экономический кризис 1929–1933 годов особенно тяжело сказался на положении в приграничных районах. Ориентация на экспорт ставила их экономику в трудное положение. Они получали меньшую поддержку от государства, чем чешские области, что облегчало задачу гитлеровской пропаганды, разжигавшей вражду к чехам и их государству. В результате «немецкий вопрос» в Чехословацкой Республике обрел большую, чем прежде, остроту. Чехословацкие немцы-националисты демонстративно копировали национал-социалистскую символику у гитлеровцев в Германии.

Такое положение побудило правительство ЧСР в 1933 году запретить деятельность двух немецких радикальных политических партий. Однако их лидеры вскоре создали Судетско-немецкий патриотический фронт, в 1935 году переименованный

▲ Томаш Масарик

▲ Судетские немцы

в Судетско-немецкую партию (СДП). Ее возглавил школьный учитель физкультуры Конрад Генлейн, еще относительно молодой человек (родился 6 мая 1898 года). На политическом горизонте впервые он появился в 1931 году, пока в качестве лидера Немецкой гимнастической ассоциации. 1 октября 1933 года Генлейн возглавил партию с провокационным названием — Германский патриотический фронт, требовавший автономии судетских немцев в границах Чехословакии.

СДП была близка по духу к гитлеровской НСДАП, но это не настроило президента Чехословацкой Республики Томаша Масарика. Несмотря на экстремистские прогерманские выступления на севере ЧСР, спровоцированные германскими нацистами, их столкновения с левыми и правыми партиями, он допустил партию Генлейна к выборам в Национальное собрание, хотя ряд деятелей в окружении президента возражал. На выборах в декабре 1935 года СДП одержала громкую победу — набрала больше голосов, чем любая другая партия, и подтвердила претензии на политическое представительство интересов всего немецкого населения в Чехословакии. В этом качестве ее восприни-

мало в дальнейшем и руководство своей страны, и гитлеровское руководство в Германии. Генлейн отклонил предложение войти в правительство Чехословацкой Республики. В его планы не входило разделять ответственность за положение в стране. Политическая ориентация СДП и самого Генлейна уже давно определялась в Берлине.

Победа СДП на выборах 1935 года имела негативные последствия для политической системы Чехословацкой Республики, политические деятели разного направления переживали ощущение краха государства и нарастание нацистской угрозы. Президент Масарик был вынужден 14 декабря 1935 года уйти в отставку (официальная версия — по болезни). 18 декабря Национальное собрание избрало президентом республики Эдуарда Бенеша. При нем, однако, внутреннее и международное положение страны стало более сложным и более опасным. Внутри страны, как никогда прежде, нарастала напряженность в международных отношениях.

В роли главного провокатора напряженности выступала Судетская немецкая партия, ее деятельность вышла далеко за пределы Судет. Она стала откровенно нацистской, служи-

ла Гитлеру как его «пятая колонна». Опираясь на судетских нацистов, германская разведка проникала во все важнейшие звенья чехословацкого государственного аппарата и получала всю информацию, необходимую для захвата Чехословакии. С помощью германской разведки судетские нацисты создали в Чехословакии так называемый «свободный корпус» Генлейна в составе около 15 тысяч человек, образцом для него служили штурмовые и охранные отряды гитлеровцев в Германии. Германская разведка обеспечивала «свободный корпус» Генлейна оружием, боеприпасами, снаряжением.

Для совместных действий с отрядами «свободного корпуса» из Германии в Судеты были переброшены специально подготовленные четыре батальона СС «Мертвая голова». Засланные в Чехословакию диверсионно-террористические группы имели задание в момент нападения Германии дезорганизовать тыл чехословацкой армии, уничтожить узлы связи, мосты и тоннели, разрушать оборонные предприятия (Ист. Вт. м. в. Т. 2. С. 82).

По примеру судетских нацистов готовилось выступление словацких, венгерских, польских и украинских фашиствующих элементов. Спецслужбы Германии объединили их в блок, возглавляемый Судетской немецкой партией.

Чехословакия, как это ни прискорбно, участвовала в возрождении германского милитаризма, попустительствовала реваншистским устремлениям в Германии. Это проявилось в деятельности Бенеша на Гаагской конференции в январе 1930 года в качестве министра иностранных дел. «План Юнга», утвержденный там, фактически открывал дорогу возрождению военно-промышленного потенциала Германии и сближению Германии с Австрией, чему служила таможенная уния этих двух государств.

В международных делах Бенеш ориентировался на Францию и Англию. Там, в Лондоне и Париже, особенно в Лондоне, решалась судьба Чехословакии.

Лишь 9 июня 1934 года между Прагой и Москвой были установлены дипломатические отношения. Предопределило этот поворот в политике Праги нарастание угрозы германской агрессии после вхождения Гитлера во власть. Заключение советско-французского договора о взаимной помощи 2 мая 1935 года подвигло Прагу подписать аналогичный советско-чехословацкий договор 16 мая того же года. В текст этого документа была включена статья, согласно которой СССР мог оказать помощь Чехословакии только в том случае, если помощь ей окажет и Франция. Данное положение было включено в протокол подписания по инициативе советской стороны. «Я сделал это, — вспоминал народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, — ибо считал невыгодным для СССР брать на себя столь тяжелое обязательство, если он будет вынужден один на один воевать с Германией лишь при незначительной помощи, которую спо-

собна оказать Чехословакия. Бенеш не возражал против моей оговорки» (Сидоров, Клейменова. История международных отношений С. 205). Текст этой статьи до сих пор приписывался Бенешу и ставился неоправданно ему в укор.

На помощь Франции Чехословакия могла рассчитывать в соответствии с двусторонним договором о союзе и дружбе, который они заключили еще 25 января 1924 года. Франция могла выставить против гитлеровской Германии до 100 дивизий, если бы случилась война. Англия не состояла в союзе с Чехословакией, ее правители не несли и не собирались нести какую-либо ответственность за положение молодого государства в Европе.

И хотя у Советского Союза и Чехословакии не было общей границы, а помощь Франции была проблематична, все же три державы обязались в течение 5 лет поддерживать друг друга, если одна из сторон подверг-

нется агрессии какого-либо европейского государства. Советско-чехословацкий договор имел большое политическое значение как фактор, уменьшающий соблазн нападения со стороны Германии. В то же время президент Бенеш после вступления Гитлера во власть искал пути сближения с Германией. Попытки такого рода он предпринимал, еще пребывая в должности министра иностранных дел, и не расстался с надеждами на сближение с Гитлером, когда стал президентом.

В этих «исканиях» президент Бенеш был не одинок. На секретном совещании представителей Аграрной партии, влиятельных банкиров и Союза промышленников Чехии (наверняка не без участия «королей недвижимости» братьев Гавелов) еще в апреле 1936 года была поставлена цель добиться разрыва советско-чехословацкого договора, перейти к ориентации на нацистскую Германию.

▲ Визит Бенеша к Сталину

Не менее трех лет, с 1935 года по 1937-й, шли разговоры-переговоры о возможности чехословацко-германского соглашения, но германские дипломаты их умышленно затягивали, добиваясь уступок. Уступки поощряли агрессию Германии против Чехословакии. Так, в октябре 1937 года было заключено соглашение о сотрудничестве чехословацкой полиции с тайной полицией Третьего рейха (гестапо). Премьер-министр Милан Годжа в сентябре 1937 года в переговорах с лидером Судетской немецкой партии Генлейном уступил его требованиям по поводу проведения в 1938 году муниципальных выборов, которые затем станут частью плана по отторжению Судетской области.

24 апреля 1938 года на съезде Судетско-немецкой партии в Карлсбаде была принята программа, содержащая такое провокационное требование, как предоставление автономии Судетской области. Ее осуществление означало бы полный контроль гитлеровской агентуры над пограничным районом Чехословакии, а затем присоединение Судетской области к Германии.

Как только Генлейн на съезде в Карлсбаде потребовал «автономии» для пограничных с Германией

районов Чехословакии, тотчас два западных посла в Праге — английский и французский — поспешили в министерство иностранных дел Чехословакии, чтобы выразить надежду, что правительство республики сделает все возможное для «урегулирования» вопроса об автономии. Это был первый шаг Запада по «умиротворению» Гитлера за счет Чехословакии.

«Урегулированию» судетского вопроса были посвящены переговоры чехословацкого правительства с Генлейном 17 мая. Стороны согласились, что предстоящие 22 мая выборы в Судетах будут муниципальными. С отчетом о содержании переговоров Генлейн поспешил к Гитлеру.

Пока готовилось «сближение» Чехословакии с Германией, Берлин поручил главе нацистов Генлейну спровоцировать в ближайшее время политический кризис, подняв вопрос о правах немецкого меньшинства в Чехословакии. Суть провокации сводилась к тому, что «судетско-немецкая партия должна выдвинуть требования, неприемлемые для чехословацкого правительства». Если Прага их примет, инструкция предписывала выдвигать новые претензии, которые не позволили бы урегулировать кризис.

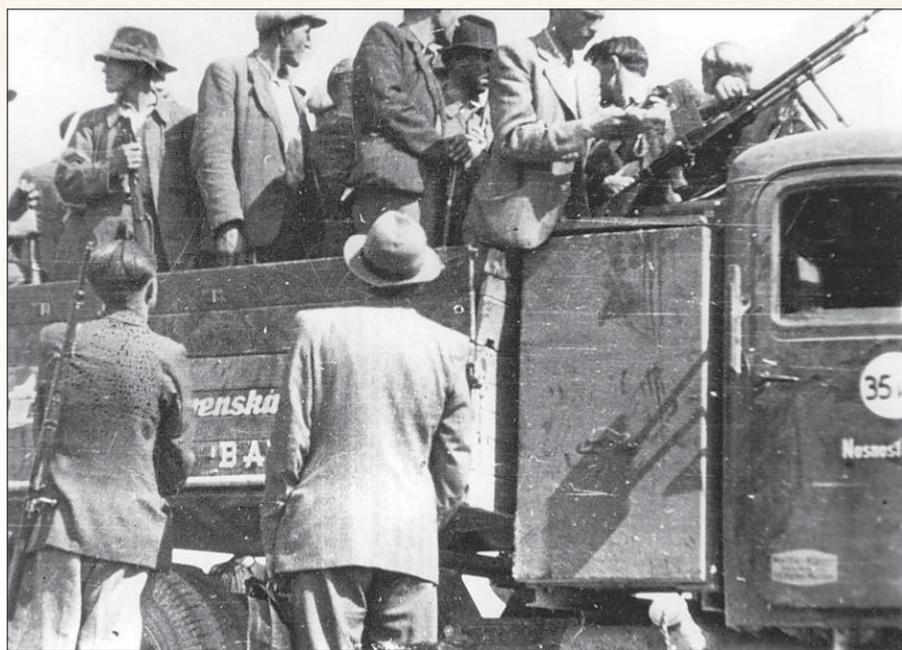
Назначенные на 22 мая 1938 года муниципальные выборы нацисты объявили, вопреки договоренностям с правительством, плебисцитом по вопросу присоединения Судетской области к Германии. Это была откровенная провокация. Действия генлейновцев на территории Судет сопровождалась скрытой концентрацией германских войск у чехословацких границ. Есть основание полагать, что на 22 мая германское руководство запланировало в пограничном районе путч и вооруженное вторжение на территорию Чехословацкой Республики в районе Судет.

Под давлением общественного мнения правительство Чехословакии срочно провело частичную мобилизацию. Под ружье было призвано около 180 тысяч резервистов. Войска заняли пограничные укрепления, предотвратив путч в Судетах и внезапное вторжение германских войск.

Правительство СССР еще 17 марта 1938 года, вслед за гитлеровским аншлюсом Австрии, решительно заявило о поддержке Чехословакии, если на нее нападет Германия, и предложило созвать международную конференцию о коллективных мерах по предотвращению агрессии. Несмотря на нараставшую опасность войны, правительства Англии, Франции и США так и не ответили на это предложение. Большое значение для исхода майских событий имела твердая уверенность чехов и словаков в помощи Советского Союза и Франции. Обе державы, если бы случилась германская агрессия, недвусмысленно подтвердили Праге свою готовность выполнить союзнические обязательства.

18 мая 1938 года президент Бенеш «в очень уверенном тоне» заверял полномочного представителя СССР в Чехословакии С.С. Александровского, что Чехословакия окажет решительное сопротивление в случае нападения на ее территорию. Бенеш в очень твердом тоне заявлял, что «он и весь чехословацкий народ поставят все на карту и будут драться за каждую пядь земли».

Гитлер вынужден был в мае 1938-го отвести войска от границ ЧСР и от-

▲ Мобилизация, 1938

ложить агрессию до подходящего времени.

12 июня 1938 года премьер-министр Франции Даладьё подтвердил ранее данные его предшественником обещания и заявил, что обязательства Франции в отношении Чехословакии «священны и от их выполнения уклониться нельзя». Однако немецкий фюрер уже давно не верил такого рода обещаниям западных держав, о чем он заявил узкому кругу высокопоставленных генералов на совещании в имперской канцелярии 5 ноября 1937 года. В протоколе этого совещания записано: *«Фюрер полагает, что с большой вероятностью можно утверждать: Англия, а предположительно также и Франция уже потихоньку списали Чехию со счетов и удовольствуются тем, что этот вопрос однажды будет решен Германией»*,

Неудача в мае подвигла фюрера на новое решение «судетской проблемы», о чем он объявил на совещании с высшим генералитетом. 30 мая 1938 года Гитлер утвердил план «Грюн» («Зеленый»). Согласно ему, военное нападение на Чехословакию планировалось не позднее 1 октября 1938 года. На разгром и оккупацию Чехословакии отводилось не более четырех дней.

Эта дата стоит того, чтобы ее запомнить. Она напомнит о себе при других обстоятельствах, только худших.

Демонстрируя непреклонность своих намерений, Гитлер распорядился ускорить сооружение западного вала, так называемой линии «Зигфрид», — системы укреплений, возводимых в 1935–1939 годах вдоль германской границы от Нидерландов до Швейцарии, предназначенных для защиты от Франции, протяженностью до 500 километров и в глубину от 35 до 100 километров. Она имела около 16 тысяч фортификационных сооружений. Ее строительство было призвано доказать «безнадежность» французской помощи Чехословакии. Работы велись не только днем, но и ночью при свете прожекторов. На строительстве было занято около 450 тысяч человек, ежеднев-

▲ Участок линии Зигфрида

но поступало восемь тысяч вагонов строительных материалов.

Германские дипломаты «доверительно» сообщили французам, что эти укрепления необходимы Германии, чтобы «обезопасить свой южный фланг» при конфликте с Чехословакией, а затем при ликвидации «советской угрозы». Западные державы не должны по этому поводу беспокоиться, так как «устраняя советскую угрозу, мы тем самым будем содействовать укреплению вашей безопасности».

От решения «судетской проблемы», как и при аншлюсе Австрии, «умиротворители» — правительства Англии и Франции — полностью отлучили Лигу Наций. С первых дней кризиса оба правительства делали вид, будто разговоры о гонениях против судетских немцев имеют основания, и рекомендовали Праге проявлять сдержанность и уступчивость. Под их давлением правительство Чехословакии признало нацистскую партию Генлейна «единственным законным представителем» судетских немцев и все лето 1938 года вело с ней бесплодные переговоры.

В Москве, зная действительное положение дел, жалобы судетских немцев расценили как лицемерие

и демагогию, а позицию «умиротворителей» — как большую ошибку.

Под давлением из Лондона и Парижа Прага согласилась принять основные пункты упомянутой выше «карлсбадской программы» генлейновцев, утвержденной на съезде 24 апреля 1938 года, и предоставить автономию Судетской области. По инициативе Великобритании, с согласия Парижа, в Прагу был направлен «независимый международный посредник» лорд Уолтер Ренсимен. Его поведение ничего общего не имело с действительным посредничеством. Этот «посредник» видел свою миссию в том, чтобы, угрожая чехословацкому правительству, заставить его принять все условия Гитлера, в противном случае Англия и Франция бросят Чехословакию на произвол судьбы. С согласия британского премьер-министра Чемберлена и французского премьер-министра Даладьё действия Ренсимена придали так называемому «судетскому кризису», являвшемуся внутренним делом Чехословакии, международный характер. Этого добивался Гитлер. Ренсимен намеревался склонить чехословацкое правительство к принятию исходившего от генлейновцев мнения, что «только уступка Судетской области Германии

▲ Морис Гамелен

▲ Чехословацкий пограничник

может заставить Гитлера отказаться от вторжения в Чехословакию».

Посредническая миссия английского лорда завершилась в духе политики «умиротворения» агрессора. Он полностью поддержал судетских нацистов. Ренсимен рекомендовал своему правительству «политику немедленных и решительных действий», а именно — «передачу Германии районов с преимущественно немецким населением». Эта рекомендация окончательно определила позицию английского правительства в «судетском кризисе», которую без колебаний поддержали французские министры.

С правительством Советского Союза ни англичане, ни французы не консультировались и не собирались это делать, несмотря на договоры о взаимопомощи между СССР и Францией от 2 мая 1935 года и между СССР и Чехословакией от 16 мая того же года. Не консуль-

тировались они даже с правительством Чехословакии и поставили его перед совершившимся фактом — «судетскую проблему» решали как часть общеевропейской, а не как внутреннее дело Чехословакии.

Враждебную Чехословакии политику «умиротворения» последовательно и безоговорочно поддерживало правительство США. Его дипломатия тоже велась в интересах Гитлера. США проявили заинтересованность в перекройке карты Европы при посредничестве «умиротворителей».

Но «умиротворители» продолжали свое черное дело. В этой связи представляет интерес записка генерала Мориса Гамелена, начальника Генерального штаба французской армии, подготовленная 9 сентября 1938 года. В преддверии «судетского кризиса» стратегически мыслящий Гамелен рассмотрел проблему «исчезновения Чехословакии полно-

стью» как государства, к чему клонили «умиротворители», и обосновал противоположный взгляд на истинное значение Чехословакии для стабильного положения в Европе. Генералу Гамелену было件件но, кто эти люди, что толкали человечество в пропасть роковой войны:

«Сохранение чехословацкого государства представляет, с точки зрения Франции, определенный интерес в случае военных действий в Европе.»

Уже своим местоположением Чехословакия действительно является препятствием для планов германской экспансии на Востоке и, кроме того, с точки зрения стратегической чехословацкая армия достаточно сильна, чтобы отвлечь на себя в Центральной Европе значительную часть германской армии, тем самым ослабив ее на других театрах военных действий.»

1. Чехословакия — препятствие для «Drang nach Osten» (натиск на Восток. — Авт.).

Оккупация Германией Богемии и Моравии привела бы к весьма значительному увеличению германского военного потенциала (захват заводов Шкода, заводов в Брно и т. д.).

Исчезновение Чехословакии полностью подготовило бы Германию к захвату сельскохозяйственных и промышленных богатств Венгрии и Румынии.

Более того, оно открыло ей проход к портам Черного моря; оно позволило бы ей создать исключительно благоприятную исходную «военную карту».

2. Чехословацкая армия в общей военной схеме Европы. Это единственная армия в Центральной Европе, которая заслуживает наименования «армия Запада»; она располагает как подготовленным личным составом, так и современным вооружением, созданным на отечественной территории.

Имея 17 пехотных дивизий, число которых может быть быстро удвоено, и 4 механизированные дивизии, она может вынудить ввести в действие на военном театре Богемия — Моравия минимум 15–20 германских дивизий.

Отсюда — соответствующее ослабление германских сил на Западном фронте, более надежная возможность для Франции принять необходимые меры по обеспечению безопасности и выигранное время для создания «коалиции». В то же время — более значительные для Германии трудности в распространении своего маневра на Запад (операции в Швейцарии, Бельгии или Нидерландах) и в создании других отдаленных театров военных действий (Испания, колонии и т. д.).

Такова роль Чехословакии с военной точки зрения.

Во всяком случае, сохранение чехословацкого могущества представляет первостепенный интерес для Франции, равно как и для Малой Антанты, и, можно даже утверждать, для Польши».

▲ Над планом захвата

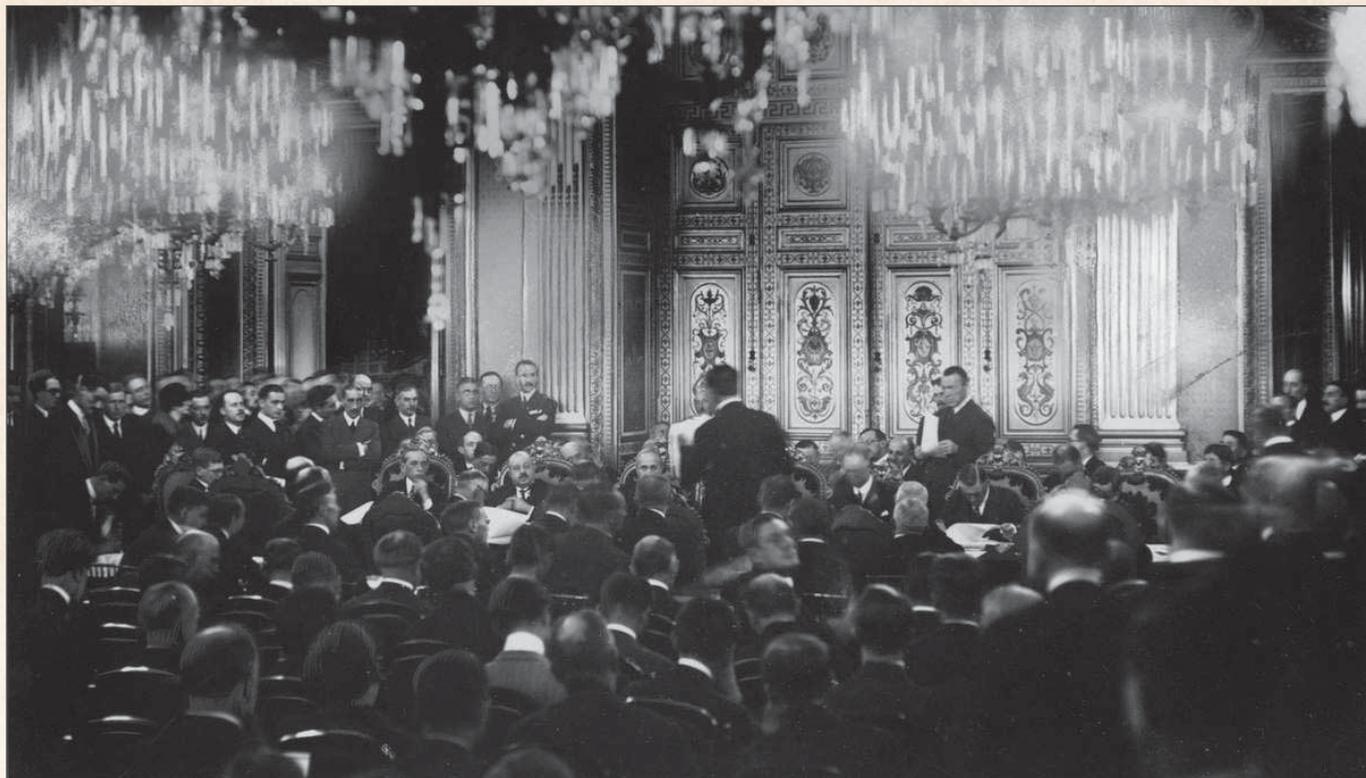
Начальник Генерального штаба французской армии генерал М. Гамелен, как видим, уверен, что Чехословацкая Республика способна отразить германскую агрессию. Не хотели этого знать французское и английское правительства.

12 сентября 1938 года на партийном съезде в Нюрнберге Гитлер призвал судетских немцев к вооруженному мятежу и обещал им поддержку. По его команде на другой день в Судетах начался вооруженный нацистский мятеж, продолжавшийся три дня, по 15 сентября. Правительство Чехословакии на этот раз проявило решительность: ввело чрезвычайное положение, запретило нацистскую партию и арестовало почти все ее руководство. Мятежники-нацисты получили достойный отпор и на время утихли. Генлейн бежал в Германию.

15 сентября 1938 года, в день подавления нацистского мятежа в Судетах, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен впервые прилетел в Германию на встречу с Гитлером в Берхтесгадене, его резиденции в Баварских Альпах. Здесь окончательно определилась позиция Чемберлена не только в «судетском кризисе», но и относительно судьбы Чехословакии. Он поддержал высказанные Гитлером требования и пре-

тензии. И, самое главное, Чемберлен согласился с фюрером, что «3 миллиона судетских немцев должны быть при всех обстоятельствах приняты в состав рейха». Фюрер заверил гостя, что «после этого больше не будет других территориальных требований, которые могли бы дать повод к конфликтам между Германией и другими странами». В свою очередь Чемберлен заверил Гитлера, что «Великобритания не заинтересована в судето-немецком вопросе». Далее Чемберлен сказал, что «он понял фюрера так что Чехословакия не может продолжать свое существование как своего рода копье, направленное во фланг Германии. Если же теперь судетские немцы будут приняты в состав германского рейха, то должна ли в этом случае оставшаяся часть Чехословакии рассматриваться также в качестве опасного острья, направленного во фланг Германии?» На этот вопрос фюрер ответил так, будто речь шла не о суверенном государстве, а о провинции: «Такое положение будет оставаться до тех пор, пока чехословацкое государство поддерживает союз с другими странами, что создает угрозу для Германии». Единственным таким союзником, вследствие

▲ Лига Наций

чего Чехословакия создает угрозу Германии, Гитлер назвал Советский Союз и потребовал расторгнуть советско-чехословацкий договор.

Все положения, высказанные Гитлером на этой встрече, Чемберлен включит в англо-французский ультиматум и 18 сентября в Лондоне обсудит его с французским премьером Даладье и министром иностранных дел Франции Бонне, чтобы совместно предъявить его правительству Чехословакии. Это произойдет 19 сентября 1938 года. Во второй половине этого дня оба посла, английский и французский, вручили президенту Бенешу совместную ноту, больше похожую на ультиматум правительству Чехословакии, с требованием передать Германии пограничные районы Чехословакии. Территория, подлежащая передаче, включала районы, где немцы составляли свыше половины населения.

Опасаясь народного возмущения, президент Бенеш не принял англо-французскую ноту.

Советский Союз не раз заявлял о своей готовности прийти на по-

мощь Чехословакии. И только в этот судьбоносный день, 19 сентября 1938 года, впервые за все время судетского кризиса, президент Бенеш запросил правительство Советского Союза, готово ли оно выполнить обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи. Ответ был положительный. Советское правительство заявило, что оно выполнит свой союзнический долг вместе с Францией, а также готово помочь Чехословакии и без Франции, если сама Чехословакия будет защищаться. Для этого Праге следовало обратиться в Лигу Наций с просьбой о применении статей 16 и 17 ее Устава, чтобы Совет Лиги Наций признал Германию агрессором.

Это условие, выдвинутое Москвой, было продиктовано тем, что у СССР с Чехословакией не имелось общей границы. Чтобы помочь своему союзнику, Красная Армия должна пройти через территорию Польши или Румынии, для чего требовалась санкция Лиги Наций. Если Польша во время судетского кризиса выступала как германский сателлит, то Румы-

ния, напротив, была заинтересована в сохранении независимости Чехословакии и при определенных условиях могла пропустить части Красной армии через свою территорию.

Но и на этот раз, снова полагаясь на Англию и Францию, правительство Чехословакии ничего не сделало, чтобы воспользоваться помощью Советского Союза. У президента Бенеша были какие-то другие соображения. Как оказалось, советско-чехословацкий договор он рассматривал не как средство обеспечения независимости своей страны, а лишь как выгодный козырь в рискованной дипломатической игре с западными державами. *«Отношения Чехословакии с Россией, — пояснял Эдуард Бенеш британскому посланнику 18 мая 1938 года, — всегда были и будут второстепенным фактором, зависящим от позиции Франции и Англии... Если Западная Европа потеряет интерес к России, Чехословакия также утратит к ней интерес».* Мысль о допуске советских войск для совместной обороны

страны Бенеш считал «ослоумием» и невообразимой глупостью.

У. Черчилль по этому поводу писал: *«Мне приходилось слышать утверждения, что в силу географических условий Россия не имела возможности послать войска в Чехословакию и что помощь России в случае войны была бы ограничена скромной поддержкой с воздуха. Согласно Румынии, а также в меньшей степени Венгрии на пропуск русских войск через их территорию было, конечно, необходимо. Такого согласия вполне можно было бы добиться, по крайней мере от Румынии, как указывал мне Майский, с помощью нажима и гарантий великого союза под эгидой Лиги Наций. Из России в Чехословакию через Карпаты вели две железные дороги: северная, от Черновцов, через Буковину, и южная, по венгерской территории, через Дебрецен. Одни эти железные дороги, которые проходят далеко от Бухареста и Будапешта, вполне могли бы обеспечить снабжение русской армии в 30 дивизий. В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним относились с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».*

Отклонение президентом Бенешем англо-французской ноты ультиматума не вразумило послов. В 2 часа ночи на 21 сентября они еще раз посетили президента Бенеша, чтобы повторно вручить ему все тот же ультиматум.

Послы уведомляли президента, что он не может надеяться на арби-

траж, предусмотренный Уставом Лиги Наций и германо-чехословацким соглашением 1925 года, и призывали его принять англо-французские предложения, *«прежде чем вызвать ситуацию, за которую Англия и Франция не могут взять на себя ответственность».* Французское правительство, как заметил У. Черчилль, *«достаточно стыдилось своего уведомления и предложило своему посланнику сделать его только в устной форме. Под этим нажимом чешское правительство приняло 21 сентября англо-французские предложения».*

В пять часов утра Бенеш согласился с ультиматумом послов.

Условия ультиматума — либо безоговорочная и немедленная капитуляция, либо Англия и Франция оставляют Чехословакию один на один с Германией — сломили волю к сопротивлению правительства Чехословацкой Республики. Оно убедилось, что Англия и Франция оставляют их страну один на один с Германией. Вслед за президентом дрогнуло и правительство Чехословакии. *«С горечью и прискорбием», «уступая непреодолимому давлению»,* — говорилось в его заявлении, — оно согласилось принять ультиматум Запада и отказалось от вооруженного сопротивления германскому агрессору. Отказ от сопротивления, от защиты Отечества оправдывался тем, что страна осталась якобы *«в полном одиночестве».* Руководители Советского Союза восприняли это заявление как злостную клевету, которая в очередной раз исходила из капитулянтских кругов в правительстве Чехословакии и имела цель подорвать советско-чехословацкий договор как опору независимости Чехословакии, уравнять его с теми, кто действительно предал Чехословакию, оставил ее *«в полном одиночестве»* перед лицом агрессора. Советский полпред в Праге заявил решительный протест по поводу инсинуаций пражских капитулянтов.

Волна демонстраций протеста прокатилась по Чехословакии. 22 сентября полномочный предста-

витель СССР в Чехословацкой Республике сообщал из Праги в Москву: *«В Праге проходят потрясающие сцены. Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции проходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют "Интернационал". В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком... Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть».*

После заседания вечером 21 сентября 1938 года правительство сообщило по радио о принятии плана двух держав, своих союзников. Униженное англо-французским ультиматумом, капитулянтское правительство Милана Годжи подало в отставку. Новое правительство возглавил генерал Ян Сыровы, тот самый, что командовал антисоветским чехословацким корпусом в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции в Советской России. Хотя новое правительство под давлением народных масс провело мобилизацию, но это была очередная маскировка национального предательства.

Тем временем «умиротворение» немецкого фюрера продолжалось. 22 сентября 1938 года Чемберлен прилетел в Годесберг, что в Рейнской области, на вторую встречу с Гитлером. Он известил фюрера, что западные державы добились от Праги согласия на передачу Германии Судетской области. Почувствовав себя хозяином положения, Гитлер потребовал немедленно установить новую границу Чехословакии.

— *Это ультиматум!* — воскликнул обескураженный Чемберлен.

— *Нет, не ультиматум. Это меморандум,* — издевательски возразил Гитлер. — *Но в случае невыполнения этих требований я буду вынужден искать военное решение вопроса.*

По мере того как западные державы проявляли уступчивость, притязания Гитлера увеличивались. Переговоры с Чемберленом продолжались и на следующий день, 23 сентября. Большую часть этого дня Чемберлен провел в ожидании, пока перед вечерним свиданием с фюрером ему вручат официальный немецкий меморандум с приложением карт тех территорий, на которые претендовал Гитлер. Чем закончилось последнее «умиротворение» Гитлера, рассказал Чемберлен сам. Дадим ему слово:

«Меморандум и карта были вручены мне при последнем свидании с канцлером, которое началось в половине одиннадцатого и продолжалось до глубокой ночи. Впервые в меморандуме был указан определенный срок. Ввиду этого я говорил очень откровенно. Я подчеркнул со всей возможной решительностью весь риск, сопряженный с настойчивым требованием подобных условий, а также страшные последствия войны в случае ее возникновения. Я заявил, что язык и тон этих докумен-

тов, которые я назвал скорее ультиматумом, чем меморандумом, глубоко шокирует общественное мнение в нейтральных странах. Я горько упрекнул канцлера за то, что он никак не откликнулся на мои усилия по сохранению мира.

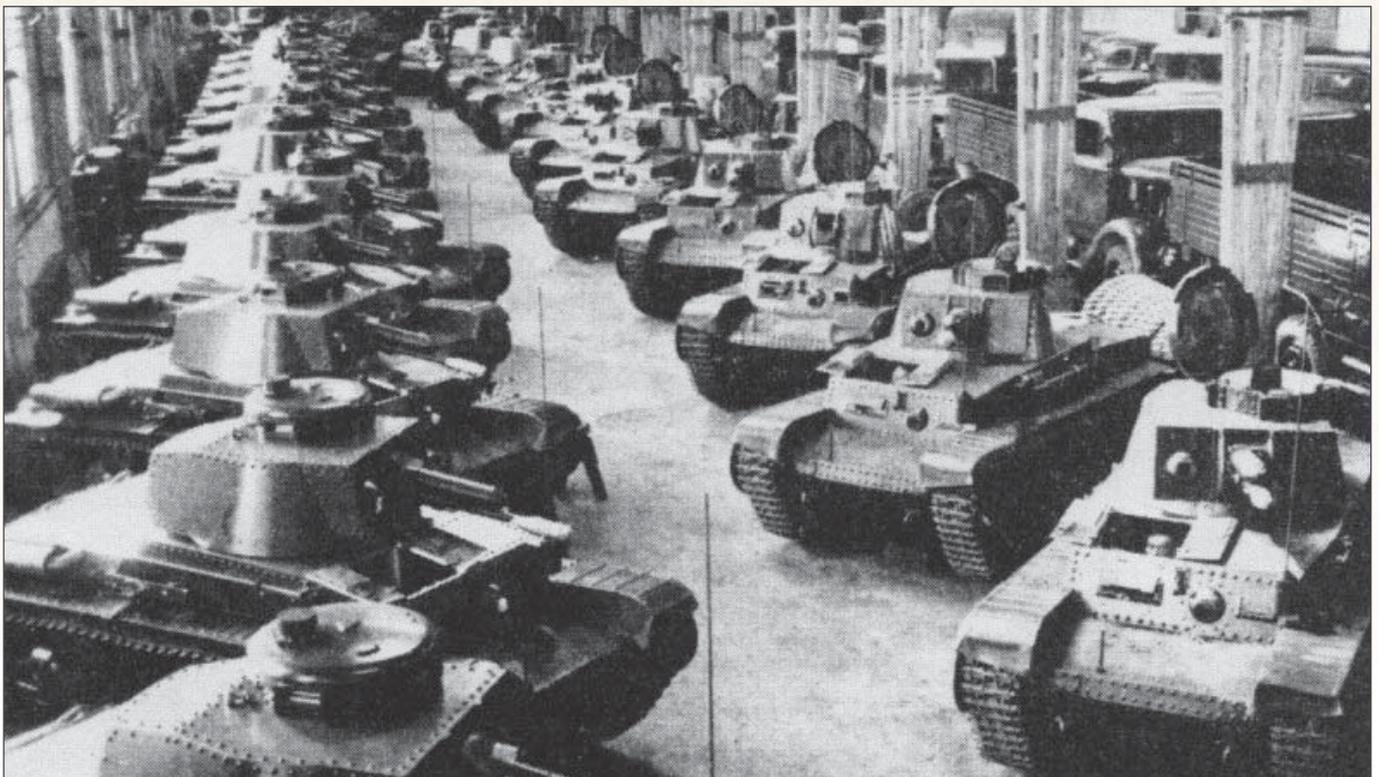
Я должен добавить, что Гитлер подтвердил со всей серьезностью сказанное им мне в Берхтесгадене, а именно, что это последнее его территориальное притязание в Европе и что у него нет желания включить в рейх народы других рас, кроме германской».

Однако Гитлер настроился на войну и намеревался захватить всю Чехословакию. На этот раз непомерная уступчивость Чемберлена подвигла на уступчивость и самого Гитлера. Теперь его новые притязания не выходили за границы тех районов, где немцы составляли меньшинство населения.

В тот же день, 23 сентября, еще не покинув Годесберг, Чемберлен спешно составил меморандум посланнику Чехословакии в Великобритании Я. Масарику. Он почти слово в слово повторял притязания Гитлера и основные положения будущего, подписанно-

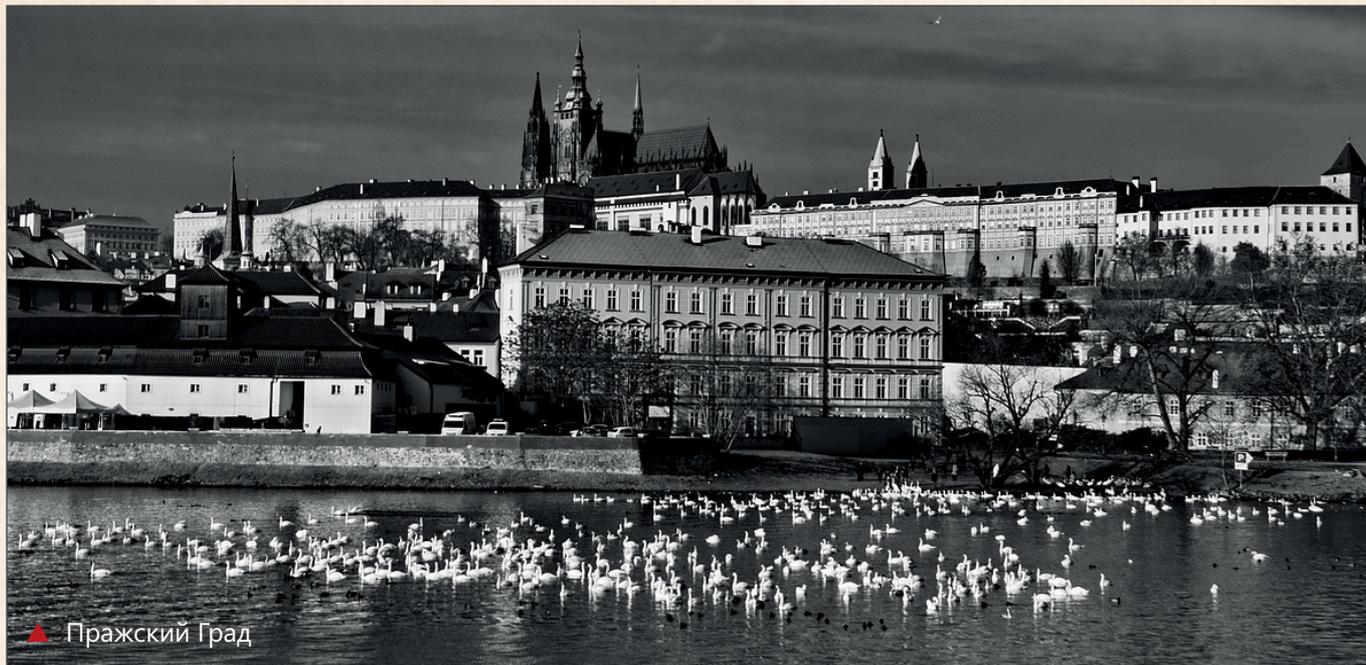
го 29 сентября в Мюнхене, соглашения. Провокационные оценки, касавшиеся положения судетских немцев, Чемберлен изложил в духе пропагандистских заявлений Геббельса. Меморандум поступил адресату 25 сентября, после возвращения Чемберлена в Лондон, где копировалась для Я. Масарика карта подлежащей отделению судетонемецкой территории. В меморандуме говорилось:

«Сообщения, поступающие ежедневно и во все возрастающем количестве относительно инцидентов в Судетской области, показывают, что сложившееся там положение стало абсолютно невыносимым для судетских немцев и, следовательно, представляет собой угрозу для мира в Европе. Поэтому необходимо, чтобы отделение Судетской области, на которое согласилась Чехословакия, было осуществлено теперь без дальнейшего промедления. На прилагаемой карте судетонемецкая территория, подлежащая отделению, окрашена в красный цвет. Районы, в которых, помимо территорий, подлежащих оккупации,

▲Заводы Шкода

должен быть еще проведен плебисцит, окрашены в зеленый цвет.

В целях обеспечения немедленного и окончательного решения судето-немецкой проблемы германское правительство предлагает следующее:

1. Вывести все чешские вооруженные силы, полицию, жандармерию, а также таможенных чиновников и пограничную охрану с территории, подлежащей эвакуации, как она обозначена на прилагаемой карте. Эта территория должна быть передана Германии 1 октября.

2. Эвакуированная территория должна быть передана в нынешнем состоянии. Германское правительство согласно на прикомандирование к штабу германских вооруженных сил полномочного представителя чешского правительства или чешской армии для урегулирования частных вопросов эвакуации.

3. Чешское правительство немедленно увольняет всех судетских немцев, служащих в вооруженных силах и в полиции по всей чешской государственной территории, и позволяет им вернуться домой.

4. Чешское правительство освобождает всех политических заключенных немецкого происхождения».

В ответной ноте Я. Масарика, направленной 25 сентября премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену, говорилось:

«Мое правительство уже изучило этот документ и карту. Это действительно ультиматум, который предъявляется побежденной нации, а не предложение суверенному государству, проявившему максимально возможную готовность принести жертвы в интересах мира в Европе. Правительство г-на Гитлера до сих пор не продемонстрировало ни малейших признаков подобной готовности к жертвам. Мое правительство крайне удивлено содержанием меморандума. Его предложения идут значительно дальше того, на что мы согласились в так называемом англо-французском плане. Они лишают нас всякой гарантии нашего национального существования. Мы должны уступить значительную часть наших тщательно подготовленных оборонительных укреплений и пустить германские войска в глубь территории нашей страны раньше, чем можем создать на новой основе или провести мероприятия по их защите. Наша национальная и экономическая независимость

с принятием плана г-на Гитлера автоматически перестанет существовать. Процесс перемещения населения должен быть сведен к паническому бегству тех, кто не принимает германский нацистский режим. Они должны оставить свои дома, не имея права даже взять с собой личные вещи, а когда касается крестьян, даже свою корову.

Мое правительство намерено заявить самым торжественным образом, что требования г-на Гитлера в их настоящей форме абсолютно и безусловно неприемлемы для моего правительства. Мое правительство считает необходимым этим новым и жестоким требованиям оказать самое решительное сопротивление, и с помощью бога мы это сделаем. Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов.

Мы полагаемся теперь на две великие западные демократии, пожеланиям которых мы следовали часто против собственного убеждения с тем, чтобы они были с нами в час испытаний».

По прошествии двух дней после встречи с Чемберленом в Годесберге гитлеровский ультиматум Чехословакии получил окончательное оформ-

▲ Людвиг Свобода

мление. Фюрер постановил: в субботу 1 октября 1938 года его войска вступят на соответствующие территории Чехословакии, если к 2 часам дня в среду 28 сентября он не получит согласия правительства Чехословакии. Судетская область должна быть очищена от чехов к 26 сентября. Гитлер соглашался совместно с Англией и Францией гарантировать новые границы Чехословакии.

Но расчленение Чехословакии Гитлер намеревался провести не в одиночку, как планировал прежде, а «коллективно», с учетом об-

щественного мнения, в компании с Польшей и Венгрией, к чему были предрасположены господствовавшие в этих странах режимы: в Польше — националистический и шовинистический, в Венгрии — фашистский режим М. Хорти. Миклош Хорти, связавший себя ранее с итальянскими фашистами, а позднее и с германскими нацистами, надеялся при их поддержке создать «Великую Венгрию», присоединив земли соседних государств — Чехословакии, Румынии, Югославии.

По приказу Гитлера 25 сентября 1938 года Германия, Польша и Венг-

рия блокировали железнодорожное, шоссе и телеграфно-телефонное сообщение с Чехословакией. Для связи с внешним миром у нее осталась железнодорожная ветка через Румынию.

Части вермахта подготовились к вторжению, назначенному на 1 октября.

Накануне надвигавшейся катастрофы — 19 сентября 1938 года — военный атташе Чехословакии в Берлине направил правительству донесение: *«С полным сознанием ответственности заявляю: никаких уступок с нашей стороны, надо стоять твердо!»* Так же, как и этот военный атташе, в Чехословакии были настроены многие.

Однако правительство Чехословакии не проявило решимости защитить суверенитет своей страны, хотя имело возможность дать достойный отпор агрессору. Реальное соотношение сил это позволяло. Чехословацкая армия была одной из лучших на Европейском континенте.

Генерал Людвиг Свобода, возглавлявший в годы Второй мировой войны чехословацкие воинские формирования на территории СССР, а позже министр национальной обороны и президент Чехословацкой Социалистической Республики, в своих воспоминаниях привел следующие сведения о состоянии обороны страны в 1938 году: *«Соотношение военных сил между Чехословацкой Республикой и Германией в 1938 году было следующим: 45 чехословацких дивизий против 47 нацистских (Германия в то время имела именно такое число дивизий...); 1582 чехословацких самолета против 2500 неприятельских: 469 наших танков против 720 фашистских: 2 миллиона обученных чехословацких воинов против 2200 немецких. Из этих данных даже неспециалисту ясно, что до двойного превосходства, необходимого для наступательной операции, агрессорам не хватало еще многого.*

К тому же наши пограничные укрепления были совершеннее хваленной немецкой линии Зигфри-

да или знаменитой французской линии Мажино.

Против наших крепостных сооружений оказались неэффективными даже мощные 210-мм гаубицы. Между прочим, вермахт имел их тогда всего лишь 23 штуки! Более того, после захвата пограничных районов с этими укреплениями не могли справиться и вражеские саперы. И хотя они начинили доты взрывчаткой, железобетонные блоки наших твердынь устояли даже при взрыве».

К этим сведениям следует добавить, что на вооружении чехословацкой армии находилось 5700 артиллерийских орудий различных калибров и другое необходимое вооружение. Ее развитая военная промышленность была готова поддерживать высокую боеспособность армии, если бы случилась война. А война в защиту Отечества, эта самая справедливая из всех войн, стала бы важнейшим вдохновляющим и мобилизующим фактором народной борьбы против иноземных захватчиков.

Когда последние дни мира были на исходе и стрелки часов приближались к отметке, за которой начинался отсчет военного времени, в Чехословакии прошла мобилизация

1 миллиона резервистов. Частичную мобилизацию в интересах сухопутной армии провела Франция, мобилизация во флоте прошла в Англии. У предавшей Чехословацкую Республику Франции стояло на границе с Германией 28 дивизий, не считая резервов в глубине страны.

В 1938 году гитлеровская Германия не имела возможности одержать военную победу над Чехословакией и ее союзниками. Тогда в своих действиях Гитлер исходил не только из военных расчетов, а и политических, зная, что Англия «списала Чехословакию со счетов» с самого начала, а военные действия Франции без поддержки Англии, — и это он тоже знал, — исключались. Гитлер был убежден, что руководители этих стран, как он скажет позднее на совещании командующих войсками вермахта 22 августа 1939 года, «мелкие черви. Я видел их в Мюнхене».

Немцы в Германии ликовали. Без войны и без крови, не потеряв ни одного солдата, Гитлер победил и Чехословакию, и Англию с Францией вместе. За шесть месяцев и без единого выстрела к Третьему рейху присоединились Австрия и Судетская область, территории с 10 миллионами жителей. Германии обеспечены

выгодные стратегические позиции в центре Европейского континента. Перед немецким фюрером склонились в послушании «западные демократии».

В ночь подписания мюнхенского соглашения начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) генерал Альфред Йодль в военный дневник внес запись: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше нет... Гений фюрера и его решимость не останавливаться даже перед угрозой войны вновь обеспечили победу без применения силы».

На судебном процессе в Нюрнберге в 1946 году тот же генерал А. Йодль заявил о неподготовленности Германии к крупномасштабной и затяжной войне в 1938 году. По поводу так называемой «линии Зигфрида», которая еще только строилась на рубежах предполагаемой обороны со стороны Франции, он сказал: «Было полностью исключено, чтобы пять германских кадровых дивизий и семь танковых дивизий могли бы устоять на линии укреплений, которая еще только строилась, перед натиском ста фран-

▲ Чешские танки

▲ В.М. Молотов в Англии

узских дивизий. С военной точки зрения это было невозможно».

На Нюрнбергском процессе представитель Чехословакии полковник Эгер спросил фельдмаршала В. Кейтеля: «*Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?*». Кейтель ответил: «*Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии*».

Имея современную боевую технику и оружие собственного производства, чехословацкий народ был способен отстоять независимость своей страны и нанести гитлеровским войскам серьезное поражение. Реальное соотношение сил это позволяло. Воины чехословацкой армии, как и большинство народа, хотели защитить свою страну.

Однако все произошло по худшему варианту. Президент Бенеш и его правительство не позволили чехословацким вооруженным силам предпринять хотя бы одну попытку сопротивления гитлеровской армии, лишенной в то время реального превосходства в силах и средствах.

Случилось небывалое в истории человечества предательство. Свою страну, свой народ, свою армию предало политическое руководство страны, возглавляемое президентом Бенешем. Под давлением Англии, Франции, Италии и США правительство Чехословакии послушно капитулировало. Смирилось и приняло все, что подготовили «умиротворители». В Мюнхене страны «западной демократии» упустили последнюю возможность остановить Гитлера и не допустить развязывания Второй мировой войны.

Между тем Советский Союз в соответствии с договором о взаимопомощи был готов поддержать Чехословацкую республику. С этой целью в боевой готовности находилась крупная группировка советских войск в составе одного танкового корпуса, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, одной мотострелковой и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов. В системе противовоздушной обороны их прикрывали 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков. Их обслуживали части боевого и тылового обеспечения. Более месяца советские войска пребывали у своей западной границы

в готовности к действиям по защите Чехословакии.

В Прагу прибыли советские авиационные специалисты и офицеры. Им предстояло руководить переброшенной парашютно-десантных частей и самолетов Красной Армии.

Лишь 25 октября 1938 года войска Красной Армии вернулись в районы своей постоянной дислокации.

Англия и Франция в 1930-е годы, в том числе в 1938-м и 1939-м, имели достаточно сил, чтобы выступить против Гитлера. Особенно значительным было их преимущество в военно-морских силах. Но их правительства имели иные замыслы. Если бы в то время случилась война, гитлеровская Германия не смогла бы защитить свои границы ни со стороны Чехословакии, ни со стороны Польши, ни со стороны Франции. С самого начала ей пришлось бы вести войну на два фронта: и на западе, и на востоке.

Общественное мнение в странах «западной демократии» пребывало в согласии с политикой «умиротворителей». Чтобы оправдать предательский сговор, среди населения Англии и Франции «умиротворители» нагнетали страх перед мнимой военной мощью Германии. Жители Лондона и Парижа, ожидая в ближайшие дни налеты немецких бомбардировщиков, начали эвакуироваться в безопасные районы. Когда же мюнхенские соглашения были подписаны и Чемберлен с Даладье вернулись домой, те же люди встречали этих предателей как героев, предотвративших войну.

Мало кто в странах «западной демократии» хотел конфликтовать с Гитлером из-за «какой-то Чехословакии». Фюреру это было известно. Аншлюс Австрии ему удался лишь с применением угрозы силой. Этот вариант он использовал и в отношении Чехословакии.

Проблема была в том, что ни Австрия, ни Чехословакия не имели большой ценности для «западных демократий». Более ясно, чем другие деятели, эту мысль высказал английский посол в Берлине Невиль Гендерсен. За полтора месяца до кон-

ференции в Мюнхене он написал своим руководителям в Лондоне: «Должны ли мы рисковать перспективой мира ради чувств к Чехословакии, которая в своем возникновении и благодаря всему своему существованию была ошибкой... Германские укрепления, будучи угрожающими для чехов, не внушают опасения для Запада. Они означают оборону с Запада и наступление на Востоке».

Западу требовалась Германия как «бастион против большевизма», а не «какая-то Чехословакия». «Западные демократии» давно уверовали, что сильная Германия повернет оружие против Советского Союза. Их восхищали и методы гитлеровской расправы с коммунистами и другими прогрессивными силами. Политика уступок агрессору («умиротворение») сопровождалась декларациями о мире, свободе, независимости и, конечно же, «демократии».

В критические дни кризиса Чемберлена и Даладьё поддержал Вашингтон. В ночь на 26 сентября президент США Франклин Рузвельт обратился к Гитлеру с личным посланием. Президент призывал его продолжать переговоры для достижения «мирного, справедливого и конструктивного решения спорных вопросов». По его мнению, вооруженный конфликт может привести к крушению буржуазного строя, **«социальная структура каждой вовлеченной в войну страны может полностью рухнуть»**.

Рузвельт предложил созвать конференцию заинтересованных государств, но — без участия Советского Союза.

Как только «умиротворитель» Чемберлен получил полное представление о содержании продиктованного Гитлером ультиматума, он без промедления направил фюреру личное обращение: **«...Я вполне уверен, что Вы можете добиться всех основных целей без войны и без промедления. Я готов сам немедленно приехать в Берлин, чтобы обсудить порядок передачи вместе с Вами и с представителями чешского правительства, а также, если Вы этого пожела-**

ете, с представителями Франции и Италии. Я убежден, что мы могли бы прийти к соглашению за одну неделю».

Чемберлен предложил Гитлеру созвать нечто похожее на большое международное совещание, участники которого по его — Чемберлена — замыслу, **«могли бы прийти к соглашению за одну неделю»**. О своем замысле, роковом для человечества, английский «умиротворитель» также спешно уведомил Муссолини. Он писал: **«Я надеюсь, что Ваше превосходительство сообщит германскому канцлеру о согласии быть представленным и призовет его принять мое предложение, которое спасет наши народы от войны»**.

Видимо, для того, чтобы подвигнуть Гитлера на участие в возможной встрече «представителей» Англии, Франции, Италии и Германии, вечером 27 сентября французский посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе получил из Парижа указание предложить Гитлеру еще один подарок — расширить территорию Судетской области, подлежащую немедленной германской оккупации. Когда посол излагал Гитлеру новые французские предложения, поступила телеграмма от Муссолини, извещавшая фюрера о согласии Италии участвовать

в совещании. Не медля, в три часа дня 28 сентября, Гитлер послал телеграммы Чемберлену и французскому премьер-министру Эдуарду Даладьё с предложением встретиться утром следующего дня в Мюнхене вместе с Муссолини.

Роковая для человечества конференция четырех держав прошла в Мюнхене 29–30 сентября 1938 года.

За одним столом с Адольфом Гитлером заняли места премьер-министр Италии Бенито Муссолини, премьер-министр Франции Эдуард Даладьё, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен. Два последних прибыли в Мюнхен без своих министров иностранных дел, без Жоржа Боннэ и без Эдуарда Галифакса. Так хотел Гитлер, чтобы четверо ведущих лидеров «западной демократии» решали судьбу Чехословакии наедине. Исключение делалось для Галеаццо Чиано, зятя Муссолини. Четверо премьеров обещали, говоря словами Чемберлена, **«прочный мир в Европе»**.

На деле открылись шлюзы для новой мировой войны.

Вместо обещанного мира и стабилизации эта четверка упрочила в Европе позиции гитлеровского рейха. Дестабилизация положения в Восточной Европе стала ближайшим результатом конференции в Мюнхене.

▲ Творцы мюнхенскогоговора — Муссолини, Гитлер, Даладьё, Чемберлен

Сговор в Мюнхене, этот венец политики «умиротворения», пропитанной антисоветскими (антироссийскими) замыслами, подвинул человечество к новой мировой войне.

Принятое конференцией чудовищное соглашение, а на деле смертный приговор Чехословацкой Республике, уместилось на двух машинописных страницах. Его основу составил «компромиссный проект», представленный Муссолини якобы от своего имени. В действительности германский МИД передал его в Рим по телефону. Поскольку все пункты соглашения состояли из требований гитлеровского ультиматума, заранее согласованного с Чемберленом и Даладье, обсуждать было нечего. Соглашение рассмотрели и подписали быстро. Конференция заняла всего несколько часов: с середины дня 29 сентября до двух часов ночи 30-го, включая перерыв на ужин.

Согласно принятым в Мюнхене решениям, расчлененная Чехословакия лишилась почти пятой части территории, на которой проживали 2,8 миллиона судетских немцев и 800 тысяч чехов, новая германская граница проходила в 40 километрах от Праги. Германии отошли важнейшие чешские оборонительные укрепления, в то время самые мощные в Европе. Чехословакия потеряла значительную часть своего экономического потенциала. По немецким данным, расчлененная страна теряла 66 процентов добычи угля, 86 процентов производства химической промышленности, 80 процентов производства цемента, 70 процентов выплавки чугуна и стали, 70 процентов выработки электроэнергии и 40 процентов деревообрабатывающей промышленности.

На оккупацию Судетской области отводилось десять дней, с 1 по 10 октября 1938 года. Окончательное определение новых границ Чехословацкой Республики поручалось международной комиссии из представителей стран — участниц мюнхенской конференции. При этом предусматривалось, что на оккупируемой гитлеровцами территории **«не будет произведено**

никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений».

В свою очередь, Гитлер обязался уважать неприкосновенность (!) новых границ Чехословацкого государства.

Не возражал против расчленения Чехословакии и президент США Франклин Рузвельт. Когда Чемберлен вернулся в Лондон, Рузвельт поздравил его телеграммой в одно слово: «Молодец!»

На конференцию в Мюнхене не был приглашен Советский Союз, хотя у него и с Францией, и с Чехословакией были договоры о взаимопомощи. Намеренно отстранив СССР от участия в судьбе Чехословакии, западные державы организовали вокруг Советского Союза опасную для него изоляцию. Их стараниями на востоке Европы, в непосредственной близости от советских границ, готовились радикальные геополитические изменения, угрожавшие Советскому Союзу: устранялись помехи на пути будущего агрессора, нацеленного в его сторону. Мюнхенские соглашения, заключенные за спиной СССР и против СССР, ставили его, как рассчитывали правящие круги Англии и Франции, под удар Германии.

В Мюнхен не пригласили ни президента Чехословакии Эдуарда Бенеша, ни главу правительства республики, ни министра иностранных дел ЧСР, хотя на конференции решалась судьба их страны. «Западные демократии» не хотели видеть и слышать тех, кто мог бы помешать планам Гитлера. Делалось все, чтобы деморализовать народ Чехословакии, лишить его истинных союзников и способности защищать свое Отечество.

Правительство Чехословакии уведомили о конференции вечером 28 сентября всего в нескольких словах, без приглашения для участия. Делегаты от Чехословакии Губерт Масаржик и посол Чехословакии в Берлине В. Маєтны прибыли в Мюнхен к середине дня. Дальше

прихожей их не пустили. Под надежной охраной в одной из комнат они ждали решения конференции. Выступления участников не стенографировались, сделка не подлежала огласке, велись только неофициальные записи.

Гитлер и Муссолини покинули заседание первыми, и объясняться с представителями от Чехословакии предстояло Чемберлену и Даладье. Но их обоим от тягостных объяснений избавило чехословацкое правительство. Масаржик и Маєтны в объяснениях не нуждались: они уже знали о согласии своего правительства по всем пунктам расчленения страны.

30 сентября 1938 года в 17 часов полномочный представитель СССР в Чехословакии С. С. Александровский телеграфировал в Москву: **«Бенеш просил меня поставить перед правительством СССР следующий вопрос. Великие державы, далее не спрашивая Чехословакию, позорнейшим образом принесли ее в жертву Гитлеру ради своих собственных интересов. Чехословакия поставлена перед выбором: либо начать войну, имея против себя Англию и Францию, либо капитулировать перед агрессором. Бенеш хочет знать отношение СССР к этим обеим возможностям как можно скорее и просит ответить часам к шести — семи вечера по пражскому времени».**

Прошло всего 45 минут, и Александровский прислал новое сообщение:

«Бенеш больше не настаивает на ответе на свой вопрос, потому что правительство уже вынесло решение принять все условия. Занятие Судетской области германскими войсками начнется завтра утром».

Совещание с членами правительства и военными

В тот вечер, 30 сентября 1938 года, у президента Бенеша прошло совещание членов правительства с армейским командованием по поводу решений в Мюнхене. Правительство Чехословакии приняло ультиматум западных держав и от сопротивления агрессору отказалось.

▲ Генерал Ян Сыровы

▲ Генерал С.Н. Войцеховский

Это значило, что у Мюнхенского соглашения появились два новых соавтора и подписанта — президент Чехословацкой республики Эдуард Бенеш и глава правительства Милан Годжа.

Не зря, не напрасно «западные демократии» так долго и терпеливо внушали незадачливым правителям, что, упорствуя из-за Судет, Чехословакия противостоит не только одной Германии, но и всему европейскому согласию, мировому общественному мнению.

Против решений Мюнхена, за вооруженное сопротивление расчленению страны на совещании у президента Бенеша высказались трое — начальник президентской канцелярии Прокоп Дртина, чехословацкий дипломат Яромир Смутный и русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский, ветеран Первой мировой войны, тот самый участник Белого движения в России, войска которого в июле 1918 года

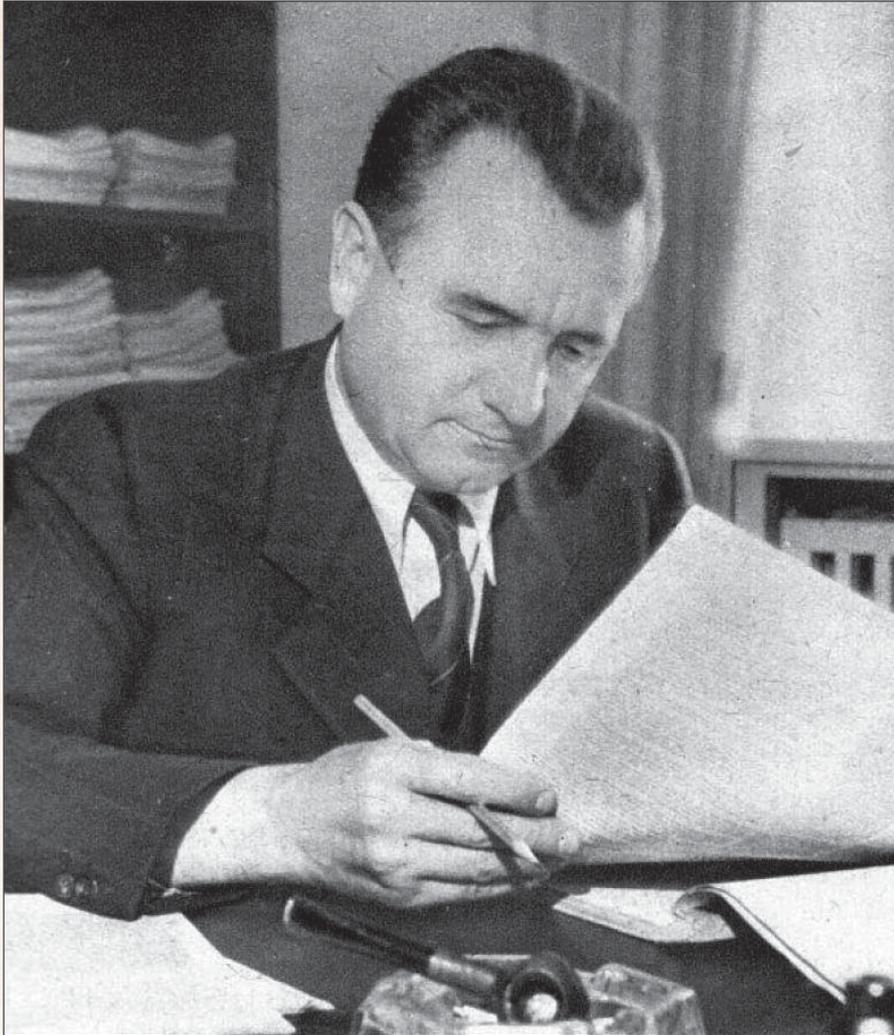
взяли Екатеринбург через несколько дней после расстрела бывшего русского царя и его семьи. Летом 1918-го Войцеховский командовал Челябинской группой мятежного Чехословацкого корпуса, в ноябре и декабре сражался под Бугульмой и Уфой, с января 1919-го командовал Уфимским корпусом и Уфимской группой войск, а с июля 1919-го — 2-й армией в войсках Колчака. После Гражданской войны Сергей Николаевич эмигрировал в Чехословакию.

На своей новой родине генерал Войцеховский участвовал в создании чехословацкой армии, возглавлял Пражский военный округ. Это под его руководством создавались укрепления в Судетах, сданные гитлеровцам без боя предателями Чехословацкой Республики.

Это только при взгляде на политическую карту Европы после аншлюса Австрии Чехословакия казалась беззащитной страной, окруженной Германией с трех сторон. На физиче-

ских картах ее положение представлялось иным. Страна была в кольце горных хребтов — Шумава, Чешский лес, Рудные горы, Судеты. И пройти их не всякий противник мог. С образованием государства Чехословакия позаботилась об укреплении своих границ. С учетом горного рельефа и современных средств фортификации была создана мощная линия укреплений, позволявшая дать отпор любому противнику того времени, в том числе германскому. Горные укрепления в сочетании с военнотехническим вооружением армии обеспечивали надежную оборону Чехословакии от гитлеровской агрессии. Германская армия не имела боевых средств, необходимых для прорыва укреплений в Судетах и на других направлениях. Не случайно же провалились намеченные на 22 мая 1938 года выборы в Судетской области, которые Генлейн потребовал засчитать как референдум о вхождении в Германию. Стоило

▲ Клемент Готвальд

тогда президенту Бенешу объявить частичную мобилизацию, как кризис прекратился, Генлейн сбежал в Германию, а придвинутые к Судетам гитлеровские войска оказались не у дел. «Пятая колонна» из судетских немцев Гитлеру не помогла.

Вместо ушедшего в отставку М. Годжи президент Бенеш поставил во главе правительства генерала Яна Сыровы, считавшегося квалифицированным военным специалистом. Народ воспринял его назначение как решимость правительства защищаться, полагаясь на него как на солдата, который без боя не сдаст Чехословакию. Армия заняла большинство укреплений вдоль границ еще раньше, полная решимости защитить страну.

Рано утром 30 сентября 1938 года главнокомандующий чехословацкой армией генерал армии Крейчи ультимативно заявил генералу Сыровы,

что если правительство примет мюнхенский диктат, то лично он и армия отвергнут его, будут оборонять Республицу, а командование не отдаст такого приказа, чтобы армия отступила от границ.

О событиях того дня впоследствии, с горечью в душе, рассказал Людвик Свобода. «И вдруг, — вспоминал он, — граждане Чехословакии услышали по радио заявление генерала Сыровы, сделанное от имени президента, то есть Верховного главнокомандующего, что сопротивление превосходящим силам противника бесполезно и что он, генерал Сыровы, глава правительства, не поведет народ на бойню!» Генерал говорил неправду. У Чехословакии было чем защищаться, превосходство в силах было на ее стороне.

Свое заявление генерал Сыровы еще раз повторил в Пражском граде перед десятью тысячами пражан.

Генералы и старшие офицеры, командующие армиями и командиры корпусов, собравшиеся в Ставке, с нетерпением ждали решения генерала Крейчи. Но и генерал Крейчи 30 сентября подчинился решению президента Бенеша и правительству. Генерал Крейчи приказал армии отступить от границ и без боя сдать приграничные районы.

Полковник Птак, казненный во время оккупации, в то время начальник оперативного отдела, в связи с капитуляцией Крейчи призвал присутствующих в Ставке генералов, чтобы кто-нибудь взял на себя функции главнокомандующего и отдал боевой приказ. Полковник Птак сказал, что нового командующего поддержит не только штаб, но и абсолютное большинство населения. Однако не нашлось ни одного генерала, который в эти роковые минуты решился бы взять на себя функции главнокомандующего.

Коммунисты Чехословакии оказались единственной партией, кто выступил против фашистского порабощения страны. Еще в апреле 1936 года на своем VII съезде Компартия Чехословакии выдвинула задачу создания антифашистского народного фронта страны во главе с рабочим классом, а во внешней политике требовала упрочения союза с СССР, утверждения принципов коллективной безопасности в Европе. Им в этом препятствовали все буржуазные партии, а также лидеры правых социалистов, имевшие влияние на значительную часть трудящихся.

По призыву КПЧ народные массы весной и летом 1938 года решительно протестовали против соглашательской политики буржуазии, надеявшейся на компромисс с нацистской Германией. На митингах и демонстрациях коммунисты выражали готовность с оружием в руках защищать независимость страны и требовали от правительства решительных мер по укреплению обороны государства, пресечения деятель-

▲ Юзеф Бек у Гитлера

ности нацистской агентуры. 11 июня в Праге прошла 50-тысячная демонстрация под лозунгом «Мы не сдадимся!». В начале августа в связи с приездом лорда Ренсимена прокатилась волна протестных демонстраций против вмешательства английского империализма во внутренние дела Чехословакии. Коммунистическая партия Чехословакии отвергла англо-французский диктат. «То, что сейчас советуют из Лондона, — заявил лидер КПЧ Клемент Готвальд 19 сентября в постоянном комитете Национального собрания, — по своим размерам нисколько не меньше того, чего можно было бы требовать от Чехословакии в случае проигранной войны... Независимость Чехословакии защищает тот, кто отвергает любое нарушение ее границ. Мы рассчитываем на то, что воля и решимость широких слоев народных масс Франции и Англии иные, чем у участников лондонского совещания. Мы знаем, что Советский Союз не будет колебаться в выполнении существующих договорных обязательств. Мы добровольно не дадим расчленивать республику. Если на нас нападут, мы будем защищаться. Если мы будем защищаться, мы не будем одиноки».

В своей последней парламентской речи К. Готвальд выразил гневный протест коммунистов Чехосло-

вакии: «Мы заявляем перед всем народом и перед всем миром, что правительство не имело ни конституционного, ни политического права капитулировать, Народ хотел бороться. Вся нация хотела всеми средствами защищать свою страну. Средства для обороны были...»

Договоренности с польским министром иностранных дел Юзефом Бекком об участии Польши в расчленении Чехословакии Гитлер достиг еще в январе 1938 года, во время пребывания Бека в Берлине. Чтобы

отвлечь Бека от мысли, что за оккупацией Чехословакии в очереди стоит Польша, Гитлер, как никогда рьяно, доказывал ему необходимость борьбы против «угрозы коммунизма». Гитлеровская уловка удалась. В мае 1938 года поляки сосредоточили у чешской границы в районе Тешина три дивизии и одну бригаду. Польский посол заверил американского посла во Франции Вильяма Буллита, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу, если он попытается направить войска через польскую границу для помощи Чехословакии, а советские самолеты, если они появятся над Польшей по пути в Чехословакию, тотчас будут атакованы польской авиацией.

Юзеф Бек, в прошлом полковник, а теперь министр иностранных дел, считал, что экспансионистские устремления Гитлера будут направлены не на восток, в сторону Польши, а на юг, то есть в сторону Чехословакии, и так далее. Его убеждала в этом продолжавшаяся германо-итальянская агрессия против Испанской республики.

В январе 1938 года Бек поставил в варшавском сейме вопрос о польском национальном меньшинстве в Чехословацкой Тешинской области, чем побудил их представителей в пражском парламенте выдвинуть

▲ Оккупация Тешинской области

▲ Польские войска в Чехословакии

требование «автономии», похожее на притязания судетских немцев из «пятой колонны» гитлеровского рейха. Эти акции означали прямую поддержку Гитлеру в его действиях по ликвидации Чехословакии. Бек даже надеялся в качестве награды за поддержку Гитлера в деле ликвидации Чехословакии, кроме Тешинской области, получить согласие фюрера на присоединение к Польше Словакии на основе федерации. Но Гитлер не поддержал этот план, так как на это направление были нацелены клещи его агрессии на юге.

Гитлер дал согласие на оккупацию Польшей Тешинской Силезии вместе с чехословацким железнодорожным узлом Богумин. Это была важная в экономическом и транспортном отношении часть Чехословакии. Фюрер не скупился. Он знал, что эти новоприобретения Варшавы он скоро отнимет.

30 сентября 1938 года, после подписания мюнхенского соглашения,

правительство Польши предъявило правительству Чехословакии ультиматум. Почувствовав на себе отблеск германского могущества, паны в грубой форме потребовали немедленно «принять до 12 часов дня субботы, 1 октября, территориальные претензии Польши в их совокупности». Тем временем в Польше, поддержанной Англией и Францией, шла «вербовка добровольцев» для «освобождения» территорий, на которые она претендовала.

2 октября 1938 года польские войска вступили в Тешинскую область и в Богумин. А накануне, 1 октября, войска вермахта начали оккупацию определенных в Мюнхене районов Чехословакии. Порядок передвижения немецких и польских войск согласовали Генеральные штабы обеих стран.

Не уступая в активности польским деятелям, в кампании по расчленению Чехословакии участвовали и соратники Гитлера из Венгрии. Они

претендовали на населенные венграми пограничные области Словакии и населенное русинами Закарпатье.

Под давлением Германии правительство Чехословакии

7 октября 1938 года признало автономию Словакии, а 8 октября предоставило автономию Закарпатской Украине. Так называемый Венский арбитраж при молчаливом согласии Англии и Франции 2 ноября передал Венгрии Южную Словакию. В феврале 1939 года Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а 11 апреля того же 1939-го вышла из Лиги Наций. За эти «отличия» Гитлер отдал ей в марте 1939-го Закарпатскую Украину, отторгнутую от Чехословакии.

После Мюнхена президентом расчлененной Чехословакии стал Эмиль Гаха, «президент Богемии и Моравии», по оценке У. Черчилля, «совершенно ничтожная личность».

5 октября 1938 года, отдав Чехословацкую республику на растерзание врагу, Бенеш ушел в отставку с поста президента и выехал (так и хочется сказать: сбежал) в США, а затем обосновался в Лондоне.

Позиционируя себя как главу «правительства Чехословакии в изгнании», добился аннулирования Мюнхенского соглашения. За послевоенной Чехословакией было признано право на послевоенное выселение с ее территории трехмиллионного немецкого «национального меньшинства».

В 1945 году для судетских немцев это обернулось «Голгофой». По некоторым данным, при их исходе погибло более 18 тысяч человек. По пути к границе изгнанники, случалось, ища спасения, обретали защиту... у советских солдат.

С тех пор много воды утекло и столько же пролилось крови, особенно русской.

16 мая 1945 года, спустя неделю после освобождения Праги советскими войсками, президент Бенеш вернулся в кабинет в Пражском граде. Кабинет был тот же, но страна была другая. Шесть лет она шла вместе с Гитлером, с его армией против Советского Союза. Население Праги

встретило бывшего президента восторженно, почти как героя, и три года Бенеш восседал в президентском кресле. Под руководством президента Бенеша началось строительство нового чехословацкого государства.

СССР не проявлял претензий по «чешскому арсеналу» германского вермахта. Но чехи ощущали комплекс своей вины. Поначалу они назойливо угождали Москве, о чем она не просила. Именно в Праге был возведен самый большой в мире памятник Сталину, открытый два года спустя после его кончины. И тихо его снесли, когда Никита Хрущев начал «критику культа личности».

В 1948 году при зыбком равновесии про- и антисоветских сил в верхах трудящиеся «низы» выбрали и обеспечили социалистический путь развития страны. В 1968 году антисоветизм, как и в 1938-м, возобладали и в верхах, и в низах. Была искусно раздута кампания по шель-

мованию всех, кто хранил верность СССР и социалистическому содружеству государств. Создалась угроза социалистическим завоеваниям в ЧССР и послевоенному устройству Европы. Тогда в чувство их привели советские войска и войска стран Варшавского договора.

Бегство Бенеша и президентство Гаха, расчленение Чехословакии резко изменили внутреннее и внешнее положение страны. Теперь судьба Республики во многом зависела от мюнхенского обещания Гитлера соблюдать границы новой Чехословакии. Прежние политические партии «самораспустились». В целях стабилизации обстановки дозволялось заново создать две партии — Партию национального единства и Национальную партию труда. Новая Чехословакия переходила на путь становления тоталитарного режима.

Аннексия Судет не «умиротворила» Гитлера. В Мюнхене он получил

лишь часть Чехословакии и вскоре выдвинул новый список претензий к Чехословакии. Как и прежде, поводом к продолжению агрессии послужили слухи о якобы преследовании немецкого и венгерского этнических меньшинств на урезанной территории Чехословакии. Всю «правду» об их невыносимом положении мир узнавал от ведомства Геббельса.

Лишенная укрепленных оборонительных рубежей расчлененная страна потеряла значительную часть своего оборонного потенциала. Возглавляемая правителями, склонными к предательству национальных интересов, Чехословакия, как и прежде, не могла достойно сопротивляться врагам. Англо-французские приверженцы политики «умиротворения» хотя и осуждали продолжение германской агрессии, но на деле, как и прежде, бездействовали. Их бездействие Гитлер воспринимал как одобрение своих действий.

▲ Парад захватчиков

Расчлененная Чехословакия оказалась один на один с агрессором, чьи силы после Мюнхена заметно возросли.

Советское правительство по собственной инициативе (уж в который раз?) 9 октября 1938 года запросило чехословацкое правительство, не желает ли оно получить гарантии новых границ и независимости со стороны СССР. Крупная группировка советских войск в составе 30 стрелковых дивизий, танковых и авиационных частей по-прежнему, вплоть до 25 октября, пребывала в выжидательном районе у западных границ с Румынией. Но и на этот раз последовал отказ Чехословакии от помощи Советского Союза. Правительство Чехословакии ссылалось на то, что этот вопрос могут решить только те державы, что подписали мюнхенское соглашение.

Аннексионистские действия Гитлера ввергли чехословацкое государство в жесточайшую политическую изоляцию, ее экономика, подчиненная интересам Германии,

переживала кризис. Армия была деморализована. Гитлер и начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель 21 октября 1938 года подписали директиву *«об оставшейся части Чехии»*. Директива предписывала рассчитать нападение так, *«чтобы лишить Чехию далее какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии»*.

Штаб Верховного главнокомандования (ОКВ) в середине декабря 1938 года получил приказ подготовить меры для оккупации всей оставшейся Чехословакии.

В подготовке условий для полного уничтожения Чехословацкого государства важную роль сыграла германская разведка. Для реализации ее замысла в Богемию и Моравию были заброшены отряды «свободного корпуса» Генлейна, многочисленные группы диверсантов и террористов. Под вывеской «центров

германской культуры» действовали нацистские агитаторы и пропагандисты, подготовленные ведомством Геббельса. Гитлеровские агенты проникли в важнейшие звенья государственного аппарата Чехословакии.

На этот раз поводом для операции против Чехословацкой Республики послужил внутривластный конфликт. Развязал его президент Э. Гаха, когда попытался покончить с угрозой словацкого сепаратизма. 10 марта 1938 года президент распустил автономное правительство Словакии, возглавляемое пастором Йозефом Тисо, идеологом и председателем клерикальной Словацкой народной партии. Смещенный со своего поста словацкий премьер Тисо получил из Берлина ультимативное указание фюрера: либо он, Тисо, объявляет Словакию самостоятельным государством, либо ее оккупируют германские войска. Пастор Тисо выбрал первое.

13 марта прошли подготовительные мероприятия, а 14-го провоз-

▲ Оккупация Чехословакии

▲ Эмиль Гаха у Гитлера

глашена независимость Словацкой Республики. В этот же день венгерская армия вторглась на территорию автономной Подкарпатской Руси и оккупировала ее.

В ночь на 15 марта в столицу Третьего рейха доставили президента Гаха. Не утруждая себя формальностями, Гитлер объявил ему о распаде Чехословацкого государства, вследствие чего Германия устанавливает протекторат над чешскими областями Богемией и Моравией, то есть фактически над всей территорией Чехии. Гахе вручили заранее подготовленный якобы от его имени документ, в котором говорилось, что чехословацкое правительство *«добровольно вручает судьбы этих областей в руки фюрера»*. Чтобы вывести президента из состояния невменяемости, Гитлер пояснил: *«Всякий пытающийся сопротивляться будет растоптан»*. После этой тирады Гитлер первым подписал документ и вышел. Гаха подписал документ после нескольких лечебных впрыскиваний.

Утром 15 марта немецкие войска вошли в Чехию, началась оккупация чешских земель, лишившихся еще в октябре 1938 года пограничных областей. На следующий день был принят закон о создании новой провинции германского рейха — «протектората Богемия и Моравия». Одновременно Германия взяла

под свою «защиту» Словакию. Она была отделена от Чехии и превращена в марионеточное государство — Словацкую Республику. Ее южная часть еще в ноябре была отдана Венгрии, стремившейся к союзу с Гитлером. В марте 1939 года Гитлер передал ей и Подкарпатскую (ныне Закарпатская). Украину Так в трехдневный срок без применения силы нацисты полностью уничтожили государство в центре Европы. Гитлер мог сделать это и ранее, не считаясь ни с Францией, ни с Англией, в чем убедил его опыт Мюнхена.

Когда 17 марта 1939 года в резиденции министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа появились иностранные послы, чтобы вручить официальные протесты своих правительств, их не приняли, то есть молча прогнали.

18 марта ноту протеста германскому послу в Москве направил народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов. Советское правительство с большой тревогой указало на масштабы опасности, которые принесла миру новая германская агрессия, и осудило агрессора.

Территория нацистской Германии в результате поглощения Чехословакии значительно расширилась. За счет Чехословакии возросла военная мощь Германии, еще более упрочилось ее стратегическое положение в Центре Европы. Теперь она

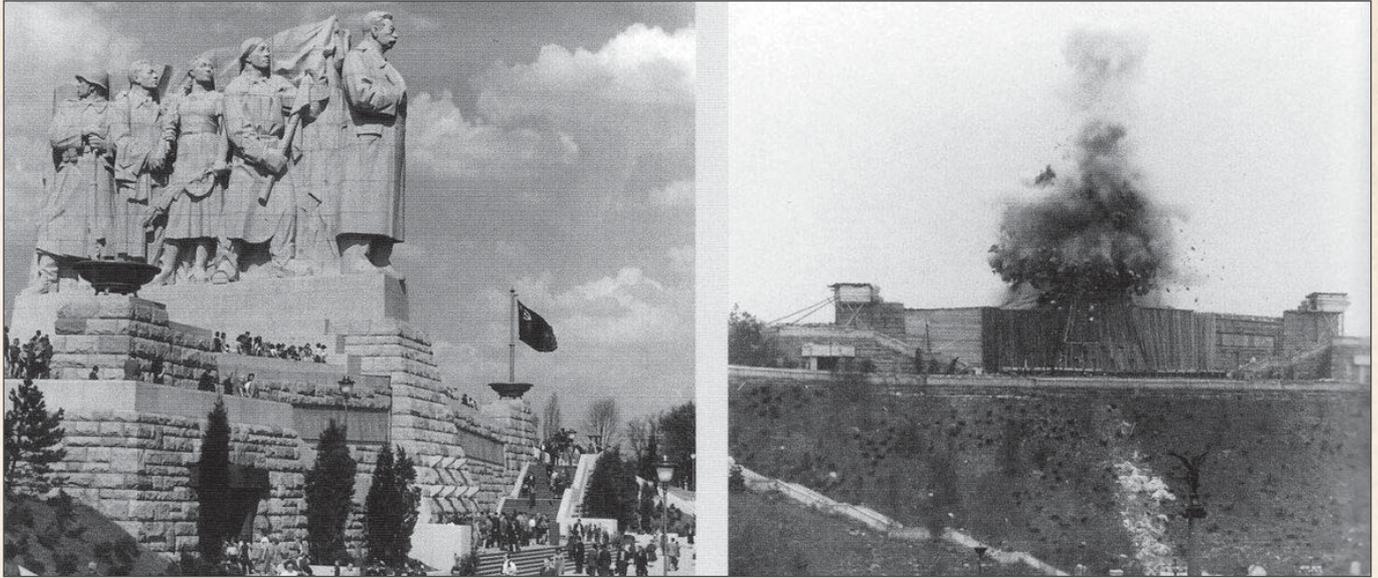
не нуждалась в каких-либо соглашениях с западными державами.

Германии досталась огромная военная добыча, какой прежде не имел ни один завоеватель. О том свидетельствует признание Гитлера, сделанное своему окружению 28 апреля 1939 года: *«Хочу, чтобы вы имели хотя бы некоторое представление о почти астрономических цифрах, которые дает нам этот международный арсенал (то есть Чехословакия. — Н. К.) расположенный в центре Европы. Со времени оккупации мы получили 1582 самолета, 581 противотанковую пушку, 2175 орудий всех калибров, 735 минометов, 468 тяжелых танков, 43 876 пулеметов, 114 тысяч пистолетов, 1020 тысяч винтовок, 3 миллиона гранат, миллиарды единиц огнестрельных боеприпасов»*.

Другая часть оружия и техники досталась армии Словацкой Республики, которая будет участвовать в агрессии против советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Чехословакия являлась крупнейшим в мире экспортером оружия и имела развитую базу для его производства. Только знаменитые военные заводы «Шкода» в Пльзене с августа 1938 года по сентябрь 1939-го выпустили почти столько же продукции, сколько все английские заводы за тот же период. В момент нападения на СССР четвертая часть немецких танковых дивизий была укомплектована чехословацкими танками. «Шкода» выпускала «немецкий» легкий танк Pz Kpfw-35. Другой знаменитый завод — «ЧКД-Прага» (в 1939 году немцы наименовали его «ВММ») — поставлял вермахту небольшой надежный и быстрый танк Pz Kpfw-38, лучший среди легких «немецких» танков. Сразу же после присоединения Чехии поступил заказ вермахта на 350 этих машин. А всего их было изготовлено 1411 штук. Чехословацкие заводы разработали самоходную «немецкую» установку «Мердер» и, по признанию специалистов, лучшую противотанковую самоходную установку «Хертцер», изготовленную в количе-

▲ Народ Чехословакии — своему освободителю. Памятник Сталину воздвигнут в 1955, взорван 7.11.1962 на 45 годовщину Великой Октябрьской Социалистичес. революции

стве 2584 штук.

Вся промышленность Чехословакии, включая крупнейшие оружейные заводы, в годы Второй мировой войны исправно обеспечивала потребности воюющей Германии, ее армии и флота. В связи с возраставшими потребностями Германии в оружии и боевой технике военное производство в бывшей Чехословакии расширялось. Соответственно увеличивалась и численность

работавших на ее заводах рабочих, техников, инженеров. В течение всех шести лет, пока длилась Вторая мировая война, оружие производилось безостановочно. Не состоялось ни одной забастовки, ни одного выступления протеста против войны, ни одной остановки какого-либо предприятия.

Чехи и словаки, наши братья-славяне, не только поставляли вермахту оружие, но и в составе германского

вермахта сражались против советского народа на фронтах Великой Отечественной войны — всюду, куда их посылало гитлеровское командование. За время войны 69 977 чехов и словаков воины Красной Армии взяли в плен.

Советский народ не корил братьев-славян за их прошлое. Незавидные страницы их сотрудничества с Гитлером не попали в советские учебники истории. Берегли память детей и внуков советских солдат! Ради, как многие годы мы заблуждались, братской дружбы. Но пришел 1968 год. И, словно сорвавшись с цепи, чехи и словаки бросились глумиться над памятью советских воинов, освободителей Чехословакии.

Аншлюс Австрии, сговор в Мюнхене, отторжение Судет, ликвидация Чехословацкого государства — все в течение одного года, без единого выстрела. Разве это не триумф?

Американский журнал «Тайм» назвал Адольфа Гитлера «Человеком 1938 года».

Через несколько месяцев, в следующем, 1939-м, «Человек 1938 года» свергнет человечество во Вторую мировую войну. ■

▲ Чехословакия 1939

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

ТРУБАДУРЫ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

▲ Панорама Львова

К концу XIX столетия Галицию стали называть «украинским Пьемонтом», уподобляя ее роль той, которую Сардинское королевство сыграло в объединении Италии. Несмотря на претенциозность, это сравнение оказалось, в какой-то степени, верным. С конца 70-х годов XIX века, Львов становится штаб-квартирой движения, а характер украинизма определяется галичанами. Здесь выдаются патенты на истинное украинофильство и здесь вырабатывается кодекс по-

ведения всякого, кто хочет трудиться на ниве национального освобождения. Широко пропагандируется идея национального тождества между галичанами и украинцами; Галицию начинают именовать не иначе, как Украиной. При советской власти, это имя столь прочно вошло в употребление, что только историки знают о незаконности такого присвоения. Если на самой Украине оно возникло лишь в конце XVI, в начале XVII века и до самого 1917 года жило на положении прозвища, не имея над-

жды вытеснить историческое имя Малороссии, то в Галиции ни народ, ни власти слыхом не слыхали про Украину. Именованье ее так начала кучка интеллигентов в конце XIX века.

Несмотря на все ее усилия, «Украина» и «украинец» дальше страниц партийной прессы не распространялись. Было ясно, что без чьей-то мощной поддержки чужое имя не привьется. Возникла мысль ввести его государственным путем. У кого она возникла раньше, у галицких украинофилов или у австрийских чи-

▲ Квитка-Основьяненко Г.Ф.

новников — трудно сказать. Впервые, термин «украинский» употреблен был в письме императора Франца Иосифа от 5 июня 1912 года парламентскому русинскому клубу в Вене. Но поднявшиеся толки, особенно в польских кругах, вынудили барона Гейнольда, министра внутренних дел, выступить с разъяснением, согласно которому термин этот употреблен случайно, в результате редакционного недосмотра. После этого официальные венские круги воздерживались от повторения подобного опыта. Только в глухой Буковине, откуда вести не проникали в широкий мир, завели, примерно с 1911 года, обычай требовать от русских богословов, кончавших семинарию, письменного обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем». Священникам, не подписавшим такого документа, не давали прихода.

В 1915 году, членам австрийского правительства представлена была записка, опечатанная в Вене в небольшом количестве экземпляров под заглавием «Denkschrift ber die Notwendigkeit ausschliesslichen Gebrauches des Nationalnamen 'Ukrainer'».

Австрийцев соблазняли крупными политическими выгодами, могущими последовать в результате переименования русинов в украинцев. Но имперский кабинет не прельстился такими доводами. Весьма возможно, что на его позицию повлияло выступление знаменитого венского слависта академика Ягича. «В Галиции, Буковине, Прикарпатской Руси, — заявил Ягич, — эта терминология, а равно все украинское движение, является чужим растением, извне занесенным продуктом раздражения... О всеобщем употреблении имени «украинец» в заселенных русинами краях Австрии не может быть и речи;

даже господа подписавшие меморандум едва ли были бы в состоянии утверждать это, если бы они не хотели быть обвиненными в злостном преувеличении».

Другая подобная же попытка относится к 1923 году, когда Галиция находилась в составе возрожденного польского государства. Исходила она от Наукового Товариства им. Шевченко во Львове, которое особым меморандумом просило отменить запрет, наложенный кураторией львовского учебного округа на названия «Украина» и «украинец» в отношении Галиции и русинов. Демарш этот, так же, как в 1915 году, никакого успеха не имел. Утвердили и узаконили за Галицией название Украины большевики, в 1939 году, после присоединения к СССР. Они еще задолго до захвата Галиции начали именовать ее «Западной Украиной», что оказалось чрезвычайно удобным с точки зрения последователя «воссоединения».

Но не только по именам, а и по крови, по вере, по культуре, Галиция и Украина менее близки между собой, чем Украина и Белоруссия, чем Украина и Великооруссия. Из всех частей старого киевского государства, Галицкое княжество раньше и прочнее других подпало под иноземную власть и добрых 500 лет пребывало под Польшей. За эти 500

лет ее русская природа подверглась величайшим насилиям и испытаниям. Ее колонизовали немецкими, мадярскими, польскими и иными нерусскими выходцами. Особенно жестоким был их наплыв при Людовике Венгерском, когда Галиция (Червоная Русь) отдана была в управление силезскому князю Владиславу Опольскому, человеку совершенно онемеченному. Он роздал немцам и венграм множество урядов, земельных владений, населил ими русские города, развил широкую сельскую колонизацию, посадив на галицийские земли немецких крестьян, дав им важные льготы по сравнению с коренным населением. Пусть не этим «привилегированным» удалось онемечить галицийцев, а сами они руссифицировались, но с тех пор в жилах галичан течет немало чужой крови.

К расовым отличиям надлежит прибавить отличия религиозные. Галиция первая из древних русских земель отступила от православия и приняла Унию.

Наконец, язык ее совсем не тот, что в Надднепрянщине. Даже наспех созданная «литерацка мова», объявленная общеукраинской, не способна скрыть существования двух языков, объединенных только орфографией.

Это нетрудно установить, положив книжки Квитки-Основьяненко, Шевченко, Марко Вовчка рядом с произведениями Вагулевича, Гушалевиича, Ивана Франко и других галицийских писателей. До последней четверти XIX века, ни галицийская литература на Украине, ни украинская в Галиции — не были известны. Взаимное ознакомление началось после того, как возникло общеукраинское движение. Только тогда в Галиции стали популяризировать Шевченко, а на Украине русинских авторов.

Известный историк литературы А.Н. Пыпин в свое время писал: «Галицийской литературе не принадлежат произведения той нашей литературы малорусской, которая развивалась уже в периоде разделения западного и восточного края южной Руси, под влиянием жизни и образованности общерусской. На-

чиная с Котляревского и даже еще раньше, условия нашей малорусской литературы были уже иные, чем условия книжности галицко-русской, и произведения малорусские усваиваются галичанами опять с известной долей искусственности». То же утверждает и Драгоманов, полагающий, что галицкую и украинскую литературы «треба вважати, коли не за зовсим окремы, то же дуже одмінны одна вид другой».

Нельзя забывать и о школе. Украина училась в общерусских школах, читала русские книги и впитывала русскую образованность, Галиция училась по-польски, а потом, в XIX веке, по-немецки. Несмотря на сильное развитие руссофильства, во второй половине XIX века, каждый образованный галичанин гораздо меньше имел понятия о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Гончарове, Толстом, Достоевском, чем о Мицкевиче, Словацком, Выспяном, Сенкевиче. Замечено, что даже сведения о России и Украине почерпались галичанами, чаще всего, из немецкой печати. Удивительно ли, что ко многим

вопросам кардинальной важности украинцы и галичане относились и относятся по-разному? Трудно, например, найти образованного украинца, который бы порицал князя Владимира Святого за насаждение на Руси византийской культуры. Для галичан это одиозная личность. Он для них, прежде всего, не «святой», а только «великий», а историческая его миссия всячески осуждается: он дал Руси не ту веру и не ту культуру, которую следовало бы...

«Лихий вплив (влияние) православно Царьгороду не дав нашим силам сконсулидуватися, викликував революції, деморалізував тим самим населення». Так писал отец Степан (С. Шавель) в канадской газете «Українські Вісті». Царьград и Москва — два злых гения. «Москва вчила нас, як бунтуватися проти гетьманів, Царьгород бунтував одного князя проти другого. Ни вид Москви, ни вид Царьгороду ничего доброго ми не навчилися, бо сами вони ничего доброго не посадили. Ни Царьгород, ни Москва не посадили принципів на яких моглаб

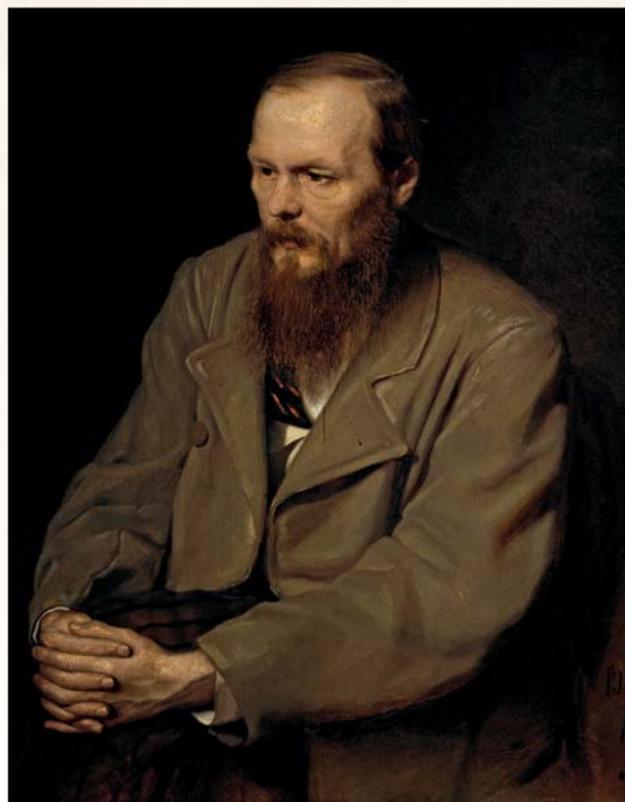
була розвинути українська культура». Галичане не любят культурного прошлого южной Руси. Нелюбовь эту можно встретить не только в писаниях простого униатского священника, но на страницах ученых произведений галицийских профессоров, вроде Омельяна Огоновского.

***

С тех пор, как после раздела Польши Галиция перешла под власть Австро-Венгрии, она представляла глубокую провинцию, где племя русинов или рутенов, как его называли австрийцы, насчитывавшее в XIX веке менее двух миллионов душ, жило вперемежку с поляками. Преобладающее, попросту говоря, господствующее положение принадлежало полякам. Они были и наиболее богатыми, и наиболее образованными; представлены, преимущественно, помещиками, тогда как русины почти сплошь крестьяне и мещане. Драматический момент во взаимоотношениях между Русью и Польшей заключается в том, что там, где эти две народности тесно сожительствовали

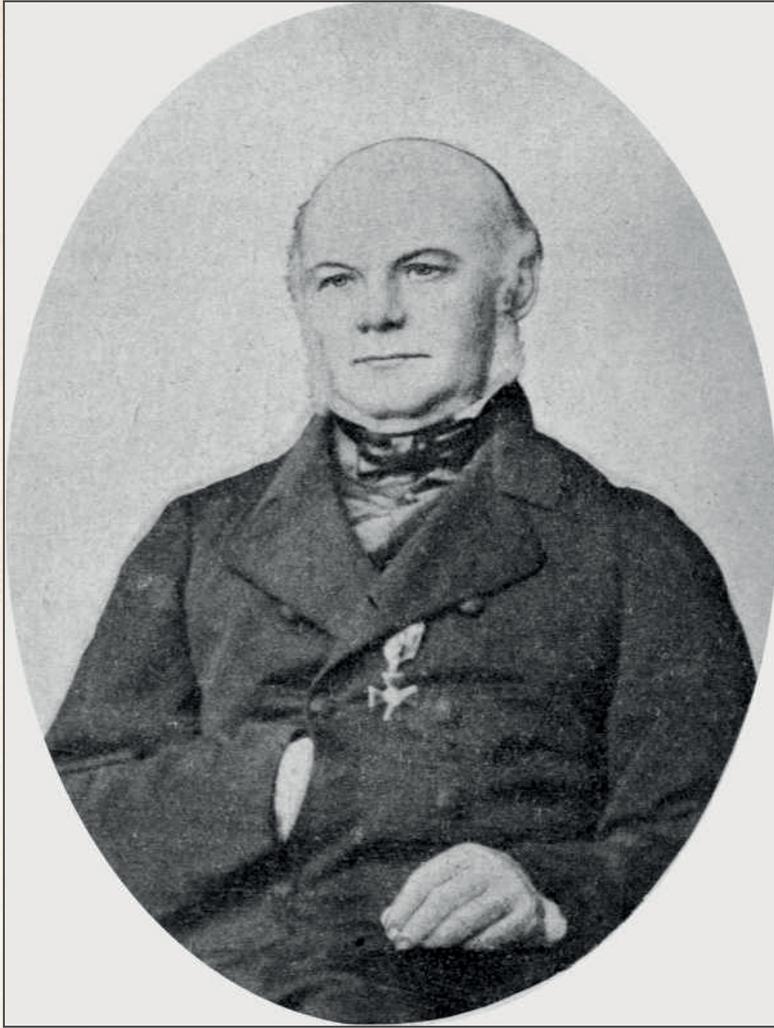

▲ Мицкевич Адам

▲ Достоевский Ф.М.

▲ Головацкий Я.Ф.

друг с другом, первая всегда находилась в порабощении и в подчинении у второй. Русинская народность стояла накануне полной потери своего национального обличья. Все, что было сколько-нибудь интеллигентного и просвещенного (а это было, преимущественно, духовенство), говорило и писало по-польски.

Для богослужбных целей имелись книги церковнославянской печати, а все запросы светского образования удовлетворялись исключительно польской литературой. Путешественники, посещавшие Галицию в 60-х годах XIX века отмечают, что беседа в доме русинского духовенства, во Львове велась не иначе, как на польском языке. И это в то время, когда в Галиции появились признаки «пробуждения» и начали

говорить о создании собственного языка и литературы. Что же было в первой половине XIX столетия, когда ни о каких национальных идеях помину не было? Лучше всего об этом рассказывают сами галичане. Перед нами воспоминания Якова Головацкого — одного из авторов знаменитой «Русалки Днестровой». Он происходил из семьи униатского священника и признается, что отец с матерью всегда говорили по-польски и только с детьми по-русски. Отец его читал иногда проповеди в церкви «из тетрадок писанных польскими буквами». «В то время, говорит Головацкий, — почти никто из священников не знал русской скорописи. Когда же отец служил в Перняках, и в церкви бывала графиня с дворскими паннами, или

кто-нибудь из подпанков, то отец говорил проповедь по-польски». Самого Головацкого отец учил грамоте «по печатному букварю церковнославянской азбуке — то называлось читати по-русски, но писати по-русски я не научился, так як ни отец, ни дьяк не умели писати русскою скорописью». Тот же Головацкий рассказывает эпизод из времени своего пребывания во львовской семинарии. Власть польского языка и польской культуры выступает в этом рассказе с предельной выразительностью. «Пасторалисты дали себе слово не говорить проповедей, даже во львовских церквах иначе, только по-русски. Плешкевич первый приготовил русскую проповедь для городской церкви, но подумайте, якова была сила предубеждения и обычая! Проповедник вышел на амвон, перекрестился, сказал славянский текст и, посмотрев на интеллигентную публику, он не мог произнести русского слова. Смущенный до крайности, он взял тетрадку и заикаясь переводил свою проповедь и с трудом кончил оную. В семинарии решили, что во Львове нельзя говорить русских проповедей, разве в деревнях».

Таких случаев робости было не мало. Когда Добрянский составил для своих слушателей грамматику старославянского языка, он издал ее (в 1837 году) по-польски, и только в 1851 году вышла она в русском переводе по просьбе «собора ученых русских», собравшегося во Львове в 1848 году. Статья его о введении христианской веры на Руси тоже напечатана была по-польски (в 1840 году) и потом уже по-русски (1846).

Ни о каком знакомстве с русской литературой говорить не приходится. Русские книги знакомы были немногим находившим их лишь в больших библиотеках, либо получавшим по знакомству из России от Погодина и Бодянского. То же и с малороссийской книгой. Несмотря на то, что нарождавшаяся украинская литература имела к тому времени, кроме Котляревского, Гребенки, Гулака, также Квитку, Кулиша и Шевченко, она не была известна в Галиции. Знаком-

ство с нею состоялось значительно позднее, в результате долгих усилий общеукраинских деятелей. Русинское самосознание спало глубоким сном и народ медленно, но неуклонно вrostал в польскую народность.

Здесь не место рассказывать, как произошло его национальное пробуждение. Тут и неизменные собиратели народных песен — Вацлав Залесский, Лука Голембиевский, Жегота Паули (все сплошь поляки); тут же и знаменитая «Русалка Днестрова» — первый литературный сборник на русинском наречии, вышедший в 1837 году.

Важно — что это было за пробуждение? Ответ дан давно, о нем можно прочесть даже у Грушевского.

Пробуждение было русское.

Во всех австро-венгерских владениях, населенных осколками русского племени — в Галиции, в Буковине, в Угорской Руси — национальное возрождение понималось как возвращение к общерусскому языку и к общерусской культуре. Затираемое поляками, венграми, румынами, немцами, население этих земель стихийно тяготело к России, как к своей метрополии. Совершенно гипнотизирующее действие произвело на него движение сотысячной армии генерала Паскевича в 1849 году, шедшей на подавление венгерского восстания. Она не только ослепила его своей мощью и окружила образ России нимбом непобедимости, но простой народ, живший в деревнях и местечках, был глубоко взволнован тем, что вся эта армада говорила на совершенно понятном, почти местном языке. Для угорских русин, пришествие русских было величайшим торжеством.

Придавленные мадыарским засильем, они видели в Паскевиче своего освободителя. Среди них давно уже началось брожение против мадыар, и один из деятелей этого движения — Адольф Добрянский, вынужден был даже бежать в Галицию, где его застал приход русской армии. Добрянскому удалось добиться назначения его императорским австрийским комиссаром при русской армии, в каковом звании он

и прибыл к себе на родину. По его инициативе была послана в Вену депутация с изложением национальных нужд угорских русинов — с просьбой о выделении их земель в особые «столицы», с учреждением в них местной русинской администрации и русского языка в управлении и в школе. Просили даже основать в Унгваре (Ужгороде) русскую академию. Император, напуганный венгерским восстанием и видевший, в тот момент, в русинах своих естественных союзников, на все отвечал согласием. Добрянский был назначен «над-жупаном» (наместником) четырех столиц, учредил русскую гимназию, завел делопроизводство на русском языке и широко повел распространение в крае русской

культуры. Ни малейших колебаний в выборе между неразвитым местным наречием и русским литературным языком не существовало. Закарпатская Русь с самого начала встала на путь общерусской культуры. То же наблюдалось в более глухой, неразвитой Буковине, совсем лишенной собственной интеллигенции.

Но продолжался этот ренессанс недолго. Как только венгерское восстание кончилось, как только австрийское правительство помирилось с мадыарами и венгерская аристократия снова приобрела влияние в государственных делах, началось преследование всего русского. Сам Добрянский был устранен, а местная интеллигенция подверглась гонению.

▲ Погодин М.П.

▲ Пушкин А.С.

Что же касается Галиции, то там произошло подлинное чудо. Несмотря на многовековое вытравливание всякой памяти о ее русском прошлом, несмотря на усиленную иноземную колонизацию, в ней восторжествовало руссофильство. Хотя там сделана была попытка разработки местного наречия, но никто иной, как сам Яков Головацкий, инициатор этого дела, пришел к заключению о ненужности таких опытов, при наличии развитого русского языка.

Для него, как и для подавляющего большинства культурных галичан, выбор предстоял не между местным русинским наречием и русским языком, а между польским и русским. Галичанин должен быть либо поляком, либо русским среднего нет. Стали издаваться газеты на русском языке. Одной из них, «Слову», вы-

пала роль столпа, вокруг которого стали собираться все «москвофилы». Редактировал ее Яков Головацкий. Разумеется, язык как этой, как и других газет оставлял многого желать с точки зрения русской грамотности, но редактора и писатели старательно работали над овладением ею. В Дзедзицкий выпустил брошюру: «Как малороссу в один час научиться говорить по-русски». Еще в 1866 году в «Слове» появилась статья, рассматривавшая русинов и русских как один народ и доказывавшая, что между украинцами и великороссами нет никакой разницы. Вся Русь, по словам газеты, должна употреблять единый литературный русский язык. Статья эта сделалась как бы манифестом «москвофилов». Кроме Якова Головацкого, к ним примыкало немало видных людей, из коих необ-

ходимо особо упомянуть Наумовича, бывшего сначала польским патриотом, а потом прошедшего тот же путь, что и Я. Головацкий через увлечение галицийским народничеством к москвофильству.

Причины подобного тяготения к России в стране, где польское просвещение, польский язык сделали такие успехи и где интеллигентный слой людей представлен исключительно униатским духовенством, были бы необъяснимы, если бы не церковнославянский язык. Униатская Церковь служила на этом языке, и он-то спас галичан от окончательной колонизации. Он постоянно напоминал о едином русском корне, о прямой преемственности русского литературного языка с языком Киевской Руси. Вот почему вожаки украинства так ненавидели и ненавидят «церковнославянщину».

Москвофилы не ограничились пропагандой русского языка и культуры, но начали проповедь полного объединения Галиции с Россией, по каковой причине их прозвали также «объединителями». Они завели связи с русским образованным обществом, главным образом через М. П. Погодина, выпускали русские книги, издали сочинения Пушкина, а в конце 90-х годов во Львове образовалось литературное общество имени А. С. Пушкина. Инициаторы движения, вроде Головацкого, Плещинского, Наумовича, до такой степени прониклись сознанием необходимости слияния русин с русскими, что сами, впоследствии, переселились на жительство в Россию, где продолжали заниматься научно-литературной деятельностью.

Сколь велико было руссофильство галичан во второй половине XIX века, свидетельствует «сам» Грушевский. «Москвофильство, — по его словам, охватило почти всю тогдашнюю интеллигенцию Галиции, Буковины и закарпатской Украины». Другим свидетельством может служить деятельность Драгоманова. Сам он, хоть и не проживал в Галиции (за исключением короткого времени), но следил за ней внимательно, и когда убедился во всеобщих симпа-

тиях к России, стал через своих друзей и единомышленников учреждать в Галиции русские библиотеки и распространять русскую книгу. «Смело могу сказать, говорил он впоследствии, — ни один московский славянофил не распространил в Австрии столько московских книг, как я, 'украинский сепаратист'». Преследуя, в первую голову, задачу социалистической пропаганды и просвещения, и не будучи узким националистом, он понял, на каком языке можно успешнее всего добиться результатов в этом направлении. В 1893 году он обращал внимание своих надднепрянских читателей на факт неизменного перевеса москвофилов на всех выборах в Сейм и в Рейхстаг. До самой войны 1914 года москвофильство пользовалось симпатиями большинства галичан и если бы не эта мировая катастрофа, неизвестно, до каких бы размеров разрослось оно. Но аресты и избиения

в начале войны, а особенно после кратковременного пребывания в Галиции русских войск, нанесли ему тяжелый удар. Русофильская интеллигенция оказалась уничтоженной. Морально ее доконала большевистская революция в России, открыто принявшая сторону самостийнического антирусского меньшинства.

* * *

Это антирусское меньшинство называлось «народовством», но, как часто бывает в политике, название не только не выражало его сущности, а было маской, скрывавшей истинный характер и цели объединения. Ни по происхождению, ни по духу, ни по роду деятельности оно не было народным и самое бытие свое получило не от народа, а от его национальных поработителей.

Поляки, истинные хозяева Галиции, были чрезвычайно напуганы ростом москвофильства. Пользуясь

своим первенствующим положением и связями с австрийской бюрократией, они сумели внушить венским кругам боязнь опасности могущей произойти для Австрии от москвофильского движения и требовали его пресечения. Австрийцы вняли.

Какого-нибудь твердого взгляда на галичан в Вене до тех пор не было; до середины 30-х годов их просто не замечали. Когда вышла «Русалка Днестровая», директор австрийской полиции Пейман воскликнул: «Нам поляки создают хлопот по горло, а эти глиняные головы хотят еще похоренную рутенскую народность возрождать!» Но вскоре «рутенская» народность пришлась кстати.

В 1848 году, когда польское движение приняло угрожающий для австрийцев характер, галичане были натравлены на поляков. Такое же натравливание едва не произошло в 1863 году, когда галичанам было сказано, что пора «den Herrn Polen

▲ Католицизм

einbeizen». Каждый раз такое обращение к русинам сопровождалось ласками и предоставлением различных привилегий. В 1848 году, по инициативе австрийцев была создана «Головна Руска Рада» — некое подобие русинского парламента. Рада издавала «Зорю Галицкую» и основала Народный Дом в Львове, но, будучи искусственно порожденной, просуществовала недолго. В 1851 году полякам удалось сговориться с австрийцами, и те перестают поддерживать русинов. Рада распадается. Эта слабость и беспомощность перед поляками усиливала москвофильское движение.

Особенный подъем русских симпатий начался с 1859 года, когда полякам удалось захватить управление Галицией полностью в свои руки и встать в качестве средостения между русинами и австрийским правительством.

Назначенный наместником Галиции польский граф Голуховский повел систематическое преследование всего, что мешало полонизации края. Жертвами его стали, прежде всего, деятели руссофильской партии, в частности Я. Ф. Головацкий, занимавший с 1848 года кафедру русского языка и литературы во Львовском университете. Голуховский вытеснил его не только из университета, но удалил, также, из двух львовских гимназий и запретил к употреблению составленные им учебники. В значительной мере под влиянием этих преследований, Головацкий переселился в 1867 году в Россию, где сделался председателем комиссии для разбора и издания древних актов в Вильне. Такова же судьба некоторых других видных руссофилов, вроде Наумовича. Но наибольшее впечатление на русинов произвел выдвинутый Голуховским проект введения в галицкой письменности латинского алфавита, так называемого «абцадла», грозившего им окончательной полонизацией. Все русское с этих пор стало пользоваться особенной популярностью, а русская азбука и церковно-славянский язык стали знаменем в борьбе с воинствующим полонизмом.

Поляки, впрочем, скоро поняли, что полонизация галичан в условиях Австрийской Империи — дело нелегкое. Нашлись люди, доказавшие, что оно и ненужное. Украинизация сулила больше выгоды; она не столь одиозна, как ополячивание, народ легче на нее поддается, а сделавшись украинцем — уже не будет русским.

В этом духе началась обработка венского правительства, которому идея украинизации нравилась тем, что позволяла перейти из оборонительного положения в наступательное.

Обрусение галичан чревато было опасностью отделения края, украинизация не только не несла такой опасности, но сама могла послужить орудием отторжения Украины от России и присоединения ее к Галиции. Полагали, что хорошей приманкой в этом отношении станет конституция 1868 года, по которой все населявшие Австрийскую Империю национальности получили равноправие и культурную автономию. Галичанам ставилась задача: прельстить Украину этой конституцией. «Русско-украинское слово, — писал львовский профессор О. Огоновский, — замолкло в южной России и пользуется мирным приютом только в монархии австро-венгерской, где конституция дает отдельным народностям свободу оберегать исконные народные права».

Австрийцы, по-видимому, до такой степени увлеклись мечтами об отторжении Украины, что с течением времени возникла идея подыскать для будущего украинского королевства достойного кандидата на трон, какового нашли в лице принца Вильгельма Габсбургского, названного Василем Вышиванным. В Вене и в Львове заинтересованные круги убедили «Василя» перейти из латинского обряда в Унию. Сам наследник австрийского престола Франц-Фердинанд принял горячее участие в этой аванюре.

▲ Франц Фердинанд

Как только польский план в Вене получил санкцию, в Галиции тотчас возникла «народная» партия в противовес «объединителям» (москвофилы) и целый вспомогательный аппарат в лице общества «Просвита», газет «Правда», «Дило», «Зоря», «Батькивщина» и многих других.

Ядро и основу «народной» партии составило униатское духовенство. Уния, в свое время, задумана была в целях денационализации подвластного Польше русского населения, но цели своей не достигла. Через несколько поколений после насильственного обращения, галицкое население стало рассматривать свою новую Церковь, как «национальную», отличную от польской. Но то обстоятельство, что униаты находились в юрисдикции Ватикана, испытывая постоянное влияние иезуитов, венских и краковских папских миссий, не могло не наложить печати на галицкое духовенство. Оно не могло выйти из русла общественно-политических идей католицизма и сделалось распространителем ультрамонтанства в крае. Особенно ревностно служил этим целям «Русский Сион» — орган львовских церковников. Он же стал одним из органов

«народовства» и даже начал с некоторых пор печататься в типографии «Наукового Товариства им. Шевченка», а отец Качали, политический руководитель униатского духовенства, сделался председателем этого «товариства» — любимого детища народолюбивой организации. «Правда», главный орган народолюбивцев, не только оказывала всяческое почтение «Русскому Сиону», но в 1873 году распространяла предвыборный манифест клерикалов. Немало молодых людей из духовенства вступило в ряды народолюбивцев.

Светская народолюбивая интеллигенция чрезвычайно довольна была таким союзом. Драгоманову приходилось неоднократно слышать от львовских украинофилов, что Уния — «сама украинська вира бо вкупи и право-

славна и не москвивська». Эта светская интеллигенция представлена была большей частью поэтами, литераторами, учителями, чиновниками. Среди них встречалось немало поляков, умело прикидывавшихся друзьями галицийского народа и рьяно поддерживавших украинизацию.

Уже из этих кратких сведений можно заключить об общественно-политическом и культурном лице народолюбивства. Оно задумано как строго охранительное, с точки зрения австрийской государственности и польских аграриев. Униатское ультрамонтанство придало ему колорит, явившийся полной неожиданностью для Драгоманова, стремившегося изо всех сил в Галицию — обетованную землю свободы. Как раз в тот год, когда ему удалось вырваться из «фа-

раонской» России, в Галиции разыгрался любопытный эпизод. Туда пришло из Праги новое двухтомное издание «Кобзаря», в которое попали стихи и поэмы дотоле неиздававшиеся. Это было в пятнадцатую годовщину смерти Шевченка. Нынешний читатель, знающий, каким ореолом святости окружен у галичан «пророк и мученик Украины-Руси», подумает, что «Кобзарь» был встречен с колокольным звоном. Встреча, однако, вышла совсем иной. Весь клерикальный Львов кипел возмущением. Требовали отмены вечеров и празднеств, назначенных по случаю траурной годовщины. Профессор Омелян Огоновский написал в «Русском Сионе»: «Заявляю публично, що если бы я був знав, що в Станиславови устроється вечер в память Шевченка, то бувбим учеником моим таки из кафедры заказав удил в том брати».

Причина такой реакции заключалась в стихах «апостола», совершенно неприлично звучавших для церковного уха: «Все брехня: попи й цари». Или:

*..... будем, брате,
З багрянлиць онучи драти,
Людьки з кадил закуряти,
«Явленными» печь топити,
Кропилами будем, брате,
Нову хату вымитати.*

Атеизм Тараса Григорьевича был замечен еще в России, где на него составили, однажды, протокол по поводу богохульных речей. Максимович сам рассказывал Костомарову, что под Каневым Шевченко держал речь в шинке про Божию Матерь, называя ее «покрыткой» и отрицая непорочное зачатие. Поэма его «Мария», написанная, видимо, под впечатлением пушкинской Гавриилады, вполне подтверждает наличие у него таких взглядов. Особенно возмутила Огоновского сцена с Архангелом Гавриилом, когда он «у ярочку догнав Марию...». Едва ли, однако, не самыми одиозными были стихи о Папе Римском:

*На апостольском престоле
Чернец годованый сидить.*

▲ Шевченко Т. Г.

«Одно еще було отрадою нашою, — писал Огоновский, — що у нас не було до сих пор контррелегійних (антирелигиозных) писем в язици руським. Тепер, однако, и тии появились, а то в роди поезий шевченковских».

Обнаружив в этих «поезиях» «много такого, що вири й моральности есть шкодливе» — клерикалы обрушились на общество «Просвиту», главного виновника пражского издания «Кобзаря» и распространителя его в Галиции. И тут воочию стало ясно, кто хозяин народовского движения. «Просвита» вела себя, как провинившийся школьник и робко оправдывалась, ссылаясь на то, что Шевченко не католик и не знает хорошо догматов. Ссылались на его душевную неуравновешенность, как результат перенесенных в ссылке страданий, но «поезий» своего пророка никто и не думал защищать. В умаление своей вины «Просвита» указала на то, что вредное влияние шевченковских стихов на юношество сведено к минимуму, благодаря разделению «Кобзаря» на два тома. В первом собрано все, что народ может читать без вреда для своего умственного и нравственного здоровья, и, только во второй том попали «опасные» произведения. Но второй том выпущен в меньшем количестве

экземпляров, стоит гораздо дороже, и продавать его будут не всякому, а так сказать, «смотря по человеку». Шевченко оказался поделенным на две части — одну для профанов, другую для посвященных.

Опасен он был и такими поэмами, как «Гайдамаки», где воспеваются резня польских панов украинскими мужиками. Мотив ненависти крестьян к барам совершенно был неприемлем для Галиции, и Шевченко стали причислять в местном вкусе. Когда львовское народовство не определилось еще и не сформировалось, галицкие газеты вроде «Меты», «Вечерницы», помещая статьи о певце «казацкоукраинской республики» и рисуя его пророком восстания против Москвы, не забывали всегда прибавлять — «и Польши». Но уже к концу 60-х годов, особенно после образования общества «Просвита», Польша изымается из подобных контекстов. В книжке Омельяна Петрицкого «Провидни идеи в письмах Т. Шевченко», выпущенной в 1872 году, поэт представлен только, как враг Москвы. В 1877 году, в «Газете Школьной», тот же Петрицкий писал: «Шевченко був отвертим противником России и ии панування над Україною». Но ни о Польше, ни об Австрии, владевшей изрядным куском территории, которую Петриц-

кий именовал тоже Украиной, не сказано ни слова.

По свидетельству Драгоманова, на всех вечерах и концертах, где декламировались стихи Шевченко, на всех чтениях для народа, можно было заметить строгий отбор: все антипольское, антиклерикальное, антипомещичье устранялось. Допускалось только антимосковское.

Случай с «Кобзарем» был полной неожиданностью для Драгоманова, и уже тогда раскрылись у него глаза на народовство, названное им впоследствии «австро-польской победоносцевщиной». Вместо свободы мысли, слова, совести и всех демократических благ, ради которых покинул родину, он увидел в конституционной стране такой вид нетерпимости и зажима, который хуже цензуры и административных запретов. Церковный контроль над умственной жизнью был ему особенно тягостен, он полагал, что религия и общественно-политическая жизнь — две сферы, которые не должны соприкасаться. В украинском вопросе он особенно стремился к исключению каких бы то ни было религиозных тем и мотивов. Но не так думали львовские «диячи».

Церковное влияние им представлялось важнейшим политическим рычагом. В продолжении второй половины XIX века, в Галиции шла деятельная работа по перестройке Унии на латинское католичество. Возникшая в XVI веке, как ступень к переходу от православия в католицизм, она теперь, через 300 лет, собиралась, как бы завершить предназначенную ей миссию. Инициатива исходила, конечно, от польско-австрийских католических кругов и от Ватикана. Само собой разумеется, что государственно-краевая польская власть всемерно этому содействовала. Дошло до открытой передачи одного униатского монастыря в ведение иезуитов. П. Кулиш выпустил, по этому поводу, брошюру в Вене с протестом против возобновления католического Drang nach Osten в Галиции; энергично восстали и «москвофилы». Но среди народовцев началось брожение. Сначала, большинство было

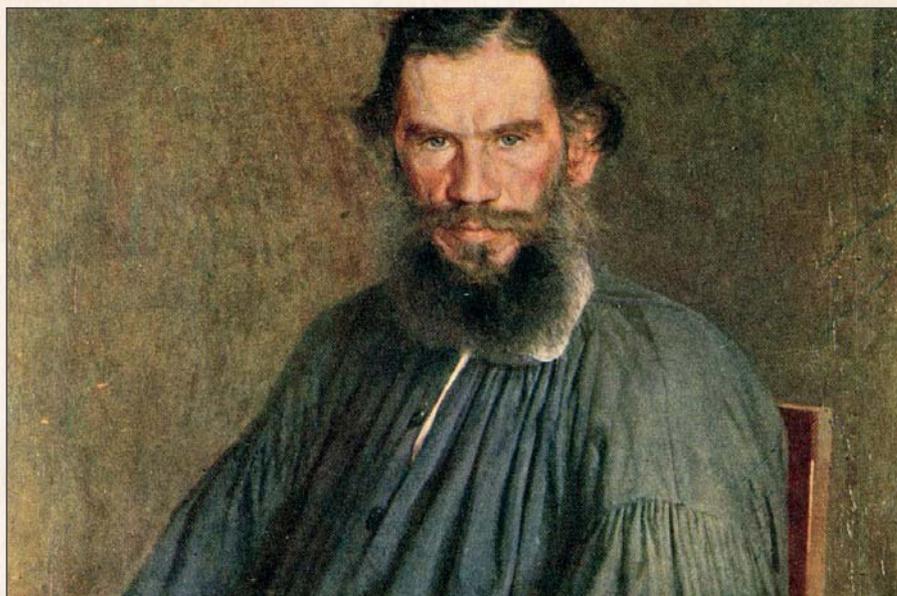
▲ Костел Бернардинцев

явно против церковной реформы и посылало совместно с москвофилами специальную депутацию в Вену для выражения протеста, однако, под натиском реакционного крыла возглавлявшегося «Моисеем львовских народовцев» Володимером Барвинским, оппозиция большинства была сломлена и к концу 80-х годов отказалась от противодействия реформе. Только небольшая группа, собравшаяся вокруг газеты «Дело» — «щось бормоче проти ней та не зважується на ричучу оппозицію». Но и эта группа была яростной противницей каких бы то ни было симпатий к православию, проявлявшихся среди москвофилов. Малейшее выступление в пользу православия вызывало у всех народовцев, без исключения, крики об измене нации и государству и немедленное обращение за помощью к панско-польско-католической полиции.

Не меньше, чем веротерпимость, раздражала народовцев «хлопомания» Драгоманова, его превознесение мужика, простого народа, и постоянное напоминание о его интересах. На этой почве у них и произошло первое столкновение с ним в 1876–1877 годах. Защищать мужика против барина и натравливать его на барина можно и желательно в русской Украине, но в польской Галиции это означало «нигилизм», «космополитизм» и государственную измену.

Надднепрянские деятели сильно просчитались, надеясь найти в Галиции тихую заводь, где бы они спокойно писали антимосковские книги, прокламации, воспитывали кадры для работы на Украине и создали бы себе надежную штаб-квартиру. Гостеприимство им было оказано с полного одобрения австрийцев и поляков, но в то же время дано понять, что тон украинскому движению будут задавать не они, а галичане. Чтобы уяснить, что это означало для самочувствия «схидняков», надо помнить, что люди, устремившиеся в Галицию, вроде Кулиша, Драгоманова, — по уму, по образованию, по талантам, стояли неизмеримо выше своих галицких собратьев. Самые выдающиеся среди галичан, вроде Омеляна Огоновского, выглядели провинциалами в сравнении с ними. «Для

▲ Толстой Л.Н.

росиян галицка наука — схолястика, галицка публицистика — реакційна, галицка беллетристика, псевдоклясична мертвечина», — писал Драгоманов. Тем не менее, на него и на всех малороссов во Львове смотрели сверху вниз, полагая, что оные малороссы «ни мовы ридной, ни истории не знали», но кичливо посягали на западную образованность, на немецкую философию и науку. «До принятия мудрости немецкой паны украинци не були еще приспособлени, а опроче культура чужа могла б таких недолюдкив зроби ти каликами моральними». Так писала в 1873 году львовская самостийническая «Правда». По словам этой газеты «таки недоуки, полизавши дешто немецкой философии, всяку виру в Бога мусили втратити. От и жерело ужасно го нигилизму».

Им отвели роль учеников и подручников, кормило же правления осталось в руках местных украинофилов — цесарских подданных и союзников польской шляхты. Поляки и австрийцы не для того начинали игру, чтобы доверить ее неизвестным и чужим людям. Контроль должен находиться в руках местных сил. Пришельцам надлежало, выражаясь современным языком, подвергнуться «перековке»; надо было вытряхнуть из них москальский дух. А под москальским духом разумелись, прежде всего, революция и социа-

лизм. Ведь то была эпоха царубийств, террора, хождения в народ и самого широкого разлива революционных страстей.

Поляки, сами прославившие на Руси страшными революционерами, относились к русскому революционному движению брезгливо. Им очень нравилось, когда П.Л. Лавров на банкете, или Вера Засулич на митинге в Женеве, по случаю 50-летия со дня польского восстания 1830 года произносили горячие речи, причисляя это восстание к лику мирового освободительного движения. Нравилась им постоянная защита польского дела. Газета «Dzennik Polski» в 1877 году писала: «Московские революционеры нуждаются в поляках, как поляки в московских революционерах». Но этот альянс с террористами и нигилистами терпим был лишь в той мере, в какой его находили полезным национальным видам Польши. Самый же нигилизм и социализм представлялся ничуть не симпатичнее самодержавия и считался явлением одного с ним порядка — порождением духа варварской нации. В воспоминаниях старых революционеров можно прочесть о неприязненном отношении польских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, к русской революционной молодежи — студентам и студенткам цюрихского университета.

В том же Цюрихе, в польском музее, основанном графом Платтером, где директором состоял Духинский, висела карта Европы с надписью пояснявшею, что «туранская Московщина» всегда была отмечена знаком неволи и коммунизма, тогда как «арийская Польша и Русь» — свободой и индивидуальностью.

Галицийские поляки и выпестованные ими «народовцы» иными взглядами на москалей, разумеется, не отличались. «Русский Сион» — орган униатского духовенства писал в 1877 году: «Социализм и нигилизм распространены только в северной России, которая переполнена тайными организациями и завалена агитационными листками и брошюрами». Газета полагала, что ни в Малой Руси, ни в Галиции подобное невозможно. Это не мешало им в каждом «дияче» прибывавшем из Малороссии видеть возможного носителя революционной бациллы. Схидняки подвергались, своего рода, карантину. И вот оказалось, что у самого крупного украинского лидера — Драгоманова — она бацилла

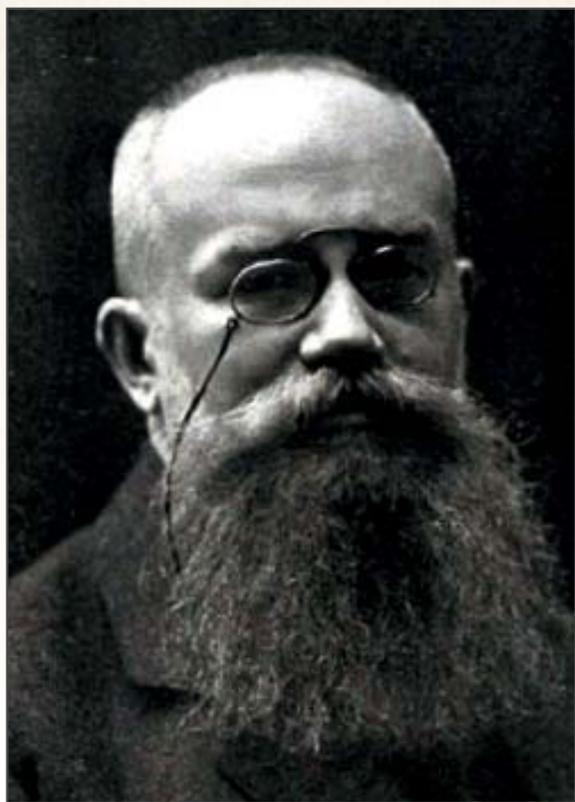
обнаружена. Драгоманова встретили жестоким огнем. В печати начали высказывать предположения о нем, как об агенте царского правительства. Пришли к заключению, что царизм в своих происках дошел до идеи разложения Галиции изнутри путем посылки туда украинских социалистов. «Сотки рублив выдают на вигодне життье по метрополиях чужих, сотками оплачуют далеки дороги, сотки выдают на публикации...», — писала «Правда». Драгоманова форменным образом затравили, так, что он вынужден был бежать в Женеву. Против друзей его возбудили судебное преследование.

В 1877–1878 годах во Львове состоялось несколько процессов «социалистов». На процессах выяснилось, что галичанам и их хозяевам полякам страшен был не социализм, как таковой. Поляки привыкли делить социализм и социалистов на плохих и хороших. Хорошими были те, что поддерживали помещичьи польские восстания, ратовали за возрождение старопанской Польши и не вели агитации среди крестьян. В этом смысле, больше всего привлекала их немецкая социал-демократия, высказывавшаяся наиболее горячо за восстановление польского государства. Но стоило кому-то из немцев подать идею об издании листка на польском языке для пропаганды социализма среди познанских поляков, как польская печать злобно ощерилась на вчерашних друзей.

Так и социализм Драгоманова не вызвал бы столь острой реакции, если бы отличался более или менее безразличной для поляков окраской. Но он был, как раз, антипольский, антипомещичий. Драгоманову, как историку и как малороссу, был хорошо известен ложный характер польской шумихи

в Европе. Он много возражал Марксу и марксистам, отождествлявшим национальное возрождение Польши с успехами мировой революции, и столь же энергично боролся против механического усвоения этого взгляда русскими марксистами и революционерами, близкими к Первому Интернационалу. Польские восстания и вся национально-освободительная борьба поляков представлялись ему реакционными старопанскими бунтами с целью возродить осужденную историей феодальную Речь Посполиту, считавшуюся всегда «адам для крестьян», особенно инациональных. Запад, по его словам, знал только обращенное к нему лицо национально угнетенной Польши, но не замечал ее угнетательского лица на Восток, где она выступала поработителем чужих национальностей. Лозунг «за нашу и вашу свободу!» останется ложью, по мнению Драгоманова, до тех пор, пока поляки не откажутся считать «своими» литовские, латышские, белорусские и украинские земли. В таком смысле он и развивал свои взгляды в Галиции. Дело национального освобождения украинцев в областях распространения польского землевладения понималось им, как борьба украинского крестьянства с панями. На львовском процессе 1877 года оглашено было его письмо к Павлику, найденное при обыске у польского социалиста Котурницкого. В нем Драгоманов писал: «Польские социалисты должны с первого же раза заявить, что их целью никоим образом не может быть восстановление польского государства 1772 года, даже социалистического, но организация польского народа на польской земле, в связи с украинскими социалистами, которые организуют свой народ на его земле».

Не трудно представить впечатление, произведенное такими высказываниями на галицких поляков. Никакие самые злостные террористы и коммунисты не могли вызвать большего беспокойства. Народовству предстояло показать, в какой степени оно заслуживает доверия и способно ли выполнить возложенную на него миссию? Справилось оно со своей задачей превосходно:

▲ Грушевский М.С.

в статье «Прояви социалистични миж українцями и их значинье», «Правда» заявила вполне определенно, что если приднепрянская интеллигенция успела подпасть под влияние таких «лжепророков», то галицкие ее друзья должны будут «з пекучим болем в сердцу... взяти розбрат» с своими закордонными коллегами, а вину за такой печальный конец возложить на самих лжепророков.

Сделавшись дважды эмигрантом, Драгоманов из Женевы следил за львовскими делами, вел через друзей «просветительскую» деятельность, вербовал сторонников и тратил много усилий, чтобы создать свою фракцию в народовском лагере. Под конец ему удалось образовать радикальную группу, но этот успех вряд ли стоил понесенных затрат. Группа так бледна была во всех своих проявлениях, состояла из такого негодного материала, что не пережила своего творца и была сведена на нет оппортунистом Грушевским. Драгоманов долго не терял надежды поладить с народовцами и полностью отдаться той работе, ради которой уехал из России. В 1889 году наступило что-то вроде амнистии. Он снова едет во Львов и принимает редактирование крупного народовского органа «Батькивщина».

Сотрудничество и на этот раз оказывается коротким. Через несколько месяцев он бросает работу и уезжает из Галиции, чтобы никогда в нее не возвращаться. По собственному его признанию, он старался избегать всего, что могло бы вызвать недовольство местных самостийников, но это оказалось не простым делом. Ему предложили либо отказаться от своих принципов и вести журнал так, как этого требовала народовская элита, либо сложить редакторские обязанности. Он избрал последнее. «Мне пришлось претерпеть ужасные муки в борьбе с народовцами», — признавался он впоследствии.

Драгоманов был не единственным, испытавшим галицийское гостеприимство. Кулиш, уехавший туда в начале 80-х годов и проживший в Галиции около трех лет, тоже не мог сойтись с народовцами. В 1882 году вышла во Львове его книга «Крашан-

ка» — сплошной вопль отчаяния:

«O ribaldi flagitiosi! Я приехал в вашу подгорную Украину оттого, что на днепровской Украине не дают свободно проговорить человеческого слова; а тут мне пришлось толковать с телятами. Надеюсь, что констатируя факты способом широкой исторической критики, я увижу вокруг себя аудиторию получше. С вами же, кажется, и сам Бог ничего не сделает, такие уж вам забиты гвозди в голову».

* * *

Народовцы не только социализма не принимали, но ни о какой славянской федерации слышать не хотели. По словам Драгоманова, они не желали следовать, даже «казацко-украинскому народовству и республиканству». Иными словами, на идеи и лозунги, под которыми развивалось русское украинство, в Австрии был наложен интердикт. Патриотизму киевскому противопоставлен патриотизм львовский, и он считался истинным. Народовцы объявляли себя выразителями не одних галицийских чаяний, но буковинских, карпаторосских и наднепрянских.

Если в Киеве носились с идеей объединения всех славян, в том числе и русских, то во Львове это означало государственное преступление, грозившее развалом цесарской империи. Вместо славянской федерации, здесь говорили о всеукраинском объединении. Практически это означало соединение Украины с Галицией. Мыслилось оно не на республиканской основе; народовцы были добрые подданные своего императора и никакой другой власти не хотели. Полагая, что конституция 1868 года открыла для них эру благоденствия, они хотели распространения его и на своих «закордонных» братьев украинцев.

Называться украинцами, а Галицию именовать Украиной, народовцы начали в утверждение своего права заботиться и болеть сердцем

▲ Марко Вовчок

за этих братьев, стонавших под сапогом царизма. Галичан и малороссов объявили единым народом, говорящим на одном языке, имеющим общую этнографию. Стали популяризировать неизвестных дотоле в Галиции малорусских поэтов и писателей — Котляревского, Квитку, Марко Вовчка, Шевченко. Эпизод 1876 года лишь на время поколебал треножник «Великого Кобзаря». Как только удалось принарядить его на польский манер и спрятать куда-то «несозвучные» с народовством стихи, он был восстановлен в своем пророчестве и апостольстве.

Приняв казачье имя Украины и украинцев, народовцы не могли не признать своим родным и казачьего прошлого. Его «республиканством» и «демократизмом» не восхищались, но его русофобия, его песни и «думы», в которых поносилась Москва, пришлись вполне по душе. Стали создавать моду на все казачье. Как всякая мода, она выражалась во внешности. По львовским улицам начали, вдруг, разгуливать молодые люди одетые то ли кучерами, то ли гайдуками, вызывая любопытство и недоумение гали-

▲ Драгоманов М.П.

чан, никогда не знавших казачества. Позднее, в сельских местностях стали возникать «Сечи». Так именовались добровольные пожарные дружины. Каждая такая сечь имела своего «кошевого атамана», «есаула», «писаря», «скарбника», «хорунжого» и т.д. Тушение пожаров было делом второстепенным; главное занятие состояло в церемониях, в маршировках, когда во главе отряда таких молодцов в синих шароварах шел «атаман» с булавой, трубил «сурмач», а «хорунжий» нес знамя. Этим достигалось воспитание в соборно-украинском духе.

Никому, однако, в голову не приходило идти в своих казачьих увлечениях дальше костюма, особенно во всем, что касалось запорожского отношения к государственной власти и к Польше. По словам Драгоманова, народовская партия «не только ми-

рилась с австро-польской правительственной системой, но сама превращалась в правительственную». Всякая тень агитации либо выпадов против Австро-Венгрии и Польши устранялась из ее деятельности.

Австрийским министрам никогда не писали таких «открытых писем», как адресованное русскому министру внутренних дел Сипягину и напечатанное во Львове в 1900 году: «Українська нація мусит добути собі свободу, хоч бы захиталась цила Росія. Мусит добути своє визволення з рабства національного и политичного, хоч бы полилися рики крови». По всем высказываниям «народовцев» выходило, что Россия единственный угнетатель племен «соборной Украины». Напечатан в том же 1900 году брошюру Н. Михновского «Самостийна Укра-

ина», провозглашавшего ее «вид гир Карпатських аж по Кавказки», они ни словом не обмолвились о том, что для образования столь пространной державы препятствием служит не одна Россия. Элементарный политический такт требовал, чтобы для той части ее, что помещалась возле «гир Карпатських», указан был другой национальный враг. Между тем, ни австрийцы, ни венгры, ни поляки в таких случаях не назывались.

Достоинно внимания, что и в последующем галицийские панукраинцы, отзывающиеся с такой злобой о старой России, совершенно не упоминают Австрию в числе исторических врагов украинской культуры и независимости. В популярных историях своего края, вроде «Истории Украины з иллюстрациями», царское правительство даже превозносится за учреждение школ «з немецкою мовою навчання». Благодаря этим школам, просвещение в крае сделало такие большие успехи, что «все те впливало (влияло) на культуру нашего народу, и так почалося наше національне відродження». И на той же странице — яростная брань по адресу русских царей, которые «завели московский устрий, московски школы, та намагались завести російську мову замість української». Нет числа возмущенным возгласам по поводу указа Валуева об украинском языке, но ни один галичанин не отозвался соответствующим образом о заключении правительственной австрийской комиссии, высказавшейся в 1816 году о галицийском наречии, как совершенно непригодном для преподавания на нем в школах, «где должно готовить людей образованных».

Получалась картина: люди боролись не за свое собственное национальное освобождение и не с государством их угнетавшим, а с чужим государством, угнетавших «закордонных братьев». «Пропала слава Украина — клятый москаль орудие».

*Гей москалю бисыв сыну,
Чортова дытыно,
Погубивесь ты свит цильий,
Цилу Украину.*

Ничего, что стихи эти принадлежат не русину, а поляку Паулину Свенцицкому, они были «в самый раз» и задавали тон народовой прессе. Подхватывая их, журнал «Вечерница» писал: «Москали топчут на Украине правду и свободу, но пусть боятся малороссов: придет Божий суд, и когда-нибудь малороссы от Карпат до Кавказа сотворят такие поминки, что будет памятно внукам и правнукам». Это перевод стихов Ксенофонта Климковича. Столь же агрессивен этот писатель и в прозе. «Малорусский народ имеет на востоке Европы свою особую миссию: западные славяне вместе с малороссами начнут борьбу против северного опекуна и отбросят его на восток... к Пекину». Владимир Шашкевич призывал «славянскую Австрию» отбросить Москву на Север, «ибо Москва — опаснейший и грознейший враг прочих славян: она хуже Турции гнетет братние славянские народы».

Программный характер таких высказываний засвидетельствован, впоследствии, обществом «Просвита», поставившим Климковичу и Шашкевичу в заслугу, приготовление «грунта до дальней, успешнейшей работы на народном поли».

***

Из всех ненавистников России и русского народа галицийские панукраинцы заслужили в настоящее время пальму первенства. Нет той брани, грязи и клеветы, которую они постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью все скверное, что было сказано во все времена о России ее врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. Что русские не славяне и не арийцы, а представители монголо-финского племени, среди которого составляют самую отсталую звероподобную группу, что они грязны, вшивы, ленивы, трусливы и обладают самыми низменными душевными качествами — это знает каждый галицийский самостийник с детского возраста. Сложившаяся крайне опасная ситуация на Украине после государственного переворота 2014 года некоторыми социологами

объясняется тем, что за последние двадцать пять лет на Украине проросли ростки сепаратизма, националистического фашизма, русофобии из-за утери нормальных дружеских связей с Россией после получения независимости Украиной. Все то, что мы видим сейчас на Украине проросло не четверть века, трупный яд национализма, шовинизма, русофобии появился здесь со времен Люблинской унии 1564 года.

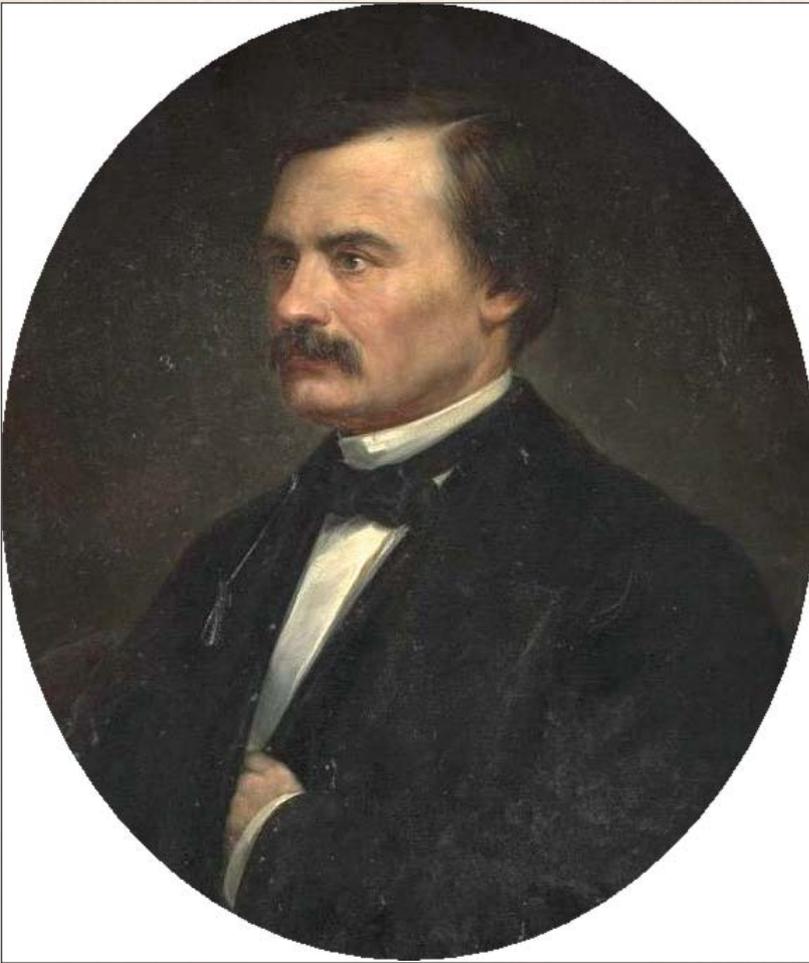
В сороковых годах XX века некто Г. Ващенко, в журнале «Ридне Слово» (№ 9–10 за 1946 год), размышляя о «Психологичних причинах недоли украинського народу», усмотрел эту «недолу» в соседстве с русскими, от которых украинцы, отличавшиеся всегда «духовным аристократизмом», невольно набрались рабских плебейских замашек, потому что русские с их преклонением перед жестокой и сильной властью — прирожденные рабы. «Низкопоклонство, подхалимство, неискренность — вот свойства типичного русского». А в мюнхенском журнале «Seowo Polskie» от 18 мая 1946 года появилось открытое письмо в редакцию галичанина, не пожелавшего поставить под ним своей подписи.

Письмо начинается с того, что автора чуть не хватил удар, когда он прочел в одном из предыдущих номеров того же журнала сочувственные строки о взаимной симпатии и приязни между польским и русским народами. «Неужели еще в Польше никто не догадался, что этот восточный империалист, в котором так мало славянского и столь много азиатского — враг польский номер один? Неужели действительно существует кто-либо в Польше, кто еще верит в дружбу или испытывает потребность дружбы с этим народом славяно-финско-монгольских бастардов?» По словам безымянного автора, лучше бы думать не о дружбе, а о том, как совместно с другими народами, пострадавшими от русских, «загнать их куда-нибудь за Урал и вообще в Азию, откуда эти приятели прибыли на несчастье человеческого рода»... Автор советует полякам дружить не с русскими, а с украинцами, потому что «можно пройти весь свет и не найти двух народов, более похожих друг на друга, чем польский и украинский». «Этнографическая граница между ними проходит — посередине их брачного ложа». Объе-

▲ Гоголь Н.В.

▲ Духинский Франциск

диняет их и общеславянская миссия, как «самых чистых и самых старших представителей древней славянской культуры». К своему высокому обществу они могли бы привлечь разве только чехов. Вкупе с чехами они составили бы ядро «той чудесной коалиции, которая образуется между Балтийским морем, Адриатикой и Черным морем, и которая будет достаточно мощной, чтобы держать на поводу бастардов славяно-германских (прусаков) на западе и бастардов славяно-финско-монгольских, пруссаков востока». Чтобы не быть превратно истолкованным и не дать повода думать об антибольшевистском крестовом походе, автор поясняет: «Когда говорят «антибольшевистский блок угнетенных народов», то мыслят блок антирусский. Не в большевизме суть, она лежит в другом, а именно — в опасном русском империализме,

который извечно угрожал обоим нашим народам. И поэтому наша борьба должна направляться не только против большевизма, но против всякой империалистической России, России большевистской и царской, России фашистской и демократической, России панрусистской и панславистской, России буржуазной и пролетарской, России верующей и неверующей... России Милюкова и России Власова, вообще против России, которая уже сама по себе синоним империализма».

Интересна здесь не злоба, пышущая из каждой строчки, а причина злобы. Откуда она? Быть может, это результат занятия Галиции советскими войсками, или короткой оккупации ее русской армией в 1914 году? Но если допустить такую версию, то чем объяснить, что вся теперешняя русофобия галичан простое повторение того, что они писали еще в XIX

веке и до первой мировой войны, когда никакой русской власти в глаза не видели и, следовательно, не имели оснований быть ею недовольными? Расовые теории и яростная брань по адресу России насчитывают добрые полторы сотни лет своего существования. Они, безусловно, не местного русинского, а иноземного корня. Перед нами любопытный случай пересадки идеологии с одной национальной почвы на другую. Русофобия, в том виде, в каком ее исповедуют сейчас галицийские шовинисты, была получена в законченном виде от поляков. Насадив общеукраинское движение в Галиции, поляки снабдили его и готовой идеологией. К восприятию ее галичане подготовлены еще со времен Унии, когда им внушали, будто не они отступники от грекоправославной Церкви, а эта последняя представляет собой схизму, тогда как истинными сынами православного греческого вероисповедания могут считаться только униаты.

Нам приходилось уже обращать внимание на исключительную по энергии пропаганду, развитую поляками в Малороссии после ее присоединения к России и на старание поссорить малороссов с царским правительством. В горниле этой кипучей деятельности выработалась постепенно вся сумма воззрений на русских и на украинцев, которая в XIX веке была систематизирована, получила наукообразную форму и вручена была галичанам, как евангелие украинского национального движения. Выработка этой теории связана с именем польского профессора Духинского.

Франциск Духинский родился в 1817 году и по происхождению был малоросс, хотя уже родители его оказались захвачены польским патриотизмом и польскими устремлениями. Выросший настоящим поляком, он с молодых лет интересовался русско-польскими отношениями в древности и писал в конце 30-х годов какие-то сочинения на эту тему. Эмигрировав, он поселился в Париже, потом в Швейцарии, жил в Италии, в Константинополе, потом опять в Париже, где стал профессором местной

польской школы. Известность приобрел своими парижскими публичными лекциями по польской истории, в которых и развил знаменитую теорию о взаимных отношениях славянских племен. Успех его чтений среди французов был исключительный и объяснялся, кроме обычного для них невежества в вопросах славистики, также и русофобией, широко распространенной в тогдашней Франции. Исторические опусы свои Духинский напечатал в 1847–1848 годах в одном из польских изданий в Париже, а в 1858–1861 годах выпустил в виде трехтомного труда под заглавием «Zasady dziej w Polski i innych kraj w Slowianskich».

Труд этот давно забыт и ни одним ученым всерьез не принимается. Интересен он только как документ общественно-политической мысли своего времени. Излагая взаимоотношения поляков с прочими славянскими народами в прошлом, автор наибольшее внимание уделяет Руси. Русь, по его словам, представляет простую отрасль, разновидность народа польского; у них одна душа, одна плоть, а язык русский — только диалект, провинциальное наречие польского языка. Конечно, под Русью надлежит разуметь не тот народ, который себя называл этим именем в XIX веке — не москвитов. Русь — это галицкие русины и малороссы, которые только и достойны называться русским именем, тогда как современные русские присвоили это имя незаконно и в старину назывались москвитами и москалями. Произошло это присвоение сравнительно недавно, с тех пор, как москвиты захватили часть «русских» (украинских) территорий с их населением.

Екатерина II высочайшим повелением даровала московскому народу имя русского и запретила называться древним именем «москвитян». В этом сказался, как бы, стыд варвара, вступившего в высшее культурное общество и захотевшего украсить себя именем благородного народа, спрятав свое хамское дикое имя подальше. В то время как русские, то есть русины — чистые славяне, москаля ничего общего со славянством не имеют. Это народ

азиатский, принадлежащий к финско-монгольскому племени, и только слегка ославянившийся под влиянием русских (украинцев). Духинский категорически отрицает за москалями арийское происхождение, относит их к туранской ветви народов. Отсюда выводятся все низкие умственные и нравственные качества москалей и все ничтожество их культуры.

Большая часть польских образованных кругов приняла теорию Духинского с восторгом и повторяла ее на все лады. Во Львове в 1882 году вышла книга некоего Бестронного «Przestroga Historji» (предостережение истории), где автор рассыпается изумительными вариациями на тему Духинского. По его словам, из 90 миллионов жителей Российской Империи, только четвертая часть говорит языком российским, и притом начала говорить им «не дальше, как сто лет тому назад». По словам автора, этот язык, происходящий от славянского языка, распространялся вместе с религией среди народов московского государства еще тогда, когда в них не было ни капли славянской крови. «Жители империи особой московской народности не имели, мужества называться тем, чем они были в действительности, не имели мужества называться москалями, им казалось, что это оторвет их от Европы... В удивительном смешном ослеплении они думали, что имя москаля тождественно с варваром и что название их россиянами защитит их от укоров в варварстве. Им казалось, что Европа не знает о том, что делается в этой России, а хотя бы и знала — они лучше хотели быть варварами европейскими, чем достойным, свободным народом московским, хотели лучше угнетать и быть угнетаемыми, чем принять название москалей и признать себя финско-монгольским племенем, они назывались славянами».

Произведений, подобных этому, появилось множество, благодаря чему теория Духинского приобрела широкую известность, не только в польских землях, но и за границей. Она была воспринята французским историком Анри Мартеном и по при-

чине полной неосведомленности европейцев о России долго процветала во Франции, как «научная». Понадобился авторитет Рамбо, чтобы вывести французскую науку из недостойного положения.

Русские украинофилы встретили учение Духинского отрицательно. В 1861 году, в ответ на появившуюся в сентябрьском выпуске «Revue Contemporaine» статью «La verité sur l' esprit russe», Костомаров напечатал в «Основе» отповедь «Правда полякам о Руси» с возражениями на исторические рассуждения Духинского.

Совсем иначе отнеслись к духинщине галицийские панукраинцы. Для них она явилась той идейной манной, на которой они возросли и которой питаются до сих пор. Они пошли на выучку к польскому шовинизму. Наибольшим успехом он пользовался именно во Львове — столице Галиции. Здесь собралась наиболее рьяно, наиболее гонорово настроенная часть польских националистов, главным образом, участников неудавшегося восстания 1863 года.

Кичливая заносчивость при жалком положении, позерство, самовыхваление, путчи́зм, страсть к заговорам и баррикадам, непрестанный барабанный бой в речах и в печатных выступлениях снискали им, даже у самих поляков, прозвание «трумтадратов». Эта группа никогда не ломала головы над размышлениями об излечении вековых болезней своей страны, дабы подготовить ее организм к возрождению. Она и слышать не хотела об этом, но бранила Россию на чем свет стоит, считая ее главной виновницей польских разделов. Чем крепче обругать, чем глубже казался день возрождения Польши. Духинский стал их кумиром, а Львов местом пышного цветения его теории. К ней присоединили и «Историю Русов». Сам Духинский высоко ценил это произведение. В своей книге «Peuples Aryas et Tourans», вышедшей в Париже в 1867 году, он назвал его «обвинительным документом против Москвы».

Окончание в следующих номерах альманаха

П.С. КУТАХОВУ – 105 ЛЕТ

Книга Владимира ШТОКАЛО
«ГЛАВКОМ П. С. КУТАХОВ»
к 3 августа 2019 года –
105-летию со дня рождения
Главного маршала авиации
Павла Степановича КУТАХОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работал главком – без преувеличения – с запредельным напряжением, не чуя ни времени суток, ни бремени лет. Рядом с ним «тише» работать было нельзя.

*В.В. Решетников, Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации*

Эти слова Василия Васильевича Решетникова о Павле Степановиче Кутахове, главнокомандующем Военно-воздушными силами великой страны – Союза Советских Социалистических Республик, кратко и ёмко характеризуют человека, который, придя в военную авиацию курсантом в далеком 1935 году, отдал всего себя без остатка для укрепления её могущества, оставаясь на боевом посту до последнего дня своей яркой жизни.

Поэтому, начиная работу над этой книгой, мы поставили перед собой достаточно сложную задачу: раскрыть образ человека, на которого одновременно с кратковременной вспышкой радости и гордости от того, что его, когда-то бегавшего босым мальчуганом по деревенским улочкам, назначили на должность главнокомандующего Военно-воздушными силами всего Советского Союза, легла огромная ежедневная ответственность перед Центральным комитетом КПСС, правительством страны и Министром обороны. Была ещё ответственность перед самим собой, ибо нет на свете судьи беспристрастнее, чем ты сам, тем более для человека, прошедшего две войны и все ступени служебной лестницы от младшего лётчика до заместителя главкома, уже имеющего свой взгляд на возрождение былой мощи авиации и сложившийся годами стиль работы. Обстоятельства требовали от нового главкома, казалось бы, невозможного: в жестких рамках требований вышестоящих министерств и ведомств, с учётом возможностей промышленных мощностей и конструкторских бюро, вывести военную авиацию на уровень мировых стандартов, оснастить её новейшей техникой и вооружением, а также создать задел с перспективой на будущее. При этом не быть слепым исполнителем чужих идей, а, глубоко вникнув в суть дела, приложить все силы и добиться реального воплощения только самых передовых, необходимых и нужных, в том числе и своих. Именно такая задача стояла перед Павлом Степановичем Кутаховым, когда он в марте 1969 года взял на себя бремя забот об укреплении глубоко «реформированных» Никитой Сергеевичем Хрущевым, даже по сегодняшним меркам, Военно-воздушных сил. И он блестяще справился с этой задачей, о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания очевидцев, а также история наших

славных ВВС, знакомясь с которой всё новые и новые поколения людей нашей страны имеют возможность оценить огромную значимость этого человека для возрождения их мощи и величия. Оценить через призму новых «грандиозных новаторских идей» очередных «великих» реформаторов, которые, ликвидировали дивизии и полки, объединив их в некие базы, расположенные в местах, самых удобных для ударов по ним противника, оголив тем самым все стратегические направления, оперативно-тактическому оборудованию которых в авиационном отношении главком Кутахов придавал самое важное значение. Вместе с тем безжалостно с корнем был уничтожен и созданный настоящими патриотами и фанатами своего дела великолепно отлаженный механизм регулярного пополнения и обновления Военно-воздушных сил авиационной техникой и вооружением. Однако для сравнения ещё остались авиационные комплексы (самолёты 3- и 4-го поколений), принятые в то далёкое время и до сих пор стоящие на вооружении, прошедшие испытания жесточайшими условиями военных конфликтов, а также современные, своими уникальными возможностями завоевавшие признание во всем мире, основы которых были заложены также при главкоме Кутахове.

Как же смог Павел Степанович, будучи на столь высокой должности, не-смотря на жесткое давление обстоятельств и вышестоящих руководителей, строго выдерживать свою только ему, ведомую линию и как показало время, чрезвычайно благотворную для ВВС и государства в целом? Ответ на этот вопрос мог дать только сам главнокомандующий, мы же попробуем это сделать на основе анализа документов, небольших архивных видеозаписей, воспоминаний очевидцев при личных встречах, а также опубликованных в книгах и сети Интернет. В центре нашего повествования – легендарная личность Павла Степановича Кутахова с ярко выраженной индивидуальностью, ответственным отношением к порученному делу, а главное, с безграничной любовью и преданностью своей великой Родине – Союзу Советских Социалистических Республик.

На сегодняшний день о Павле Степановиче написано немало, в том числе и прекрасная книга Николая Бодрихина «Павел Степанович Кутахов», вышедшая к 100-летию со дня его рождения. Необходимо отметить объёмность замечательного исследования, проведенного Николаем Георгиевичем Бодрихиным, а также подчеркнуть мастерство автора. Более того в новой книге «Главком П.С. Кутахов» будут использоваться некоторые материалы из его произведения о жизненном пути выдающегося военачальника. Это будет

делаться с единственной целью – полномасштабно показать личный вклад лучшего в истории, по общему мнению летавших и служивших в ВВС в 70-е и 80-е годы, главкома в развитие отечественной военной авиации именно на этой сложнейшей и ответственной должности более чем за 15-летний период. При обсуждении данной цели с Владимиром Павловичем (сыном П.С. Кутахова) и группой генералов было высказано единодушное мнение – в книге не должен быть представлен лишь скупой перечень дел, свершенных главкомом ВВС на благо обороноспособности Родины, а должен быть запечатлён его образ, как глубоко эмоционального человека, всей душой и сердцем болеющего за укрепление могущества своей страны, за людей, которые также, как и он, видели в этом цель своей жизни. Живое общение с ними и собственные раздумья и размышления помогли ему находить верные решения в сложнейших ситуациях, которые ложились в основу его указаний, директив и приказов. Благодаря безукоризненному исполнению тщательно взвешенных решений и вершились благие дела по созданию самых мощных Военно-воздушных сил страны за всю историю их существования.

Надеюсь, что книга будет интересна не только военным специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

С уважением, руководитель
Издательского дома Академии имени Н. Е. Жуковского

Игорь Агибалов

Тел. 8(800) 201-55-43, +7 (903) 589-56-79 – Whats App
e-mail: artpress@mail.ru, zakaz@itsbook.ru

МИХАИЛ КАЛИНКИН
Ветеран военной разведки

СНАЙПЕР

*У него СВД
У меня СВД...
Перелесок и дом,
Догоревший дотла...
Кто прицелом чужим
Будет первый продет? –
Одинаково пуля
Летит из ствола.*

*Я гляжу на него
Через круглый прицел,
И деленья лежат
У него на зрачках...
От меня до него
Вдох глубокий в конце,
Да невыбранный ход
Спускового крючка.*

*У меня СВД,
У него СВД...
У меня камуфляж,
У него камуфляж...
Между нами стена
Двух различных идей,
Из которых сюжет
Этот выстроен наш.*

*Кто-то только один –
Остаётся живой
И покинула пуля
Границы ствола
От тебя до меня
Больше нет ничего,
День сегодня не твой.
Вот такие дела!*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
 Ветеран военной разведки

ВОСПОМИНАНИЯ

*Сейчас на Западе цинично
 Кроят историю войны,
 Поэтому вполне этично
 Сберечь, что важно для страны.*

*Хотел бы вспомнить о героях,
 Чьи подвиги не все воспеты,
 Погибли что на поле боя –
 Они внесли свой вклад в победу.*

*И кто громил фашизм в Европе,
 Не пав на дальнем рубеже,
 Очистил земли на Востоке –
 Совсем немного их уже.*

*Кто шел сквозь топи и болота,
 Шел через минные поля.
 Им тоже было жить охота,
 Но за спиной – своя земля.*

*Форсировал кто реки с ходу –
 Враг не оставил им мостов.
 Таков был дух тогда народа –
 В атаку шли без лишних слов.*

*Мы всем обязаны им. Просто
 они спасли тогда страну.
 А то, что вышло в девяностых –
 Не вижу в том я их вину.*

*Пока войны гремели звуки,
 Мы воевали лучше всех,
 А позже все попало в руки
 Тех, кто не смог развить успех.*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

НАША ИСТОРИЯ

*С годами видно все заметней
Историю как исказили -
На Западе стремятся тщетно
Отнять Победу у России.*

*Канун Победы, поздравления,
Парады, ленты, ордена...
Для ветеранов - день рождения,
Ведь в жизни их была война.*

*Давайте вспомним как когда-то
За море на ладьях ходили,
Как были мы у стен Царьграда
И щит к вратам его прибили.*

*Как рыцарям давали бой
И как жалели их нередко,
Как все мы связаны судьбой
С победами далеких предков.*

*Три века ханские оковы,
Распад, почти разорены
Потом на поле Куликовом
Решили мы судьбу страны.*

*Уместно вспомнить про Полтаву,
Где бой мы главный дали шведам.
За жизнь мы бились, не за славу,
Вновь кровью оплатив победу.*

*Наполеон. Войска все ближе
Москва в огне, но без оков
Итог законный - мы в Париже,
Французы помнят казаков.*

*Сто лет - и эта же картина.
Война опять стучится в двери.
Царь предан, вся страна в руинах,
Грабеж, цинизм и нету веры.*

*И вновь война, вновь мировая.
Страданья, боль, порыв, отвага...
В Берлине павшем отдыхая,
Мой дед сидит у стен Рейхстага.*

*Уж сколько раз отпор давали,
Свои границы защищая,
И сколько раз нас предавали?
А мы все верим, всех прощая.*

Е.И. СМИРНОВ

НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

▲ Полевой госпиталь

В мае 1939 года меня вызвали в Главное управление кадров Наркомата обороны. Заместитель наркома обороны по кадрам армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко, который меня принял, поинтересовался моей работой, расспросил о главных заботах. Я доложил, что за год своей работы в должности начальника медицинской службы окру-

га много внимания уделял состоянию мобилизационной работы, знакомился с ней в основных гарнизонах и одновременно тщательно изучал постановку и содержание лечебно-профилактической работы в частях и госпиталях.

— Хорошо, — сказал Ефим Афанасьевич, выслушав меня. — Будьте готовы к новому назначению. Зайдите завтра еще.

На следующий день кадровики мне сказали, что со мной хотят познакомиться в Центральном Комитете ВКП(б). Направился туда. Инструктор, который меня принял, сообщил, что я назначаюсь на должность начальника Военно-санитарного управления Красной Армии. Этого я совсем не ожидал, так как считал, что к исполнению такой ответственной ра-

Смирнов Ефим Иванович (1904-1989), (советский военный и государственный деятель, ученый в области здравоохранения, хирург, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР (1948), генерал-полковник медицинской службы (1943), Герой Социалистического Труда (1978). Лауреат Государственной премии. Родился 10 (23) октября 1904 в деревне Озерки, Нижегородской губернии. Окончил рабочий факультет в Омске (1928), Военно-медицинскую академию (1932), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1938). Трудовую деятельность начал в 1914, в возрасте 10 лет, работал батраком, разнорабочим на стекольном заводе. В 1928 призван в армию. С 1932 врач танкового батальона 32 механизированной бригады 11 мех корпуса. С февраля 1933 начальник 2-го отделения военно-санитарного отдела Ленинградского военного округа (ВО). С марта 1935 начальник курса Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. С апреля 1938 начальник санитарной службы Ленинградского ВО. В мае 1939 назначен начальником Военно-санитарного управления РККА. С 1941 по 1945 начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии. Только во время битвы под Москвой организовал развертывание 200 госпиталей. С 1946 по 1947 начальник Главного военно-медицинского управления Вооруженных Сил СССР. С февраля 1947 по декабрь 1952 министр здравоохранения СССР. Ему предстояло по поручению

Сталина навести в гражданской медицине столь же образцовый порядок, как и в военной. Задачу выполнил. С 1953 по 1985 занимал должности начальника Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, начальника Главного военно-медицинского управления Министерства обороны СССР, начальника 15-го управления (биологической защиты) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. С 1985 по 1987 военный консультант Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Основные труды посвящены организации и тактике военно-медицинской службы, истории военной медицины. Главный редактор научного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945» в 35 томах. Обосновал и ввел в практику систему специализированной медицинской помощи раненым и больным, что в период Великой Отечественной войны обеспечило возвращение в строй 73% раненых и свыше 90 % больных. Руководил разработкой системы санитарно-противоэпидемического обеспечения войск. Награжден 7 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 3 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1 ст., Отечественной войны 1 ст., 2 орденами Красной Звезды, медалями и иностранными орденами. Умер в Москве 6 октября 1989, похоронен на Новодевичьем кладбище.

боты не подготовлен. Окончив 7 лет назад Военно-медицинскую академию, я только три с небольшим года работал войсковым врачом в частях, а потом командовал курсом в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

Когда я сказал об этом, тут же последовал звонок к Е. А. Щаденко, и тот передал мне приказание немедленно явиться к нему.

Вторая беседа с заместителем наркома обороны проходила не в таких спокойных тонах, как первая. В основном я только слушал его. Доводы о моей неподготовленности не были приняты во внимание. Выяснилось, что одновременно со мной в Москву были вызваны опытные военные врачи — Иван Александрович Клюсс и Петр Миронович Журавлев, а почему из трех кандидатов

выбор пал на меня, Е. А. Щаденко мне разъяснил. Причина заключалась в том, что я окончил вечернее отделение Военной академии имени М. В. Фрунзе. Академия уже сыграла значительную роль в моей жизни, так как вскоре после ее окончания меня назначили начальником военно-санитарного отдела Ленинградского военного округа. Но если тогда в разговорах с начальством перед утвер-

ждением в новой должности академия не фигурировала, то сейчас это у Е. А. Щаденко было козырем более сильным, чем мои возражения.

Я просил заместителя наркома обороны обратить внимание на то, что один и тот же факт из моей биографии — окончание Военной академии имени М. В. Фрунзе — явился источником двух совершенно противоположных выводов, Наркомата обороны, с одной стороны, и моих собственных — с другой. Для руководства он послужил главным критерием оценки моей пригодности на предлагаемом посту. Для меня же полученные в академии знания не только расширили мой военный кругозор, но и заложили во мне убежденность в том, что ни по опыту врачебной деятельности, ни по военно-медицинским знаниям я не подготовлен к этой должности.

— Во всех войнах нашего прошлого, — пытался объяснить я Ефиму Афанасьевичу, — самым слабым узлом военного дела был военно-медицинский... Решить эту проблему может человек сильный, опытный, авторитетный.

— Решение о вашем назначении принято Маршалом Советского Союза Ворошиловым. — Щаденко встал, давая понять, что разговор закончен, и отрубил: — Мы не вправе обсуждать это. Так что возвращайтесь в Ленинград работать и ждите приказа... Все...

Из кабинета я вышел охваченный тревогой и сомнениями. Грядущая мировая война все яснее обозначалась на востоке и западе, близко от границ нашей страны. Японские милитаристы после неудавшейся в июле — августе 1938 года на озере Хасан военной провокации, направленной против нашей страны, часто нарушали границу Монгольской Народной Республики. На западе гитлеровская Германия в марте 1938 года присоединила к себе Австрию, затем оккупировала Судетскую часть Чехословакии, а через год, с молчаливого согласия западных держав, и всю страну. Она перестала существовать как самостоятельное государство.

▲ Бой в городе

Понимание того, что в случае войны на начальника медицинской службы РККА ляжет чрезвычайно большая ответственность за судьбы миллионов раненных в боях и больных, было главной причиной моего беспокойства. Я знал, что в первую мировую войну в русской армии санитарные потери составили 9 миллионов человек. Знал такие данные также по германской и французской армиям. Они тоже были потрясающими. Но к концу войны в армиях экономически развитых европейских стран и США резко возросло число танков и автотранспорта, позволявших осуществлять маневр сухопутными войсками, значительное развитие получили боевая авиация и автоматическое стрелковое оружие, легкая и тяжелая артиллерия. Однако мой опыт службы в войсках убедил меня в том, что многие командиры, которых я чтил и уважал за их героические подвиги в годы Гражданской войны, смотрели на будущие задачи медицинского обеспечения боевых действий войск в лучшем случае глазами участников Гражданской войны, а то и с позиций пациентов мирного времени.

Хочу в связи с этим рассказать о некоторых событиях первых лет моей службы в войсках.

В конце весны 1932 года, будучи младшим врачом 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии, я неожиданно получил предписание явиться на стажировку в войсковую часть, дислоцированную в Наро-Фоминске. Она оказалась механизированной бригадой имени К. Б. Калиновского. С группой военврачей я приступил к изучению танковых войск и их боевого применения. На меня и моих товарищей произвели ошеломляющее впечатление танкетки и танки, их маневренность, подвижность и огневая мощь. Это было такое усиление «царицы полей» — пехоты, о котором можно было только мечтать. Я знал кое-что о танках, принимавших участие в боях конца первой мировой войны, да и в Гражданской войне, но те обладали малой скоростью. Увиденные же теперь боевые машины показали нам куда более выгодными во всех отношениях, чем «тачанки-ростовчанки», которые были грозным оружием в конце Гражданской войны.

В бригаде были созданы все условия для того, чтобы мы как можно больше узнали о новом и могучем роде войск. По окончании стажировки я возвратился в Ленинград. Но стрелковый полк, в котором

▲ В полевых условиях

я служил младшим врачом, к моему удивлению, оказался в Детском Селе. Там я разыскал штаб, но никого из прежнего медицинского и строевого начальства не обнаружил. Мне предложили обратиться к начальнику штаба Н.Е. Алексееву, который временно исполнял и обязанности командира полка. Я был немедленно им принят. Он пожал мне руку, предложил сесть и, улыбаясь, сказал:

— Ну вот, как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком... — Встретив мой недоуменный взгляд, начальник штаба полка спросил: — Разве вы меня не помните?

— Извините, пожалуйста, если забыл, — сказал я. — В тридцатом году в Урюпинских лагерях довелось мне встретиться с командиром кавполка, фамилия которого была Алексеев. Но встреча была настолько мимолетной, что лицо его не запомнилось. Единственное, что осталось в памяти, — это бритая голова, как у вас, и орден Красного Знамени на груди.

Мой собеседник рассмеялся:

— Так я же это и был, я...

Конфуз, конечно.

Тогда в его полку я проходил стажировку, бывал на учениях, часто заканчивавшихся кавалерийскими атаками, когда врачи-стажеры только за умение держаться в седле с готовностью принимались в среду

командного состава полка как равноправные его члены. Там умение врача ездить верхом, как ни странно, ценилось куда выше, чем его медицинская подготовка. Поэтому новички, подобные мне, были в поле зрения командования полка и командиров эскадронов. Так что не случайно Никифор Ефремович Алексеев запомнил меня и узнал спустя два года.

Он сказал, что я назначен врачом 1-го танкового батальона, но должен исполнять обязанности начальника медицинской службы 32-й механизированной бригады 11-го механизированного корпуса, созданного в результате реорганизации 11-й стрелковой дивизии в период моей стажировки.

В скором времени прибыл комбриг Владимир Иванович Подшивалов. На петлицах у него был ромб. Человек плотного сложения, круглолицый, строевой командир и по внешности, и по своему внутреннему складу, он имел прямолинейный и открытый характер, был, как говорится, весь на ладони. В бригаде его побаивались, но и уважали за справедливость.

Вспоминается, как Владимир Иванович выступал с докладом о первой годовщине со дня создания корпуса. Корпус, как следовало из доклада,

сформирован для развития тактического успеха в оперативный. Войдя в прорыв, он в состоянии предупредить занятие тылового рубежа не только отходящими войсками противника, но и его резервами, которые, не ожидая встретить сильного противника, окажутся застигнутыми врасплох и не в состоянии будут организованно сопротивляться. А внезапность, быстрота и решительность действий обеспечивают победу. Но для этого, продолжал Подшивалов, нужно обладать искусством вождения танковых соединений, которое должно основываться, с одной стороны, на большой проходимости, высокой подвижности, маневренности и огневой мощи танков, с другой — на умении выбрать важнейшие объекты разгрома и уничтожения, потеря которых подрывает оборону противника. Вяizzlyваться частям и соединениям корпуса в бой для решения частных тактических задач недопустимо, за исключением тех случаев, когда объект хотя и не предусмотрен планом, но разгром его важен для решения главной задачи корпуса. «Мы этим искусством, — заключил докладчик, — пока что не владеем, но должны и будем владеть. Однако время не терпит, попусту его терять нельзя».

Я проникся к комбригу уважением, видел в нем человека, во многом не похожего на других людей, уравновешенных, спокойных, но не принимавших близко к сердцу ни человеческих радостей, ни их горестей. Нет, они не безразличны к окружающему, не эгоистичны. Ведь вопросы личных благополучия и успехов небезразличны многим людям. Суть в том, насколько они выражены и как отражаются на отношении к делу.

Не допустить ошибки в оценке человека, его деловых качеств, в частности умения взвешивать все «за» и «против», не так-то легко и просто. В военном и военно-медицинском деле эти качества имеют особое значение. Командиру и медицинскому начальнику вверяется жизнь людей, первому — здоровых, второму — пораженных в боях. Иногда здесь приходится рисковать во имя дела,

подвергать свою жизнь опасности. Узнать, кто на это способен, очень трудно, потому что человеческие и деловые качества не всегда бывают открыты для окружающих.

В одной из наших бесед В.И. Подшивалов сказал мне, что я, мол, проявляю интерес к танкам, их боевым свойствам, но не поделился до сих пор с ним знаниями о приемах и методах медицинского обеспечения танковых войск, полученными в бригаде имени К.Б. Калиновского.

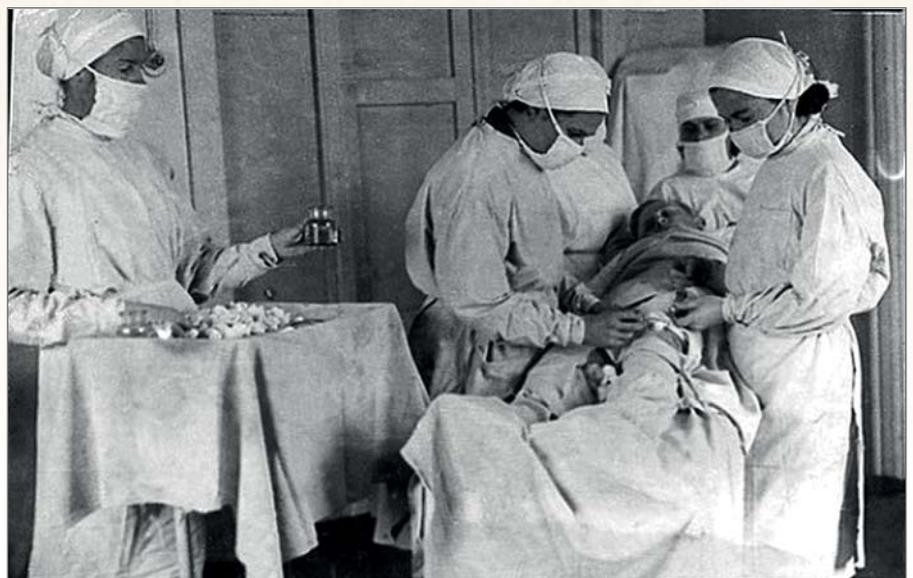
— Видите ли, товарищ комбриг, — ответил я на его упрек, — знания, полученные мной, увы, не отличаются исчерпывающей полнотой и ограничиваются двумя сугубо специфическими и узкими вопросами: как вытаскивать раненого танкиста из подбитой машины и эвакуировать раненых из танковых частей и соединений, действующих в тылу противника, в отрыве от пехоты. Начальник медицинской службы бригады, главный наш наставник, добросовестно раскрывал нам эту нехитрую премудрость, но военно-медицинских теоретиков, которые смогли бы поделиться мыслями о том, какой переворот произведут танки и авиация в природе общевойскового боя и операциях, а, следовательно, и в их медицинском обеспечении, там не было.

В ответ на это В.И. Подшивалов заметил, что в военном деле опережающее развитие имеют теория и практика поражения людей и только потом начинается изучение вопросов их предупреждения, в особенности множественных, а также смертельных исходов у искалеченных. С такой точкой зрения его я согласился лишь отчасти и напомнил ему из «Войны и мира» Л.Н. Толстого гневное письмо князя Багратиона Аракчееву, вызванное нежеланием Барклая удерживать Смоленск. В этом письме красной нитью проходит мысль, что Наполеон находился в мешке, что он потерял бы половину своей армии и не взял бы Смоленска. Потеря 4 000 солдат и офицеров не может служить оправданием отказу биться за Смоленск. Говоря о потерях, Багратион писал: «...хотя бы и десять, как быть? Война! Но зато неприятель потерял

бездну...» Нужно подчеркнуть, что автор романа не случайно вставил эти последние слова в текст письма Багратиона. Потери-то были в три раза больше, около 12 000 человек, из них больше половины раненых и контуженых. Я не случайно говорю об Отечественной войне 1812 года. Средства вооруженной борьбы в ней по тем временам не представляли собой чего-либо качественно нового. Потери же, понесенные войсками Багратиона, оборонявшими Смоленск 16 и 17 августа, свидетельствовали о сложности военно-медицинского дела. За 35 часов оборонительного боя потери ранеными составили более 6 000 из 15 000 сражавшихся и были слишком велики. Их легко назвать, но очень трудно оказать раненым первую врачебную помощь, организовать их лечение. Сколько нужно было иметь подвод, чтобы вывезти раненых из Смоленска? 1 500, если на каждую поместить по 4 человека! А сколько нужно было иметь временных военных госпиталей, чтобы оказать людям хирургическую и терапевтическую помощь? 30, если в каждом из них по 200 мест!

Это не хитрая, но и не такая уж простая арифметика. Зная ее, еще нельзя сказать, возможно ли вывезти всех раненых из Смоленска, имея в армии 1 500 подвод и 30 двухсоточечных временных госпиталей. Армия

около двух месяцев отступала и, соединившись с 1-й армией в Смоленске, собиралась сражаться за город. Для ее командующего приказание на отход из Смоленска в ночь на 18 августа было не по душе. Багратион готовился дать бой неприятелю. А это уже имело непосредственное влияние на медицинское обеспечение. Ни полевой генерал-штаб-доктор армии, ни директор госпиталей, подчинявшиеся дежурному генералу при начальнике штаба армии, не имели оснований вести эвакуацию раненых во что бы то ни стало, не теряя ни одной минуты. Они не боялись риска, что могут оставить раненых на милость врага. За их спиной стоял командующий со своим штабом. Это значит, что отделить чисто военное дело от военно-медицинского в условиях боевых действий войск очень и очень трудно. Но это еще не все, что не позволяет отделить чисто военные дела от военно-медицинских. Напомнил и то место в романе «Война и мир», где Пьер Безухов, следуя утром 25 августа из Можайска в действующую армию, встретил знакомого доктора, одного из руководящих медиков действующей армии. Между ними произошел разговор. Я не мог тогда передать его В.И. Подшивалову дословно, но за суть его ручался. Пьера Безухова интересовало, где находилась позиция наших войск. Доктор ответил, что это не по его ча-

▲ Операционная

▲ На передовой

сти. Вот каким было понятие военно-медицинского деятеля о военной медицине! Это ведь не что иное, как невежество. И это не художественный вымысел автора романа. Сославшись на свою некомпетентность в отношении позиций войск, доктор, однако, сказал Пьеру, что он их может увидеть с кургана у деревни Тутариново. На просьбу Пьера проводить его туда доктор ответил, что спешит к корпусному командиру, и тут же излил свою горечь по поводу того, что завтра, мол, сражение, ожидается 20 тысяч раненых и контуженых, а у них носилок, койко-мест, фельдшеров, врачей не хватит и на 6 тысяч человек.

Цифры, приведенные в романе, основаны на документальных данных и как нельзя лучше свидетельствуют об организационной сложности военно-медицинского дела и о трудностях подготовки медицинского обеспечения боевых действий войск, даже если к ним готовилось и военное, и медицинское руководство. Я имею

в виду не только гуманную сторону вопроса. Вовремя принять и во всех отношениях хорошо обслужить пострадавших солдат и офицеров само по себе слишком важно. Но, как показал опыт первой мировой войны, в русской армии раненые исчислялись миллионами. Были их миллионы и в немецкой, и во французской армиях. Первая мировая по организации медицинского обеспечения резко отличалась от войн мануфактурного периода. Важнейшей ее особенностью было сохранение людских ресурсов для пополнения действующих армий за счет восстановления боеспособности у пораженных в боях и больных.

Я напомнил тогда комбригу о потере в русской армии периода первой мировой войны и о том, что учет их был далеко не точен. Общие потери без больных составили более 8 миллионов человек, если учесть и действовавший Кавказский фронт. Из них более 4 миллионов приходилось

на раненых, контуженых, обожженных и отравленных боевыми химическими веществами. К числу безвозвратных потерь относятся и 200 тысяч человек, пропавших без вести, поскольку в своем абсолютном большинстве это, надо полагать, были тяжелораненые, которых не нашли санитары-носильщики.

Если учесть, сказал я, что в медицинских пунктах частей и лечебных учреждениях умерли от ран и от отравляющих веществ около 450 тысяч человек, то можно себе представить всю порочность организационной и чисто лечебной работы медицинской службы царской армии.

Исключительно высокой была и заболеваемость личного состава. Царская армия воевала три с половиной года. За это время заболевших и лечившихся в лечебных учреждениях было 5 миллионов человек. В целом же царская действующая армия лишалась в среднем за один год войны около 667 тысяч солдат и офицеров. Эта умопомрачительная цифра объяснялась многими причинами, о которых нужно помнить перед лицом новой войны. Главные из них: организация медицинской службы не отвечала характеру боевых действий; руководящий состав медицинской службы в мирное время не готовился к тому, что нужно уметь на войне; недооценивались значение подготовки медицинского персонала в мирное время к работе в условиях действующей армии и роль военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения как важных источников пополнения действующей армии обстрелянными в боях солдатами и офицерами. Если эти причины начинают устраняться только в ходе войны, то это обходится слишком дорого.

С этими моими доводами В.И. Подшивалов согласился, однако попросил объяснить, почему я только частично согласен с его мнением, высказанным в начале беседы.

— Танки, их вооружение ничего нового в структуру боевых санитарных потерь не вносят, — ответил я. — Пушки и пулеметы находились на вооружении армии и до появления

▲ Оппель Владимир Андреевич

▲ Пирогов Николай Иванович

танков. Ранят ли солдата из пулемета, находящегося в танке или в окопе, средства и методы его лечения будут одними и теми же. Это же относится и к пушкам. Что же касается характера общевойскового боя и боевых операций, то применение танков его неизбежно меняет, что ведет к расширению и углублению пропасти между военно-медицинским делом в условиях боевых действий войск и военным и гражданским здравоохранением мирного времени...

— Пожалуй, вы правы, — сказал, прощаясь со мной, комбриг.

...Мне нужно было готовиться к сдаче дел начальника военно-санитарного отдела Ленинградского военного округа. С большой неохотой и ощущением горечи предстоящего расставания с городом, сыгравшим большую роль в моей жизни, собирался я в Москву.

Ленинграду и ленинградцам я обязан очень многим. Их благотворное влияние чувствовалось в течение всей моей жизни. В 1928 году меня

приняли слушателем в Военно-медицинскую академию РККА. Годом позже я был переведен из кандидатов в члены партии, учась в академии, длительное время вел пропагандистскую работу на заводе «Красный выборжец». До академии мне удалось окончить рабфак с трехгодичным обучением, причем я не только учился, но и выполнял многочисленные общественные поручения: был секретарем игравшего большую роль в жизни рабфака исполнительного бюро студентов, при котором в числе многих комиссий была и экономическая, которую я возглавлял.

...И вот поздно вечером, в период белых ночей, зовущих ленинградцев на проспекты, улицы и набережные Невы, я сел в «Красную стрелу». Утром уже был в Москве, прибыл в Военно-санитарное управление и неуверенно сел в кресло начальника медицинской службы РККА (ВСУ).

Уже было сказано, что я не имел понятия об истории медицинского обеспечения боевых действий войск.

Мне с этим разделом военной медицины нужно было незамедлительно знакомиться. Один из профессоров Военно-медицинской академии, начальник кафедры хирургии В. А. Оппель много писал о военно-полевой хирургии и печатался в хирургических журналах, а также выпускал разного объема монографии. В этих трудах Владимир Андреевич резко критиковал положения Н. И. Пирогова, которые он изложил в «Началах общей военно-полевой хирургии», увидевшей свет в 1865 году, то есть спустя 10 лет после обороны Севастополя, где Николай Иванович возглавлял главный перевязочный пункт, а также в двухтомном труде «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг.», вышедшем в 1879 году.

Владимир Андреевич Оппель обладал прекрасной дикцией и был одаренным оратором. Его лекции слушались с большим вниманием. В аудиториях, в которых он высту-

пал с докладами на хирургические темы, свободных мест, как правило, не было. В этом немалую роль играл полемический характер его выступлений. Это всегда вызывает повышенный интерес, особенно когда острое спора направлено не против простого врача, а против «чудесного доктора» и ученого с мировым именем, каким был Н.И. Пирогов. Лекции и выступления Оппеля подтолкнули меня к тщательному изучению трудов Пирогова. Я начал с военно-медицинских его работ. Меня поражала хватка Пирогова в изложении своих мыслей. Он, рассматривая деятельность медицинских работников в учреждениях войскового и армейского районов, утверждал, что они не могут ограничиваться в хирургических вмешательствах только медицинскими показаниями и противопоказаниями. На них резко влияет

боевая обстановка, определяя объем этих вмешательств. Пирогов во время защиты Севастополя установил и другую закономерность, сводившуюся к тому, что не медицина, а администрация (санитары, санитары-носильщики, санитарный транспорт, полевые подвижные медицинские учреждения, временные и постоянные госпитали) играет главную роль в деле оказания медицинской помощи раненым на войне, во время боевых действий.

Говоря о влиянии боевой обстановки на хирургические вмешательства, он имел в виду, что потери возникают не одновременно и не равномерно в различных частях, соединениях и объединениях. Это-то он и называл травматической эпидемией. Положения, изложенные Н.И. Пироговым в «Началах общей военно-полевой хирургии», состав-

ляют основу не только военно-полевой хирургии, но и военной медицины целиком. Оспаривать, а тем более отвергать их, как это пытался мой учитель Владимир Андреевич Оппель, значит ставить знак равенства между военно-полевой и неотложной хирургией, между медициной вообще и военной медициной — в частности.

В самом деле, можно ли рассчитывать на высокий моральный дух тяжелораненого солдата, если сам он не в состоянии себе помочь, а ротный санитар появится неизвестно когда. Можно ли мотивировать сокращение хотя бы на одного человека в роте санитаров только тем, что рот много?

Тоже нельзя: один процент смертности среди солдат и офицеров, умерших на поле боя от кровотечения, составлял в среднем более 140 000 человек, а рот-то меньше в несколько раз. Это может делать только невежда в чисто военном деле, не говоря уже о военной медицине. Можно ли рассчитывать на большую результативность работы хирургов медико-санитарных батальонов и рот (в бригадах), если они оперируют раненых, поступивших к ним в своей основной массе к исходу суток после ранения? Нет, будет большая смертность и инвалидность! Можно ли было рассчитывать на хорошее медицинское обеспечение наступательных операций наших войск, в частности тех, которые несли большие боевые санитарные потери, в два и более раза превышавшие физические возможности личного состава медсанбатов, если начальник медицинской службы армии не располагает резервом сил и полевых подвижных госпиталей? Ответ однозначен.

Мы выиграли Великую Отечественную войну ранеными, из числа которых, а также других пораженных в боях было возвращено в строй 10 294 368 человек. Сообщаю читателям любопытный факт: у 25 солдат, принимавших участие в охране главных военных преступников на Нюрнбергском процессе, было 32 нашивки о ранениях! ■

▲ На Новодевичьем кладбище

